

Управляемые

Книга первая

Управляемые нуждой,
заполненные желанием.

К. Бромберг

Райли Томас привыкла держать все под контролем. Но она встретит единственного мужчину, который способен заставить ее наслаждаться потерей контроля... Я — исключение из правил. В мире, полном на все согласных женщин, я — вызов соблазнительному и невероятно привлекательному Колтону Доновану. Мужчине, который привык получать все, что хочет, во всех проявлениях жизни. Он — безрассудный плохиш, который постоянно скользит по краю тонкого лезвия, стремясь выйти за пределы, время от времени сбиваясь с курса. Колтон ворвался в мою жизнь как торнадо: ослабляя мой контроль, исследуя мои слабые места далеко за их пределами, и ненароком проникая под защитную стену вокруг моего исцеляющегося сердца. Разрывая на куски мир — со своим укладом, предсказуемостью и дисциплиной, который я так бережно восстановила. Я не могу ему дать то, что он хочет, а он не может дать мне то, в чем нуждаюсь я. Но после проблеска темных тайн его израненной души под его идеальной внешностью, как я могу заставить себя уйти? Наше сексуальное влечение бесспорно. Наша индивидуальная потребность в абсолютном контроле неопровержима. Но когда наши миры сталкиваются, достаточно ли будет влечения, чтобы соединить нас или наши невысказанные секреты и конфликт интересов разделят нас?

Содержание

Ты можешь преследовать свою мечту всю жизнь.

Этот путь никогда не будет лёгким, и, может быть, за ней придётся охотиться много лет.

На твоём пути возникнут препятствия, чтобы их преодолевать, и скептицизм окружающих, чтобы его игнорировать.

Будут периоды сомнений и моменты неуверенности.

Но ты всё преодолеешь.

И когда, наконец, коснёшься мечты всей своей жизни,

Независимо от того, сколько тебе будет лет, и где застанет тебя этот момент,

Держись за него крепче — наслаждаясь победой и чувством выполненного долга — и никогда не отпускай.

Во веки веков.

1 глава

Я вздыхаю в уютной тишине, благодарная за шанс спастись, даже если только на несколько минут, от высушивающих мозг бессмысленных разговоров по ту сторону двери. На самом деле, люди, ведущие эти разговоры, технически являются моими гостями, но это не означает, что я должна любить их или просто чувствовать себя комфортно рядом с ними. К счастью, Дейн сочувствующе отнёсся к необходимости дать мне время, позволив сделать за него всю рутинную работу.

Стук моих высоченных каблуков — единственный звук, сопровождающий мои основательно рассеянные мысли, пока я брожу по пустым закулисным коридорам старого

театра, который арендовала для сегодняшнего события. Я довольно быстро нахожу старую раздевалку и собираю записи, которые оставил Дейн и про которые позабыл во время нашей хаотичной попытки навести порядок перед вечеринкой. И, когда я решаю вернуться на вечеринку, мысленно пробегаю по контрольному списку того, что необходимо выполнить перед началом сегодняшнего, так давно ожидаемого, аукциона. Придира в глубине моего сознания говорит, что я кое о чём забыла. Рефлекторно тянусь к бедру, где в кармане с чётко составленным перечнем задач обычно лежит мой телефон, но всего лишь собираю в кулак горсть медно-красной органзы моего вечернего платья.

«Чёрт!» — бормочу я себе под нос, на мгновение останавливаясь, чтобы попытаться точно вспомнить, что же я упустила. Я прислоняюсь к стене, собранный в рюши лиф моего платья мешает мне расстроено вздохнуть. Даже при том, что выглядит оно невероятно, проклятое платье должно было продаваться с предупреждением: Внимание! Дыхание не предусмотрено!

Думай, Райли, думай! Прижимаясь лопатками к стене, я неловко переступаю вперёд-назад, пытаюсь облегчить давление на пальцы, мучительно сжатые туфлями на десятисантиметровых каблуках.

Аукционные списки! Мне нужны аукционные списки! Я широко улыбаюсь способности моего мозга так много держать в памяти, учитывая, насколько я загружена деталями, являясь, по сути, единственным координатором сегодняшнего события. С облегчением оттолкнувшись от стены, я делаю приблизительно около десяти шагов.

И слышу их.

Сначала по воздуху проплывает кокетливое женское хихиканье, а затем разносится глубокий мужской стон. Я мгновенно цепенею, шокированная дерзостью участников нашего мероприятия, когда слышу неповторимый звук расстегиваемой молнии, сопровождаемый напряжённым, знакомым женским вздохом: «О, да!» в тёмной нише буквально в нескольких метрах от себя. Мои глаза постепенно привыкают к темноте, и я могу различить чёрный смокинг, небрежно перекинутый через спинку стула, а также пару туфель на шпильках, валяющихся под стулом на полу.

Я замираю от мысли, что они могут меня обнаружить и узнать, что их подслушивают, и от собственного любопытства: кто же это настолько храбрый, чтобы творить подобные вещи? Я и за миллион лет не оказалась бы в этом алькове. Нет таких денег, чтобы заставить меня сделать что-то такое на публике. Мои мысли прерываются, когда я слышу шипящее дыхание, и последующий за ними мужской выдох: «Милостивый Иисус!»

От нерешительности я на мгновение зажмуриваюсь. Мне, на самом деле, очень нужны аукционные листы, которые ожидают меня в помещении для хранения в конце этих пересекающихся коридоров. К сожалению, единственный способ достигнуть нужного места — это пройти мимо алькова, который именно сейчас используется в качестве Закутка Любви. У меня нет вариантов, кроме как сделать это. Я возношу молчаливую молитву, что смогу проскользнуть незамеченной мимо их вопиющей нескромности.

И вот я несусь вперёд, держа запятанное румянцем лицо повернутым к противоположной от любовников стене, ступая на носочки, чтобы не дать каблукам стукнуть по деревянному покрытию пола. Ведь последнее, в чём я сейчас нуждаюсь — это привлечь к себе внимание и столкнуться с кем-то, кого знаю. Немой вздох облегчения вырывается из моей груди, когда моё тайное «цыпочное» передвижение успешно завершается, позволяя невидимой добраться до места назначения.

Я всё ещё пытаюсь идентифицировать голос женщины, пока достигаю нужной двери. Неуклюже возясь с её ручкой, торопясь, я, в конце концов, агрессивно дёргаю её на себя, открывая, а затем включаю свет. Пакет с нужными мне листами я положила на полку в дальней части комнаты, и я бегу туда, от растерянности позабыв, что открытое состояние двери нужно зафиксировать. И в тот момент, когда я хватаю ручки пакета, дверь за моей спиной захлопывается с таким грохотом, что хлипкие дешёвенькие стеллажи, скрежеща, содрогаются. Поражённая этим звуком, я бегу к двери в попытке её открыть и обнаруживаю, что рычаг на автоматически запирающемся шарнире разъединён.

Пакет тут же выпадает из моих рук. Звук его удара о бетонный пол, как и шорох рассыпавшихся листов, какофонией разносятся в ограниченном пространстве комнаты. Я пробую покрутить ручку — она вращается, но дверь не двигается ни на миллиметр. Паника уже лижет моё подсознание, но я подавляю её, снова со всей силы накинувшись на дверь. Безрезультатно!

— Дерьмо! — ругаю я себя. — Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! — ворчу громко, и, сделаю глубокий вдох, качаю в отчаянии головой. Мне ещё так много нужно сделать перед началом аукциона. У меня нет времени на недоразумения. И, конечно, у меня нет сотового, чтобы позвонить Дейну, с просьбой вытащить меня отсюда.

Не веря, я закрываю глаза оттого, что опять оказалась в ещё одной нелепой ситуации; моя Немезида сделала свой ход. Длинные, всепоглощающие пальцы клаустрофобии постепенно начинают когтями продираться в моё тело, оборачиваясь вокруг горла.

Сдавливая. Мучая. Лишая дыхания.

Кажется, стены маленькой комнаты начинают постепенно сходить, наступая на меня. Окружая. Душа. Я борюсь за каждый вздох.

Сердце бьётся с переборами, пока я пытаюсь остановить растущую в горле панику. Моё дыхание — неглубокое и частое — эхом отдаётся в ушах. Поглощая меня. Истощая способность подавлять преследующие меня воспоминания.

Я барабаню по двери, боясь, что потеряю ту толику контроля, которая у меня ещё есть. По-настоящему. Ручейки пота стекают по моей спине. Стены продолжают сдвигаться. Необходимость бежать — единственное, на чём может сосредоточиться моё сознание. Я снова бьюсь в дверь, отчаянно крича. В надежде, что кто-нибудь в этих пространственных коридорах услышит мои вопли.

Прислоняюсь спиной к стене, закрывая глаза и пытаюсь отдышаться — это получается не особо быстро, и всё вокруг кружится. Испытывая приступ тошноты, я начинаю сползать вниз и случайно задеваю выключатель. И оказываюсь в крошечной тьме. Истошно вопя, дрожащими руками нашариваю его и снова включаю свет, с облегчением загоняя монстров обратно в подполье.

Но когда опускаю глаза, вижу, что руки мои в крови. Я моргаю, пытаюсь отогнать наваждение, но ничего не получается. Я опять в другом месте. В другом времени.

Вокруг себя я чувствую едкий запах поражения. Отчаяния. Смерти.

В моих ушах слышится его мучительное нитевидное дыхание. Он задыхается. Умирает.

Я испытываю сильнейшую, пылающую боль, которая так скручивает внутренности, что начинаешь сомневаться, сможешь ли избавиться от неё когда-нибудь. Даже после смерти. Я слышу собственный крик, который вырывает меня из оцепенения, и я так дезориентирована, что не понимаю, из прошлого этот вопль или из настоящего.

Возьми себя в руки, Райли! Тыльной стороной ладоней я стираю слёзы со щёк и

обращаюсь к предыдущему году терапии в попытке сдержать свою клаустрофобию. Я концентрируюсь на отметине на противоположной стене, выравнивая дыхание, и начинаю медленно считать. Сосредотачиваюсь на том, чтобы отодвинуть от себя стены. Отогнать прочь невыносимые воспоминания.

Я считаю до десяти, по крупицам возвращая себе самообладание, но отчаяние всё ещё цепляется за меня. Я знаю, Дейн начнёт меня искать в самое ближайшее время. Он в курсе, куда я пошла, но эта мысль никак не помогает преодолеть мою панику.

В конце концов, первоначальное стремление вырваться на свободу побеждает, и я опять молочу по двери руками. Громко крича. Изредка извергая проклятия. Умоляя кого-нибудь услышать меня и открыть дверь. Спасти меня снова.

В моём изнурённом сознании секунды равны минутам, а минуты — часам. Я не знаю, сколько проходит времени, но ощущение такое, что я заперта в этой проклятой, неумолимо сужающейся кладовке вечность. Мой крик о помощи бесконечен. Чувствуя себя побеждённой, я снова кричу, опираясь предплечьями на дверь перед собой. Переношу весь вес на руки, опуская на них голову, и уступаю слезам. Сильные рваные рыдания яростной дрожью сотрясают моё тело.

И внезапно я понимаю, что падаю.

Падаю вперёд, но спотыкаюсь о твёрдую фигуру мужчины на своём пути. Мои руки оборачиваются вокруг непоколебимого торса, а ноги остаются неловко согнутыми где-то позади. Мужчина инстинктивно скидывает руки, подхватывает меня, обнимает, удерживает мой вес, поглощая удар от нашего столкновения.

Я поднимаю голову, выхватывая взглядом копну тёмных волос, как бы в беспорядке торчащих в разные стороны, бронзовую кожу, лёгкую щетину на лице... а затем натыкаюсь на его взгляд. Электрический удар — почти осязаемой энергии — пронзает меня, когда мои глаза встречаются с этими осторожными полупрозрачными зелёными радужками его глаз. В них быстро вспыхивает удивление, но интрига и интенсивность, с которой он оценивает меня, нервируют, несмотря на немедленную реакцию на него моего тела. Потребности и давно забытые желания наводняют меня от этого простого соприкосновения взглядов.

Как так получилось, что из-за совершенно незнакомого мужчины я позабыла панику и отчаяние, поглощавшие меня буквально пару секунд назад?

Я очень ошибаюсь, когда, разорвав зрительный контакт, ненароком смотрю на его рот. Полные, скульптурно очерченные губы сжаты, пока он пристально меня рассматривает, а потом они очень медленно растягиваются в кривую плутоватую усмешку.

О, как я хочу почувствовать этот рот на себе — где угодно и сразу везде. О чём я, чёрт побери, думаю? Этот парень совсем не из моей лиги. Да между нами сотни световых лет!

Я отвожу взгляд в сторону, успевая заметить, как веселье наполняет его глаза, как будто он прочёл мои мысли. Я чувствую, как от моего затруднительного положения и непристойных мыслей смущение медленной приливной волной затопляет лицо. Моя хватка на его мускулистых бицепсах усиливается, пока я опускаю свой слишком заинтересованный взгляд в попытке избежать его откровенной оценки и стараюсь восстановить душевное спокойствие. Пытаясь подняться на ноги, я случайно спотыкаюсь и снова утыкаюсь в своего спасителя; моему чувству равновесия серьёзно угрожают, так нечасто используемые мною, заоблачной высоты каблуки. Я отскакиваю от него, попутно проволочившись своей грудью о его твёрдый торс, отчего все мои нервные окончания начинают полыхать огнём. Крошечные взрывы желания шевелятся и щекочут меня где-то в глубине живота.

— О... хм... Простите, — я вскидываю руки, растерянно извиняясь. Шаг назад позволяет мне оценить его внушительные размеры; парень выглядит ещё более обезоруживающе. Несовершенное совершенство, чертовски сексуальный, с высокомерной ухмылочкой и аурой, источающей неприятности.

Он поднимает одну бровь, заметив, как внимательно я его изучаю.

— Не стоит извиняться, — произносит великосветским тоном с лёгким намёком на близкий предел вседозволенности. Голосом, на одном выдохе вызывающим образы мятежа и секса, добавляет:

— Я привык, что женщины падают к моим ногам.

От этой заносчивой интонации я высоко поднимаю голову. Я могу только надеяться, что он шутит, но загадочное выражение его лица ни о чём мне не говорит. Он видит мою реакцию, в его глазах появляется изумление, а затем его самоуверенная улыбка становится шире, углубляя и без того явную ямочку на его подбородке. Несмотря на сделанный шаг назад, я все ещё очень близко к нему. Слишком близко, чтобы собраться с мыслями, и достаточно близко, чтобы ощущать на своей щеке его дыхание, чувствовать чистый запах мыла, смешанного с тонким естественным ароматом парфюма.

— Спасибо. Благодарю вас, — задержав дыхание, отвечаю я. Я вижу, как бьётся жилка на его сжатой челюсти, пока он снова всматривается в меня. Почему этот человек заставляет меня нервничать и чувствовать себя так, будто я должна оправдываться за случившееся?

— Дверь захлопнулась за мной. Её заклинило. И я запаниковала...

— С вами всё в порядке, мисс...?

Я медлю с ответом, в то время как одна его рука охватывает мою шею сзади, притягивая ближе, но всё ещё не сдвигая с места. Другой рукой он проводит вверх-вниз по моему голому предплечью, я думаю, чтобы убедиться, что физически я не пострадала. Я чувствую, как обжигающее прикосновение кончиков его пальцев посылает искры по моей обнажённой коже, и вдруг остро осознаю, что его чувственный рот что-то шепчет напротив моего рта. Мои губы раскрываются, а дыхание прерывается, когда его рука гладит мою шею, а затем костяшками пальцев мягко спускается вниз по моей щеке. И у меня совсем не остаётся времени, чтобы как-то оценить своё замешательство, смешанное с изрядной долей желания, которое струится сквозь меня, когда я слышу его бормотание: «О, чёрт побери...» за секунды до того, как его рот оказывается на моём. Я задыхаюсь в полнейшем шоке, мои губы издают дрожащий звук, который сразу поглощает его рот, получая возможность ласково провести по моим губам языком, медленно проскальзывая между ними.

Я упираюсь в его грудь руками, пытаюсь противостоять непрошенному поцелую совершенно незнакомого человека. Пытаюсь сделать правильно, так, как подсказывает мне логика. Пытаюсь отрицать очевидное желание моего тела. Подавить потребность взять, как делает это он. Отказаться от запретов и позволить себе насладиться этим случайным моментом.

Наконец, в борьбе между жаждой и благоразумием побеждает здравый смысл, и мне удаётся чуть-чуть отстраниться от него. Его рот отрывается от моего, мы тяжело дышим в лицо друг другу. Его взгляд, дикий от похоти, настойчиво цепляется за мой. Мне трудно игнорировать ростки желания, цветущие глубоко в моём животе. Неистовый протест, кричащий в моей голове, тихо умирает на моих губах, поскольку я уступаю пониманию, что хочу этот поцелуй. Я хочу чувствовать то, чего была столько лишена — в чём я специально себе отказывала. Я хочу позволить себе действовать в этот момент опрометчиво и получить

«тот поцелуй» — из книг, в которых пишут об обретенной любви и потерянной добродетели. Ибо в глубине души я знаю, что этот поцелуй создан для меня.

— Решайся, сладкая, — приказывает он. — Мужчины — такие нетерпеливые создания.

Его предупреждение, а также сводящая с ума мысль, что такая простушка, как я, заставила такого мужчину потерять контроль — всё это сбивает меня с толку, запутывая, и так и не давая отказу слететь с моих губ. Он использует моё молчание в своих интересах, и похотливая улыбка приподнимает углы его рта, пока рука на моем затылке, сжимает меня сильнее. Вдох, и его губы обрушиваются на мои. Исследуя. Пробуя. Требуя.

Мое сопротивление бесполезно и длится всего пару секунд перед тем, как я сдаюсь ему. Мои руки безотчётно проводят по шероховатой небритости его щёк, двигаясь дальше, к шее, а пальцы запутываются во вьющихся волосах, спускающихся поверх воротника. Низкий стон рождается в глубине его горла, питая мою уверенность, призывая меня раскрыть губы и получить от него больше. Мой язык переплетается с его, танцуя. Медленный, обольстительный балет, подчёркнутый хриплыми стонами и задыхающимся хныканьем.

У его губ вкус виски. Его уверенность источает мятеж. Его тело рождает взрыв похоти в моей киске. Опасное головокружительное сочетание, сигнализирующее: он — плохой мальчик, и некая хорошая девочка должна от него бежать. А его настойчивость и искусное мастерство намекают на масштабы того, что можно получить в процессе. В голове возникают потрясающие образы: спина прогибается, пальчики ног оттягиваются, секс, во время которого сминаются простыни, — всё это, несомненно, так же захватывающе, как и поцелуй.

Несмотря на мое подчинение, я знаю, что это неправильно. Я слышу, как сознание требует, чтобы я остановилась. Потому что обычно я не веду себя подобным образом. Я совершенно не такая девочка. И с каждой продолжающейся лаской я предаю Макса.

Но, боже, как же невероятно хорошо я себя чувствую! Я хороню свою рациональность под всепоглощающим желанием, которое бушует в каждом нервном окончании моего тела. В каждом вздохе.

Его пальцы поглаживают заднюю часть моей шеи, в то время как его другая рука путешествует вниз, к моему бедру, каждым прикосновением попутно зажигая жаркие искры. Загибая мою руку, он прижимает её к моей пояснице, а меня — к себе. Претендуя на меня. Я чувствую его внушительную эрекцию, которая упирается в мой живот и посылает электрические разряды в мою промежность. От этого я становлюсь чертовски нуждающейся и жаждущей. Передвинув свою ногу, он вклинивается между моими ногами, надавливая на вершину моих бёдер, что вызывает во мне сильную боль-удовольствие. Я толкаюсь к нему ближе, мягко хныкая, поскольку жажду большего.

Я тону, ощущая его, но всё же не согласна прерваться даже на мгновение, чтобы глотнуть воздуха, в котором так отчаянно сейчас нуждаюсь.

Он покусывает мою нижнюю губу, пока его рука спускается по моей спине, сминая мой зад; удовольствие спиралью раскручивается внутри меня. Я царапаю коготками его шею, пока заявляю о своём претенциозном желании.

— Иисус, я хочу тебя прямо сейчас, — его хриплые придыхания между поцелуями усиливают боль, скручивающую мои мышцы ниже талии. Рука с моего затылка медленно спускается от шеи по ключице до груди, обхватывая её. Я издаю тихий стон от касания его пальцев, потирающих сквозь ткань платья затвердевшую вершинку моего соска.

Моё тело готово согласиться на его предложение, потому что я тоже хочу этого

мужчину. Я хочу чувствовать на себе его вес, ощущать трение его голой кожи о мою наготу и ритмичное движение его члена во мне.

Наши сплетенные тела натываются на небольшую нишу в коридоре. Он прижимает меня к стене, наши руки и ноги неистово охватывают друг друга, ощупывая и пробуя на вкус. Едва касаясь, стремительным движением он опускает руку вниз, к подолу моего коктейльного платья, находя выгодное положение, когда задевает кружевной верх моих высоких чулок.

— Милостивый Иисус! — бормочет он против моего рта, мучительно медленно ведя рукой по моей внешней стороне бедра к небольшому треугольнику кружева, который служит, скорее, художественным оформлением моему телу, нежели считается трусиками.

ЧТО? ТЕ САМЫЕ СЛОВА! Когда эта мысль, наконец, доходит до меня, я отшатываюсь словно вставая на дыбы, и изо всех сил давлю ему на грудь, пытаюсь оттолкнуть подальше. Это те же слова, которые я слышала ранее в темной нише в начале коридора. Они ушатом холодной воды обрушиваются на моё либидо. Какого чёрта? Что, к дьяволу, я делаю вместе со случайным парнем в случайном месте? И самый важный вопрос: почему это происходит сейчас, в разгар моего самого важного в этом году мероприятия?

— Нет. Нет, я не могу этого сделать, — делая шаг назад, я дрожащей рукой прикрываю распухшие от его поцелуев губы. Его изумрудные, затемнённые желанием, глаза впиваются в мои. В них моментально зарождается гнев.

— Слегка поздновато, сладкая. Выглядит так, будто ты уже это делаешь.

От его сардонического замечания по мне тут же проносится вспышка ярости. Мне хватает ума сообразить, что я — одна из многих его завоеваний за сегодняшний вечер. Я оборачиваюсь, и от его самодовольного взгляда мне хочется швырнуть ему в лицо пару оскорбительных замечаний.

— Кто, чёрт побери, ты думаешь, я такая? Чтобы так ко мне прикасаться? Использовать меня в своих интересах? — выплёвываю я в него, используя гнев, чтобы отогнать боль, которую сейчас испытываю. Даже не знаю, чем я расстроена больше: своим согласием подчиниться его напору или фактом, что он обманул меня, изобразив лихорадочное состояние, хотя на самом деле развлекался, убивая время? Или мне стыдно потому, что я поддалась его сногшибательным поцелуям и умелым пальцам, даже не зная его имя? Я никогда бы так не поступила при обычных обстоятельствах.

Раздражающий до бешенства факт: я не знала, на чьи действия больше сержусь — свои или его.

Он продолжает смотреть на меня, кипя от злости, с негодованием глядя мне в глаза.

— В самом деле? — насмехается он надо мной, склонив голову набок и потирая рукой свои губы, скривившиеся в снисходительной усмешке. Я слышу звук от трения его пальцев, скребущих по щетине. — Вот как ты решила поиграть? Разве ты не принимала активное участие в происходящем? Не ты ли почти рассыпалась только что в моих руках? — он язвительно смеётся. — Не обманывай своё маленькое чопорное самомнение, что ты не наслаждалась процессом. Что не хотела большего.

Он делает ко мне шаг, желание позабавиться и что-то ещё более тёмное пылает в глубине его глаз. Подняв руку, он проводит пальцем вниз по линии моей челюсти. Несмотря на естественную реакцию отодвинуться прочь, тепло от его прикосновения вновь воспламеняет тлеющую глубоко в моем животе жажду. Я молча костерю своё тело за такое предательство.

— Давай-ка проясним одну вещь, — рычит он мне. — Я. Никогда. Не. Беру. То. Что. Не. Предлагают. И мы оба знаем, сладкая, что ты себя предложила, — усмехается он. — Охотно!

Я рывком убираю свой подбородок от его пальцев, отчаянно желая быть тем человеком, который к каждому случаю может подобрать правильные, соответствующие слова. Но я не тот человек. Правильные слова обычно приходят ко мне спустя несколько часов, и остаётся только жалеть, что я не произнесла их вовремя. Я знаю, что позже так и случится, потому что сейчас я не могу придумать ни одной фразы, чтобы упрекнуть этого самоуверенного, но абсолютно точно выразившегося мужчину. Он уменьшил меня до состояния комка нервов, тянущихся к нему в просьбе, чтобы он прикоснулся ко мне снова.

— Эта ничтожная беззащитная фигня может сработать с твоим парнем, который считает тебя китайской фарфоровой вазой на полке, хрупкой и приятной на вид. Редко используемой, — он пожимает плечами. — Но признайся, сладкая: это скучно.

— Мой парень... — я запинаюсь. — Я не хрупкая!

— Неужели? — отчитывает он меня, поднимая руку, чтобы удержать мой подбородок на месте, пока вглядывается в мои глаза. — Ты просто думаешь, что ведёшь себя так.

— Отвали! — я дёргаю подбородком в сторону от его пальцев.

— Оооо, да ты маленькая злючка! — Его высокомерная улыбка очень раздражает. — Мне нравятся злючки, сладкая. От этого я хочу тебя намного сильнее.

Вот хрен! Я как раз собиралась заявить ему, какой он, по всей видимости, развратник. И то, что я в курсе о его «знакомстве», состоявшемся в укромном месте в коридоре незадолго до того, как он нашёл меня. В то время как я пристально смотрю на него, где-то в затылке настойчиво долбится мысль, что он напоминает мне кого-то, но я отталкиваю её. Я просто растерялась, вот и всё.

Я уже, было, начинаю открывать рот, как слышу за спиной голос Дейна, который зовет меня по имени. Меня затопляет облегчение, когда я оборачиваюсь и вижу, что он стоит в конце коридора и как-то странно на меня смотрит. Скорее всего, озадачен моими взъерошенным состоянием.

— Райли? Мне действительно нужны те списки. Ты забрала их?

— Я немного отвлеклась, — бормочу я, оглядываясь на мистера Высокомерие позади себя. — Я уже иду. Просто я... подожди меня, ладно?

Дейн кивает мне, а я поворачиваюсь к открытой двери хранилища и быстро собираю разбросанные по полу листки так изящно, как только это возможно, и засовываю их в пакет. Я выхожу из хранилища, избегая встречаться с изумрудными глазами, и направляюсь к Дейну. Тихо вздыхаю, довольная оттого, что возвращаюсь на знакомую территорию, когда слышу голос позади себя:

— Наш разговор ещё не закончен, Райли.

— Чёрта с два не закончен, А.С.Е. (прим. Заносчивый, Самовлюбленный Эгоист) — бросаю я через плечо; в голове мелькает мысль, насколько идеально подходит ему эта аббревиатура. Я торопливо спускаюсь в зал, распрямив плечи и высоко подняв голову, в попытке сохранить свою гордость целой и невредимой.

Я быстро дохожу до Дейна, моего самого близкого доверенного лица и соратника по работе. Беспокойство запечатлено на его мальчишеском лице, пока я подхватываю его под руку, утаскивая назад, в сторону вечеринки. Как только мы проходим через закулисную дверь, я с облегчением выдыхаю, с удивлением обнаруживая, что задержала дыхание на всё это время, и прислоняюсь к стене.

— Что, чёрт побери, с тобой случилось, Райли? Ты выглядишь как сексуальный беспорядок, — его глаза оглядывают меня сверху донизу. — И имеет ли это отношение к тому Адонису, который стоял рядом с тобой?

Здесь всё имеет отношение к Адонису, хочу сказать я Дейну, но почему-то не говорю.

— Не смейся, — говорю я, глядя на него с осторожностью. — Дверь в хранилище захлопнулась, и её заклинило, а я застряла внутри.

Дейна душит смех, и он смотрит в потолок, чтобы сдержаться.

— Это могло случиться только с тобой!

Я по-дружески толкаю его в плечо, радуясь, что вернулась на знакомую почву:

— На самом деле, это не смешно. Я запаниковала. Испытала приступ клаустрофобии. Свет погас, и это вернуло меня к аварии. — В его глазах вспыхивает беспокойство. — Я разволновалась. Тот парень услышал мои вопли и освободил меня. Это всё.

— Неужто всё? — с сомнением спрашивает Дейн, рассматривая меня подозрительно сощурившимися глазами, поскольку знает меня достаточно долго. Я киваю:

— Да. Я просто действительно потерялась, где-то на минуту. — Ненавижу лгать ему, но сейчас это самый верный способ действовать. Чем увереннее я буду это утверждать, тем быстрее он отстанет.

— Ладно. Жаль, потому что, девочка, тот парень был чертовски хорош! — Я смеюсь над ним, в то время как его рука охватывает меня в быстром объятии. — Иди, освежись. Передохни, а затем ты будешь нужна нам, чтобы пообщаться с гостями и поболтать. У нас есть около тридцати минут до начала аукциона.

Я вглядываюсь в себя в зеркало в ванной комнате. Дейн прав — я выгляжу ужасно. Моими стараниями разрушена большая часть кропотливой работы моей соседки по комнате, Хэдди, возившейся с моими волосами и макияжем весь вечер. Я беру бумажное полотенце и пытаюсь стереть остатки туши с лица, чтобы хоть как-то ликвидировать нанесённый ущерб. От слёз мои глаза цвета аметиста приобрели красные круги, и лучше мне не удивляться, почему моя помада уже не идеально обрисовывает контур губ. Пряди каштановых волос выпали из-под заколки, а шов на платье ужасно перекошило.

Я слышу глухие басы музыки с другой стороны стены. Они служат фоном для голосов, принадлежащих сотням сегодняшних потенциальных жертвователей. Я глубоко вздыхаю и на мгновение прислоняюсь к раковине.

Мне понятно, почему Дейн подверг сомнению мой рассказ о произошедшем, и что мистер Высокомерие не имеет к этому отношения. Я выгляжу совершенно растрёпанной!

Я поправляю своё платье, чтобы декольте в форме сердца приняло нужную форму, приводя положение моих больше-чем-достаточно «девушек» в правильное. Провожу руками по бёдрам, там, где ткань плотно облегает мои изгибы. Начинаю заправлять выбившиеся из пучка волосы, но затем останавливаюсь. Волнистые завитки возвращаются к прежнему состоянию, и я решаю, что мне нравится, как эффект от них смягчает мой внешний вид.

Я лезу в сумочку, которую принёс мне Дейн, чтобы освежить макияж. Немного туши к моим естественно густым ресницам, и карандаша для подводки глаз. Ну вот, глаза уже выглядят лучше. Не суперкруто, но лучше. Я смыкаю губы, чтобы распределить помаду по всей их поверхности, тру одну об другую и, затем, промокаю их.

Получилось не так хорошо, как у Хэдди, но всё равно неплохо. Что ж, я готова присоединиться к веселью.

2 глава

Зал сверкает драгоценностями, дизайнерскими платьями и блеском известных имён, и я наблюдаю за знаменитостями, светскими львами и филантропами, заполняющими сейчас старый театр. Сегодняшний вечер — кульминация большей части моих усилий за прошедший год. На этом мероприятии сформируются новые фонды, средства от которых откроют нам новые возможности.

И я выхожу из своей зоны комфорта.

Дейн отвлечённо закатывает глаза, глядя, как я пересекаю холл, потому что знает, что я охотнее оказалась бы сейчас в «Доме», с мальчиками, в своих обычных джинсах и с «конским хвостом» на затылке. Я позволяю призраку улыбки украсить мои губы, пока киваю головой на его молчаливое согласие, прежде чем взять с подноса официанта фужер шампанского.

Моя голова всё ещё зациклена на событии, которое я охотно допустила за кулисами, и на жалящем знании, что я не первая, кого мистер Высокомерие зацепил этим вечером. Я ошеломлена своими нетипичными действиями и сконфужена болью, которую испытываю. Конечно, как я могу ожидать от мужчины, который ищет быстрый взрыв удовольствия, каких-то чувств ПОСЛЕ, кроме как преувеличения его и без того раздутого эго.

— Вот ты где, Райли! — прерывает мои мысли чей-то голос.

Я поворачиваюсь и вижу своего босса. Медведеподобного человека почти два метра ростом и с сердцем больше, чем у всех, кого я когда-либо встречала. Этого достаточно, чтобы он походил на большого плюшевого мишку.

— Тедди, — говорю я ласково, склоняясь к его руке, которую он кладет мне на плечо в кратком объятии. — Похоже, всё складывается хорошо, как думаешь?

— Всё благодаря твоим титаническим усилиям. Из того, что я слышала, могу судить, чеки выписываются всюю.

Его губы трогает кривая улыбка, отчего брови шевелятся:

— И всё это ещё до начала аукциона.

— То, что аукцион — успешный способ собрать деньги, не означает, что я должна согласиться с его существованием, — неохотно признаю я, пытаюсь не походить на скромницу. Эту дискуссию мы начинали бесчисленное количество раз в течение последних нескольких месяцев, определяя дату проведения торгов. Даже если это ради благотворительности, я просто не понимаю, почему женщины готовы продавать себя на аукционе, пусть и по самой высокой цене. Не могу утверждать, но думаю, что получившие лот захотят больше, нежели просто свидание, в обмен на стартовую цену от пятнадцати тысяч долларов.

— Это не похоже на бордель, Райли, — увещевает меня Тедди. Он обходит меня, глядя поверх моего правого плеча, когда кто-то из гостей привлекает его внимание. — О, а вот тот, с кем я хотел бы тебя познакомить. Здесь всё ему близко и дорого. Он — один из сыновей нашего председателя, кто... — Тедди прерывает своё объяснение, поскольку предмет обсуждения уже рядом. — Донован! Рад тебя видеть! — душевно восклицает он, пожимая

руку человеку за моей спиной. Я оборачиваюсь, готовая познакомиться с новым гостем и натываюсь на ошеломлённый взгляд мистера Высокомерие.

Ну, дерьмо! Как получилось, что, несмотря на свои двадцать шесть лет, я вдруг начинаю ощущать себя едва достигшим половой зрелости угловатым подростком? Полчаса вдали от него никак не ослабили моего притяжения к его опаляющей внешности, равно как и его запрещённого влияния на моё либидо. Примерно сто восемьдесят сантиметров его великолепной фигуры скрыты виртуозно сшитым на заказ черным смокингом, который кричит о богатстве, а моё знание о том, что под жакетом находится подтянутый торс, заставляет меня прикусить нижнюю губу от нежелательной потребности. И всё же, несмотря на его магнетизм, я всё ещё в ярости.

В моей голове опять вспыхивает понимание, что он выглядит знакомо, напоминает кого-то, кого я знаю, но шок от встречи с ним прогоняет эту кружащуюся в сознании мысль.

Он ухмыляется мне, его веселье очевидно, и всё, о чём я могу думать — как ощущались эти губы на моих. Как ощущалось прикосновение его, держащих сейчас стакан пальцев, на моей голой коже. О крепости и длине его тела, прижатого к моему.

И как распушенно он «знакомился» с другой женщиной за несколько минут до того, как прийти мне на помощь и унижить меня в моих глазах.

Нацепляя на лицо фальшивую улыбку, я впиваюсь взглядом в Донована, поскольку ничего не подозревающий Тедди обращается к нему.

— Я рад кое-кого тебе представить. Она — движущая сила всего того, что ты видишь здесь сегодня вечером. — Тедди поворачивается ко мне, кладя руку на мою поясницу. — Райли Томас, познакомься...

— Мы уже встречались, — говорю я, нежно прервав его, сладость так и сочится из моих слов, пока я им улыбаюсь. Тедди странно смотрит на меня, поскольку неискренность мне не свойственна. — Хотя, спасибо за представление, — продолжаю я, переводя взгляд от Тедди к Доновану и протягивая руку для рукопожатия, как будто он просто один из множества потенциальных благотворителей.

Отводя глаза от меня и моего ненормального поведения, Тедди сосредотачивается на мистере Высокомерие:

— Вы всем довольны?

— Весьма, — произносит тот задумчиво, выпуская, наконец, мою руку из затянувшегося пожатия. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть, когда слышу его ответ. Как не может он быть доволен собой? Заносчивый ублюдок. Может, мне выйти на сцену и провести среди женщин опрос, как в школе, чтобы выяснить, кого он ещё не поимел?

— Вы успели попробовать наше угощение? На сегодняшнее мероприятие Райли смогла заполучить, на благотворительных началах, одного из самых популярных шеф-поваров Голливуда, — поясняет Тедди, как всегда, стараясь быть безупречным хозяином.

Донован смотрит на меня, забавляясь, в его уголках глаз появляются морщинки:

— Да, мне удалось попробовать кое-что, пока я бродил за кулисами. — Я втягиваю носом воздух, слыша грязный намёк в его голосе, в то время как он переводит свой взгляд на Тедди. — Это было довольно неожиданно, но вполне изысканно, — бормочет он. — Спасибо.

Я слышу, как кто-то зовёт Тедди по имени, и его глаза снова с любопытством обращаются ко мне, перед тем как звучат извинения.

— Прошу прощения, мне нужно отлучиться на минутку, — Тедди поворачивается к

Доновану. — Было очень приятно повидаться. Спасибо, что пришли.

Мы оба согласно киваем, после чего он уходит. Нахмурившись, я поворачиваюсь на каблуках, чтобы уйти от Донована, потому что хочу стереть его и память о нём из моего вечера. Его рука молниеносно смыкается вокруг моего обнажённого предплечья, дёргая на себя с такой силой, что всей своей задней частью я оказываюсь прижата к стальной длине его тела. От прикосновения к нему моё дыхание на миг прерывается. Я оглядываюсь вокруг, радуясь, что все полностью погружены в свои разговоры, и мы не привлекаем к себе ничего внимания.

Я чувствую, как подбородок Донована задевает моё плечо, когда его лицо склоняется к моему уху:

— Отчего вы так обозлены, мисс Томас? — резкий холод в его голосе предупреждает меня, что он не из тех мужчин, кого легко запутать. — Это потому, что у тебя не получается отринуть свои высоколобые представления и признать, что, несмотря на то, о чём твердит голова, твое тело хочет взбунтоваться и свернуть с проторенной дорожки? — он усмехается, продолжая низко, покровительственно рычать прямо мне в ухо. — Или ты так практикуешь фригидность, лишая себя всего, чего хочется? В чем нуждаешься? Что чувствуешь?

Ощетиниваюсь, я безуспешно пытаюсь освободить руку из его крепкого захвата. Слова волка в овечьей шкуре. Я всё ещё дёргаюсь, когда мимо нас проходят двое гостей, внимательно на нас глядя. Пытаюсь, видимо, определить, что между нами происходит. Донован отпускает моё предплечье, ласково потирая место захвата, что со стороны создаёт впечатление любовных поглаживаний. И, несмотря на мою ярость, или, может быть, из-за неё, его прикосновения вызывают мириады чувственных ощущений везде, где касаются его пальцы. Вслед за ними моя кожа покрывается мурашками.

Я ощущаю, как его дыхание опять щекочет мою шею:

— Это так возбуждающе, Райли, — знать, что ты так отзывчива к одному только моему прикосновению. Очень опьяняет, — шепчет он, проводя пальцем по моему голому плечу. — Ты знаешь, что хотела бы понять, почему твое тело так реагирует на мои действия. Думаешь, я не видел, как ты раздевала меня глазами, наслаждаясь, когда трахала меня своим ртом?

Я задыхаюсь, когда он кладет руку мне на живот и тянет, крепко прижимая к себе мою спину, так что я могу чувствовать своим задом доказательство его возбуждения. И, вопреки моей ярости, осознание, что я заставляю этого мужчину так реагировать, дурманит меня. Но, опять же, он, вероятно, реагирует так на многочисленных женщин, которые, без сомнения, регулярно падают к его ногам.

— Тебе повезло, что я не утянул тебя назад в то хранилище, в котором нашёл, и не получил всё, что ты мне предлагала. Заставляя выкрикивать моё имя, — он мягко кусает меня за ухо, и я изо всей силы душу, грозящий вырваться из моих глубин стон от неподдающегося контролю желания. — Трахнуть тебя и исключить из моего списка. А затем двигаться дальше, — заканчивает он.

Никто и никогда не говорил так со мной — невозможно было представить, что я позволила бы такое, — но его слова и напор, с которым он их произнес, неожиданно всё переворачивают во мне.

Я злюсь на своё тело из-за непрошенных реакций на этого напыщенного мужлана. Вне всякого сомнения, он знает, как держать сущность женщины в повиновении, и, к сожалению, сейчас это моя сущность. Я достаточно честна с собой, чтобы признать, что Донован заставляет кипеть мою кровь, но его высокомерие чертовски раздражает. И я знаю, что тоже

причастна к происходящему, полностью, но прямо сейчас его поведение — это то, что толкает меня к сопротивлению.

Я медленно поворачиваю к нему лицо, прищуривая глаза. Мой голос холоден как лёд:

— Самонадеянно, не находишь, Ас? Несомненно, твоя типичная модель поведения — трахнуть и бросить?

Его глаза расширяются в ответ на мою неожиданную вульгарность. Или, возможно, он просто удивлен, что я его так быстро раскусила. Я удерживаю его пристальный взгляд, моё тело дрожит от гнева:

— Сколько женщин ты пытался соблазнить сегодня? — я в отвращении поднимаю брови, в то время как призрак вины мимолётно отражается на его лице. — Что? Разве не знал, что я случайно наткнулась на тебя и твое первое завоевание сегодня вечером в небольшом алькове за кулисами? — глаза Донована расширяются, когда он слышит мои слова. А я продолжаю, наслаждаясь удивлением, написанным на его лице. — Неужели она играла с тобой в твою же игру, Ас, и оставила жаждущим большего? Желая уязвить побольнее, доказывая, что такой мужчина, как ты, не смог её удовлетворить? Отчего тебе пришлось довольствоваться безумной женщиной, запертой в хранилище, чтобы использовать её в своих интересах? Нет, честно, скольких женщин ты использовал сегодня согласно своей дерьмовой линии поведения? На скольких ты попытался оставить свою метку?

— Ревнуешь, сладкая? — он поднимает брови, и на его лице вспыхивает высокомерная ухмылка. — Мы всегда можем закончить то, что начали, и ты можешь пометить меня любым способом, каким пожелаешь.

Я аккуратно просовываю между нами руку, толкая его в грудь. Мне бы хотелось стереть ухмылку с его лица. Пометив его таким образом.

— Сожалею, но я не собираюсь впустую тратить своё время на такого ничтожного женоненавистника, как ты. Пойди, найди кого-нибудь...

— Осторожнее, Райли, — предупреждает он, хватая меня за запястье, выглядя при этом так же опасно, как и угроза, которая слышна в его голосе. — Я не потерплю оскорблений.

Я пытаюсь выдернуть запястье из его руки, но он не отпускает меня. Для любого в этом зале всё выглядит так, будто из чувства привязанности я кладу ему руку на сердце. Они не могут чувствовать стальную силу его власти.

— Тогда слушай, — выдаю я ему, устав от этой игры и раздирающих меня эмоций и ощущений. Меня душит гнев. — Ты хочешь обладать мной только потому, что я первая женщина, которая сказала «нет» твоему великолепному лицу и приди-и-трахни-меня телу. Ты так привык, что каждая, кого встречаешь, падает к твоим ногам — это намеренный каламбур, — поэтому, если встречаешь женщину с другой реакцией, ту, у которой иммунитет на твои чары, уже не знаешь, как на это реагировать.

Он выпускает моё запястье, и, несмотря на то, как беспечно пожимает плечами, я понимаю, что он раздражён.

— Когда мне нравится то, что я вижу, я следую за этим, — бесцеремонно заявляет он.

Качая головой, я закатываю глаза:

— Нет, просто тебе необходимо доказывать себе, что ты можешь заполучить любую девушку, попадающуюся на твоём пути. Твое эго уязвлено. Понимаю, — я снисходительно хлопываю его по руке. — Ну, не переживай, Ас. А я выхожу из игры.

Он поднимает бровь, призрак улыбки появляется на его губах, как будто он находит что-то смешное в моих словах. Мышцы его челюсти немного сжаты, пока мгновение он

пристально смотрит на меня.

— Давай прямо сейчас проясним кое-что, — он медленно наклоняется к моему рту, оказываясь всего в нескольких сантиметрах; блеск в его глазах предупреждает меня о том, что я зашла слишком далеко. — Если захочу, я смогу и поймаю тебя в любом месте и в любое время, сладкая.

Я фыркаю самым неблаговоспитанным способом, удивленная его дерзостью, всё же пытаюсь проигнорировать то, как от его слов ускоряется мой пульс.

— Не стоит зарекаться, — глумливо тяну я, поспешно пытаюсь откреститься от недавнего прошлого.

Его рука поднимается и опять хватается жёстким объятием моё предплечье, притягивая меня к нему, так что я снова оказываюсь очень близко. Я вижу, как на его шее бьется пульс. Могу чувствовать, как при вдохе и выдохе трётся о мою руку ткань его пиджака. Я смотрю на его руку поверх моей, и на угрожающий блеск в его глазах, пока он всё ещё крепко держит меня. Он приближает своё лицо к моему, и я чувствую, как его дыхание щекочет мою щёку. Я отворачиваюсь от него, не уверенная, с каким чувством хочу поднять подбородок ему навстречу: бросая вызов или ожидая поцелуя.

— К счастью для тебя, я азартный человек, Райли, — его резонирующий голос опускается до шепота. — Мне, на самом деле, время от времени, нравится принимать вызов, — заявляет он провоцирующе, озорная улыбка играет в уголках его рта. Он выпускает моё предплечье, лениво проводя пальцем выше по плечу. Мягкое царапанье его пальца по голой коже посылает волну дрожи по моей спине. — Поэтому давай заключим пари, — он останавливается и мимолётно кивает кому-то знакомому, возвращая меня к действительности, потому что с ним я забыла, что мы находимся в зале, полном людей.

— Неужели мама не учила тебя, что если леди говорит «нет», значит, она действительно имеет в виду «нет», а, Ас? — в свою очередь поднимаю я бровь, изображая презрение на лице.

Прежняя вкрадчивая ухмылка в полную силу расцветает на его губах, пока он кивает, подтверждая мою реплику:

— Она также учила меня, что если я чего-то хочу, должен добиваться этого, пока не получу желаемое.

Прекрасно! Теперь у меня появился сталкер. Красивый, сексуальный и очень раздражающий сталкер.

Он тянется к моей шее и начинает поигрывать выбившейся прядкой моих волос. Я стараюсь оставаться безучастной, несмотря на нестерпимое желание закрыть глаза и погрузиться в шёпот его пальцев по моей коже. Его ухмылка говорит мне, что он точно знает, какой эффект производит на меня его близость.

— Ну, что, Райли, как насчёт пари?

Я ощетиливаюсь от его предложения. Или, возможно, это из-за его влияния на меня?

— Это глупо...

— Я уверен, к концу ночи, — он обрывает меня, поднимая руку, — ты согласишься на свидание со мной.

Я громко смеюсь, отстраняясь от него:

— Ни единого чёртова шанса, Ас!

Он делает большой глоток из своего бокала, сохраняя на лице непроницаемое выражение.

— Тогда чего ты боишься? Что не сможешь устоять передо мной? — он вспыхивает грешной улыбкой, когда в ответ я выпучиваю на него глаза. — Если нет — соглашайся. Что ты теряешь?

— Ты добьешься свидания, и твоё израненное эго исцелится, — я равнодушно пожимаю плечами, не желая быть и малейшей частью всего этого. — Что же получу я, если соглашусь?

— Если ты выиграешь...

— Ты имеешь в виду, если я смогу устоять перед твоим ослепительным очарованием, — резко отвечаю я голосом, полным сарказма.

— Позволь мне перефразировать. Если ты сможешь сопротивляться моему ослепительному очарованию до конца вечера, тогда я пожертвую на твоё дело, — он небрежно щёлкает пальцами в воздухе, — скажем, двадцать тысяч долларов.

Я изумлённо вдыхаю, глядя на него в недоумении, потому что на такое я могла бы согласиться. Я знаю, что не существует того дерьмового варианта, в котором я уступлю Доновану или его очаровательной хитрости высокомерного ублюдка. Согласна, я попала в его дразнящие сети на пару мгновений, но это случилось только потому, что я очень давно не чувствовала ничего подобного. Очень давно никто меня так не целовал. Так не цеплял.

А если задуматься, я вообще никогда в своей жизни не испытывала подобного трепета, как с Донованом. Но, с другой стороны, я знаю, что меня ещё ни разу не целовал мужчина, губы которого всё ещё горели от поцелуев другой женщины.

Я бесстрастно разглядываю его, пытаюсь рассчитать вероятную выгоду. Возможно, я не получу ничего. Может быть, он настолько самоуверен, что действительно считает себя непобедимым. Точно знаю одно: сегодня вечером я собираюсь увеличить наш благотворительный фонд на двадцать тысяч долларов.

— Разве пари не воспрепятствует твоему поиску других потенциальных постельных компаньонов? — я останавливаюсь, изучая зал. — Звучит не слишком перспективно, Ас, учитывая, что ты можешь заполучить как минимум двух прямо сейчас.

— Думаю, я справлюсь, — он громко смеется. — Не беспокойся обо мне. Я способен решать сразу несколько задач одновременно, — язвит он, пытаюсь побить меня в моей собственной игре. — К тому же, вечер только начался, и, по моим данным, счет пока один-ноль. Второе очко ещё не разыграно, — он выгибает брови дугой. — Не думай об этом слишком много, Райли. Это всего лишь пари. Простое и понятное.

Я складываю руки на груди. Это лёгкое решение. Всё, что угодно для моих мальчиков.

— Лучше готовь свою чековую книжку, Ас. Для меня нет ничего приятнее, чем доказать такому высокомерному ублюдку, как ты, что он неправ.

Он делает ещё один глоток, не отрывая своего взгляда от моего:

— А ты уверена, что верна себе.

— Давай просто скажем, что мой самоконтроль — это то, чем я горжусь.

Донован снова делает шаг в мою сторону.

— Самоконтроль, да? — бормочет он, в его глазах пляшут черти. — Кажется, мы уже проходили это, Райли, и твоя теория не подтвердилась. Я был бы рад проверить её снова, хотя...

Мышцы в моем лоне сжимаются от обещания возможного, боль, опаляющая его, просит облегчения. Почему я реагирую как девчонка, никогда прежде не знавшая прикосновений мужчины? Может быть, потому, что никогда не знала прикосновений этого мужчины?

— Ладно, — говорю я ему, протягивая руку для рукопожатия. — Пусть будет пари. Но,

предупреждаю — я не проиграю.

Он, в свою очередь, тянет свою руку, пожимая мою, широкая улыбка освещает черты его лица, изумрудные глаза искрятся отчаянной смелостью:

— Я тоже, Райли, — бормочет он. — Я тоже.

— Райли, мне жаль прерывать вас, но вы нужны нам прямо сейчас, — произносит голос позади меня. Я оборачиваюсь и вижу Стеллу, на её лице паника. Я снова смотрю на Донована:

— Прошу меня простить, я нужна в другом месте, — я чувствую неловкость момента, не уверенная, что ещё должна сказать или сделать. Он кивает мне:

— Мы обо всём поговорим позднее.

Я ухожу, понимая, что не уверена: его ответ — угроза или обещание?

3 глава

Я сижу за кулисами в состоянии смятения после аукциона, и моё сознание ещё не оправилось после этого мероприятия. Последние полтора часа были размытым пятном. Очень успешным пятном, надо признать, но за него пришлось очень дорого заплатить — прежде всего, моим достоинством.

В последнюю минуту выяснилось, что одна из участниц нашего «аукциона свиданий» заболела. Не имея никого в запасе, кто бы согласился участвовать в программе с заданным и заверенным печатью количеством «лотов», я просила, подкупала и упрашивала каждую девушку из своего персонала решиться и сыграть эту роль. Все, кто непосредственно не был занят в проведении торгов, были либо замужем, либо имели постоянных партнёров.

Все, кроме меня.

Я жаловалась, умасливала и даже умоляла, но, по иронии судьбы, чем весьма были довольны мои сотрудники, я стала «лотом» номер двадцать два. Поэтому мне пришлось смириться и принести себя в жертву ради общего дела, игнорируя какое-то ощущение, кричащее из моего подсознания, которое я даже не могла точно идентифицировать.

И поверьте мне, я ненавидела каждую грёбаную минуту этого действия! Начиная от открытия в стиле конкурса красоты — дефиле по сцене в статусе трофея — под улюлюканье и свист аудитории, и до вялого объявления ведущим стоимости каждого лота. Огни софитов так ослепляли, что разглядеть людей в зале было невозможно, только смутные силуэты. Моё пребывание в центре внимания на сцене было затуманено замешательством, заполнено звуком сердцебиения, врывающегося в уши, и страхом, что выступающий от жара рамповых огней пот пометит подмышки моего платья.

Уверена, если бы я была по ту сторону сцены, я сочла бы комментарии ведущего интересными, участие аудитории покоряющей, а глупые выходы участниц аукциона, пытающихся набить себе цену во время продажи, — забавными. Я бы следила за повышением доходов нашего фонда с каждым проданным лотом и гордилась бы своими сотрудниками и успешным итогом нашего вечера.

Вместо этого, я сижу за кулисами, делая глубокие вздохи и пытаюсь разобраться, что же, чёрт возьми, только что произошло.

— Ты молодец, Ри! — в голосе Дейна, пробирающегося ко мне мимо других согласившихся продаться двадцати четырех участниц, я слышу смех, вызванный моим

затруднительным положением. Покинув сцену, девушки складывали в свои сумочки небольшие презенты, которые мы подарили им в знак признательности за участие в сегодняшнем мероприятии.

Я впиваюсь в Дейна взглядом, моё раздражение из-за непосредственного участия в аукционе очевидно. Он посылает мне широкую зубастую ухмылку, стискивая в безответном объятии. Я же сердита. Я прямо-таки озлоблена! Бл*дская ночь! Сначала оказалась запертой в хранилище, потом неосознанно и опрометчиво попала в список завоеваний мистера Высокомерие, а под конец подверглась унижению, будучи купленной, как высокосортная говядина на мясном рынке!

Не могу поверить в легкомыслие женщин, сейчас меня окружающих. Они оживлённо обсуждают своё выступление на сцене, хвастаясь суммами, которые за них заплатили. Я благодарна им за участие, в восторге от результата торгов и в полном изумлении от их энтузиазма.

Я вспоминаю, как обвиняла этот вечер в чопорности, и отмечаю своё прежнее мнение.

— Это было отвратительно! — жалуясь я, недоверчиво качая головой, пока Дейн сочувственно смеётся надо мной. — Всё, чего я сейчас хочу, это большой бокал — неа, на хрен бокал — бутылку вина, немного шоколада и сбросить это фиговое платье и каблуки к чёртовой матери.

— Если это всё, что потребуется, чтобы увидеть тебя раздетой — я бы давным-давно уже принёс тебе вино и шоколад.

Я глазами мечу в него молнии, не находя в его комментарии ничего забавного:

— Жаль, что у меня нет необходимого инструментария, чтобы удовлетворить тебя.

— Мяу! — мурчит он, кусая губу, чтобы подавить смех. — О, милая, для тебя это, должно быть, было ужасно, госпожа Держите-меня-подальше-от-центра-внимания-любой-ценой! Посмотри на себя, — он присаживается рядом со мной, охватывая меня рукой и притягивая к себе. Я кладу голову ему на плечо, наслаждаясь успокаивающим дружеским чувством. — По крайней мере, тебя купили за цену выше изначально запрашиваемой.

— Ты придурок! — я гневно отстраняюсь от Дейна, пока он по-детски смеётся надо мной, потирая руки оттого, что знает моё больное место. Если честно, до сих пор без понятия, сколько стоит моя «успешная аукционная заявка», потому что на сцене я была слишком занята, слушая безумное сердцебиение, заполняющее голову.

Сказать, что моё эго не волнует, за сколько я была продана, — лёгкое преуменьшение. Даже при том, что я терпеть не могу сам процесс, какая женщина не захочет узнать, что думает о цене свидания с ней мужская аудитория? Особенно после моего опыта ранее вечером.

— Для чего же ещё нужны друзья? Это я про конкурентную борьбу ставок и следующее за ней упорство твоего потенциального поклонника, — он с шумом выдыхает, в его глазах искрится смех, — и последующую за этим всеобщую схватку...

— О, помолчи уже! — смеюсь я, впервые расслабляясь от его подшучиваний. — Нет, правда, сколько денег я добыла?

— Эй, ты послушай себя! Большинство женщин на твоём месте в первую очередь поинтересовались бы: «Как много мужчин претендовало на меня?» — Дейн имитирует высокий претенциозный голос, вынуждая меня хихикать. — А затем они спросили бы: «Насколько горячим будет моё свидание?»

Я поворачиваюсь к нему, выгибая брови дугой, так, как обычно обращаюсь к своим

воспитанникам, требуя или быстро ответить или скрыться:

— Ну!

Когда он не отвечает, уставившись на меня в притворном ужасе, я принимаю вид одной из плаксивых ноющих женщин:

— Дейн, мне нужны детали!

— Моя дорогая, ты продана... — я имитирую трепет в ожидании его слов. Он продолжает: — Прости, свидание с тобой этим вечером стоило двадцать пять тысяч долларов.

Что?! Святое дерьмо! Я ошарашена. Я в курсе, что стартовая цена составляет пятнадцать тысяч, но неужели кто-то заплатил за меня на десять тысяч больше? Гордость и чувство собственной значимости поднимают меня на небывалую высоту, частично исцеляя ущерб, нанесённый ранее Донованом моему эго.

Я пытаюсь найти объяснение поведению незнакомца, который потратил такие деньги на свидание со мной — и не могу. Должно быть, это один из высокопоставленных людей из правления, работавших вместе со мной. Это было единственное правдоподобное объяснение. Подавляющая часть женщин, побывавших сегодня на сцене, была частью элитного благотворительного общества Голливуда: в зале у них у всех были друзья или родственники, чтобы поддерживать их участие в аукционе. Но не у меня.

Единственный вывод, к которому я прихожу — это кто-то, с кем я работала совместно, чтобы добиться обоюдной выгоды. Только это объясняет внушительность потраченной суммы. Мне льстит, что один из членов Совета или организационного комитета думает обо мне достаточно хорошо, чтобы выложить за свидание со мной такие деньги. Я вздыхаю и расслабляюсь, предполагая, что или пойду на свидание с овдовевшим пожилым джентльменом, или, возможно, вообще никуда не пойду. Может же быть, что человек просто хочет пожертвовать нам под благовидным предлогом солидную сумму, позволив мне саботировать свидание. Какое облегчение! Я, признаться, слегка волновалась по поводу этого условия. Представляя, что кто-то, купивший меня, будет настаивать на большем в обмен на своё щедрое жертвование, — фу!

— Так ты видел, кто купил мой лот?

— Прости, милая, — отвечает Дейн, поглаживая моё колено. — Парень был далеко в стороне. А я находился за сценой. Я не видел его.

— О. Ну ладно, — разочарование заполняет мой голос, поскольку я снова начинаю волноваться.

— Не беспокойся. Я уверен — это какой-нибудь дяденька из Совета... — он замолкает, понимая, что подразумевается под его словами: мною могут заинтересоваться только пожилые одинокие стариканы. Дальнейшие его высказывания пронизаны осторожностью, потому что Дейн сейчас очень хорошо понимает — я всё ещё в режиме суки. — Ты знаешь, о чём я, Ри. Они все любят тебя. И много сделают, чтобы оказать тебе поддержку. — Он внимательно на меня смотрит, соображая, что пора бы остановиться, вместо того чтобы углубляться в эту тему.

Я громко вздыхаю, давая ему понять, что прямо сейчас нахожусь в сверхчувствительном состоянии. По моим наблюдениям, большинство участниц аукциона уже покинули закулисы.

— Ну, дорогая моя, я должен вернуться на вечеринку.

Я встаю, расправляю платье и морщусь от боли, когда мои ступни снова сдавливают

туфли.

— Про себя могу сказать, что мои обязанности на сегодняшнем вечере перевыполнены. И я готова пойти домой, чтобы в комфорте и тепле наесться шоколада и напиться вина, расположившись на уютном диванчике в пушистом халатике.

— Ты не хочешь дождаться и увидеть, сколько пожертвований мы соберём за ночь? — спрашивает Дейн, вставая и следуя позади меня.

Мы проходим мимо ниши, в которой ещё недавно мы с Донованом целовались, и я краснею, отворачивая от Дейна лицо, чтобы у него не возникло вопросов по поводу моего смущения.

— Я попросила Стеллу сообщить мне итоговую сумму, когда в конце вечера она всё подсчитает, — я открываю дверь, ведущую из-за кулис в зал, где продолжается вечеринка. — Мне необязательно присутствовать здесь для этого... — с сомнением произношу я, проходя в дверь, и вижу Донована, который стоит, небрежно прислонившись к стене, и рассматривает толпу. Он — тот человек, который везде чувствует себя непринуждённо, независимо от окружения. Он источает ауру грубой силы, смешанной с чем-то более глубоким, с чем-то тёмным, что я не вполне могу описать. Мерзавец. Мятажник. Безрассудный. Эти три определения неоновым светом мигают в моём сознании: несмотря на презентабельный внешний вид, суть Донована просто кричит о его проблемности.

Дейн врзается в меня сзади, поскольку я резко останавливаюсь, когда глаза Донована, сканирующие зал, встречаются с моим взглядом.

— Райли! — укоряет меня Дейн, пока не обнаруживает причины моей внезапной остановки. — Ну, дерьмо, это не из-за мистера Задумчивость? Что происходит, Ри?

Я закатываю глаза, вспоминая глупое пари.

— Высокомерие вне себя, — бормочу я ему. — Мне надо кое-что решить, — бросаю через плечо. — Скоро вернусь.

Я иду к Доновану, более чем зная, что его глаза отслеживают каждое моё движение, и в то же время раздражаясь от необходимости иметь с ним сейчас дело. Наш взаимный стёб был забавным способом скоротать вечер, от будоражащих точек соприкосновения в одном до полного разочарования в другом, но вечер закончился, и я хочу пойти домой. Игра окончена. Он отрывает свои плечи от стены, выпрямляя поджарое тело, пока я иду к нему. Уголки его рта немного приподнимаются вверх, в то время как он пытается оценить моё настроение.

Я подхожу к нему и поднимаю руку, останавливая его прежде, чем он начнёт говорить:

— Послушай, Ас, я устала и чувствую себя действительно погано. Как раз сейчас то время, которое я называю ночью...

— И как раз то самое время, когда я собирался предложить тебе прокатиться по таким местам, о существовании которых ты даже не подозревала, — произносит он сухо, с призраком улыбки на губах, и выгибая бровь. — Ты не представляешь, что пропускаешь, сладкая.

Я громко фыркаю, отбрасывая все приличия:

— Ты так охрененно издеваешься надо мной? Хочешь сказать, женщины выстраиваются в очередь перед тобой?

— Я уязвлён, — ухмыляется он, с глазами, полными веселья, якобы от боли прикладывая руку к сердцу. — Ты была бы удивлена тем, как мой рот знакомится поближе с этой очередью.

Я в шоке плююсь на него. У этого человека вообще нет скромности.

— У меня нет времени на твои детские забавы. Я была вынуждена вытерпеть унижение из-за своего худшего кошмара и разозлена больше, чем ты можешь себе представить. И прямо сейчас я особенно не хочу иметь дело с тобой.

Если он и потрясён моей пафосной речью, то очень хорошо это скрывает, поскольку его лицо остается безразличным, за исключением жилки, пульсирующей на сжатой челюсти.

— Люблю женщин, которые говорят всё как есть, — тихо бормочет он себе под нос.

Я кладу руки на бёдра, продолжая:

— Таким образом, через десять минут я иду домой. Вечер закончился. Я выиграла наше дурацкое пари, поэтому приготовь чек и заполни его, ведь сегодня ты идёшь домой с полегчавшими карманами.

Его губы причудливо изгибаются весёлой ухмылкой.

— Если быть точнее — на двадцать пять тысяч долларов, — невозмутимо добавляет он.

— Нет, мы договаривались на двадцать... — я замираю, и пока на его губах расцветает улыбка, до меня медленно доходит. О, бл***! Он купил мой лот. Мало того, что он торговался за меня, он предложил самую высокую цену и победил. У него официально есть право на свидание со мной.

Я скрежещу зубами и поднимаю голову к потолку, медленно вдыхая и пытаюсь успокоиться.

— Нет, нет-нет! Это полная фигня, и ты знаешь об этом! — я впиваюсь в него взглядом, потому что он собирается заговорить. — Покупка на аукционе не входила в нашу договорённость! Я не согласна на такое! — я выбита из колеи и взбешена, до такой степени, что разумность почти покинула меня.

— Пари есть пари, Райлс.

— Меня зовут Райли, ты, придурок! — выплёвываю я ему. Кем, к дьяволу, он себя возомнил? Сначала покупает меня, а затем думает, что может дать мне прозвище? Я понимаю, что сейчас во мне бушует неразумное женское начало Медузы Горгоны, но в данный момент меня это абсолютно не волнует.

— В последний раз, когда я обращал на это внимание, сладкая, моё имя было не Ас! — парирует он, слегка оправдываясь. Звук его голоса проходит по мне как наждачная бумага. Он небрежно прислоняется к стене, как будто каждый день ведёт подобные разговоры.

Его беззаботность питает мою ярость.

— Ты сжульничал! ТЫ — ТЫ — АРРРРР! — жесточайшее расстройство душит мою способность сформировать последовательные мысли и говорить полными предложениями.

— У нас как-то совсем не было времени, чтобы обрисовать в общих чертах какие-то правила или соглашения между нами, — он поднимает брови, пожимая плечами. — Ты была далеко от меня. Отсутствие договорённости сделало игру справедливой. — Его улыбка раздражает. Веселье в его опьяняющих зелёных глазах приводит меня в ярость.

Вот дерьмо! Я хочу как-нибудь по-умному с ним поспорить, но получается только изобразить гуппи: я несколько раз беззвучно открываю и закрываю рот, не в силах произнести ни слова.

Он отталкивается от стены и шагает в мою сторону. Меня окутывает его особенный аромат.

— Мне думается, я просто доказал, что, на самом деле, ты иногда проигрываешь, Райлс, — он убирает с моего лица выпавшую прядь волос, от победоносной улыбки одинокая

ямочка на его подбородке углубляется. Я отскакиваю от его прикосновения, но он крепко держит рукой мой подбородок. — Я с нетерпением жду нашего свидания, Райли, — он водит большим пальцем по моей щеке и наклоняет голову, пока обдумывает своё следующее высказывание. — Больше, чем какого-либо свидания в своей жизни.

На мгновение я прикрываю глаза, откидывая голову.

— О, господи, — со вздохом срывается с моих губ. Какая невероятная ночь!

— Так вот на что это будет похоже?

Я открываю глаза, смущённая его комментарием, и вижу ошеломлённое выражение его лица.

— Что? — рявкаю я, мой вопрос резок, как проклятие.

— Эти твои слова: о, господи! — передразнивает он меня, ведя пальцем вниз по моей скуле. — Теперь я точно знаю, как будет звучать твой голос, пока я буду находиться глубоко в тебе.

Я в шоке разеваю рот от его дерзости, а самонадеянность его слов изумляет меня. Его надменная улыбка наждаком проходится по моим вконец изношенным нервам. Заносчивый козёл! К счастью, членораздельно высказать своё негодование я ещё могу:

— Ну и ну! А ты высокого мнения о себе, да, Ас?

Он засовывает руки в карманы, с ухмылкой, господствующей на его лице. Он наклоняется ко мне, в его взгляде — непристойность, а шёпот звучит пугающе.

— Ох, сладкая, обо мне, безусловно, есть что подумать. — Его тихий смех посылает холодные мурашки по моему позвоночнику. — Я буду на связи.

И с этими словами мистер Высокомерие поворачивается и уходит, не оглянувшись. Я наблюдаю за ним и его широкими плечами, пока он не исчезает в толпе, и, наконец, выдыхаю, удивляясь, что не заметила, как не дышу.

Да пошёл он и его сексуальный рот, и его великолепные зеленые глаза в обрамлении густых ресниц, и его ловкие руки и его... его... да весь он целиком! Тьфу! Я трясусь от злости на него.

И на себя. Донован самонадеян, и слишком уверен в себе, и просто счастлив быть альфа-самцом. Для меня нет ничего более привлекательного в мужчине, чем это. Но прямо сейчас я раздражена на него, поскольку он проник мне под кожу. Я пока не понимаю, хорошо это или плохо, но знаю, что та моя часть, которая умерла одним ужасающим днём два года назад, подала сегодня признаки жизни.

С того самого момента, когда Донован прикоснулся ко мне.

Я всё ещё стою на месте, пытаюсь осмыслить неожиданные события этого вечера, и через пару минут понимаю две вещи. Во-первых, я не собираюсь соблюдать наше соглашение. А во-вторых, в глубине души, несмотря на моё верное решение, я знаю, что состоявшийся только что разговор не будет последней встречей с Донованом.

4 глава

Я отстукиваю по столу нервный ритм, пока просматриваю сайт нашей компании-учредителя. У меня столько других дел, которые я должна сделать прямо сейчас, но вместо этого я рассматриваю фото всех председателей нашего правления, а также членов оргкомитета.

Никак не могу определить, чей сын Донован, и это по-настоящему начинает меня раздражать. Я не знаю его фамилии, и это не помогает сложить все части головоломки вместе. Я пожалела, что сказала сотрудникам, что они могут сдать мне документы через несколько дней. Я действительно пыталась быть хорошей после всей той тяжелой работы, которую взвалила на них. В противном случае, я бы уже знала ответ. Я знаю, что могла бы позвонить Стелле или Дейну, и узнать фамилию человека, который купил свидание со мной, но тогда они догадаются, что что-то произошло, потому что обычно подобные вещи для меня не были важны. Не хотелось бы открывать шлюзы, доверившись этим двум сплетникам.

И что более важно — я раздражена на себя за то, что волнуюсь по поводу такого мужчины, как он.

— Потаскун, — бормочу я себе под нос.

Потом тру усталые глаза и провожу пальцами по волосам, обхватывая себя за плечи. Громко выдыхаю, истощённая этими долгими утомительными выходными.

Смотрю на часы. У меня осталось пятнадцать минут до того, как я должна буду уехать в «Дом», заступать на свою суточную смену.

Мой компьютер пиликает, и я открываю свой почтовый ящик. Адрес мне незнаком, но я могу предположить, кто это. Опять всё сначала. Я нажимаю на письмо, потому что заголовок темы вызывает моё любопытство.

Кому: Райли Томас

От кого: Ас

Тема: Закулисные связи

Райлс...

Ты открыла бы моё письмо, если в теме было бы написано «Свидание с лицом, предложившим самую высокую цену»?

Я так не думаю.

Ты должна мне свидание.

Сообщи, когда будешь свободна, чтобы я мог всё распланировать.

У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы ответить. Иначе...

Ас.

Я тяжело вздыхаю, от смущения и облегчения. Еще я раздражена его нелепым ультиматумом. Причём, больше всего я раздражена на себя. Почему, даже решив, что не буду с ним встречаться, я радуюсь его письму, как легкомысленная школьница? Как будто крутой популярный чувак заметил обычную неловкую девчонку. После того как раздел главную черлидершу позади открытой трибуны.

Боже, как он меня нервирует! Я смотрю на часы, чтобы удостовериться, что у меня ещё есть время для ответа.

Кому: Ас

От кого: Райли Томас

Тема: Язык проглотил?

Ас...

Ультиматум, так?

Тебе не стоит задумываться над строкой в заголовке письма. Должна ли я волноваться о том, сколько подобных писем с тем же самым требованием ты разослал другим своим «завоеваниям» с вечера субботы?

Райли-и-и.

Я улыбаюсь, отправляя письмо, и рисую в голове выражение его лица в этот момент. Его улыбку. Изумрудные глаза. Он может разрушить мой контроль. С момента аукциона прошло два дня, и мне интересно: что, если моя память преуменьшает «преступление» Донована? Заставляя его поведение казаться менее оскорбительным, чем оно действительно было. Прежде, чем я успеваю обдумать эту мысль, входящее письмо в моём почтовом ящике приводит меня в боевую готовность.

Кому: Райли Томас

От кого: Ас

Тема: Галантность не мертва

Райли-и-и...

Джентльмен никогда не рассказывает о своих подвигах на любовном фронте, Райлс. Ты должна знать это.

Когда ты думаешь обо мне, удостоверься, что понимаешь: мои требования приведут к твоему удовольствию.

И ты так и не ответила на мой вопрос. Пари есть пари. Время платить по счетам, сладкая.

Ас.

От его ответа я смеюсь вслух. Возможно, если я проигнорирую его вопрос, то он просто отстанет. Удачи мне с этим! Несмотря на всю мою ненависть к его игре, я понимаю, что улыбаюсь, печатая ответ. Я для него — вызов, простой и ясный. Если бы я согласилась на свидание с ним, или, может быть, даже если продолжила целоваться с ним в том коридоре, не отступая, он не дал бы мне возможности задуматься о происходящем. Он сделал бы своё грязное дело и ушёл, не оборачиваясь.

Кому: Ас

От кого: Райли Томас

Тема: Примадонны и желтые птички

Ас,

Я где-то читала, что мальчику нужна лесть многих девочек, чтобы быть

удовлетворенным, тогда как джентльмену достаточно обожания всего одной женщины. Согласно одному этому определению ты — не джентльмен. Это означает, что тебе можно смело растрезвонивать, как канарейке, о своих любовных связях.

Кроме того, свидание — **ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОРОЖЕ** моего уровня оплаты.

Райли.

P.S. О, и не волнуйся, я не думаю о тебе. Вообще.

Получи! Думаю, я горжусь своим остроумием, невзирая на откровенную ложь в последнем предложении. Я стою, собирая вещи и приводя в порядок стол. Когда я уже готова выключить компьютер, мой почтовый ящик извещает меня ещё об одном письме.

Кому: Райли Томас

От кого: Ас

Тема: Тебе нужно повышение

Райли,

Я джентльмен, но далеко не нежен. На самом деле, я думаю, тебе немного любопытно, насколько мне это нравится. Переступи черту, Райлс — и я буду держать твою руку и упиваться, заставляя тебя терять самообладание, которым ты так гордишься. Я буду каким угодно, кроме как нежным.

Я обещаю. Ты никогда не познаешь своих пределов, пока не подойдёшь к ним вплотную.

И если ты отказываешь мне помогать в этом, мне, вероятно, придётся взять решение этого вопроса в свои руки. Может быть, доверить кому-то управление — это то, что ты хочешь? В чём действительно нуждаешься?

Ас.

— Эгоистичный придурок! — бормочу я, отключая компьютер, потому как отказываюсь ему отвечать. Как будто он знает, чего я хочу или в чём нуждаюсь. Но, несмотря на мой гнев, его слова отражаются во мне, многократно повторяясь, больше раз, чем мне бы хотелось.

По дороге в «Дом» звонит телефон. По определённым причинам, я в отвратительном настроении, и всю вину за это могу возложить на Донована и его чёртовы письма. Чтоб он провалился за то, что опять вызвал во мне желание и потребность, и плотскую жажду. Я бросаю взгляд на экран телефона и не могу сдержать громкий стон.

Это Хэдди, моя лучшая подруга и соседка. После событий субботнего вечера я успешно избегала её и её пресловутого инквизиторского дознания. К счастью, у неё были дела, которые помешали ей находиться дома, потому что после одного раунда её вопросов ей стало бы известно всё, что произошло.

— Привет, Хэд!

— Рай! Где ты была? Ты избегаешь меня! — выговаривает она мне.

Блин, произнесено всего несколько слов, а она уже принялась за меня.

— Нет, ничего подобного! Просто мы обе были очень заняты...

— Чушь собачья! — возражает она. — Я разговаривала с Дейном, и в курсе событий.

Почему ты не разбудила меня и не рассказала обо всём, когда пришла домой?

Я бледнею, представляя, что мог ей поведать Дейн, и потом понимаю, что, вероятно, она имеет в виду аукцион.

— Потому что ничего, кроме абсолютного унижения, не произошло. Это было ужасно.

— О, не думаю, что так уж и плохо, — саркастически заявляет она. — По крайней мере, в результате ты получила горячее свидание. Кто он?

Я закатываю глаза, поворачивая на подъездную дорожку к «Дому»:

— Некий парень...

— Ну, естественно. Рада, что это не некая девушка, иначе бы всё обернулось чем-нибудь иным. — Она смеётся над своей шуткой, и я тоже не могу сдержать улыбки от моей дорогой подруги. — Раскрой уже тайну!

— В самом деле, Хэдди, не о чем рассказывать. — Я слышу её хохот из трубки. — О, ты думаешь это не так? Я уже подъехала к «Дому». И должна идти.

— Подходящая отмазка, Рай. Не волнуйся, я вытяну из тебя подробности завтра, когда ты вернёшься с работы. — Меня передёргивает от обещания Хэдди Монтгомери раскопать детали. Она об этом не забудет.

— Послушай, я не знаю этого парня, — уступаю я, надеясь, что, если предоставлю ей какую-то информацию, она будет удовлетворена и не станет совать свой нос дальше. — Тедди познакомил нас до того, как я стала участницей аукциона. Его зовут Донован, и он сын одного из наших председателей. Это всё, что я знаю, — меня передёргивает от такого вопиющего умалчивания лучшей подруге.

В голосе Хэдди с другого конца линии слышится гул одобрения, и я точно знаю, какое выражение сейчас на её безупречном лице: маленький нос сморщен пуговкой, а губы сложены сердечком, пока она пытается определить, правду ли я говорю.

— Я, правда, уже на работе, Хэд. Мне надо идти. Люблю тебя. Пока, — произношу я наши обычные слова прощания.

— Я тебя тоже. До встречи.

Когда я подхожу к «Дому», там, как обычно, царит хаос. Я перешагиваю через шесть мешков с книгами, в беспорядке сваленных на лестничной площадке. Пока я иду мимо спален вглубь дома, из одной я слышу музыкальные композиции «Топ 40», а из другой доносятся звуки ссоры.

Через открытые окна с задней стороны дома я улавливаю, как мяч ударяется о бейсбольную перчатку, и знаю, что это Кайл и Рики в своей обычной погоне за выигрышем. В любую минуту один из них может начать жаловаться, что у другого — ужасные намерения. Они будут спорить, а потом перейдут к следующей забаве, играя в «Бакуган» или сражаясь в бейсбол на Wii[1].

Я иду в большую комнату, и слышу Скутера, который сидит рядом с моим коллегой — адвокатом Джексоном, на диване, и хихикает, потому что они обсуждают преимущества Человека-паука перед Бэтменом.

Большая комната — общая зона отдыха, объединённая с кухней и превращённая в большую открытую гостиную. Огромные окна, выходящие на задний двор, распахнуты, и я вижу, как мальчики играют в мяч. Одна часть комнаты занята U-но составленными вокруг маленького медицентра диванами, а в другой стороне стоит большой деревянный обеденный стол, в данный момент заваленный тем, что можно назвать незаконченной домашней работой. По цвету мебель больше землистого оттенка, не новая, но и не истёртая до дыр — скорее, слегка потёртая и бережно используемая.

— Привет, парни, — говорю я им, бросая сумку в районе кухонной зоны, и оценивая состояние ужина, который приготовлен в двух больших глиняных горшках.

В ответ мне доносятся различные варианты «Привет, Райли!» от обитателей «Дома».

Джексон поднимает на меня взгляд, его карие глаза полны веселья от разговора с восьмилетним Скутером, и он улыбается мне:

— Мы просто отдыхали после выполнения домашней работы. Задания были закончены до того, как ужин был готов.

Я поднимаю крышку одного из горшков и помешиваю содержимое; кажется, это тушёное мясо и овощи. Мой желудок урчит, напоминая, что сегодня я работала без обеда.

— Пахнет неплохо, — резюмирую я, хлопая по руке Шейна, потому как он тянется отщипнуть от буханки свежее испечённого хлеба, ломтями разложенного на противене. — Руки прочь. Это на ужин. Если проголодался, можешь взять себе пока какой-нибудь фрукт.

Он закатывает глаза, как это может только пятнадцатилетний мальчик.

— Эй, нельзя винить парня за попытку! — возмущается он, ломающимся от подросткового созревания голосом, обходит меня и смахивает со лба светлые лохмы.

— Тебе нужно постричься, дружище, — он пожимает плечами, а его кривая ухмылка, как всегда, похищает мое сердце. — Ты уже дописал свою статью, теперь я могу её прочитать?

Он поворачивается ко мне, одновременно пятясь.

— Да, мамочка! — отвечает он с прежним выражением нежности, которое хранит для меня. По сути, всё верно: для живущих здесь ребят персонал — родители, которых они потеряли, в результате смерти или из-за наркотиков, или по какой другой причине. Семи мальчикам я и мои сотрудники — опекуны, потому что никто из родственников не вызвался забрать их к себе. В большинстве случаев, возможность принятия кого-то из них в семью, когда они становятся старше определенного возраста, резко уменьшается. И государство передало попечительство над ними организации, которой руковожу я.

Обычно я работаю в головном офисе за несколько миль отсюда, но требую от своих коллег выделять на присутствие здесь, по крайней мере, одни сутки в неделю. Это время позволяет им стать ближе к мальчикам и никогда не забывать, за что и от имени кого, мы ежедневно боремся.

Эти мальчики и мой коллектив — моя вторая семья. Они питают меня эмоционально и бросают мне интеллектуальный вызов. Время от времени они испытывают мое терпение, вплотную постигая мои пределы, но я люблю их всем сердцем. И сделаю для них что угодно.

В кухне появляется Коннор, летя через помещение к чёрному ходу, на бегу удерживая что-то под рукой, за ним несётся, преследуя, Эйден.

— Эй, парни, успокойтесь, — пытаюсь я их урезонить, слыша, как Эйден кричит, что собирается вернуть это и заставить Коннора заплатить за содеянное.

— Остыньте, мальчики, — поддерживает меня глубокий баритон Джексона, который

поднимается с дивана, чтобы проследить за их взаимодействием. Потому что эти двое постоянно конфликтуют, иногда до физического противостояния друг другу.

Чувствую, как моё бедро обхватывают маленькие ручки, и, опустив взгляд, внимательно изучаю ангельские глазки Скутера.

— Привет, малёк, — улыбаюсь я, медленно и неторопливо наклоняясь для ответного объятия. Он цепенеет от моих прикосновений, но хоть не вздрагивает. Мне потребовалось шестнадцать месяцев, чтобы добиться этой реакции от восьмилетнего мальчика, чей физический контакт с матерью в течение всей его короткой жизни был отмечен кулакам и разными твёрдыми предметами. Я опускаюсь на корточки до уровня его глаз и нежно целую в щёку. На меня смотрят доверчивые шоколадные глаза.

— Я согласна с тобой. Человек-паук гораздо круче Бэтмена. У него есть такие паучьи способности, о которых Бэтмену только и мечтать. — Он улыбается мне, с энтузиазмом кивая. — Может, пойдёшь наведёшь среди своих вещей порядок? Время ужина почти наступило.

Он кивает, застенчиво мне улыбаясь, и я наблюдаю за тем, как он идёт назад к дивану и своим любимым комиксам, в беспорядке разбросанным по полу. Я перевожу пристальный взгляд от Скутера к фигуре, забившейся в угол другого дивана.

Зандер неподвижен. Он в том же онемевшем состоянии, что и в течение последних трёх месяцев, что находится на моём попечении. Он замкнут, закрыт в себе, с бесстрастным выражением лица, пока смотрит приглушённый телевизор большими безумными глазами. У него есть любимая плюшевая собака, похожая на крысу и лопнувшая по швам, она, как спасательный круг, плотно прижата к его груди. Волнистые каштановые волосы мягко вьются на затылке. Они отчаянно нуждаются в стрижке, но я до сих пор слышу его испуганные крики, когда месяц назад он увидел, как я подошла к нему с ножницами в руках.

— Никаких изменений, Джекс? — тихонько спрашиваю я у подошедшего Джексона, не спуская с Зандера глаз.

— Нет, — он громко вздыхает, в его голосе волной прокатывается сопереживание. Он приглушённо продолжает: — Его встреча с доктором Делейни была в таком же ключе. Она сказала, что Зандер просто уставился на нее, в то время как она пыталась заставить его поучаствовать в игре.

— Что-то должно растормошить его. Что-нибудь да выдернет его из шокового состояния. Будем надеяться, что это случится как можно скорее, и, таким образом, мы сможем постараться уменьшить ущерб, нанесённый его подсознанию. — Я сдерживаю свои переживания по маленькому потерянному мальчику. — И помочь полиции выяснить, что с ним случилось.

Зандер поступил к нам после того, как полиция нашла его, всего в крови, в его доме. Он пытался с помощью бинтов остановить кровотечение из колотых ран, которые покрывали тело его матери. Соседка, гуляющая с собакой, услышала приглушенные крики о помощи и вызвала полицию. Мать Зандера умерла до их приезда. Есть предположение, что убийца — отец Зандера, но без показаний мальчика это не установить и не воссоздать события, приведшие к такому трагическому финалу. Отец Зандера исчез, и теперь Зандер — единственный, кто знает, что произошло той ночью.

С момента убийства матери, за три месяца мальчик не произнёс ни слова. И моя работа — удостовериться, что мы делаем всё возможное, чтобы Зандер смог выбраться из этого оцепенелого подавленного состояния, в котором находился. Тогда мы сможем помочь ему,

начав долгий процесс исцеления.

Я отвлекаюсь от несчастья Зандера, чтобы помочь Джексону закончить приготовления к ужину. Мы работаем слаженно, бок о бок, как старая супружеская пара; этот навык сложился за время нашего совместного времяпровождения здесь в течение прошедших двух лет. И от постоянной практики мы легко предугадываем действия друг друга.

Мы трудимся молча, прислушиваясь к бурной деятельности, происходящей в доме, мысленно оцениваем действия семи мальчиков, попутно обдумывая, что ещё необходимо сделать.

— Итак, я слышал, что мы получили приличную прибыль, благодаря неожиданной участнице аукциона, — Джексон шевелит бровями, а я закатываю глаза, поворачиваясь к раковине. — И об одной жаркой и бурной встрече за кулисами.

Я роняю нож, который мыла, в раковину, и он гремит, падая в нержавеющей миску. Хорошо, что я стою спиной к Джексону, и он не видит ошеломлённого взгляда на моем лице. Что за дьявол? Должно быть, кто-то видел меня с Донованом. Приходится напомнить себе дышать, потому что я паникую, пытаюсь решить, что сказать в ответ. Мне совершенно не нужно, чтобы мои сотрудники сплетничали о моём закулисном столкновении.

— Ч-что ты имеешь в виду? — стараюсь говорить как обычно, надеясь, что я единственная, кто слышит панику в моём голосе. Выключаю воду, ожидая его реакции.

Джексон смеётся своим глубоким сердечным смехом:

— Я бы с удовольствием посмотрел на тебя в действии, Рай.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Сердце у меня колотится. Как я собираюсь объяснить это? Чувствую, как тепло потоком распространяется по щекам. Открываю рот, чтобы ответить, и тут Джексон продолжает:

— Дефиле по сцене на аукционе, против чего ты так яростно сражалась, — я слышу веселье в его голосе. — Бог мой, ты, вероятно, была чертовски взбешена!

— Ты даже не представляешь насколько, — отвечаю почти шёпотом. Мне уже нечего мыть, но я по-прежнему стою к Джексону спиной, боясь, что, если он увидит моё лицо — начнутся вопросы.

— А ещё Бейли рассказала мне, что она встретила одного горячего парня — её слова, не мои — и соблазнила его за кулисами в типичной для неё манере, поимев с ним горячую бурную связь.

Я с облегчением выдыхаю, после того как задержала дыхание, радуясь, что наша практикантка Бейли хвасталась своими подвигами, а не сплетничала о своём боссе. И тут до меня доходит, что, возможно, это сексуальная сирена Бейли, которую до сих пор хотят все парни на работе, и была первым завоеванием Донована в тот субботний вечер. И если это так, то с какой стати он решил переметнуться от бомбы с тёмно-рыжими волосами и длинными ногами ко мне? Этот разговор подтвердил мои чувства по поводу того, что я была «вторым номером».

Я сдуваю волосы с лица.

— Ну, ты же знаешь Бейли, — возражаю я, стараясь тщательно подобрать следующие слова. — Ей, определённо, нравятся такого рода забавы.

Джекс смеется надо мной, поглаживая меня по спине, когда проходит мимо.

— Точно сказано, — веселится он, начиная собирать мальчикам завтраки в школу на следующий день. — Она замечательная девочка, хорошо работает, дети любят ее... просто не та девушка, с которой я бы хотел, чтобы мой сын ходил на свидание.

Я мямлю, соглашаясь, думая о нашей сладкой соблазнительной стажёрке, которая всего на пять лет младше меня, и её распущенном поведении. Часть меня всегда завидовала таким девушкам, как она. Такие девушки с непосредственностью пускают все предостережения по ветру и наслаждаются своей жизнью без сожалений; опрометчиво целуются со случайными мальчиками, очертя голову внезапно отправляются в путешествия и живут вечеринками. Меня периодически накрывает мысль, что однажды я стану оглядываться на свою жизнь и чувствовать, что не жила. Не рисковала, не предавалась увлечениям юности и так и не выбралась из своей зоны комфорта.

Моя жизнь безопасна, предсказуема, управляема и всегда упорядочена. Мне нравится, по большей части, такой образ жизни. Я не то чтобы завидую Бейли, потому что она целовала Донована первая (ладно, возможно, только чуть-чуть), а скорее всего, потому, что она живет без сожалений.

Я встряхиваюсь, избавляясь от мыслей, преследующих меня в последнее время, в связи с приближением годовщины. Во всяком случае, я должна была узнать, что жизнь коротка, и надо действительно жить, а не оставаться вечно в своём безопасном углу, пока настоящая жизнь проходит мимо. Я вытягиваю себя из этих размышлений, и сосредотачиваюсь на том, что под руками.

— Мальчики! — зову я, пытаюсь перекричать царящую в доме какофонию, — время закончить свою домашнюю работу.

Из всех комнат раздаются стоны, потому что ребята слышат страшное слово на «Д». Шесть парней, от восьми до пятнадцати лет, угрюмо идут к столу, ворча всю дорогу.

Я устремляю взгляд на диван, где, по-прежнему закрывшись в своей раковине, сидит Зандер, ритмично раскачиваясь взад и вперёд.

Я медленно иду к нему, опускаясь перед ним на колени.

— Зандер, не хочешь присоединиться к нам? Я могу почитать тебе книжку, если ты не против? — я произношу это мягко, медленно поднимая руку и держа её навесу, чтобы он видел мои намерения, а потом кладу её поверх его руки, лежащей на его коленке. Он продолжает раскачиваться, но в голубых глазах от моего прикосновения мелькает вспышка.

В глубине его глаз я вижу столько всего, что это потрясает меня до глубины души. Я нежно ему улыбаюсь и пожимаю руку.

— Мы будем очень рады, если ты присоединишься к нам.

Он всё ещё молчит, но не отводит от меня взгляда. Во мне загорается маленький лучик надежды, потому что обычно его взгляд после нескольких секунд контакта переводится куда-нибудь в пространство.

— Давай, Зандер, возьми меня за руку. Я не отпущу её, если ты не захочешь.

Он продолжает пристально смотреть на меня, пока я жду, не шевелясь, с ободряющей улыбкой на лице. Его маленькая ручка сдвигается, и он смыкает свои пальцы вокруг моей ладони. Потом медленно поднимается, и мы вместе идём к столу, чтобы присоединиться к остальным.

5 глава

Я еле шевелюсь. Идёт последний час моей смены в «Доме», и долгие напряжённые часы последних двух дней навалились на меня всей тяжестью. Мальчики сегодня вели себя

особенно буйно, казалось, в течение суток каждым из них двигало желание прибавить мне трудностей.

Келен, мой второй консультант, сейчас занят с ними снаружи, играя в пятнашки. Я могу слышать их смех и визги через открытые окна.

Я нахожусь в кухне, собирая всё на ужин для следующей смены, когда раздаётся звонок стационарного телефона.

— Алло?

— О, здорово! Ты ещё там, — я ощущаю облегчение с ноткой волнения в этом голосе.

— Уже почти нет, — смеюсь я. — У меня есть ещё приблизительно пятнадцать минут до ухода. Что я могу сделать для тебя, Тедди?

— Я догадываюсь, что ты порядком истощена, но не могла бы ты заехать в офис по дороге домой?

Как бы сильно я ни любила его, сейчас — это последнее, что я хотела бы сделать. Мне бы просто приехать домой, залезть в постель и проспать до следующего дня.

— Хм, ладно. Конечно. Что-то не так?

— Как раз наоборот! Думаю, у нас есть решение, откуда дополучить финансирование нашего нового объекта, — его голос лучится энтузиазмом. — Я всё тебе расскажу, когда ты приедешь сюда. Мы сможем сразу же проработать все детали.

— Ничего себе! Ты серьёзно? — во мне начинает расти надежда. Даже с учётом итогов благотворительной акции и всех собранных пожертвований, для нашей цели нам всё ещё не хватает нескольких миллионов долларов. — Я-я буду у тебя, как только смогу, зависит от ситуации на дорогах.

Я кладу трубку, во мне пузырится волнение. Вся проделанная мной за прошедшие два года тяжёлая работа с целью получить одобрение, поддержку правления, финансирование, мои планы — всё это могло бы, наконец, увенчаться успехом и стать реальностью.

Я быстро заканчиваю с ужином, подготовив его таким образом, что следующей смене останется только подогреть его в духовке. Хватаю свой кошелек и сумку и начинаю собирать вещи. Бросаю взгляд на мобильный, лежащий в сумочке, и неохотно решаюсь проверить электронную почту. Возможно, я могу сделать несколько телефонных звонков по нескольким вопросам, пока буду стоять в пробке.

Я просматриваю входящие письма и обнаруживаю сообщение от Донована, отправленное сутки назад. Удалить бы его, не читая, но любопытство берёт верх, и я открываю его письмо.

Кому: Райли Томас

От кого: Ас

Тема: Ловкие пальцы

Райли...

Ты не оставила мне выбора. Отсутствие от тебя ответа побудило меня взять инициативу в свои руки.

Ты помнишь, каково чувствовать их на себе, так ведь?

Ас.

Высокомерный осёл. Я удаляю письмо. Что он собирается делать? Теперь я ещё более равнодушна к нему, когда узнала о его закулисном свидании с Бейли. Ну, по крайней мере, пытаюсь такой быть. Если подумать, они реально стоят друг друга. Любитель женщин и пожирательница мужчин.

Я улыбаюсь от этой мысли, пока заканчиваю свои сборы и прощаюсь с маленьким войском.

Дорога до офиса оказывается, на удивление, лёгкой. Я решаю, что это хороший знак, и всё будет замечательно. Сегодня прекрасный, солнечный калифорнийский день, необычайно тёплый для конца января. И я с удовольствием отправилась бы на пляж, захватив полотенце, и лежала бы там, позволяя солнечному теплу восстанавливать мои силы.

Буквально за считанные минуты я добираюсь до парковки «Всеобщей заботы». Быстро дохожу до фойе, попутно оглядывая своё отражение в окнах. На мне сегодня надеты любимые, низко сидящие на талии синие джинсы, и удобная красного цвета футболка с V-образным вырезом. Мне повезло, что в моей сумке нашлась сменная одежда, потому что вряд ли Тедди понравился бы мой недавний вид, когда я вся была забрызгана рвотой Рики.

Я суетливо поправляю волосы, вынимая из них заколку и позволяя распущенным локонам свободно упасть на спину. И после короткого путешествия на лифте, во время которого я успеваю тронуть губы блеском и немного потереть щеки, чтобы вызвать румянец, я выхожу на этаже, где расположен наш головной офис. Я прохожу мимо своего кабинета, раскланиваясь и обмениваясь шутками со знакомыми, пока иду в приёмную к Тедди. Я отмечаю, что жалюзи на стеклянных перегородках в его кабинете опущены, и рассеянно раздумываю, что за встреча проходила за этими дверями.

— Привет, Санди.

— Привет, Райли. Я сообщу ему, что ты здесь. Он ждёт тебя.

Я улыбаюсь:

— Спасибо.

Прохожу к чередке окон в наружной стене, тянущихся вдоль всего офиса, и наблюдаю за людьми и автомобилями, направляющимися по шоссе по домам. Как будто муравьи идут маршем след в след.

— Как ты быстро! — Я поворачиваюсь лицом к боссу, идущему ко мне навстречу с широкой улыбкой на лице. — Я не мог дождаться, чтобы рассказать тебе.

— А я не могу дождаться, чтобы услышать, что же у нас произошло, — говорю я в ответ, следуя за Тедди в его офис. Сажусь напротив него в чёрное кожаное кресло, с удовольствием давая отдых ногам. Тедди ёрзает напротив меня, не в силах сдержать свой энтузиазм.

— Сегодня утром мне позвонили, и весь день я провёл в совещаниях, обсуждая это дело. Вот послушай, — он волнуется, наклоняясь ко мне, и кладет руки на стол. — «КД Энтерпрайзес» выступила с предложением внести половину недостающей суммы для нашей цели, а вторую половину собрать с других компаний, призывая их соответствовать статусу солидной организации и выступить спонсорами нашего объекта, — выдыхает он с волнением в глазах.

Я перевариваю его слова, пытаюсь сформулировать последовательную мысль. Никак не могу поверить, что это происходит на самом деле.

— Что? Как? Ничего себе! — Я смеюсь, захваченная вихрем эмоций, исходящих от Тедди.

— Я всё ещё обсуждаю детали. Колтон сейчас в конференц-зале, — он показывает

рукой в сторону холла. — Мы будем там через секунду, чтобы я повторно представил тебя ему.

— Мы встречались?

— Да, я знакомил вас в субботу на аукционе.

— Ты представлял меня там многим людям, — говорю я ему, смеясь, хотя совершенно не помню такого имени. — Стольким, что я не вспомню их имени, даже если случайно столкнусь нос к носу. Будем надеяться, я вспомню, о чём мы говорили, и не покажусь ему полной задницей.

Тедди смеётся надо мной, и этот обнадёживающий звук эхом отдаётся в стенах его кабинета.

— Я уверен, всё будет хорошо! Для этого есть все шансы, малышка! И все твои титанические усилия увенчаются успехом!

— Это так замечательно, Тедди! — меня накрывает облегчение. Неделю назад нам объявили, что без полного финансирования реализация проекта может быть отсрочена ещё на восемь месяцев.

— Даже слишком хорошо, чтобы, на самом деле, быть правдой, — он качает головой, будто всё ещё пытается поверить, что это действительно происходит. — Хотя я должен сказать тебе, Рай, что решение этого вопроса будет зависеть от тебя. Они хотят, чтоб в этом деле от нас с их сотрудником бок о бок работал преданный делу человек, и они выбрали тебя.

Я киваю, хотя мои глаза щурятся, потому что пытаюсь понять, почему я, и откуда спонсоры меня знают. Хотя... Это не важно. Важно — получить финансирование.

— Конечно, я согласна. Ты ведь знаешь, — я кладу руку на грудь, на сердце. — Не могу в это поверить! Я сделаю всё, чтобы у нас были эти деньги — чтобы мы продолжали действовать.

— Вот это моя девочка! Я знал, что могу на тебя рассчитывать, — он поднимается из-за стола. — Не могу дождаться, когда ты повторно познакомишься с Колтоном, и мы приступим к обсуждению деталей договора.

Я иду по коридору за Тедди, из-за моего наряда чувствуя себя слегка неуверенно. Мой внешний вид немного не дотягивает до уровня деловой встречи, но если это не волнует босса, то не должно волновать и меня.

Тедди входит в конференц-зал впереди меня, объявляя:

— Вот она, Колтон.

Я поворачиваю за угол, входя в дверь, и резко останавливаюсь. С другой стороны стола для совещаний, со стопкой бумаг перед собой, в кресле сидит Донован. Его руки небрежно скрещены на груди, и напряжённые бицепсы натягивают короткие рукава рубашки-поло. Его взгляд встречается с моим, и на губах медленно расцветает самодовольная улыбка.

Что за дьявол? Я стою, замерев, в дверях, переводя взгляд от Тедди к Доновану и обратно.

— Я-я не понимаю, — заикаюсь я.

Потрясённый взгляд на лице Тедди говорит мне, что, отреагировав таким образом, я совершила серьёзную ошибку.

— Райли? — Удивляется он, быстро глянув на Донована и удостоверившись, что я не оскорбила его, а потом снова смотрит на меня с предупреждением в глазах. — Райли, о чём ты? Это Колтон Донован, помимо всего прочего генеральный директор «КД Энтерпрайзес».

— я знакомил вас субботним вечером на аукционе.

И тут внезапно, с этими его словами, мой мир переворачивается и сходит со своей оси. Моя голова кружится оттого, что человек напротив меня — мужчина, из-за которого я растекалась чувственной лужицей тем знаменательным вечером — не кто иной, как Колтон Донован. Тот самый Колтон Донован — горячий, исключительный, многообещающий гонщик, сын голливудского мегакинорежиссёра и отпетый бабник, постоянно подкидывающий пищу акулам светской хроники своим поведением. Колтон Донован, оставивший меня с непристойными мечтами и чувственной, нереализованной жаждой в прошлую субботу. Чтоб меня!

Не могу поверить, что не сообразила этого раньше. Я ведь чувствовала, что он знаком мне, когда встретила его, но в свете всего со мной произошедшего, понимаю, что не могла думать рационально. Всё это с трудом укладывается в моей голове. Весь воздух из моих лёгких выбит напрочь.

Моя голова всё ещё поворачивается от Тедди к Доно-то-есть-Колтону и обратно к Тедди. Судя по тому, как мой босс смотрит на меня, выражение моего лица не из приятных. Я опускаю глаза, делаю глубокий вздох и стараюсь успокоиться, утихомирить эмоциональный бардак в своей голове. Несмотря на собственные чувства, я не могу всё испортить — слишком много поставлено на карту.

— Ум... я приношу свои извинения, — произношу я тихо. — Просто я думала, что Донован — это имя, — я вхожу в помещение, пытаюсь завоевать пошатнувшееся доверие, убеждая себя, что я могу это сделать. — Я тогда всё неправильно поняла...

Быстро вспыхнувшая усмешка Колтона при упоминании субботнего вечера останавливает меня и возвращает в «здесь и сейчас».

«Ты можешь это сделать», — повторяю я про себя как мантру. Я не позволю ему догадаться, как легко он может воздействовать на меня.

Я вскидываю голову и целенаправленно иду к нему, протягивая руку для приветствия, и нацепляю на лицо вежливую улыбку.

— Приятно видеть вас снова, мистер Донован.

Я слышу, как глубоко вздыхает задержавший дыхание Тедди, — боясь, что моя реакция на гостя могла помешать этой сделке. Напряжение исчезает с его лица.

— Колтон, пожалуйста, — поправляет меня Донован, изящно разворачиваясь в кресле и вставая, пожимает мою руку, удерживая её на мгновение дольше, чем необходимо.

— Я тоже рад вас снова видеть, — заявляет он, в его изумрудных глазах мелькает искра.

— Пожалуйста, давайте присядем, — предлагает Тедди с прежним энтузиазмом. Мы отзываемся на приглашение, и Тедди обращает взгляд на Колтона. — Колтон, я прошу вас просветить Райли насчёт предложения вашей компании.

— С удовольствием, Тедди, — отвечает Колтон официальным тоном, как бизнесмен и профессионал, подвигая кресло так, чтобы быть напротив меня, и размещая передо мной папку с документами. — «КД Энтерпрайзес» вкладывается в проекты, воздающие нашему сообществу. Ежегодно, моя команда и я выбираем организацию и посвящаем свои время, связи и фонды, чтобы разрекламировать их дело широкой общественности. После того как неожиданно посетил ваш аукцион в прошлые выходные вместо моей заболевшей матери, я нашёл деятельность вашей организации вдохновляющей.

Я наблюдаю за ним, пока он излагает факты и цифры, успехи других организаций, которых в своё время поддержала «КД Энтерпрайзес». Я с трудом осознаю, что этот

высокопрофессиональный бизнесмен — тот же самый мужчина, который вызывал во мне дрожь и нитьё от желания. Его презентация отличается завуалированной уверенностью и ошеломляющей страстностью.

Сейчас он — тот тип мужчины, на которого я обычно западаю. Абсолютно деловой. Чёрный и белый, без полутонов. Умный и страстный. Таких мужчин я считаю сексуальными. Не высокомерный, корыстный ублюдок из той злополучной ночи, полной опрометчивых и распутных действий. Слава Богу, я знаю его настоящего, и не влюблюсь в этот блестящий фасад.

По крайней мере, это — то, что я говорю себе, когда слышу, как моё имя слетает с его губ.

— Что? — переспрашиваю я, выныривая из своих мыслей.

— В настоящий момент у вас есть вопросы? — повторяет Колтон, склонив голову набок и задумчиво меня рассматривая. Смех, освещающий его глаза, говорит мне, что он точно знает, о чём я думаю — в частности, о нём.

— Прежде всего, позвольте мне выразить надежду, что вашей матушке уже лучше, — заявляю я, позволяя своим манерам попать моё к нему презрение. После того, как он кивает, я продолжаю. — Чем непосредственно занимается «КД Энтерпрайзес»?

— Мама чувствует себя лучше, благодарю. Что же касается «КД Энтерпрайзес», первоначальная функция компании — владение и управление гоночной командой. Моей гоночной командой, — с гордостью говорит он. — Среди прочего, наше крупнейшее предприятие разрабатывает ультрасовременную технологию, направленную на повышение безопасности водителей. В настоящее время подана заявка на патент.

— Хмм... — раздумываю я вслух, пытаюсь сообразить, как всё это связать в одно целое. — И как именно вы хотите объединить автогонки и гоночную команду со сбором средств для детей-сирот и организации «Всеобщая забота»? — я возвращаюсь к деловому тону общения, мой интеллект не затронут его обаянием. По большей части. Я стараюсь понять, что стоит за всем этим, потому что Колтон периодически посылает мне краткие ухмылочки, как на том благотворительном вечере. Моё подсознание чует какой-то подвох.

Обжѣгшись на молоке, будешь дуть и на воду.

— Спасибо за уточнение, — отвечает он. — В понедельник я представил вашу организацию своей команде. После кое-какого исследования, обсуждений и мозгового штурма мы решили предложить вам следующее. — Уставившись на меня, он переворачивает страницу в папке, лежащей передо мной на столе, удовольствие смягчает его жѣсткие черты, когда он поясняет. — Наша корпорация предлагает объявить, что мы жертвуем «Всеобщей заботе» полтора миллиона долларов.

Святое дерьмо! Я пытаюсь сдержатъ скатывающиеся с языка слова. В его глазах светится довольство собой, когда он смотрит на меня, разглядывая и спокойно оценивая мою реакцию, прежде чем продолжить:

— В дополнение к непосредственно финансированию, мы предлагаем использовать графику — нанести соответствующее изображение на мой автомобиль, участвующий в предстоящей гонке, чтобы способствовать вашей миссии, — Колтон видит недоумение и вопросы на моём лице и поднимает руку, останавливая меня, чтобы закончить свою мысль. — Мы планируем использовать этот рекламный трюк для привлечения к спонсорству другие компании и гоночные команды. Моя компания призовет их взять на себя обязательство и выплачивать определенную сумму в долларах за каждый круг, который

завершит моя машина или стать постоянными спонсорами.

Мои глаза недоверчиво расширяются; это может принести компании ошеломляющее количество денег. Я вскидываю глаза на Тедди, который чрезвычайно взволнован и ёрзает в кресле с широкой улыбкой на лице. Снова перевожу взгляд на Колтона, мои глаза встречаются с его: изумруд против аметиста, мечущегося от благодарности к замешательству. Почему мы? Почему наша организация?

Колтон мягко мне улыбается, как будто знает, о чём я думаю и что сознаю своё затруднительное положение. Принятие пожертвования означает, что я должна согласиться на свидание с ним. Он продолжает:

— Мы пока решаем, будет ли распространяться наше спонсорство только на одну гонку или на весь сезон. Моя команда работает над данным предложением, ведь у нас чуть менее трёх месяцев до первого этапа соревнований, и для того, чтобы заполучить как можно больше крупных спонсоров.

— Разве это не невероятно? — взбрыкивает рядом со мной Тедди. Я поворачиваюсь к нему и искренне улыбаюсь, прежде чем снова обратиться к Колтону:

— С вашей стороны и со стороны вашей компании это очень щедрое предложение. Просто я немного сбита с толку: почему выбрали нас? Почему «Всеобщая забота»? В связи с чем?

Уголки его рта приподнимаются, локти упираются в стол, а пальцы сложены домиком под подбородком.

— Давайте просто скажем, что вы можете быть очень убедительной, мисс Томас, — он удерживает мой пристальный взгляд, пока я судорожно вдыхаю. — Думаю, я получу удовольствие, работая с кем-то настолько одержимым и, — он отводит взгляд, подыскивая слово, перед тем как снова взглянуть на меня, — отзывчивым, какой я нашёл вас тем субботним вечером.

Его лицо бесстрастно, но только не глаза, что подтверждает и язык, облизывающий нижнюю губу. Несмотря на отхлынувшую от головы кровь, я чувствую, как по моим щекам и шее распространяется румянец. По веселью в его глазах безошибочно чувствуется — он знает, что я поняла его намёк. Морщинки в уголках его глаз выдают, как развлекает его моя реакция. А я ёжусь под его пристальным взглядом, желая быть где угодно, но только не здесь.

Например, в его постели, под ним, чтобы его пальцы порхали по моей коже, а губы владели моими губами. Что за чёрт! Достаточно отвратительно уже то, что он сидит передо мной, а теперь он ещё и портит мои мысли. Это не хорошо. Определённо не хорошо.

Я усмиряю вызванный его наглостью гнев. Не могу поверить, что он только что это сказал. Неужели указывать на мою неосмотрительность перед моим же боссом было действительно настолько необходимо? Как он посмел прийти в мой офис и провоцировать меня? Напомнить мне о том, чем я совсем не горжусь? И о чём не собираюсь забывать в ближайшее время?

— Отзывчивым, — как будто размышляя вслух, перекатывая слово на языке, произносит Тедди. — Отличное слово, чтобы описать мою Райли за работой! — Он гладит меня по спине, и его голос переполняет гордость, потому что он совершенно не воспринимает завуалированное сообщение, которое так дерзко адресовал мне Колтон. — Через тернии — к звёздам!

Колтон переводит взгляд на Тедди, который совершенно не ощущает повисшее в

комнате сексуальное напряжение.

— Именно так. И большая редкость по нашим временам, — кивает он моему боссу, соглашаясь. — Я наблюдал её в действии в субботу вечером и был очень впечатлён.

С меня достаточно, и всё же я не собираюсь доставить ему удовольствие, показывая, что он смог раздражить меня, чего он, собственно, и добивался своими репликами. Я не хочу работать с этим человеком, но, если смотреть правде в глаза: у «Всеобщей заботы» нет других вариантов, чтобы оправдать мои кровь, пот и слёзы за последние два года.

Он берёт на себя ответственность, пусть и под таким неверно истолкованным предлогом, и таким карательным способом, желая всё-таки заполучить меня, отказывающую ему и его распутности.

Я должна расценивать это сотрудничество как способ завершить дело своей жизни. Мои мальчики и многие другие, которым это принесёт пользу, заслужили наш новый объект. Просто я пока не понимаю, сможет ли эта мысль — закончить дело моей жизни — стать моей мантрой и спасти ситуацию, когда я узнаю все детали договора.

— Итак, мистер Донован...

— Колтон, с вашего позволения, — опять поправляет он меня.

— Колтон, я понимаю исходные условия, — чопорно заявляю я, стремясь повернуть разговор в нужное русло. — А каково непосредственно моё участие в этом сотрудничестве?

— Ну, мисс Томас, мне не нужно будет многого от вас с деловой точки зрения, поскольку у меня есть команда, которая очень опытна в таких делах. Однако очевидно, что вы понадобится в качестве контактного лица для разрешения возникших вопросов и разных других вещей.

Именно «разные другие вещи», которые он имеет в виду, меня и беспокоят.

— Так почему...

Колтон поднимает руку, прерывая меня, и эта его манера начинает меня бесить.

— Как я уже говорил Тедди, контракт между нашими компаниями ради спонсорства зависит от нескольких факторов, — он замолкает, расправляя лежащие перед собой документы. Он поднимает взгляд, его внимание сосредоточено исключительно на мне. — В течение следующих нескольких месяцев и в сезон соревнований для совместного представления благотворительной компании от «Всеобщей заботы» мне понадобится представитель.

Он останавливается; мои губы кривятся, а глаза расширяются, потому что я надеюсь, что мои предположения ошибочны.

— Я? — с сомнением переспрашиваю я, уже заранее зная ответ.

— Да. Вы, — изрекает он. Я вглядываюсь в его прищуренные глаза, и облизываю пересохшие губы, потому что в конференц-зале внезапно становится жарко. Его губы слегка раскрываются, пока он рассматривает меня, и мне срочно надо выкинуть из головы все неуместные мысли относительно их искусного умения, пока Колтон деловым тоном продолжает. — Вместе с объявлением об объединении наших усилий будет проведено несколько мероприятий — некоторые местного масштаба, некоторые за пределами города — официальные приемы, банкеты для прессы и прочее, — разглагольствует он, небрежно жестикулируя, — и мне будет необходимо, чтобы вы меня сопровождали.

— Что?! — я вскакиваю, отталкивая кресло, и в замешательстве перевожу взгляд от Тедди к Колтону и обратно. Как он смеет? Я отказала ему в свидании, не согласилась на продолжение закулисных обжиманий, и он придумал схему, как связать меня с ним

контрактом? Недоразвитый хрен! Должно быть, его это всё в синяках от моего самоотвода. Я ошеломлена. Ни за что. Этого не может происходить на самом деле. Пока я киплю гневом, в моей голове проносятся всяческие слова, какими я бы хотела его обозвать.

— Что-то не так, Райли? — Вопрос, заданный Тедди, прорывается сквозь моё затуманенное расстройством сознание. — Я считаю, это блестящая идея. — Я поворачиваюсь к нему, пытаюсь произнести хоть слово, но ничего не выходит. — Если Колтон готов использовать своё имя, связи и популярность, стоя рядом с тобой на открытом мероприятии для прессы, чтобы замолвить слово о «Всеобщей заботе», то...

— ...почему бы этим не воспользоваться? — заканчивает за него Колтон с самодовольной улыбкой на лице.

У меня возникает ощущение, что моё сознание помутилось; голова кружится от поворота событий. Из сложившейся ситуации я могу сделать только один вывод: Колтон всё это придумал и предложил Тедди в приказном порядке, только чтобы добиться своего. Я опираюсь рукой о стол, медленно опускаясь в кресло, мои глаза фокусируются на воображаемом пятне на бумагах передо мной.

— Рай? Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает меня Тедди.

— Что? — Я поднимаю голову, встречаясь глазами с его чутким взглядом.

— Ты выглядишь немного взволнованной. Ты хорошо себя чувствуешь?

— О. Да, — отвечаю я, делая глубокий вздох. — Я просто... Это из-за напряжённого дежурства в «Доме». И всё, — делаю я заключение, собирая себя в кучу. Это только средство достижения цели — напоминаю я себе. — Простите, — извиняюсь я перед ними обоими. — Я просто поражена тем, что наш новый проект может стать реальностью.

Колтон сидит молча, анализируя моё поведение. Под его пристальным взглядом я опять неловко ёрзаю.

— Послушай, Райли, — обращается ко мне Тедди. — Я знаю, что у тебя сейчас и без того полно забот, а этот проект добавляет ещё одну, но наша цель теперь настолько близка, что мы буквально можем потрогать её руками. И у меня нет никого на данный момент, кто лучше тебя смог бы представлять лицо нашей организации. Ты именно та, девочка.

Его высокая оценка и похвала согревают меня, несмотря на панику, которую я испытываю, поскольку меня загнали в ловушку. Втянули в ситуацию, итог которой, я понимаю, будет выгодным для «Всеобщей заботы», но разрушительным для меня.

Тедди смотрит на часы, потом, потянувшись, гладит мою руку.

— Через пять минут у меня селекторное совещание, — он встаёт, Колтон тоже поднимается с места. — Полагаю, вполне могу оставить вас вдвоём, чтобы вы обсудили оставшиеся детали.

Он протягивает Колтону руку, закрепляя сотрудничество рукопожатием.

— Благодарю вас, Колтон, за ваше неожиданное великодушие. Вы понятия не имеете, сколько жизней помогаете изменить к лучшему этим подарком.

Необъяснимая тень мелькает по лицу Донована.

— Я имею большее представление о таком, нежели многие могут подумать, — высказывается он без дальнейших объяснений, прежде чем отпустить руку Тедди. — Спасибо за ваше тёплое отношение к нашей идее. Мой адвокат свяжется с вами утром, чтобы оформить документы.

Кивая этим словам, Тедди выходит из конференц-зала. Я стою, глядя в опустевший дверной проём, спиной к Колтону, и размышляю над своим следующим шагом.

Я поражена его щедростью. Почему же, несмотря на его попытку сделать мои мечты явью, я не испытываю к нему благодарности? Отчего я хочу просто повернуться и придушить его? Я быстро обдумываю это, понимая, что совершенно не хочу делать что-либо по принуждению. Не то чтобы я должна быть под контролем — ну разве что чуть-чуть. Но, по крайней мере, я хочу быть той, кто делает правильный выбор и в нём заинтересована. Не относиться к каким-то уступчивым женщинам, без сомнений подчиняющимся любому решению и вынужденным им следовать.

Почему он так сильно меня раздражает? Не потому ли, что каждый раз, когда я смотрю на его губы, или на то, как его пальцы касаются челюсти, моё тело сжимается в ожидании того, как они будут ощущаться на мне? Или оттого, что я слышу его грохочущий голос в моих мечтах, рассказывающий, как сильно он меня хочет? Дерьмо! До прошлых выходных моя жизнь была прекрасна. А потом я встречаю его, и теперь я в растерянности и в полной неразберихе.

Меня не должно волновать, как он лизался и Бог знает что ещё делал с Бейли, но это не так. Мне стыдно от мысли, что, вероятно, он считает меня доступной для любого встреченного мною парня, чтобы позволить тому поладать меня. Я раздражена, осознавая, что единственная причина его преследования — моё нежелание влюбляться в его сладкие черты и красноречивую ерунду. И смущена тем, что мужчина, как Гамельнский крысолов[2], который влияет на женщин намного симпатичнее, сексуальнее, привлекательнее, чем я, уже больше чем дважды посмотрел в моём направлении.

Моя жизнь — явно не из голливудских кинороманов, где невзрачная девочка встречает известного крутого мальчика, и они безумно друг в друга влюбляются. Я недостаточно наивна, чтобы поверить, что такое может случиться со мной.

И что ещё больше всё запутывает — так это мои чувства к Максy. Моё обязательство перед ним и ощущение вины. Вины за то, что, несмотря на выраженную к нему любовь, за всё время наших отношений я не чувствовала себя такой живой, как за те несколько минут, что провела с Колтоном. Как я могу испытывать такой трепет от кого-то, кого едва знаю, когда не ощущала ничего подобного с человеком, которого любила?

Я громко вздыхаю, мое тело настроено на его близость.

Он хихикает, подпитывая моё раздражение, пока я поворачиваюсь к нему лицом. Колтон сидит, откинувшись на спинку кресла, лодыжка одной ноги лежит на колене другой ноги, руки опираются о подлокотники. Мы смотрим друг на друга, наблюдая и изучая, в первый раз без присутствия посторонних. Его глаза неспешно блуждают по моему телу, трепещущему от состояния раздвоенности. Я вижу, как ширится улыбка на его лице, и могу предположить, что так он выражает признательность женским формам в целом, не только моим, прежде чем продолжает визуальное путешествие по моим изгибам.

Его внешность действительно великолепна, хотя я уверена, что он не согласился бы с моим определением. Густые тёмные ресницы резко контрастируют с прозрачным цветом зелёных глаз. Прямой решительный нос слегка с горбинкой — видимо, в какой-то момент был сломан или повреждён. Этот маленький недостаток на его совершенном лице добавляет ошеломляющей сексуальности Колтона дополнительных очков. Я изучаю его полные губы — верхняя немного тоньше нижней, и тёмную щетину, отбрасывающую тень на его лицо, и жилку, бьющуюся под челюстью. И во мне внезапно просыпается жгучее желание поцеловать его прямо туда, и вдыхать его запах, ощущая пульс этого яркого мужчины под своими губами. Быть окутанной его чистым, земляным ароматом.

Я трясу головой, пытаюсь привести себя в чувство. Он поднимает брови, ожидая, когда я сделаю первый шаг. Несколько мгновений мы пристально рассматриваем друг друга, прицениваясь. Наконец, я первая прерываю молчание:

— Это то, что ты называешь «взять инициативу в свои руки»?

— А что такое? Не можешь справиться с искушением, Райли? — сверкает он шаловливой высокомерной ухмылкой, и так же, как я хочу закатить глаза, искушение — это всё, о чём я могу сейчас думать.

— Едва ли, — фыркаю я.

Он безучастно пожимает плечами.

— Независимо от обстоятельств, мужчина — сказал, мужчина — сделал, Рай, — говорит он. — Ты не оставила мне выбора.

— Не оставила выбора? В самом деле? — насмехаюсь я, в отвращении всплескивая руками. — Ты что, пятнадцатилетний подросток, чтобы закатывать истерику только потому, что не добился своего?

— Ты должна мне свидание.

— Неужто всё из-за долбаного свидания, Ас? Или это потому, что я отвергла твои сексуальные услуги после того, как пришла в чувство?

Боже, он так меня разочаровывает!

— О, ты бы вполне неплохо кончила (прим. ред. игра слов: come можно перевести и как кончить, и как прийти), — язвительно наступают он, приподняв бровь, — насколько я помню о твоих чувствах... Они были разбросаны по всему полу закулисного коридора.

Умник! Как ему удаётся так быстро довести меня до точки кипения, когда другим для этого потребовалось бы гораздо больше усилий?

— То есть, потому что я сказала «нет», ты предлагаешь кучу денег и связываешь меня контрактом посредством моей работы? С помощью моего босса? Принуждая меня проводить с тобой время? Деньги в обмен на свидание? Я не шлюха, Колтон, — напыщенно провозглашаю я, плавно перемещаясь к окну и пытаюсь хоть немного развеять свою тревогу. — Особенно, не твоя.

Я слышу его передвижения, когда он поднимается и идёт в мою сторону. Наши глаза встречаются в отражении оконного стекла, и он удерживает мой пристальный взгляд. От его близости моё тело начинает трясти.

— Давай-ка проясним кое-что, — рычит он мне. — Прежде всего, у меня есть собственные причины пожертвовать эти деньги, которые абсолютно не имеют никакого отношения к тебе. Никакого! Во-вторых, я никогда не плачу за свидания, Райли. Никогда. У меня более высокая планка. — Я могу чувствовать ярость, волнами исходящую от него.

— Ты заплатил за свидание со мной, — парирую я.

— Благотворительный. Аукцион. Не приравнивается. К эскорт-услугам, — рычит он мне, шагая ближе, но, не разрывая нашего отражённого в стекле зрительного контакта. — И последнее, — кипит он, хватая меня за руку, чтобы таким образом подчеркнуть свою мысль. — Я больше никогда не хочу слышать, как ты называешь себя шлюхой.

Мы стоим в тишине, пока вокруг нас оседают его слова. Почему, чёрт возьми, ему не всё равно, как я себя называю? У него нет права указывать мне. Я знаю, как вести себя, чтобы не провоцировать кого-либо, вызывая злость, но ничего не могу с собой поделать. По каким-то причинам я хочу нажать на все его больные места. Уж если мне придётся что-то делать по принуждению, то я хотела бы также высказать и своё мнение.

— Тогда к чему этот договор? Мероприятия, на которых я обязана тебя сопровождать? — я выдёргиваю свою руку из его захвата. — Выглядит так, будто твоё эго уязвлено, потому что я не поддаюсь твоему великолепному обаянию, и поэтому ты вынужден связать меня с собой. Доказывая себе же, что у тебя всё ещё есть знаменитое «волшебное прикосновение» Колтона. Что ты не потерял его...

— Я ничего не говорил о связывании, — ухмыляется он, обрывая мою пламенную речь. — Но если это то, что тебе нужно, Райли, я был бы счастлив оказать тебе одолжение. Я могу познакомить тебя с верёвками.

Не веря, я качаю головой; когда смысл его слов доходит до меня, кровь начинает приливать к моим щекам прежде, чем я снова встречаюсь с его взглядом в стекле.

— Я не буду придавать значения твоему последнему комментарию, — произношу я сухо, пытаюсь вспомнить, на чём я остановилась, пока он так хитро не рассеял мои мысли. Хм — о чем это я? А! — Твоё эго в синяках, потому что я не собираюсь беспомощно падать тебе под ноги и становиться твоей сексуальной игрушкой, и поэтому ты пришёл ко мне на работу — цепляя меня тем, что я действительно хочу, чего добиваюсь уже больше двух лет — и ты преподносишь это мне на блюдечке с голубой каёмочкой.

— И проблема в том, что...?

— Проблема в том, что ты предлагаешь мне это с условием, которое логически может быть объяснено исключительно как удовлетворяющее тебя... — я прерываюсь, потому что осознаю, что увязла. И если продолжу в том же духе, то, боюсь, в какой-то момент из меня могут вырваться затаённые мысли — мысли о нём. А если я так промахнусь... он будет знать, что я думаю о нём больше, чем должна.

Колтон тихонько становится рядом со мной, опершись плечом о стекло, и рассматривая мой профиль. Наше молчание длится ещё несколько минут, а моё беспокойство усиливается от его молчаливой сосредоточенности на мне.

Когда он начинает говорить, его тон требовательно мягкий:

— Почему ты не хочешь идти со мной на свидание?

Ой, давай сменим тему! С моих губ срывается нервный смешок. Я упорно не поворачиваюсь лицом к нему, и разглядываю пейзаж за окном.

— По какой причине? Мы с тобой происходим из разных миров, Колтон, а они живут по разным законам. Тебе нужно моё свидание потому, что так ты сможешь добавить ещё одну зарубку к другим многочисленным меткам на столбике твоей кровати. Помнится, ты сказал, что хочешь трахнуть меня, чтобы выкинуть из головы и двигаться дальше, — отвечаю я, повторяя его предостережение. Боковым зрением я прослеживаю его реакцию на мои слова. — Возможно, ты привык использовать женщин, заявляющих о своей любви к тебе, и срывающих с себя трусики от такого твоего тонкого подхода к ним, но не в этот раз.

Колтон собирается что-то сказать. Я знаю, что сейчас он попытается уронить остроумное замечание о том, что у меня не будет проблем, если я сброшу свои трусики для него. И, используя его собственную тактику, я останавливаю его, прежде чем он помешает мне, поднимая руку:

— Наш тесный контакт тем вечером был мгновением неосторожности с моей стороны. Тем моментом, который больше никогда не повторится, — я поворачиваю к Колтону лицо и смотрю ему прямо в глаза. — Я не того сорта девушка, Ас.

Он вглядывается в меня, мышцы его челюсти дёргаются. Он наклоняется ко мне, грубое звучание в его голосе резонирует истинностью:

— Ты знаешь, что в глубине души крохотная часть твоей натуры — этой правильной приличной женщины — хочет посетить безрассудное, сексуальное, раскованное место внутри тебя, которое рвётся наружу. Место, которое я, бесспорно, могу помочь тебе найти.

Мои глаза пылают, пока я пытаюсь уклониться от правды, стоящей за его словами. Он наблюдает за моей внутренней борьбой, пока я не отворачиваюсь от него и иду назад к столу переговоров. Я не хочу, чтобы он видел в моих глазах отчаяние, подтверждающее правоту его слов.

— Ты ведёшь грязную игру, Колтон.

— Ну, а как иначе? — возражает он, поворачиваясь и опираясь спиной о стекло, сверкая мимолётной кривой улыбкой. — Иногда приходится играть грязно, чтобы получить то, что хочешь.

— И что же ты хочешь? — спрашиваю я, скрещивая руки на груди, как невидимую защиту от него. Как будто это может помочь.

Колтон отрывается от опоры и крадётся ко мне, как лев, готовый наброситься на свою добычу. Он останавливается передо мной, ближе, чем это необходимо, и протягивает руку, пальцем приподнимая мой подбородок так, чтобы мои глаза встретились с его:

— Тебя, — заявляет он просто.

У меня возникает ощущение, что от его слов в комнате образовался вакуум. Я не могу дышать. Недоверие и готовность на мгновение затопляют меня, пока я принимаю его ответ. Теплота мимолетна, поскольку я понимаю, что именно так он обычно действует. Оттуда столько меток на столбике его кровати. Он заставляет тебя чувствовать, что в поле его зрения ты единственная. Он хорош. Действительно хорош. Но я не собираюсь в него влюбляться.

Я буквально убегаю от него на расстояние, необходимое для того, чтобы начать мыслить ясно.

— Итак, почему контракт? Чего ты хочешь этим добиться? — бросаю я через плечо, обходя стол для совещаний. Когда я оказываюсь по другую его сторону, я поворачиваюсь к Колтону лицом. — Если я не соглашусь спать с тобой, ты станешь препятствовать моей работе?

— Нет, — кривая улыбка поднимает уголки его рта, — но такой вариант есть всегда.

— Ну, тогда почему бы нам не закончить с этим, экономя нам обоим время и усилия? — отражаю я его атаку, измученная партией, в которую мы играем. — Тогда мы сможем двигаться дальше, к тому, что действительно имеет значение. Чёрт, мы можем даже использовать этот стол переговоров, если ты настолько отчаялся.

— Мы могли бы, — говорит он, громко смеясь, с искренней улыбкой на лице. Потом опирается руками о стол, испытывая его устойчивость. — Достаточно крепкий, — он пожимает плечами. — Хотя это не совсем то, что я имел в виду. — В его глазах похотливые мысли, которые он оставил невысказанными. — И поверь мне, сладкая, я далёк от отчаяния.

От его взгляда по моей спине бегут мурашки. Я пытаюсь сменить тактику, поскольку становится очевидно, что способ, который я избрала, чтобы отпугнуть его, не сработал.

— Мы оба знаем, что для выполнения условий по спонсорству моё сопровождение тебе не требуется. Может, ты задействуешь одну из своих подружек? — спрашиваю я, продолжая двигаться, зная, что, если останусь на месте, рискую «вступить с ним в контакт». А тяга, которую он вызывает в моём теле, слишком сильна, чтобы сопротивляться его прикосновениям. И если он коснётся меня, то, думаю, моя решимость рухнет. — Я уверена, в

твоём распоряжении есть толпа красавиц, готовых отозваться на твой зов по щелчку пальцев.

— Я не завязываю отношений с девушками, — невозмутимо откликается он, останавливая мой наступательный порыв.

— О, я помню. Случайный трах больше в твоём стиле, так? — Я вижу вспышку гнева в его глазах, перед тем как он умиряет его крошечной ухмылочкой. — Предполагаю, я была права, не ожидая от тебя слишком многого.

— Почему я должен связывать себя с одной женщиной, когда вокруг так много особ, соперничающих за моё внимание? — подстрекает он меня, стараясь задеть сильнее.

— Ты реально веришь в уместность этой свой фиговой линии поведения? — Боже, этот мужчина невыносимый и раздражающий одновременно. В ответ он просто посылает мне вкрадчивую улыбку, складывая руки на груди. Я стараюсь не заострять внимание на игре его мышц под рубашкой. Пытаясь не думать, как он выглядит без неё.

— Ты заполнен до краев своей самоуверенностью, а, Ас?

Он поднимает голову и смотрит на меня:

— Я могу устроить так, что ты будешь заполнена мной, если хочешь?

От его слов я останавливаюсь на полпути. Независимо от того, насколько провоцирующим и грубым был его комментарий, все мои мышцы ниже талии скручивает жгучим желанием. Я чувствую, как по моим щекам распространяется тепло, и я концентрирую взгляд на несуществующем пятне на стене, надеясь, что Колтон этого не видит. Он тихо смеется над моей реакцией, мои глаза вспыхивают, встречаясь с его взглядом, а мое выражение лица противоречиво, но ошарашено его словами. И только когда несколько мгновений я недоверчиво на него смотрю, а мой рот, открываясь и закрываясь, пытается придумать, какими словами отругать его за высокомерие, я понимаю, что он шутит. Неторопливая, наполненная весельем улыбка украшает его губы, вызывая морщинки вокруг глаз.

— Да расслабься, — дразнится он, делая шаг в мою сторону. — Ты сама напросилась. Я не мог сопротивляться.

Я знаю это чувство. Я просто смотрю на него, качая головой.

— Ладно, — допускаю я. — Я сделаю вид, что ты этого не говорил. А серьезно: почему у тебя нет девушки?

Он небрежно пожимает плечами:

— Не моя тема. Не люблю быть постоянно с кем-либо связанным. Отношения равносильны драме.

У парня проблемы с обязательствами, это что-то новенькое.

— Значит, я была права? — бормочу я больше себе, чем ему, пораженная его безжалостной честностью.

— Ты о чём? — спрашивает он, склонив голову набок и медленно ко мне приближаясь. Моё сердце бьётся быстрее, ибо тон его голоса и аура, исходящая от него, изменились. Я чувствую, как от его приближения во мне разгорается неукротимое желание. Опасность! Моё тело сжимается в ожидании, в то время как рассудок трубит о необходимости быстрого отступления.

— О том, что сказала тебе тем субботним вечером — ты просто трахаешь девушку и двигаешься дальше, — мой голос стихает вместе с исчезающими опрометчивыми словами с каждым его приближающимся шагом.

— Я также говорил тебе, что не снисходителен к оскорблениям. А ты снова меня

обидела. Из-за одного этого ты заслуживаешь, чтобы тебя перекинули через колено и отшлёпали, — его голос звучит низко, с неожиданной угрозой, от которой мои бёдра сжимаются в предвкушении, а ведь я не из тех девушек, которые на это реагируют. Но с Колтоном я была именно такой — когда на мне были его руки, обладающие мной, подталкивающие меня к тонкой грани между удовольствием и болью — это прорывалось сквозь мою последовательность.

Мои губы приоткрываются, когда он оказывается в нескольких сантиметрах от меня. Моё тело настроено на него. Вдыхая его аромат. Потребляя его дыхание. Моя спина рефлекторно выгибается ему навстречу, когда он подносит руку к моей щеке.

— Отстойно, не так ли? — спрашивает он, прослеживая пальцем линию моей челюсти, останавливаясь, а затем задевая мою нижнюю губу.

— Что именно? — я мягко вздыхаю, когда его палец отрывается от моей кожи.

— Когда ты вынуждена придерживаться своей линии поведения, вместо того чтобы воспользоваться искушением, которое находится прямо перед тобой, — шепчет он, беря реванш. — Нет никакого позора, Райли, в том, чтобы разрешить своему телу получить то, чего оно жаждет.

Мы стоим в каких-то нескольких сантиметрах друг от друга, пока я позволяю этим словам обосноваться в моей душе. Я знаю, что он прав. Мне говорит об этом усиливающаяся боль в теле. Что я точно хочу то, что он предлагает.

— Трудно отрицать очевидное, сладкая, когда оно, будто написано на всём твоём теле.

Я рывком отстраняюсь от него, словно меня укусили. Его слова внезапно разжигают во мне ярость и раздражение.

— Нет! Я...

— Шшш... — бормочет он, снова придвигаясь ко мне и прижимая палец к моим губам, в его глазах горит похотливое напряжение. — Просто знай, Райли: лучший секс, который будет в твоей жизни... будет со мной, — говорит он тихим гипнотизирующим голосом, который, кажется, выбивает из моих лёгких весь воздух и весь разум из моей обычно рассудительной головы.

Я отскакиваю от него, крайне нуждаясь в пространстве, свободном от его чувственных слов и бесконечного высокомерия. Он так напорист, так самоуверен, что это почти отталкивающе. Почти. Парень, определённо, хороший игрок. Жаль, я никогда не узнаю, правда это или нет, если только причиной не станет желание проучить его раздутое эго.

— Я выполню это проклятое соглашение, Колтон, — взрываюсь я. — Ради моих мальчиков. Ради других детей, которым нужна будет помощь. — Я направляюсь к столу, чтобы собрать свои вещи. — Не ради тебя. Или твоих глупых махинаций, которые стоят за этим. — Я собираю документы; шуршание бумаги и стук стопки листов по дереву — единственные звуки в этом помещении. Я поднимаю глаза, мой суровый взгляд пригвождает Колтона к месту. — Я не буду спать с тобой, Ас.

— Нет, будешь, — он самодовольно мне ухмыляется.

Несмотря на порочность этого вызова, его слова искрами рассыпаются у меня между ног, и только смех помогает мне справиться с напряжением.

— И мгновения не сомневайся...

— Колтон! — из дверей конференц-зала раздаётся сексуальное мурлыканье, прерывая меня на полуслове. Я резко дёргаю головой, и вижу стройную Бейли, соблазнительно улыбающуюся, с широко распахнутыми глазами, обрамлёнными войлочными ресницами.

Моя неуверенность в собственной чувственности всплывает на поверхность, потому что я громко сглатываю, стремясь увидеть реакцию Колтона. И немедленно встречаюсь с ним глазами, потому что в отличие от меня, он не отрывал от меня взгляда. И я не уверена, как это расценивать. Он кривит губы; нерешённые между нами вопросы повисают в тишине зала.

Из-за внезапности происходящего я чувствую себя неудобно и отчаянно мечтаю сбежать из этой комнаты. От этого мужчины. От свидетельства некой общности между Бейли и Колтоном. От ревности, несмотря на то, что не хочу иметь с ним ничего подобного.

Не обращая внимания на напряженность, Бейли скользящей походкой wpłyвает в комнату, направляясь к Колтону, по пути накручивая на палец прядь безукоризненно прямых, идеально выкрашенных тёмно-рыжих волос.

В глазах Колтона вспыхивает извинение, когда он смотрит в её сторону и тепло приветствует, как истинный джентльмен. Я резко отворачиваюсь, собираясь уйти, и так бьюсь о свое кресло, что оно громко скрежещет ножками по ценному полу из твердых пород дерева.

— Не слышала, что ты уже щёлкнул пальцами, — бормочу я себе под нос, ещё раз пробуя обойти свое кресло. Колтон громко и искренне смеётся над моим комментарием, что, невзирая на моё им недовольство, заставляет меня улыбаться. Уже на выходе из комнаты я слышу, как он зовёт меня. Я продолжаю идти, желая избавиться себя от дальнейшего раздевания глазами, которое, я уверена, немедленно начнётся. Из-за того, что я не отзываюсь, он вопит мне в дверной проём:

— Мы в любом случае ещё не закончили, Райли!

По-прежнему не отвечая, я иду мимо своего кабинета прямо к лифту. Оставляя без внимания окрик Стеллы, и извещающий о сообщении мигающий огонёк телефона, и на мою удачу лифт открывается сразу, как только я к нему подхожу. Мне нужен свежий воздух, чтобы прямо сейчас как следует проветрить голову, а офис, который пропитан, в данный момент, присутствием Колтона, совсем мне не помогает.

Я самодостаточная женщина, уверенная в себе, и не боюсь высказывать своё мнение, так почему я чувствую себя одной из тех плаксивых девушек, которых терпеть не могу? Почему Колтон способен превратить меня в сгусток гормонов, в одну минуту вызывая безудержный гнев, а в другую — желание ощутить его губы на своих губах?

Я в расстройстве прислоняюсь к стенке лифта. Он заставляет меня так себя вести. Так злиться. И я никак не могу определить, чего я хочу больше: ударить его или переспать с ним?

6 глава

Меня расслабляет тёплое солнце Калифорнии, и я впитываю его, расположившись на заднем дворе своего дома. Я лежу в шезлонге, подставляя лицо солнцу, стремясь заполучить его последние лучи, прежде чем они угаснут и исчезнут в сумерках. Лёгкий бриз шуршит листьями нескольких пальм, растущих в линию вдоль забора, наполняя меня чувством спокойствия.

События этого дня не прошли для меня даром. Моя встреча с Колтоном и последующие откровения были не менее утомительны, чем сутки с моими воспитанниками. А из-за свалившейся с гриппом Джози мне придётся вернуться в «Дом» менее чем через двадцать

четыре часа, замещая её смену. И, несмотря на раннее время, я действительно должна пойти спать, чтобы как следует выспаться, и этим снять напряжение этой долгой недели. Однако я позволила Хэдди уговорить себя на бокал вина и пиццу, которые она для меня подготовила.

Я закрываю глаза, откинув голову, и вздыхаю, позволяя себе поверить, что наш новый объект на самом деле может стать реальностью. Что наш новый подход в приёме, лечении и заботе о детях-сиротах может распространиться и, надеюсь, станет новаторским протоколом для изменения в общей приёмной системе. Станет предпосылкой, чтобы дети процветали в созданной домашней обстановке, даже когда у них нет родителей или родственников. Воплотится идея, что, организовывая небольшие группы из этих плохо приспособленных к жизни детей — когда у них на уровне системы постоянно будут опекуны, правила, обучение, наставничество — мы получим жизнеспособных, более готовых к обществу взрослых. Это будет место, где их не отвергнут, как это происходит с большинством детей такого возраста, и они не должны будут мыкаться из одной приёмной семьи в другую, или чувствовать себя изгоями в школе, потому что стесняются отсутствия у них собственного дома и вынуждены жить в приюте. У них будет дом, которому они будут принадлежать.

С деньгами, которыми нас обеспечит Колтон, эта цель станет реальностью. Случайные дома в разных городах, где дети, привыкшие к тому, что у них ничего нет, впервые в жизни получают что-то новое. Место, где они будут чувствовать себя в безопасности, будут любимы и обретут чувство семьи.

От испытываемой гордости сквозь моё тело проходит волна дрожи, пока я представляю себе все открывающиеся возможности, которые мы можем создать с завершением этого проекта.

А потом рядом с моим волнением по поводу нового объекта появляется тревога, из-за Колтона. Я так устала об этом думать, о нём, и почему я должна держать дистанцию — мысленно составляя список из плюсов и минусов и взвешивая, сравнивая их между собой. До сих пор не могу понять, как оценить его заявление о том, что он не заводит отношений с девушками. Почему я всё ещё продолжаю думать о нём, если между нами ничего нет? Потому что есть. Я не могу отрицать, что он интереснее, чем кажется на первый взгляд. И я, определённо, не могу вести себя так, будто искры, вспыхивающие на моей руке от его прикосновений, воображаемые. Но я не хочу связываться с ним и с его предполагаемыми распушенными действиями, особенно теперь, когда вынуждена с ним работать.

Я вздыхаю, когда слышу звук раздвигаемой двери, и ко мне выходит Хэдди, с бутылкой вина, двумя бокалами и коробкой с пиццей, заставленной тарелками и салфетками поверх нее. Внезапно я понимаю, насколько голодна. Хэдди идёт ко мне, солнце обрамляет светом её высокую фигуру, пронизывая огнём, как ореолом вокруг головы, её светлые волосы. Из коротких шортов цвета хаки тянутся длинные стройные ноги, а полная грудь обтянута оранжевой кофточкой. Хэдди, как обычно, идеально украшена аксессуарами, а ее стиль — безупречен. И, несмотря на ее неустанное совершенство, которое заставляет меня чувствовать себя неадекватной во многих отношениях, я люблю её, как сестру, которой у меня никогда не было.

— Умираю от голода, — объявляю я, садясь в шезлонге и помогая ей разместить всё на столе.

— А я умираю от недополучения информации о том, что с тобой происходит. И от чего ты пребываешь в таком глубоком раздумье, — упрекает она меня, разливая вино по бокалам, пока я распределяю пиццу по тарелкам.

— Всё точно так, как в нашей комнате в общежитии колледжа, — заявляю я, кивая на нашу еду и смеясь, когда вспоминаю двух напуганных новичков, заброшенных судьбой далеко от дома.

Хэдди была моей первой соседкой по комнате. Никогда бы не подумала в ту первую адаптационную неделю в колледже, что кукла Барби, которая оказалась в одном со мной помещении, станет самым близким мне человеком во всём мире. Она плавно передвигалась в нашей комнате в общежитии как модель из рекламной кампании Ральфа Лорена, самодостаточная и уверенная в себе, с достойной представлением семьёй позади неё, принимая скудное окружение окрашенных кирпичных стен и небольшое пространство шкафа для одежды. Моя застенчивая сущность наблюдала за ней, съёживаясь при мысли о необходимости, просыпаясь каждое утро, напоминать себе, насколько я ниже этого красивого существа.

Я сидела, теребя кромку своего платья, когда её родители уехали. Она закрыла дверь, повернулась ко мне с широкой улыбкой на губах в форме сердечка и сказала:

— Спасибо, Господи, они, наконец, уехали!

Краем глаза я наблюдала, как она с облегчением осела напротив двери. Потом искоса на меня посмотрела, изучая и оценивая.

— Думаю, пришло время праздновать! — объявила она, торопясь к своим чемоданам.

Через мгновение она выудила на свет бутылку текилы, глубоко зарытую в вещах. Потом двинулась ко мне, шлепаясь рядом со мной на кровать. Отвинтила крышку, и бутылка зависла в воздухе между нами.

— За первый год учёбы! — провозгласила Хэдди. — За дружбу, свободу, смазливых мальчиков и взаимовыручку соседок по комнате!

От глотка крепкой жидкости она вздрогнула, а затем передала бутылку мне. Я нервно посмотрела на неё, потом на бутылку, потом снова на неё, а затем, отчаянно желая понравиться новой соседке, решительно сделала глоток; от жгучего ощущения в горле на глаза выступили слёзы.

— Боже, какие мы тогда были наивные! И юные! — присоединяется Хэдди к моим воспоминаниям. — Нам так много пришлось пройти, пока мы были новичками.

— Всё, что нам нужно, чтобы вернуться в те времена — это дешёвая текила, — смеюсь я, а потом замолкаю, пока наступающая ночь поглощает последние лучи солнца.

— Восемь лет — долгий срок, Хэд, — признаю я, сделав большой глоток терпкого вина, позволяя напитку успокоить копошащуюся на периферии сознания тревогу.

— Достаточно долгий, — соглашается она, усаживаясь, глядя на меня поверх своего бокала, — чтобы я заметила, что что-то грызёт тебя. Что случилось, Рай?

Я мягко улыбаюсь, благодаря судьбу за то, что у меня есть такая подруга, и тут же проклиная, потому что она знает все мои «трещинки». Ощущаю, как в горле начинают закипать слёзы, и удивляюсь такой силе своих чувств.

Хэдди наклоняется вперёд, её прекрасные загорелые ноги сгибаются, когда она тянется ко мне и кладёт руку на моё колено:

— Что такое, Райли? Что тебя так скрутило?

Мне требуется целая минута, чтобы обрести дар речи — желая всё ей рассказать и узнать её мнение: я, действительно, такая тупая из-за своего противоречивого отношения к Колтону? Возможно, я уже предвижу, что она скажет на моё признание, и поэтому, наверное, сдерживаюсь. Не желая услышать, что моё увлечение после всего со мной

произошедшего — это хорошо, а прошлое надо отпустить и снова начать чувствовать. Завязать отношения с кем-нибудь ещё, что никак не очернит память о Максе и совместно с ним проведённом времени.

— Так много всего, даже не знаю, с чего начать, — признаюсь я, пытаюсь тщательно проанализировать свой психологический багаж. — Я истощена работой: расстроена из-за отсутствия прогресса у Зандера, утомлена подведением итогов от аукциона, прошедшего в прошлую субботу, — рассказываю я, пробегая пальцами по волосам. — И тот факт, что мне придётся вернуться в «Дом» завтра, чтобы заменить заболевшую Джози...

— Разве больше некому её заменить? — спрашивает Хэдди, откусывая пиццу. — Ты очень много работала в эту неделю. Я почти тебя не видела.

— Никто не может, кроме меня. Не на этой неделе. Общие оплачиваемые часы истрачены, потому что всё дополнительное время по моему распоряжению было отдано субботнему вечеру... а так как одна я сижу на окладе... замену оставляют мне, — объясняю я.

— Я понимаю, почему ты это делаешь, Рай — почему любишь свою работу — но не позволяй ей убить себя, милая.

— Я знаю. Знаю. Ты похожа на мою маму! — Я откусываю от своего куска пиццы и медленно жую. — Хотя есть и хорошие новости: думаю, мы обеспечили остальную часть финансирования нашего объекта.

— Что? — давится она, быстро садясь. — Почему ты мне не рассказывала? Это надо отпраздновать! — восклицает она, чокаясь со мной своим бокалом. — Что произошло? Как? Мне нужны подробности!

— Мы ещё улаживаем детали, прежде чем объявить об этом общественности, — поясняю я, стараясь убрать из голоса презрение к тому, как мы обзавелись этим финансированием. — А потом мы сделаем заявление. — Я надеюсь, что моего ответа будет достаточно, чтобы держать ее следующие вопросы в узде.

— Ладно, — медленно произносит она, глядя на меня с выражением недоумения, почему это я не выгляжу довольной. — А что с твоим проданным на аукционе свиданием, о котором мне рассказывал Дейн?

Я опускаю взгляд, покручивая кольцо на безымянном пальце правой руки. Я кручу его по привычке, снова и снова.

— Ещё не знаю, — говорю, поднимая на неё взгляд, и вижу, как она внимательно наблюдает за моими манипуляциями с кольцом. Она смотрит на меня, в её глазах слёзы.

— Это в связи с приближающейся годовщиной? Поэтому ты кажешься такой подавленной? — Она стремглав вскакивает со стула и садится рядом, обнимая меня.

На мгновение я даю себе волю и окунаюсь в воспоминания и мысли, которые окружают приближающуюся дату. Я действительно не сопоставила вместе эти две вещи: мою внезапную сентиментальность и моё рассеянное эмоциональное состояние — с возможным воздействием на меня несуществующей связи с Колтоном. Парадоксально, что моё состояние заметил кто-то ещё, помимо меня. Предполагаю, что подсознательно игнорирую травмирующую дату, желая закрыть глаза на горе, которое всегда будет тлеть в глубинах моей души.

Я вытираю слёзы с щёк и высвобождаюсь из тёплых объятий Хэдди.

— Да, — я пожимаю плечами. — Слишком много всего сразу.

Это так, но я всё-таки чувствую себя виноватой за то, что не открываю подруге всей

правды.

— Ну, сестра, — говорит она, потянувшись и возвращая мне мой бокал с вином, — давай выпьем много вина, будем купаться в жалости и смеяться над собственной глупостью!

Её искренняя улыбка поднимает мне настроение. Я чокаюсь своим бокалом с её, благодарная ей за дружбу:

— Ура, моя дорогая!

7 глава

Я смотрю на часы, когда заканчиваю заниматься с Рики правописанием и отправляю его играть с другими ребятами. До конца смены осталось тридцать минут, и после я буду свободна на целых два прекрасных дня. Фактически, у меня есть редкие, незаметные выходные, и, несмотря на то, что я позволила Хэдди уговорить себя посетить мероприятие, посвящённое выпуску новейшего алкогольного продукта, который продвигает её компания, я взволнована от возможности посвятить это время себе.

Без преувеличения, сегодня был вполне обычный день.

В самом его начале мне позвонили из школы и попросили забрать Эйдена, потому что он опять ввязался в драку. Я выслушала целую лекцию от директора школы, что, если подобное поведение у Эйдена превалирует над всем остальным, возможно, для его воспитания нужно применять другие меры. В свою очередь я спросила его, получают ли те мальчики, которые продолжают издеваться над Эйденем, такие же выговоры. С намёком на выдворение из школы. Его ответ был уклончивым ворчанием.

Я была счастлива возможности поработать один на один с Зандером, пока остальные мальчики были в школе. Наши штатные консультанты посчитали, что пока Зандер не начал общаться словами, домашнее обучение для него предпочтительнее. Попытка учить ребёнка, который на тебя не реагирует, — мягко говоря, разрушает любые усилия. Всё, что я от него хочу — хоть какой-нибудь сдвиг. Что-то мне подсказывает, что он знает, насколько я забочусь о нём. Как я хочу, чтобы у него все ещё была мама, чтобы успокоить его. Обнять. Сказать, что она его любит.

Сейчас мальчики задействованы на различных занятиях продлённого дня, а я сижу за столом, заканчивая свою рецензию статьи Шейна для школы.

Смена Джексона закончилась час назад, а его замена, Майк, находится на плановой психологической консультации с Коннором.

Я возвращаюсь к статье Шейна, весьма впечатлённая тем, как повысилась его успеваемость благодаря нашим с ним многочисленным индивидуальным урокам.

Я бросаю взгляд на зону отдыха, куда с коробкой бейсбольных карточек вошли Кайл и Рики. Зандер сидит на своём обычном месте, прижимая к груди свою похожую на чучело животного собаку, и вперив в пространство перед собой расфокусированный взгляд. Скутер лежит на ковре, раскрашивая картинки в одной из своих книжек-раскрасок про Человека-паука. Я прислушиваюсь к музыке, доносящейся из дальней спальни — это верный признак, что Шейн в своей комнате. Я заканчиваю делать комментарии к его статье, переключаясь на критический анализ меню и изучение расписания групп продлённого дня на следующую неделю.

До меня доносится стук в дверь, и прежде чем успеваю положить ручку, слышу, как

Шейн кричит из своей спальни: «Я открою!». Я ухмыляюсь, потому что знаю: он надеется, что это «девушка, которая как друг», как он выразился. Она приходила на прошлой неделе, и мне кажется, парень до сих пор на седьмом небе от счастья.

— Посмотри, прежде чем открывать! — кричу я ему, поднимаясь из-за стола и пересекая зал. Когда я дохожу до угла, примыкающего к коридору, мимо меня с разочарованной миной на лице проходит Шейн.

— Это к тебе, — говорит он, шлёпаясь на диван.

Я поворачиваю за угол, ожидая, что это доставка какой-нибудь документации, которую «Дом» постоянно получает через курьеров в связи с делами наших подопечных. Поднимаю взгляд и вижу ногу кого-то, стоящего за дверями. Дохожу до двери и, появляясь проёме, лицом к лицу сталкиваюсь с Колтоном. Несмотря на солнечные очки, скрывающие его глаза, я знаю, что он проходится по мне взглядом, сверху вниз. Ленивая, кривая усмешка, заставляющая ямочку на его подбородке углубляться, является единственной демонстрацией эмоции на его лице.

Чёрт, при виде него у меня перехватывает дыхание.

Так же сильно, как я не хочу, чтобы он был здесь, осложняя мне жизнь своим предложением — быстро перепихнуться и оказаться выброшенной за ненадобностью — от его появления у меня кружится голова. И этот поворот событий совсем не кажется хорошим.

И, несмотря на то, что он для меня — дурные вести, когда я останавливаюсь в дверном проёме, по моему лицу расползается улыбка. Мы стоим, изучая друг друга в течение нескольких мгновений. На нём поношенные джинсы и чёрная футболка, обтягивающая мускулистый торс. Простота одежды только добавляет его виду сногшибательности. Его тёмная шевелюра растрёпана ветром, чертовски дикая и сексуальная.

Всё в нём просто вопит о нагрянувших проблемах. И я стою на его пути, как олень в свете фар. Не в силах пошевелиться, притянутая его светом. Только сила воли позволяет мне так долго держаться. Я серьёзно вляпалась.

— Привет, Райли, — рокот его голоса, произносящего моё имя, возвращает меня в прошлое, к его рту на моём. К его рукам на мне. В нём — вибрация, разносящая взрывные волны по моему телу.

Я склоняю голову в его сторону.

— Привет, Ас, — отвечаю сдержанно. — С каких это пор в числе твоих талантов появилось сталкерство?

Засовываю руки в задние карманы джинсов, прислоняясь к дверному косяку. Он снимает свои солнцезащитные очки, его изумрудные глаза посылают разряд в мои аметистовые, затем он складывает очки, чтобы повесить их на ворот футболки. Под весом очков футболка слегка оттягивается вниз, обнажая по краю несколько завитков тёмных волос. Я отвожу от них глаза, возвращая взгляд на лицо Колтона.

Он посылает мне молниеносную улыбочку:

— Я был бы более чем счастлив показать тебе свои таланты, сладкая.

Я закатываю глаза:

— Распутство — это не талант.

— Верно, — тягуче произносит он и медленно кивает в знак согласия, — но ты ещё не знакома с глубиной моих многих других достоинств. — Он выгибает бровь, а плутоватая улыбка приподнимает уголки его рта. — А так как ты по-прежнему убегаешь от меня, я не имею возможности продемонстрировать их тебе, и мы не можем решить нашу маленькую

проблему о свидании, которое ты мне должна. — Колтон делает ко мне шаг, в его глазах плещется игривость. Я отступаю, этот наш танец несколько подозрителен. — Разве ты не собираешься предложить мне войти, Райлс?

— Не думаю, что это хорошая идея, Донован. Меня предупреждали о таких парнях, как ты.

Он ухмыляется, считая мой комментарий забавным.

— Ты и понятия не имеешь о них, — бормочет он, его взгляд захватывает мой, снисходительность его улыбки вызывает у меня раздражение. Колтон делает шаг ближе, отчего мой пульс ускоряется.

— Чего ты хочешь? Почему ты здесь? — пыхчу я.

— Потому что хочу своё свидание, — произносит он, выделяя каждое слово, — а я всегда получаю то, что хочу. — Он кладёт обе руки на дверной косяк, опираясь на него, его фигура закрывает солнечный свет. Тёмный силуэт Колтона очерчен ярким ореолом.

От его дерзости и безграничного тщеславия я трясую головой.

— Не в этот раз, — возражаю я. Потом толчком закрываю перед ним дверь и поворачиваюсь по направлению к коридору. Менее чем через мгновение Колтон хватается меня за плечо, разворачивает, и я оказываюсь прижатой к косяку.

— Продолжай бороться со мной, сладкая. Чем агрессивнее ты, тем больше завожусь я, — опасное удовольствие в его голосе проходится по мне наждаком, колючками впиваясь в мои чувства.

Чёрт! Как у него получается сделать такие слова похожими на обольстительное обещание?

Своими бёдрами он прижимается к моим, припечатав меня к жёсткой деревянной поверхности. Мы часто и тяжело дышим, и я не знаю, от физического ли напряжения или от близости друг к другу. Колтон отпускает моё плечо, поднося обе руки к моему лицу, и, заключая его в колыбель своих ладоней, проводит пальцами по контуру моей щеки. От предполагаемой интимности этого прикосновения я на мгновение закрываю глаза, впитывая нахлынувшие ощущения. Его пронизывающий взгляд прожигает меня огнём, я чувствую его внутреннюю борьбу, отчего его челюсть напрягается.

— Я также хотел бы предостеречь тебя держаться от меня подальше, Райли — для твоего же блага, — шепчет он в сантиметрах от моего рта, — всё, чего я жажду — попробовать тебя. — Его палец прокладывает себе путь по моей шее, опалая кожу. — Прошло так много времени с того момента, когда я наслаждался тобой. Ты. Вся. Опьяняющая, — его отрывисто произнесённые слова звучат в одном ритме с моим ускоряющимся сердцем.

О, чтоб меня! Будь я проклята, если этот комментарий не заставил утонуть в желании каждый сантиметр моей кожи. Мужчина может соблазнить меня одними словами. Он затягивает меня в пучину, испытывая мою волю, заставляя хотеть больше, чем я должна. Ещё мгновение мы вдыхаем друг друга, пока я пытаюсь подобрать слова. Создать хоть какую-нибудь видимость связного мышления. Само его присутствие заставляет мои синапсы давать осечку.

— Зачем ты предупреждаешь меня, — выдыхаю я, полностью обездвиженная интенсивностью его пристального взгляда, — если собираешься заполучить то, что хочешь?

Я вижу, как на его губах вспыхивает короткая усмешка, прежде чем они оказываются на моих губах, а его руки — на мне, подтверждая мои предположения. И этот поцелуй никоим

образом не нежный. Я могу ощутить его голод, его пламенеющую потребность, когда на миг наши зубы сталкиваются. Его губы и язык в бешеном темпе двигаются на моих губах, рукой он хватается меня за собранные в хвост волосы и тянет вниз, удерживая таким образом на месте.

Я наслаждаюсь этим поцелуем так же, как и он, всё моё несколько дней сдерживаемое из-за него отчаяние взрывается внутри меня. Я захвачена ураганом по имени Колтон. Я беру от него столько же, сколько и он берёт от меня. Обвивая его туловище руками, я глажу его спину, наслаждаясь твёрдыми очертаниями его мышц, в то время как он гладит меня. Я прикусываю его нижнюю губу, вызывая низкий, исторгнутый из глубины его горла, стон. Мы жвимаемся друг в друга, не в силах насытиться только прикосновениями, и единственная мысль в моей голове — я хочу БОЛЬШЕГО.

И вдруг я слышу, как в комнате для отдыха мои мальчики бурно аплодируют чему-то, происходящему на баскетбольном матче, и от этого я в шоке, как ангел, теряющий крылья, с треском возвращаюсь в реальность. Я отталкиваю Колтона, упираясь ему в грудь обеими руками.

Пытаясь восстановить дыхание, одной рукой я опираюсь на стену, и стараюсь успокоиться. О чём, чёрт возьми, я думала? Я занимаюсь этим в дверном проёме в свою рабочую смену. Уже второй раз. Что, к дьяволу, этот парень делает со мной? Когда он рядом, действительность теряет для меня всякий смысл. Я не могу так поступать. Просто не могу. Я потрясена. Абсолютно выбита из колеи. Никто и никогда не вызывал во мне таких яростных чувственных реакций, и это меня пугает.

Колтон стоит напротив, изо всех сил сохраняя спокойствие, и пристально в меня вглядывается. Ну почему я выгляжу, как будто только что пробежала марафон, а он — как сторонний незаинтересованный наблюдатель? Кроме спутанных волос, ничто в его облике не обличает только что случившееся.

Наконец, ко мне возвращается голос.

— Ты прав, — произношу я с сожалением. — Мне, определённо, следует держаться от тебя подальше. — Я оглядываюсь назад, в коридор, замечая мелькнувшую на его лице гримасу. — Мне нужно проверить мальчиков. Ты знаешь, где выход, — говорю я ему, резко поворачиваясь и возвращаясь назад, к моим обязанностям. Моей реальности.

Я вхожу в большую комнату, пытаюсь изобразить на лице естественную улыбку, в чём совсем не преуспеваю. Мальчики сидят по своим местам, и за это я крайне им благодарна — никто не решился выйти в коридор, чтобы застать там своего опекуна, которая вела себя, как наполненный бушующими гормонами подросток.

Я что-то замечаю краем глаза. Поворачиваюсь и вижу в конце коридора Колтона, с руками, большие пальцы которых засунуты в карманы джинсов, а плечом, он небрежно привалился к стене. Его лицо бесстрастно, но переливающиеся яркие глаза говорят о многом.

И что теперь? Неужели он не может просто оставить меня в покое?

Я впиваюсь в него взглядом, надеясь, что в нём отражается весь мой гнев. Я вижу, что незнакомца, вошедшего в дом, заметил Шейн. Он обращает внимание на Колтона, оценивая его. И морщится, пока рассматривает новое лицо, пытаюсь определить со степенью знакомства с ним.

— Чего ты хочешь? — хмурюсь я, стараясь скрыть презрение, прорывающееся в голосе. Последнее, чему мальчики должны быть свидетелями прямо сейчас — наше

противостояние. Я замечаю, как Кайл и Рики поворачивают головы, возвышаясь над столом, как пара сурикат. Колтон оглядывает мальчиков, вежливо им улыбаясь, но в его взгляде я вижу напряжённость.

— Я же сказал тебе, Райли, я здесь, чтобы забрать свой выигрыш, — растягивает он слова. — Чтобы забрать то, что принадлежит мне. — Он нагло мне улыбается, ожидая моей реакции, стараясь разозлить сильнее.

— Прости, что?

— Ты должна мне свидание, Райлс.

Не могу не заметить, что теперь все мальчики переключили своё внимание на нас. Баскетбол благополучно забыт. Шейн ухмыляется; он достаточно взрослый, чтобы распознать сексуальное напряжение, которое ощущает, даже если пока и не совсем его понимает. Колтон подходит ко мне, специально вставая спиной к нашей аудитории, закрывая меня от взоров ребят, чтобы они не могли видеть нашего взаимодействия. Я благодарна ему за то, что он стоит от меня на почтительном расстоянии.

— Прости, Ас, — я сладко мурлычу, так, что только он может услышать меня. — Ад ещё не замерз. Я дам тебе знать, когда это произойдет.

Он делает шаг ближе, его голос снижается до шёпота:

— Кажется, ты знаешь все о холоде, Райли. Но зачем оставаться холодной, когда ты знаешь, я могу согреть тебя?

Его прицельные слова попадают прямо в мою самооценку. Я киплю гневом на его высокомерие, но знаю, что должна утихомирить себя, чтобы не устраивать сцены на рабочем месте, перед своими воспитанниками.

Отрываю взгляд от Колтона, когда что-то за его спиной привлекает моё внимание. Я делаю шаг в сторону, чтобы лучше разглядеть, что же там происходит. И давлюсь вздохом, когда вижу, как Зандер, прижав к себе своё собачье чучело, медленно движется вокруг дивана в нашу сторону. Пока он приближается, на его обычно замкнутом лице отчётливо светится любопытство. Колтон тоже поворачивается, чтобы посмотреть, на что я так реагирую. Он начинает задавать вопрос, когда я поднимаю руку, яростным жестом заставляя его замолчать. К счастью, он подчиняется. Остальные мальчики с выжидательным выражением на лицах поворачиваются посмотреть, как Зандер впервые сам проявляет инициативу, чтобы с кем-нибудь пообщаться.

Зандер подходит к нам, не отрывая глаз от Колтона, и несколько раз чуть открывает и закрывает рот. Его глаза на бледном лице размером с блюдце. Я опускаюсь на колени, чтобы оказаться на уровне его глаз. Чувствую рядом с собой Колтона, который пытается осознать всю серьёзность ситуации.

— Привет тебе, — слышу, как произносит Колтон мягким голосом.

Зандер останавливается и замирает. Я боюсь, что такую реакцию вызвало что-то во внешности или в одежде Колтона. Некие негативные воспоминания, принудительно всплывающие наружу, чтобы напомнить ему о реальности. Я жду последствий: когда крики, борьба или страх заполнят глаза мальчика.

— Зандер. Всё в порядке, малыш, — напевно произношу я, желая прорваться сквозь этот своеобразный транс, напоминая, что мы знакомы, и утешая его голосом. Немного поворачиваю голову к Колтону, цепляя его взгляд:

— Ты должен уйти, прямо сейчас, — требую я, опасаясь того, что Зандер в нём увидел.

Вопреки моему желанию Колтон делает шаг вперёд и медленно опускается на корточки

рядом со мной. Я слышу, как его ботинки тихонько скрипят по плитке пола. Один из мальчиков, должно быть, приглушил телевизор.

— Эй, дружище, — успокаивающе произносит Колтон. — Как дела? Всё хорошо?

Зандер делает шаг к Колтону, и на его губах мелькает тень улыбки. Мои глаза распахиваются. Похоже, он не боится Колтона, тот, наоборот, ему нравится. Я бросаю быстрый взгляд на Колтона, боясь пропустить малейшее движение Зандера, и Колтон удерживает мой пристальный взгляд, утвердительно кивая головой. Он понимает, что здесь что-то происходит. Что-то важное. Что-то, с чем он должен быть очень осторожным и предусмотрительным.

— Ты ведь Зандер? — Следящие за ним мальчишечьи глаза встречаются с глазами мужчины, и затем голова Зандера опускается в едва заметном кивке. Я втягиваю носом воздух, из глаз готовы пролиться слёзы, пока я наблюдаю за этим начавшимся сдвигом.

— Итак, Зандер, ты любишь гонки?

Я слышу, как вся мальчишеская братия начинает возбуждённо бормотать от возможностей, которые, как рассвет по утру, входят в их дом. Их переговоры становятся громче, пока парни не ловят мой чрезвычайно напряжённый взгляд, после которого замолкают.

Колтон протягивает свою руку Зандеру:

— Приятно познакомиться, Зандер. Меня зовут Колтон.

Уже второй раз за три дня меня охватывает онемение. Я изумлённо качаю головой при виде маленького Зандера, который медленно тянется и вкладывает свою ладошку в руку мужчины, сидящего рядом со мной. Я наблюдаю первые шаги маленького мальчика, вырывающегося на свободу из разрушительного захвата сильнейшей травмы. Первый инициированный им физический контакт с кем-то за более чем три месяца.

Колтон пожимает маленькую ручку, мягко её потрясывая. Когда приветствие заканчивается, ручка Зандера остаётся в руке Колтона без попытки вырваться, и становится ясно, что он не хочет её убирать. Колтон потакает ему и с мягкой улыбкой на лице и просто держит его крошечную ладошку.

Мои глаза жгут слёзы, которые я стремлюсь удержать. Я хочу прыгать и кричать от волнения, глядя на это огромное достижение моего подопечного. Хочу схватить Зандера в охапку, обнять его и рассказать, как я им горжусь. Но не делаю ни того, ни другого, потому что этот момент гораздо значительнее, чем оба мои порыва, вместе взятые.

— Обещаю тебе, Зандер, что, если Райли согласится пойти со мной на свидание, которого она упорно избегает, — Колтон говорит это, ни на секунду не разрывая зрительный контакт с мальчиком, — то в следующий раз, когда мы будем тестировать гоночную трассу, ты будешь моим личным гостем. Идёт?

Призрак улыбки возвращается на губы Зандера, его глаза впервые за долгое время вспыхивают, и он согласно кивает головой.

Я прижимаю руку к сердцу, сдерживая боль от того, с какой силой радость пронесется по моим венам. Наконец-то! А всё потому, что Колтон последовал за мной в дом. Потому, что он не слушал меня. И ещё потому, что он шантажировал одного из моих мальчишек, чтобы я поехала с ним. Я расцеловала бы его прямо сейчас! Ну, знаю, я это уже сделала, но могла бы повторить! В данный момент я сделаю всё, что Колтон бы ни попросил, только бы снова увидеть на лице Зандера улыбку.

Колтон снова жмёт и трясёт ручку Зандера.

— Тогда по рукам, дружище, — Колтон отпускает руку Зандера и наклоняется к нему. — Я обещаю, — шепчет он.

Губы Зандера изгибаются в улыбке. От этого на щеках появляются маленькие ямочки. Я даже не знала, что у него есть ямочки — потому что никогда не видела, как он улыбается! Мальчик медленно опускает руку, продолжая смотреть на Колтона с надеждой, как будто хочет спросить, когда это чудо случится. Колтон бросает мне взгляд с призывом о помощи, и я подхожу к ним.

— Зандер, милый? — Он отводит взгляд от Колтона и переводит его на меня. — Мы с Колтоном собираемся пойти на кухню всё обсудить. Ты хотел бы пойти с нами или посидеть досмотреть с мальчиками баскетбольный матч? — мягко спрашиваю я, нежно, как испуганное животное, лаская его голосом.

Взгляд Зандера начинает метаться от Колтона ко мне и обратно, пока Колтон не останавливает его:

— Эй, приятель, я останусь здесь, в кухне, на пару минут с Райли. Ты можешь пойти посмотреть игру, чтобы рассказать мне потом, что я пропустил, пока мы будем отсутствовать?

Зандер слегка кивает, цепляясь глазами за Колтона и замирая, как будто оценивает, искренен тот или нет. Должно быть, верит, потому что сильнее стискивает свою собачку-чучело и возвращается к дивану. Взгляд Шейна перехватывает мой, его лицо выражает неверие, прежде чем он берёт в руки пульт и делает звук громче.

Я поднимаюсь с пола, замечая, что внимание всех мальчиков, кроме Зандера, по-прежнему сосредоточено на Колтоне, поскольку не каждый день наш «Дом» посещает знаменитость. Колтон замечает эти взгляды и посылает им искреннюю улыбку.

— Не волнуйтесь, — говорит он ребятам, понимаясь качая головой на их взгляды, полные благоговения, — когда я приду забрать Зандера на гонки, вы тоже сможете пойти с нами.

Комната наполняется громким гулом голосов — мальчиков электризует волнение.

— Ладно, ладно, — утихомириваю я их. — Парни, вы получили, что хотели. Пожалуйста, возвращайтесь к просмотру игры, чтобы мы с Колтоном могли обсудить некоторые вопросы.

Они неохотно подчиняются, украдкой бросая взгляды в нашу сторону, пока мы с Колтоном направляемся в кухонную зону, к барным стульям. Я предлагаю Колтону сесть, а сама обхожу стойку так, чтобы оказаться к нему лицом. Замечаю, что Шейн всё ещё наблюдает за нами, и на его лице желание защитить и озадаченность вопросом, чем меня мог расстроить мой гость.

Из несметного числа эмоций, которые Колтон вызвал во мне за прошедшую неделю знакомства, благодарность, которую я прямо сейчас испытываю — самая сильная.

Я поднимаю на него глаза и встречаюсь с его взглядом, безуспешно пытаюсь не дать пролиться слезам.

— Спасибо, — шепчу я. Всего одно слово, но взгляд на его лицо говорит мне, что он понимает, как много всего скрывается за ним. Он кивает.

— Это меньше, что я могу сделать, — отвечает он хрипло. — У каждого из нас своя история. — Произносит он, глядя на свои сложенные руки, больше для себя, чем для меня, и это его вариант понять масштаб того, что только что произошло.

— Ты все сделал правильно, — говорю я, до сих пор ошеломлённая случившимся.

Смотрю на Зандера и улыбаюсь. Он сделал это. Он на самом деле сделал это сегодня. Сделал шаг из тьмы. И внезапно я чувствую себя ликующей от надежды. Импульсивной от возможностей.

— Колтон! — вырываю я его из раздумий. Он вскидывает голову, поражённый, с какой настойчивостью я зову его по имени. Я знаю, что позже пожалею об этом, но сейчас собираюсь довериться своему инстинкту. Решаю поддаться импульсу и использовать подходящий момент.

— Моя смена закончится через десять минут, — заявляю я, и он смотрит на меня, явно не понимая, к чему я веду, поэтому я продолжаю. — Я должна тебе свидание, поэтому давай пойдём и исправим это.

Он качает головой, будто пытаюсь убедиться, что я сказала именно то, что он слышал.

— О... хорошо, — он запинается, и мне нравится, что я застала его врасплох. Он начинает подниматься, уголки его губ изгибаются. — У меня нет зарезервированного столика...

— Кого это волнует? — Я небрежно машу рукой. — Я не привередлива. А простота полезна. Вполне обойдусь гамбургером или чем-нибудь подобным. — Я вижу, как его зрачки расширяются в недоумении. — Кроме того, ты достаточно заплатил за свидание, да и кому нужно выбрасывать кучу денег на еду, которую мы в любом случае съедим?

Мгновение он изучает меня, я чувствую, что он пытается определить: я говорю серьёзно или нет. И когда я начинаю смотреть на него как на тугодума, он продолжает:

— Ты невероятная. Ты знаешь об этом?

Эти простые слова поражают меня прямо в сердце, а неверие в голосе говорит мне о том, что он искренен. Я посылаю ему усмешку через плечо, направляясь в свою комнату, чтобы освежиться и собрать вещи:

— Я сейчас вернусь.

Когда я возвращаюсь в кухню, застаю Майка, благоговейно пожимающего Колтону руку. Услышав моё приближение, Колтон поворачивается и спрашивает:

— Ты готова?

Подняв палец, я жестом прошу ещё минуту.

— Я уйду, — объявляю я мальчикам, и они поднимаются с места и идут ко мне обниматься на прощание. По интенсивности объятий я начинаю думать, что присутствие Колтона и моё с ним знакомство вознесло меня в их глазах до статуса рок-звезды. Пока я получаю свои объятия, я замечаю, как Колтон подходит к дивану и приседает на корточки перед Зандером. Колтон говорит ему что-то, но я не знаю, что именно.

8 глава

Пока мы с Колтоном неспешно покидаем «Дом», меня охватывает странное чувство спокойствия. Думаю, это оптимальное состояние, чтобы отправиться с ним на свидание. Эффект неожиданности: мне удалось застать его врасплох, и он не мог спланировать ничего грандиозного. Потому что грандиозное планирование может быть приравнено к повышенной снисходительности и заранее продуманному оболыщению. А это именно те две вещи, в которых я, определённо, не нуждаюсь. Колтону тяжело сопротивляться и такому, как он есть — неподготовленному.

— Мы возьмём мою машину, — говорит он, кладя руку мне на поясницу; тепло его прикосновения успокаивает, пока он ведёт меня к гладкому, угольно-чёрному кабриолету, припаркованному у обочины. «Астон Мартин» красив и выглядит так, что понятно — за ним тщательно ухаживают. Похоже, он, действительно, умеет летать, и на мгновение мне хочется сесть за руль, утопить в пол педаль газа и умчаться, оставляя всех моих призраков позади.

— Классная тачка, — признаю я, хоть и стараюсь не показывать особенного интереса. Уверена, он привык к женщинам, которые подлизываются к нему, расхваливая его и его машину. Я не буду. Думаю, пора игре начаться.

— Спасибо, — он открывает для меня пассажирскую дверь, и я проскальзываю на сиденье, обтянутое чёрной кожей, любуясь изысканным, роскошным интерьером салона. — Я подумал, сегодня прекрасный день, чтобы кататься с откинутым верхом, — произносит он, обходя машину сзади и усаживаясь рядом со мной. — Я просто не мог предположить, что заполучу ещё и тебя. В качестве бонуса! — признаётся он, ослепляя меня мегаваттной улыбкой, пока надевает свои солнцезащитные очки.

Его улыбка так заразительна, что я не могу удержаться и улыбаюсь в ответ.

— А что случилось со старым добрым брутальным грузовичком? — спрашиваю я, в то время как он наклоняется и открывает передо мной бардачок, задевая рукой моё бедро и громко смеясь над моей репликой. Его прикосновение электризует, даже когда это происходит случайно. Колтон достаёт потрёпанную форменную бейсболку с лейблом Firestone на козырьке и водружает её себе на голову, тёмные вьющиеся волосы выбиваются из-под бейсболки на затылке, закрывая шею. Колтон надвигает бейсболку на лицо так, что её козырёк касается очков.

Предполагаю, что это его «инкогнито»-вид, но всё, о чём я могу думать — он выглядит чертовски сексуально. Как всегда готовый к извержению тлеющий вулкан — дерзкий, плохой парень с вызывающим слюноотделение телом. Я офигительно ошибаюсь, если на самом деле думаю, что моя сила воли захочет препятствовать какому-либо его ко мне требованию. Он тянется и быстро сжимает моё бедро, прежде чем нажать кнопку старта на приборной панели.

— Не волнуйся, грузовичок у меня тоже есть, — хихикает он, прежде чем двигатель с рёвом пробуждается к жизни, посылая вибрации по моему телу и наполняя меня острыми ощущениями.

— Держись! — кричит он, покидая окрестности «Дома» с возбуждённым взглядом маленького мальчика на лице. «Парни и их игрушки», — думаю я, рассматривая его из-под своих «авиаторов». Мастерство его вождения не должно меня удивлять, ведь он зарабатывает этим на жизнь, но, тем не менее, удивляет. Я также совсем не должна быть заморожена его абсолютным профессионализмом, тем, с какой плавностью и скоростью он управляет машиной, но мне очень хочется протянуть руку и дотронуться до него. Слиться с ним, даже зная, как опасно для меня пересекать эту черту.

Мотор оглушительно ревёт и смешивается со свистом ветра. Разговаривать в таких условиях не представляется возможным. Я сижу, сложа руки на коленях, наслаждаясь чувством свободы, пока ветер треплет мои волосы, а солнышко согревает кожу. Откидываю голову назад и поддаюсь желанию поднять руки вверх, пока мы несёмся по автомагистрали номер десять в западном направлении.

Оглядываюсь вокруг и замечаю, что Колтон пристально, с любопытством, наблюдает за мной. Он едва заметно, с крошечной улыбкой на губах, качает головой, прежде чем

возвращает взгляд к дороге. Через мгновение он нажимает кнопку на приборной панели, и в машине начинает бить музыкальный источник, окружая нас быстрым ритмом песни.

Заканчивается эта песня, и начинается другая. Я откидываю голову, громко смеясь. Это запоминающаяся броская популярная мелодия, которую я много раз слышала по радио Шейна. Краем глаза я замечаю, что Колтон бросает на меня насмешливые взгляды, поэтому, несмотря на свой средний голос, я громко подпеваю, надеясь, что он слышит слова: «Ты заставляешь меня замечательно чувствовать себя, даже если это неправильно. Я хочу кричать об этом вслух, парень, я просто прикусила язык». Я снова поднимаю руки над головой, давая себе волю, наслаждаясь ощущением, что пою Колтону о своих чувствах, не говоря ему об этом прямо. Это так не похоже на меня — петь вслух, отрываясь, — но что-то в том, что я с ним, сижу рядом в этом роскошном спортивном автомобиле, ослабляет мои запреты. Когда мы покидаем автостраду, я с удовольствием допеваю: «Это так здорово, но ты вреден для меня!», Колтон слышит эти слова и добродушно им смеётся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я продолжаю подпевать песням, но уже с меньшим задором, потому что двигатель теперь работает тише, так как мы выехали на Четвёртую улицу. Я замечаю, что мой водитель высматривает уличную парковку, и моё любопытство обостряется, потому что мы не решили, куда пойдём. Он резко сворачивает и с искусной точностью паркуется у бордюра.

Я оглядываюсь вокруг в попытке выяснить, где мы, в то время как он нажимает кнопку на гладкой приборной панели, и сексуальное мурлыканье двигателя прекращается.

— Ничего, если ты секунду посидишь в машине? — спрашивает он, сверкая искренней улыбкой, и это действует на меня сильнее, чем я хотела бы допустить.

— Конечно, — отвечаю я и понимаю, что на данный момент я соглашаюсь на гораздо большее, чем просто терпеливо сидеть в машине. Я выкидываю из головы все опасения и клянусь себе свыкнуться с мыслью о том, чтобы снова начать чувствовать. Из-за желания чувствовать снова. Пробегаюсь взглядом по его лицу, останавливаясь на губах, а потом отвожу его; непристойные мысли вихрем проносятся в моей голове. Он ещё шире улыбается, замечая моё пристальное внимание.

— Я сейчас вернусь! — объявляет он, прежде чем развернуться и изящно вылезти из машины, а потом намеренно останавливается спиной ко мне, чтобы дать полюбоваться невероятным видом своей обтянутой джинсами задницы. Я кусаю губу, стараясь подавить сильное желание, пробивающее моё тело. Колтон оборачивается ко мне через плечо и бросает, смеясь, прекрасно осознавая, как на меня влияют его действия:

— Эй, Райлс!

— Да, Ас?

— Я говорил тебе, что ты не сможешь мне сопротивляться! — Он ослепляет меня обезоруживающей улыбкой, прежде чем перепрыгнуть через бордюр, и, не оглядываясь, быстро идёт к жилому массиву, длинными ногами меряя тротуар.

Ничего не могу поделать с усмешкой, с которой смотрю на то, как он уходит. Этот мужчина — само очарование и воплощение сексуальности. От ребяческой усмешки, которая за секунды разоружает меня, и до плотской разнузданности, которая свидетельствует, что он точно знает, куда идёт, и каковы его намерения. Он источает мужество, вызывая желание, и управляет всеобщим вниманием единственным взглядом ошеломляющих глаз. Он резкий и безрассудный, и хочется двигаться вместе с ним дальше, в надежде увидеть проблеск его нежной стороны, прорывающейся время от времени. Плохой мальчик с оттенком

уязвимости, которая оставляет вас затаившими дыхание и крадет ваше сердце.

Я отвлекаюсь от своих мыслей, переключаясь на восхитительный вид широких плеч Колтона и сексуального самодовольства, с каким он шагает вниз по тротуару. При виде двух женщин он натягивает свою бейсболку пониже. Когда он проходит мимо, они обе поворачивают за ним головы, восхищаясь, а потом смотрят друг на друга, хихикая, пока одна другой восклицает: «Ничего себе!».

Я знаю, как они чувствуют себя, помножив это на сто. Вижу, как Колтон останавливается и исчезает в каком-то дверном проёме. Из моей точки обзора не видно вывески над входом на потрескавшемся фасаде.

Я коротаю время, любуясь лоснящимся салоном автомобиля, и рассматривая людей, которые проходят мимо машины Колтона и пялятся на неё. Звонок его телефона, лежащего на консоли, заставляет меня вздрогнуть. Я кидаю взгляд на экран, и вижу, как на нём высвечивается «Тони». Прежде, чем я гащу свою неожиданную ревность, на меня накатывает приступ раздражения при виде имени девушки на дисплее его телефона. Конечно, у него есть женщины, которые могут ему звонить, говорю я себе.

Вероятно, постоянно.

— Готово, — произносит, пугая меня, Колтон, размещая позади меня бумажный пакет с едой. Потом обходит машину и скользит на водительское место. Цепляя ремень безопасности, он замечает на экране телефона сообщение о пропущенном вызове и пролистывает его. При виде имени звонившего на его лице появляется загадочное выражение, а я отчитываю себя, потому что надеялась — он будет хмуриться, узнав, кто звонил.

Девушки всегда надеются.

За пару секунд мы возвращаемся на трассу и направляемся по автомагистрали в сторону Тихоокеанского побережья. Я люблю вид приборной панели, волн, разбивающихся о пляж на фоне медленно опускающегося за горизонт солнца, прежде чем осознаю, что мы тоже становимся частью этого пейзажа.

Колтон едет к пяточку почти пустой автостоянки. Я удивлена, что здесь так мало людей, ведь погода сегодня необычайно теплая для этого времени года.

— Мы на месте, — объявляет мой спутник, нажимая кнопку, поднимающую крышу машины, и она накрывает нас, пока мы въезжаем на стоянку. Я смотрю на него, не в силах скрыть удивление: я надеялась на неромантическое свидание, а он привёз меня на моё самое любимое место на земле. Ближе к закату пляж почти пустой. Колтон просто ведёт нечестную игру, но, с другой стороны, он не знает меня достаточно хорошо, чтобы знать мои предпочтения, таким образом, я приписываю это удаче, которая на его стороне.

Он берёт пакет с сиденья позади меня и выходит из машины. Затем вытаскивает из багажника одеяло, и только после этого подходит к моему сиденью. Открывая мне дверь, он игриво предлагает руку, чтобы помочь выйти из машины.

— Пошли, — требует он, и тянет меня за руку, и во мне вспыхивает тысяча соблазнительных ощущений, пока он ведёт меня к песку и приборной панели. Моя голова немного кружится оттого, что он продолжает держать мою руку, хотя я послушно следую за ним. Грубые мозоли на его ладони против моей гладкой кожи — желанное и волнительное ощущение. Почти как приводящий в чувство щипок, когда хочешь удостовериться, что не грезишь наяву.

Мы выходим на пляж, проходя мимо кучи одежды и полотенец, которые, по моему

мнению, принадлежат двум сёрферам, объезжающим волны. Мы идём молча, оба проникаясь окружающей красотой, пока я подыскиваю слова. Почему я вдруг так нервничаю — из-за напряжённости Колтона? От его близости?

Когда до полосы мокрого песка остаётся около трех метров, Колтон, наконец, произносит:

— Как насчёт остановиться прямо здесь?

— Конечно. Хотя, если бы я знала, что мы поедем к океану, я бы взяла купальник, — легкомысленно отвечаю я; как всегда, когда нервничаю, я глупо шучу. Если бы я могла закатить глаза на свои слова, я бы так и сделала.

Чувствуя отсутствие бравады в моих словах и мою ощутимую нервозность, когда мы действительно остались вдвоём, только он и я, Колтон иронично замечает:

— А кто говорит о купальниках? Я всегда купаюсь нагишом.

Я холодею от этого комментария, широко раскрыв глаза и громко сглатывая. Странно, что мысль обнажиться рядом с этим красавчиком так расстраивает меня, учитывая тот факт, что его руки уже были на мне.

Его совершенство против моей заурядности.

Колтон протягивает свободную руку, пальцем приподнимая мой подбородок так, чтобы я встретила глазами с его нежным взглядом:

— Расслабься, Райли. Я не собираюсь есть тебя живьём. Ты хотела простоты, я тебе её предоставил. Я подумал, что грех не воспользоваться такой необычно тёплой погодой, — говорит он, отпуская мой подбородок, и вручает мне коричневый пакет, чтобы иметь возможность расстелить на песке большое одеяло от Pendleton. — Кроме того, когда я, наконец, заполучу тебя обнажённой, это будет несколько более приватно, чтобы я мог наслаждаться каждой медленной и сводящей с ума секундой этого. Чтобы я мог не торопиться, и точно показать тебе, для чего было создано твоё сексуальное тело, — вскидывает он на меня глаза, его взгляд искрится желанием, а рот изогнут в греховной улыбке.

Я делаю судорожный вдох и качаю головой, не уверенная в себе, правильности моей реакции на него, и не зная, как я должна вести себя дальше. Этот мужчина способен совратить меня одними словами. Определённо, это плохой знак, и, если он продолжит в том же духе, я сдамся ему в самое ближайшее время. Я ёжусь от напряжённости его взгляда и направления собственных мыслей, которые заняли всё моё сознание.

— Садись, Райли. Обещаю — я не кусаюсь, — усмехается он.

— Посмотрим, — фыркаю я в шутку, отвечая, но подчиняюсь, и, сев на одеяло, отвлекаю себя от переживаний вознёй с молнией на своей обуви. Потом стягиваю носки, освобождая ступни, и шевелю пальцами, окрашенными лаком цвета пожарной машины, зарываясь ногами в песок. Подтягиваю колени к груди, обнимая их.

— Здесь так красиво. Здорово, что облака сегодня далеко отсюда.

— Мм-хм, — мямлит он, дотягиваясь до коричневого пакета с Четвёртой улицы. — Ты проголодалась? — спрашивает он, выуживая два свёртка, обёрнутые белой гастрономической бумагой, буханку французского хлеба, бутылку вина и пару бумажных стаканчиков. — Вуаля! — объявляет он. — Весьма утончённый обед — салями, сыр Проволоне, французский хлеб и немного вина. — Уголки его рта слегка приподнимаются, пока он оценивает мою реакцию. Будто удостоверяется, правда ли, что мне, на самом деле, нравится такой непринуждённый, без излишеств, пикник, вопреки принятым в Голливуде

блеску, гламуру и претенциозности.

Я осторожно смотрю на него, не испытывая радости от каких-либо игр или проверок, но, предполагая, такой как он должен опасаться подобного неодобрения больше других. Опять же, он сам просил меня о свидании, хотя я до сих пор не знаю, почему.

— Ну, это не «Риц», — сухо констатирую я, закатывая глаза, — но придётся довольствоваться тем, что есть, — раздражённо заканчиваю.

Он громко смеётся, откупоривая бутылку, разливает вино по стаканчикам и вручает один мне:

— За простоту! — благодушно провозглашает он.

— За простоту! — поддерживаю я, чокаясь с ним стаканом, и делаю глоток сладкого, ароматного вина. — Ничего себе! А девушка легко может привыкнуть к такому, — признаю я. И продолжаю говорить на его вопросительно-сомневающийся взгляд. — Чего же больше я могу просить? Солнце, пляж, еда...

— Достойное свидание? — шутливо интересуется он, и, отрывая кусок хлеба, укладывая на него слоями сыр и тонко нарезанная салями, протягивает мне этот бутерброд на бумажной салфетке. Я милостиво принимаю его, мой живот урчит от предвкушения. Я и забыла, какой голодной была.

— Спасибо, — говорю я ему, забирая из его рук еду. — За угощение, за жертвования, за Зандера...

— Что с ним случилось?

Я пересказываю ему суть истории мальчика; на протяжении всего рассказа лицо Колтона остаётся бесстрастным.

— И сегодня, увидев тебя, он в первый раз намеренно, по собственной инициативе, взаимодействовал с кем-либо, поэтому спасибо тебе. Моя благодарность больше, чем ты когда-нибудь сможешь узнать, — заканчиваю я, застенчиво опуская глаза; щёки заливают румянец, когда я вдруг чувствую себя неловко от его неприкрытого пристального внимания. Я кусаю свой импровизированный сэндвич; от сочетания свежего хлеба с гастрономическими деликатесами из меня вырывается благодарный стон. — О, это, действительно, великолепно!

Он согласно мне кивает.

— Я всегда закупаюсь в этом гастрономе. Это, безусловно, лучше и больше по мне, чем икра, — он непримиримо пожимает плечами. — Итак, почему «Всеобщая забота»? — спрашивает он; его рот слегка приоткрывается, когда он наблюдает за тем, как я наслаждаюсь едой.

— По многим причинам, — признаюсь я, откусывая ещё. — Возможность изменить что-то к лучшему, шанс быть частью прорывов, как сегодня с Зандером, и чувства, которые возникают, когда брошенный ребёнок начинает снова ощущать себя значимым... — я вздыхаю, не находя достаточно слов, чтобы выразить все свои чувства по этому поводу. — Так много всего, что я даже не могу начать объяснять.

— Ты очень предана всему этому. Я восхищаюсь тобой, — его тон серьёзный и искренний.

— Спасибо, — отвечаю я, делая ещё один глоток вина, и встречаюсь с ним взглядом. — Ты и сам сегодня вёл себя весьма впечатляюще. Как будто знал, что делать, несмотря на мои попытки выгнать тебя, — признаю я застенчиво. — Ты очень правильно повёл себя с Зандером.

— Нет, — мотает он головой, укладывая очередной кусок сыра на хлеб, — я вообще не лажу с детьми. Поэтому у меня их никогда не будет, — решительно резюмирует он с пустым выражением лица.

Я ошеломлена его заявлением.

— Довольно смелое заявление для кого-то настолько молодого. Я уверена, в какой-то момент ты передумаешь, — возражаю я, сощурившись, пока наблюдаю за ним, и жалею, что у меня, в отличие от него, в этом вопросе по-прежнему нет выбора.

— Абсолютно исключено, — настойчиво подтверждает он, впервые за время нашего знакомства отводя от меня глаза. Я чувствую, насколько неприятна ему эта тема. Это странно для такого самонадеянного и уверенного в себе и во всех других сферах жизни человека. В течение нескольких минут он молча смотрит на бурный океан; на его высеченном лице нечитаемый взгляд.

И когда я уже не жду ответа на своё, больше похожее на допрос, утверждение, Колтон прерывает молчание:

— Не совсем так, — произносит он с какой-то покорной грустью в голосе. — Я уверен, ты каждый день испытываешь это на собственном опыте, Райли. В этом мире люди используют детей в качестве пешек. Слишком много женщин пытается захомутать мужчину с помощью беременности, а потом, когда мужчина уходит, ненавидят своего ребёнка. Люди берут приёмных детей только ради ежемесячной правительственной выплаты. И это продолжается и продолжается, — он беспечно пожимает плечами, противореча тому, насколько глубоко затрагивает его скрытая за этими словами правда. — Такое происходит ежедневно. Дети загублены и брошены из-за эгоистичного выбора их матери. Я никогда не поставлю ребенка в такое положение, — он выразительно качает головой, всё ещё отказываясь встречаться со мной глазами; его пристальный взгляд следит за сёрфером, покоряющим очередную волну. — Несмотря на это, я, вероятно, испортил бы их так же, как меня, когда я был ребенком, — после этой последней фразы он глубоко дышит, одной рукой снимая бейсболку, а другой ероша волосы, что я интерпретирую как волнение.

— Что ты имеешь в виду? Я не понимаю, — я колеблюсь, пока задаю вопрос, не поднимая глаз. Этот разговор как-то очень быстро стал тяжёлым. На его лице мелькает раздражение, прежде чем я замечаю, как Колтон подавляет это чувство:

— Моё прошлое — достояние общественности, — заявляет он, а я морщу лоб от растерянности. — Известность заставляет людей докапываться до уродливых фактов в биографии знаменитости.

— Прости, — говорю я, поднимая брови. — У меня нет привычки исследовать биографии партнёров перед свиданием, — за своим сарказмом я прячу неловкость, которую испытываю от этого разговора.

Его насыщенные зелёные глаза ловят мой взгляд, на сжатой челюсти пульсирует жилка:

— В действительности, ты должна это делать, Райли, — предупреждает он стальным голосом. — Ты ведь никогда не знаешь, кто на самом деле опасен. Кто может причинить тебе боль, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Я озадачена этим внезапным высказыванием. Он имеет в виду себя? Предупреждает держаться от него подальше? Я в смятении. Преследует, а потом отталкивает? Это уже второе подобное его заявление за сегодняшний день. И какие выводы я должна теперь сделать?

И что это, чёрт возьми, за комментарии по поводу его загубленного детства? Его

родители — практически элита Голливуда. Он намекает, что они плохо с ним обходились? Исследователь во мне хочет во всём разобраться, но, думаю, Колтон не одобрит моего любопытства.

Я осторожно оглядываю его, видя, что его внимание опять приковано к прибору. В этот момент он предстаёт таким, каким его описывают СМИ. Тёмный и задумчивый, немногословный, с лёгкой тенью небритости на подбородке, с напряжённостью в глазах — отчего начинаешь считать его неприступным. Непредсказуемым. Широкие плечи и откровенная сексуальность. Плохой парень, чья искусно используемая привлекательность смешана с изрядной долей безрассудности. Возбуждённые женщины падают в обморок и клянутся, что могут приручить его — если бы у них был шанс.

И он сидит здесь. Со мной. Это ошеломляюще, и мне до сих пор не понятно, как всё это произошло, и почему это произошло со мной.

Я прочищаю горло, пытаюсь развеять неловкость, стусившуюся на нашем пикнике:

— Ммммм... — невозмутимо произношу я.

Он запрокидывает голову и громко смеется, повернувшись ко мне. Все следы задумчивого Колтона сразу заменены Расслабленным Колтоном, с глазами, полными юмора, и мегаваттной улыбкой:

— Все это немного сложно, да?

Я киваю, кривя губы, пока откусываю ещё один кусок сыра. Время сменить тему.

— Понимаю, что мой вопрос не оригинален, но всё-таки: что тебя побудило стать гонщиком? То есть, что заставляет тебя ради забавы носиться по кругу со скоростью двести миль в час?

Он отпивает из одноразового стаканчика.

— Моим родителям нужен был способ справиться с моим переходным возрастом, — пожимает он плечами. — Они решили: почему бы не обеспечить меня безопасной техникой, которой бы я увлёкся, вместо того чтобы мчаться на улице убивать себя или кого-то другого. К счастью для меня, у них были средства, чтобы выполнить задуманное.

— То есть, ты начал гонять в подростковом возрасте?

— В восемнадцать лет, — смеётся он, вспоминая.

— Что тут смешного?

— Я получил разрешение на сумасшедшую езду. Я гонял... на самом деле, выходил из-под контроля... как какой-то гоняющий слегка неопрятный панк, — Колтон смотрит на меня в ожидании какой-нибудь реакции. Я просто смотрю на него, подняв брови, и он продолжает. — Когда однажды меня задержали как малолетнего правонарушителя, я был освобождён только благодаря имени моего отца. Боже, как он был зол! На следующий день он вздумал преподать мне урок. Посадил в машину с одним из знакомых ему водителей-каскадеров. Думал, тот парень прокатит меня раз десять по трассе, я испугаюсь, и это вытряхнет из меня всё дерьмо.

— Очевидно, не сработало, — сухо констатирую я.

— Нет. Каскадёр поугал меня немного, а потом я спросил, может ли он показать мне пару профессиональных трюков, — с улыбкой на губах Колтон пожимает плечами, глядя в сторону воды. — В конце концов, он согласился, позволив мне пару раз вести машину самому. В тот день по какой-то причине на трек пришёл один из его друзей — его звали Беккет. Беккет был членом одного из экипажей местных гонщиков, и они только что потеряли своего водителя. Он спросил, думал ли я когда-нибудь о гонках. Я посмеялся над

ним. Во-первых, он был моего возраста — как он мог быть членом гоночной команды, а во-вторых, мог ли он, посмотрев, как я сделал пару кругов по треку, решить, что я могу водить гоночный болид? Я рассказал ему о своих сомнениях, и он ответил, что уверен — я хорошо смогу справиться с машиной, и попросил прийти меня на следующий день, чтобы ещё поговорить на эту тему.

— Оказался в нужное время и в нужном месте, — бормочу я, довольная тем, что узнаю о нём нечто, не залезая для этого в Интернет.

— В точку, — он качает головой. — Ну, я с ним встретился. Опробовал машину на трассе, неплохо показал себя и поладил с ребятами. Они попросили меня участвовать в следующей гонке. Я выступил очень прилично, поэтому стал продолжать участвовать в гонках. Стал известен. И держался подальше от неприятностей, — он улыбается мне озорной улыбкой, подняв брови, — по большей части.

— И, по прошествии времени, ты наслаждаешься гонками?

— Я хорош в этом, — говорит он.

— Я не о том спросила.

Он жуёт, тщательно обдумывая мой вопрос.

— Да, думаю, да. Нет других ощущений, кроме этого. Я — часть команды, и в то же время на треке — просто я. И нет никого, от кого бы я зависел, и некого обвинять, если вдруг что-то пойдёт не так. — Я чувствую страсть в его голосе. Колтон всё ещё испытывает почтение к своему виду спорта. — На трассе я избавляюсь от папарацци, поклонниц... моих демонов. Единственный страх в это время — тот, который создаю я сам, и я могу управлять им поворотом колеса или нажатием на педаль... а не любой другой, навязанный мне кем-то другим.

Поражённый взгляд на его лице говорит, что Колтон рассказал мне больше, чем хотел бы. Что он удивлён своей неожиданной откровенностью. Чтобы избавить его от беспокойства из-за ощущения уязвимости, я откидываюсь на руки и поднимаю лицо к небу.

— Как же здесь красиво, — говорю я, вдыхая свежий воздух и зарываясь пальцами в прохладный песок.

— Ещё вина? — спрашивает он, передвигаясь ближе ко мне. Мимолётное прикосновение его ладони к моей руке заставляет мои чувства петь. Я бормочу, соглашаясь, пока в голове замолкают предупреждающие звоночки. Знаю, мне необходимо быть от него на некотором расстоянии, но он чертовски привлекателен. Неотразим. Я совсем не ожидала такого, но тем не менее, предвкушала. Мне нужно очистить свою голову, он затуманивает моё восприятие.

— Итак, Ас, ты именно так представлял себе наше свидание, когда платил за него деньги? — Я поворачиваю голову и сталкиваюсь с ним нос к носу; растрёпанные волосы, полные губы, сверкающие глаза. Я задерживаю дыхание, замерев для всего, что может случиться, если я наклонюсь, его губы снова окажутся на моих губах. И я испытаю его чувственный голод, как это случилось сегодня в дверях «Дома».

Он посылает мне мимолётную улыбку.

— Не совсем, — признаёт он, но я ощущаю, что наша близость тоже на него влияет, потому что вижу, как ускоряется биение пульса на его шее. Его кадык движется вслед сглатыванию. Я возвращаю взгляд к его лицу, между нами повисают невысказанные мысли.

— У тебя, действительно, самые необычные и прекрасные глаза, — выдыхает он мне шёпотом.

Не то чтобы я раньше не слышала об уникальности своих фиолетовых глаз, но, по какой-то причине, от сказанных им слов сквозь меня спиралью проходит желание. В моей голове снова предупреждающе звенят колокольчики.

— Райли?

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом; моё сердце трепещет.

— Я спрошу тебя один раз. У тебя есть парень? — серьёзность его тона, как и сам вопрос, застают меня врасплох. Я не ожидала его, поскольку думала — Колтон знает ответ после нашего закулисного знакомства тем вечером. И что более удивительно, нежели сам вопрос — как он об этом спросил. Таким требовательным тоном.

Я отрицательно мотаю головой, шумно сглатывая.

— Никого, кого бы ты случайно заметила?

— Ты спрашиваешь об этом уже второй раз, — шучу я, пытаюсь стряхнуть нервозность, проносящуюся по позвоночнику. А когда вижу, что он не улыбается, а удерживает мой пристальный взгляд, снова отрицательно качаю головой. — Нет. А что? — интересуюсь, затаив дыхание.

— Я должен знать, кто стоит у меня на пути, — он склоняет голову набок и вглядывается в меня, отчего мои губы раскрываются, а во рту внезапно становится сухо, — чью задницу пнуть, прежде чем я сделаю это официально.

— Сделаешь официально — что? — моё сознание пульсирует в попытке выяснить, что же я упускаю.

— Сделаю тебя своей, — его дыхание обдувает моё лицо, а глаза поглощают меня целиком. — Как только я трахну тебя, Райли — ты будешь моя, и только моя.

О. Чтоб. Меня. Как могут эти слова, такие собственнические, такие доминирующие мужские, сделать меня ещё более изнаивающей по Колтону? От которых у меня, независимой, уверенной в себе женщины, к тому же, поставленной в известность этим мужчиной — да, Колтоном Донованом — что он будет иметь меня, не спрашивая, не давая мне права выбора, слабеют колени.

— Может быть, это случится не сегодня вечером, Райли. Может, и не завтра вечером, — обещает он с шелестящим урчанием в голосе, посылающим вибрацию сквозь моё тело, — но это случится. — Моё дыхание сбивается, а Колтон делает паузу, позволяя словам впитаться, прежде чем продолжить: — Разве ты не чувствуешь, Райли? Этот... — произносит он, указывая на себя и меня, — разряд между нами? Электричество, наполняющее атмосферу, когда мы вместе, слишком сильное, чтобы его игнорировать. — Я опускаю глаза, испытывая неловкость от самоуверенности, пронизывающей его слова. Он поднимает руку; от прикосновения его указательного пальца, прокладывающего себе путь по моей шее до подбородка, по коже рассыпаются искры. Он поднимает пальцем мой подбородок, вынуждая меня смотреть в глубину его глаз. — Неужели тебе ничуть не любопытно, насколько хорошо это будет? Если простое прикосновение рук так нас зажигает, представляешь, на что это будет похоже, когда я окажусь глубоко в тебе?

Смелость его слов и интенсивность пристального взгляда приводят меня в замешательство; я опять опускаю глаза, чтобы сосредоточиться на кольце, которое прокручиваю на безымянном пальце правой руки. Разумная часть меня знает, что когда Колтон получит желаемое, он оставит меня и пойдёт дальше. И хоть я и предупреждена, чем всё закончится, в конце я всё-таки буду опустошена.

Я не хочу проходить через это снова. Боюсь рискнуть из-за последствий, которые станут

для меня судьбоносными. Я использую этот страх, чтобы питать свою упёртость; независимо от крутизны приключения, неизбежный осадок его не стоит.

— Ты так самоуверен, что мне даже не требуется проявить себя для этого мероприятия? — высокомерно произношу я, пытаюсь словами скрыть глубоко таящуюся боль, за появление которой он ответственен. Его единственный ответ на мой вопрос — ухмылка, заставляющая замирать сердце. Я качаю головой. — Спасибо за предупреждение, Ас, но нет, благодарю покорно.

— О, Райли, — со смехом утешает он меня. — Этот едкий остроумный ротик, который я нахожу таким интригующим и сексуальным. Некоторое время он молчал, подавленный волнением. Я даже забеспокоился, — Колтон тянется и сжимает мою руку. — Ох, Райлс, ты просто знай, что это не предупреждение, сладкая. Это обещание.

С этими словами он с дерзкой усмешкой откидывается на локтях на одеяло и смотрит на меня с вызовом на лице. Я путешествую глазами по всей длине его вытянувшегося тела. Мои мысли сводятся к тому, как мне сопротивляться этому чрезмерному, безрассудному, проблемному и непредсказуемому человеку, словесный спарринг с которым постоянно ставит меня в неловкое положение. Заставляя меня желать. Пробуждая чувства и мысли, которые умерли в этот день два года назад. Всё же, в таком случае, мне, скорее, надо выбрать другой путь, потому что всё, что я хочу сейчас сделать — оседлать его прямо здесь, на этом одеяле, очерчивая руками твёрдые мышцы его груди, собирая в кулак волосы, и отдаться, пока все рациональные доводы не выветрятся из моей головы. Я храбро встречаюсь с его взглядом снова, зная, что он наблюдает за тем, как я оцениваю его тело. Убеждаюсь, что в моих глазах не отражается желание, которое я испытываю.

— А что насчёт тебя, Колтон? — с сомнением вопрошаю я, отыгрываясь. — Ты говорил, что не заводишь отношений с девушками, тем не менее, кажется, у тебя всегда в руках есть леди?

Он удивлённо выгибает брови:

— А откуда тебе известно, что кто-то всегда есть в моих руках?

Откуда известно? Мне что, признаться, что я периодически почитываю подшивку People у Хэдди, закатывая глаза на смешные комментарии? Должна ли я открыть ему, что иногда, ради развлечения, просматриваю на работе Perezhilton.com, как правило, пропуская сплетни об эгоцентричных плохо воспитанных голливудских детках, таких как он, которые думают, что они лучше всех остальных?

— Ну, я ведь стою в очередях на кассу в продуктовых магазинах, — признаюсь я. — Ты же знаешь, насколько верны новости, обсуждаемые в таких местах.

— Согласно им, я встречаюсь с трёхголовой иностранкой, а мои отредактированные снимки размещены рядом с объявлением о появлении чупакабры в кинотеатре «Норман», штат Оклахома, — заявляет он, выразительно изображая ужас широко распахнутыми застывшими глазами.

Я громко смеюсь. Действительно смеюсь. Обрадованная, что он не принимает СМІ всерьёз. Довольная, что в наш нелёгкий разговор он добавляет некоторого легкомыслия.

— Прекрасный уход от темы, но это не сработает. Отвечай на вопрос, Ас.

— О, Райли, это целиком бизнес, — журит он меня. — Что тут скажешь? Я ненавижу разборки, подсчёт очков — кто что должен сделать, как много, ожидание и принятие следующего шага, попытки выяснить, есть ли у женщины скрытый мотив быть со мной рядом... — он пожимает плечами. — Вместо всей этой ерунды я заключаю с кем-нибудь

взаимное соглашение, с перечнем правил и изложением требований, с договорённостью о специфических особенностях, и, таким образом, управляю ожиданиями, прежде чем у них даже будет шанс начаться или выйти из-под контроля. Такой подход значительно всё упрощает.

Что? Заключение договора? Так много мыслей проносится в моей голове, которые, я знаю, буду обдумывать позже, но видя, как в ожидании моей реакции его глаза впиваются в мои, я решаю, что юмор — лучший способ в этой ситуации скрыть возникшее от его слов изумление.

— Парень с проблемой по части обязательств, — я закатываю глаза. — Это что-то новенькое! — Он продолжает молчать, ничего мне не отвечая, пока я размышляю о нём, о его последних словах, обо всём этом. — На что ты надеешься? — продолжаю я насмешливо. — Что я просто взгляну в твои великолепные зелёные глаза, скину свои трусики и раздвину ноги, когда ты признаешься, что любишь женщин в своей постели, но не позволяешь им занять твоё сердце?

Несмотря на весь сарказм, я говорю совершенно откровенно. Неужели он думает, что только потому, что он тот, кто он есть, я отвергну свои моральные принципы? — И говорят, романтика мертва.

— У тебя есть возможность следовать своим словам, сладкая, — медленно произносит он, поворачиваясь на бок и подперев голову локтем. Неторопливая размеренная улыбка распространяется по его лицу. — Уверяю тебя, романтика — не то, под чем я с энтузиазмом подписываюсь. Нет такого явления в жизни, как «жили долго и счастливо».

Безнадежный романтик во мне тяжело вздыхает, позволяя игнорировать его комментарий и ухмылку на лице — ту самую, что заставляет замереть все мысли в голове, потому что, на самом деле, он чертовски привлекателен, а его глаза завораживают.

— Ты можешь быть серьёзным? Откуда эта эмоциональная отстранённость? — Я качаю головой, не понимая. — В других вещах ты кажешься таким страстным, увлечённым.

Он переворачивается на спину, положив руки за голову, и громко выдыхает:

— Почему кто-то таков, каков он есть? — отвечает он туманно, между нами повисает молчание. — Что-то, может быть, дано от рождения, а к чему-то я пришёл за годы взросления... как знать? В моей биографии много такого, о чём ты не хотела бы узнать, Райли. Поверь мне.

Я смотрю на него, пытаюсь расшифровать словесную путаницу его объяснений, в то время как он спокойно лежит ещё пару минут, прежде чем вынуть из-под головы руку и положить её на мою. Я наслаждаюсь этим нечастым знаком его привязанности. Большинство наших прикосновений — взрывные, чувственные. Редко они бесхитростные. Нетребовательные. Наверное, поэтому я наслаждаюсь теплотой его руки, просачивающейся через мою кожу.

Я всё ещё обдумываю его слова, невзирая на его отвлекающие прикосновения:

— Не соглашусь с тобой. Как ты можешь...

Я остаиваюсь на полуслове, потому что Колтон внезапно дёргает меня за руку, и через пару мгновений я уже лежу на одеяле, глядя в нависающее надо мной лицо. Не знаю, как это возможно, но моё дыхание ускоряется и замирает одновременно. Он очень медленно, абсолютно сосредоточенно одной рукой убирает непослушные растрепавшиеся пряди с моего лица, а другая его рука покоится у основания моей шеи, ровно под подбородком.

— Мистер Донован, вы пытаетесь сменить тему? — застенчиво интересуюсь я, моё сердце колотится, а в животе расцветает желание. Его прикосновение, как след от огня, оставляет на моей коже электрические заряды везде, где он меня касается.

— А это работает? — вдыхает он, наклоня голову набок в процессе изучения моего лица.

Я поджимаю губы и задумчиво шурю:

— Ммм... нет, мои вопросы всё ещё со мной, — я улыбаюсь, пока наблюдаю за тем, как он наблюдает за мной.

— Тогда мне просто нужно, наверное, что-нибудь сотворить, — бормочет он, с тщательной неторопливостью опуская голову, пока его шёпот не оказывается у моих губ. Я борюсь с желанием выгнуть спину, чтобы прижаться к нему. — Как насчёт прямо сейчас?

Как такое может быть: мы, вроде, на открытом воздухе, а у меня ощущение, что мне не хватает кислорода. Почему этот парень так влияет на меня? Я пытаюсь сделать медленный вдох, и всё, что чувствую, это его запах — леса, чистоты, мужчины — опьяняющая, возбуждающая смесь, которая и есть Колтон в чистом виде. Я не могу произнести ни слова, чтобы ответить ему, и выдаю только уклончивое «хм-мм». Всё, что вокруг нас — перекивания чаек, рёв прибоа, солнце, медленно опускающееся в океан — остаётся мною не замеченным.

Из-за того, что он так близко, я не вижу его губ, но по углубившимся морщинкам вокруг глаз догадываюсь, что он улыбается.

— Я должен это расценивать как «да» или принять как «нет»? — спрашивает он, медленно выговаривая каждое слово, лаская мои губы. Его глаза удерживают мой взгляд, в них плещется вызов. Когда вместо ответа я только прерывисто выдыхаю, он резюмирует: — Тогда я просто сделаю это.

С этими словами его губы оказываются на моих губах.

Он устанавливает медленный, завораживающий темп, будто пёрышком лаская меня лёгкими поцелуями. Всякий раз, когда я думаю, что сейчас он даст мне то, чего я всё больше хочу — углубит поцелуй — Колтон отодвигается. Опираясь рядом со мной на локоть одной руки, он располагает её кисть позади моей шеи. Другой же рукой он плавно движется вниз вдоль линии моего тела, останавливаясь на бедре. И там его рука стискивает мою плоть, упрятанную в джинсы, прижимая моё тело ближе к себе.

— Твои. Изгибы. Такие. Чертовски. Сексуальные, — шепчет он между поцелуями. Мои чувства в полном беспорядке — его действия мучительны и волнующи одновременно. Я запускаю руки ему под футболку, исследуя торс, переходя на спину, и чувствую силу его мышц, когда они перекатываются под моими ладонями в такт нашим движениям, в то время как он продолжает свое томное нападение на мои губы.

Если бы я была умной женщиной, на звание которой претендую, я на пару мгновений сдала бы назад и трезво оценила ситуацию. Я бы сообразила, что Колтон из тех парней, которые привыкли получать, что хотят, без предисловий и предосторожностей. И сейчас этим чем-то была я. Он уже испробовал прямой, переходящий сразу к сути дела, подход, и почти поймел меня у стены в том коридоре после десяти минут знакомства. Он уже использовал принуждение, договор, раздражение, и даже признал, что не заводит подруг, обязательства или отношения. Разумная часть меня оценила бы эти факты и поняла, что, принимая вызов прежним неудачам, он переходит к соблазнению. С уверенностью сказала бы, что теперь он меняет свой подход, не торопясь, используя силы и время на то, чтобы

разбудить во мне чувства и заставить желать его. Позволяя мне думать, что сейчас ситуация разыгрывается на моих условиях. Я поняла бы, что его поведение не имеет никакого отношения к эмоциям и желанию быть со мной «после», скорее, он пытается затащить меня в свою постель любимым доступным способом.

Но я не слушаю своё разумное «я» и придирчивые подозрения, которые оно пытается бросить мне в лицо. Я как в тумане отталкиваю раздражающее осознание, пытающееся пробиться от его имени к моему основательно заброшенному здравому смыслу. Мой здравый смысл захвачен, затоплен и прямо сейчас тщательно стёрт моей новой зависимостью, иначе известной как рот мистера Колтона. Его рот поклоняется моему медленным, неторопливым облизыванием языка, царапаньем зубов и нежностью губ.

— Эй-ей-ей, — дразнится он против моего рта, пока я пропускаю пальцы сквозь его волосы и пытаюсь за шею притянуть его ближе, так, чтобы удовлетворить свою пылающую потребность, которую он создал во мне, и получить больше.

— Ты меня расстраиваешь, — вздыхаю я в отчаянии, потому что сейчас его губы переместились, целенаправленно двигаясь по моей шее к мочке уха, вычерчивая открытым ртом поцелуи, и вызывая небольшие вспышки дрожи на своем пути.

Я могу ощутить в нежном местечке под ухом, как в ответ на мои слова на его губах появляется улыбка:

— Теперь ты знаешь, каково это, — бормочет он, — хотеть чего-то... — он отстраняется от моей шеи, и его лицо витает в сантиметрах от моего. Нет никаких сомнений — его глаза подёрнуты желанием, когда он встречается со мной взглядом. И повторяет, будто самому себе, — хотеть того, чего кто-то тебе не даст.

У меня не остаётся времени, чтобы осмыслить его слова, когда его рот обрушивается на мои губы. На этот раз он не сдерживается. Его губы завладевают мной с момента нашего соприкосновения. Он руководит поцелуем с огненной страстью, от которой кружится голова, здравомыслие тает, а желание стремительно растёт. Он целует меня с таким неутолённым голодом, как будто сойдёт с ума, если не отведаёт моего вкуса прямо сейчас. И у меня нет выбора, кроме как отдаться волне, которой он управляет, потому что я столь же захвачена страстью, как и он.

Его язык врывается в мой рот, привнося вкус вина, прежде чем Колтон ослабляет этот напор и мягко тянет меня за нижнюю губу. Я выгибаю шею, предлагая ему больше, желая, чтобы он взял больше, потому что не могу заполучить достаточно его опьяняющего вкуса. Он идёт мне навстречу, проложив ряд легчайших поцелуев вдоль линии челюсти, прежде чем возвратиться к моему рту. Его язык облизирует мой возвратно-поступательными движениями — лаская, обладая, разжигая.

Я упиваюсь, ощущая его. Тем, как собственнически его рука сжимает моё бедро. Тяжестью его согнутой ноги, упирающимся в меня очевидным возбуждением. Его ртом, контролирующим, принимающим и, в то же время, отдающим всё. Низкое, вызванное желанием, рычание, исторгнутое из глубины его горла в чистом удовлетворении, говорит мне, что я его возбуждаю. Что он хочет меня.

Я могла бы зависнуть в этом жаждающем состоянии с Колтоном на целый день, но звук приближающегося смеха приводит меня в чувство. К осознанию того, что мы, вообще-то, в общественном месте и у всех на виду. Колтон ещё раз мягко проходится поцелуем по моим губам, пока мы слышим в нескольких футах позади нас сёрферов, возвращающихся к своим полотенцам. Моё лицо всё ещё в колыбели его ладоней, когда он прижимается лбом к моему

лбу, пока мы оба пытаемся успокоить наше рваное дыхание.

На мгновение он прикрывает глаза, и я понимаю, что он борется за восстановление контроля. Его большие пальцы, нежно лаская, гладят мои щёки, и это успокаивает меня.

— Ох, Райли, что ты делаешь со мной? — вздыхает он, целуя кончик моего носа. — Что мне делать с тобой? Ты как глоток свежего воздуха.

От его слов моё сердце останавливается. А растёкшееся, было, тело машинально напрягается. Вспышка воспоминаний переносит меня на три года назад, к Макс, стоящему на одном колене, с кольцом на ладони, и как он выжидающе изучает моё лицо. И его слова, переполненные эмоциями, звенят в моих ушах, как будто это было вчера: «Райли, ты — мой лучший друг, мой путь на восход, мой глоток свежего воздуха. Ты выйдешь за меня?»

Я думаю о Макс, ярком, открытом и беззаботном, а смотрю на Колтона, замкнутого, недостижимого и неотвратимого. Из моего горла вырываются рыдания, когда я вспоминаю тот день, его последствия, и чувство вины затопляет меня.

Колтон пристально следит за моей реакцией. Он отодвигается от меня, по-прежнему удерживая моё лицо в ладонях; в его глазах искреннее беспокойство:

— Райли, что случилось? Ты в порядке?

Я упираюсь руками в его грудь, отталкивая, сажусь, притянув колени к груди, и обнимаю их руками. Трясу головой, прося дать мне минутку прийти в себя, и делаю глубокий вдох, сознавая, что Колтон в это время очень внимательно следит за мной, желая понять, что же вызвало такую мою реакцию.

Я пытаюсь выбросить из головы те страшные слова. Его мама кричит, что это я убила Макса, отец желает, чтобы на месте его сына была я, а брат Макса твердит, что его смерть — полностью моя вина. И я не заслуживаю когда-нибудь ещё познать подобную любовь.

Я дрожу от этих мыслей, собираясь с силами, и готовлюсь к вопросам, которые, как я жду, озвучит Колтон. Но Колтон молчит. Я кидаю на него взгляд — он мрачен, пока изучает меня, — и я снова перевожу взгляд на океан. Рука Колтона гладит мою спину, и это единственная форма утешения от него.

Я вырываюсь из воспоминаний, расстроенная оттого, что эти мысли прервали нас с Колтоном. Почему я не могу позволить себе случиться нашей связи и просто наслаждаться этим человеком — сильным, зрелым мужчиной в моих объятиях — который по какой-то нелепой причине хочет именно меня? Почему не могу принять его убогого оправдания отношений-на-одну-ночь? Просто чтобы избавиться от этого периодически возобновляющегося кошмара? Использовать Колтона так же, как Колтон хочет использовать меня?

Потому что это не я — шепчу я себе. «Ты как глоток свежего воздуха», — проносится в моей голове снова.

Я благодарна Колтону за молчание. Не уверена, является ли эта тишина пониманием, или он просто не желает влезать в чужие драмы — неважно, но прямо сейчас я рада, что с меня не требуют объяснений.

Позже я подумаю над причинами его отстранённости, а пока я слишком устала, чтобы думать, и хочу насладиться оставшейся частью этого вечера, который я так неожиданно омрачила.

Я тянусь за своим стаканчиком с вином. Колтон передаёт мне его, потом берёт свой и делает глоток.

— Знаешь, по-моему, неплохо, что мы расположились на природе, — произношу я,

пытаясь шуткой разрядить неловкую паузу.

— Почему, интересно?

Я делаю большой глоток вина, прежде чем продолжить:

— Это не даёт нам выйти из-под контроля на публике, — отвечаю, поворачивая к нему лицо, и улыбаюсь.

— Что заставляет тебя думать, что пребывание на открытом воздухе может меня остановить? — На его губах вспыхивает дьявольская усмешка, а потом он откидывается и начинает хохотать, глядя на моё потрясённое лицо. — Опасность быть пойманным только усиливает ощущения, Райли. Увеличивает интенсивность твоего возбуждения. Твой оргазм, — его голос соблазнительно окутывает меня, заманивая в сети.

Я пялюсь на него во все глаза, пытаюсь не дать своим мыслям попасть в его ловушку. Стараясь вернуть себе былое остроумие, чтобы достойно ответить, и не показаться затронутой его гипнотическими словами.

— Мне помнится, ты говорил, что в первый раз хотел бы уединённости? — усмехаюсь я, выгнув бровь, уверенная, что добилась равновесия и вернула камень в его огород.

Он так близко наклоняется ко мне, что я чувствую на своём лице его дыхание; в его глазах плещется веселье:

— Ну, по крайней мере, я только что получил подтверждение, что первый раз у меня будет.

Мои глаза распахиваются, когда я понимаю, к чему я только что с готовностью пришла. И, глядя на его лукавое озорство, не могу сдержать улыбки, растягивающей мои губы. Колтон качает головой, и, прерывая зрительный контакт, произносит:

— Посмотри на это, — он указывает на горизонт, где край солнца уже задевает полосу воды, и яркий шар тонет, проливая пастель на небосвод.

Благодарная за смену темы, я поворачиваюсь и бросаю взгляд на вид, который он мне демонстрирует, а потом спрашиваю:

— Почему так получается, что солнце добирается до горизонта целую вечность, а снижается буквально за минуту?

— Это отражение нашей жизни, тебе так не кажется? — загадочно интересуется он.

— То есть?

— Иногда в жизни выходит так, что, чтобы достичь максимума наших усилий в достижении цели, приходится совершить очень долгое путешествие. А когда, наконец, мы достигаем кульминации — всё очень быстро проходит, — он пожимает плечами, удивляя меня этой своей новой, философской, склонной к самоанализу стороной. — Мы упускаем то, что путешествие — лучшая часть этой цепочки. Собственно, причина всей затеи. Во время путешествия мы больше всего узнаём.

— Ты пытаешься что-то рассказать мне об окольных путях, Колтон?

— Нет, — произносит он, улыбаясь. — Просто высказал свои соображения. Вот и все.

Я осторожно поглядываю на него, всё ещё неуверенная в смысле его слов, хоть он и отказался их прояснить. Опять зарываю ноги в песок, ещё тёплый от солнечных лучей. Мне нравится ощущение, когда опускаешь пальцы в эту массу, двигая песчинки вверх-вниз.

Слышу, как рядом со мной возится Колтон, а потом раздаётся шуршание пакета из гастронома. Поворачиваюсь и вижу его, потянувшегося через одеяло, с двумя квадратными свёртками. Он садится рядом со мной, скрестив ноги, как ребенок в начальной школе. Упакованный квадратик располагается между нами.

— Лекарство от всех бед, — заявляет Колтон, протягивая мне его.

Когда я забираю у него не что иное, как брауни, наши пальцы соприкасаются, и мне нравится это прикосновение.

— Ты всё продумал для этого свидания за двадцать пять тысяч долларов, да? — дразню я его, быстро разворачивая упаковку. Он следит за тем, как я делаю первый укус; на моём языке тает восхитительный шоколад, мои глаза в знак признательности закатываются, а из горла вырывается восторженный стон. Вот это путь к моему сердцу!

Я перевожу взгляд от брауни на Колтона, пленённая выражением его лица.

— Ты хоть понимаешь, как чертовски сексуально сейчас выглядишь? — его голос звучит хрипло, даже немного болезненно.

Я перестаю жевать где-то посередине его тирады. Как ему удаётся сделать такие простые слова настолько очаровывающими в самый неподходящий момент? Искренность на его лице выбивает меня из колеи. И мы просто сидим, уставившись друг на друга, на расстоянии в полуметре друг от друга, на одеяле посреди пляжа. Без притворства. Без зрителей. Без ожиданий. Невысказанные слова, которые текут между нами, настолько сильны, что я боюсь моргнуть, боюсь пошевелиться или сказать что-либо из-за страха испортить этот момент. Это тот случай, когда я чувствую, что передо мной подлинный Колтон Донован — его незамаскированный уязвимый оригинал — который вызывает у меня желание потянуться к нему и забрать боль, мерцающую в этих зелёных глазах, чтобы облегчить ему жизнь. Показать, что существуют любовь и преданность без осложнений. Что отношения могут быть настоящими, чистыми и гораздо более мощными, чем можно себе вообразить, когда они строятся и взаимно подпитываются двумя людьми.

Я ощущаю в сердце призрачную боль, когда крошечная часть его отрывается, навсегда в этот момент отданная Колтону.

Наконец, ярываю с ним зрительный контакт, опуская глаза на свои руки, ковыряющие брауни. Я знаю, что никогда не смогу ему это сказать. Просто никогда не получу такого шанса. В ближайшем будущем, в какой-то момент я охотно отдам ему своё тело, несмотря на уверения моей головы в том, что это ошибка. Я буду упиваться этой связью, которая будет наполнена благоговейными вздохами и переплетёнными частями тел, и останусь опустошённой после того, как он уйдёт от меня, пресытившись. Я смаргиваю слёзы, обжигающие горло, от предчувствия момента, который у меня ещё впереди.

«Это всё от приближающейся годовщины», — говорю я себе. Я никогда не была такой эмоциональной — такой нестабильной во время каких-либо размышлений.

Я отщипываю кусочек от своего брауни и кладу его в рот. Оглядываюсь на Колтона и вижу, как по его лицу ползёт застенчивая улыбка, свидетельствуя, что сейчас он испытывал те же чувства. Небо темнеет, становится холоднее, и меня начинает знобить.

— Ты замёрзла? — спрашивает он, убирая большим пальцем кусочек шоколада, прилипшего к уголку моего рта. Затем подносит этот палец к моему рту. Я приоткрываю губы и всасываю шоколад внутрь. Из его горла вырывается стон, а губы слегка приоткрываются, пока он не отрывает от меня глаз. Если бы я знала, как эротично наблюдать за его реакцией, то, по примеру Гензеля и Гретель, оставила бы след из крошек брауни по всему своему телу, и наслаждалась бы процессом их поиска в исполнении Колтона.

Как будто в ответ на его вопрос я опять начинаю дрожать, хотя внутри меня всё пылает.

— Наше свидание было экспромтом, и я не захватил для тебя тёплой одежды или

дополнительного одеяла, — с сожалением в голосе выговаривает он. — Мы можем пойти ещё куда-нибудь, если ты хочешь.

Я поднимаю на него глаза, и вижу, с какой искренностью он смотрит на меня.

— Спасибо, Колтон. Я очень хорошо провела время.

— Несмотря на тяжелый разговор, — добавляет он, когда я делаю паузу в своем комментарии.

Я смеюсь:

— Да, несмотря на нелёгкие темы. У меня, на самом деле, была долгая неделя, и я истощена, — извиняюсь я. — Так что, я думаю, нам лучше вернуться. — Я не хочу этого, но изо всех сил стараюсь держать себя в руках.

— Оооо, облом! — Он шутливо прижимает руку к как бы израненному сердцу. — Это жестоко. Но я понимаю, — и смеётся.

Я помогаю ему упаковать оставшуюся еду и убрать её обратно в пакет, мы обмениваемся парочкой реплик. Я подбираю свои носки и обувь, когда Колтон объявляет:

— Сегодня Тедди подписал с моей корпорацией контракт.

— Здорово! — я не сдерживаю эмоций. Взволнованная открывающимися, благодаря этому соглашению, перспективами для моей профессиональной деятельности, и, в то же время, сомневающаяся в положительном влиянии этого сотрудничества на мою личную жизнь — но здесь уже без вариантов.

— Не могу выразить, как я благодарна...

— Райли, — с нажимом прерывает он мой лепет, — эта кампания не имеет ничего общего с происходящим между нами, — говорит он, указывая пальцем на меня, а потом на себя.

Чёрта с два не имеет. Меня бы не было здесь сейчас, если бы не эта договорённость.

— Несомненно, — бормочу я, соглашаясь, но понимаю, что не убедила его.

— Это мой, — я указываю на красно-белый «Мини Купер», припаркованный на улице, за пределами «Дома». Колтон останавливается за ним, приглушая сексуальное урчание двигателя. По всей улице светят фонари, только тот, который расположен ближе к «Дому», беспорядочно включается и гаснет. Из домов ниже по улице доносится собачий лай, в воздухе витает запах мяса, приготовленного на углях. Всё это создаёт атмосферу настоящего дома, который мои семь мальчиков, укрытых от невзгод за этими стенами, по-настоящему заслуживают.

Колтон обходит свой кабриолет, чтобы открыть мне дверь, и протягивает руку, помогая выйти. Я прижимаю к груди сумочку, и вдруг испытываю неловкость оттого, что иду к своей машине с рукой Колтона на поясице.

Поворачиваюсь к нему лицом, опираясь спиной о дверцу. Цепляю зубами нижнюю губу и начинаю её терзать, потому что мои нервы, кажется, на пределе.

— Ну... спасибо за прекрасный вечер, Колтон, — произношу я, осматривая улицу, потому что не в силах смотреть ему в глаза. Я что, боюсь с ним больше не встретиться? Конечно, нет — я знаю, нам дальше вместе работать. Так почему я вдруг ощущаю в себе смесь тревоги и печали, прощаясь с ним сейчас? Почему мысленно ругаю себя за то, что не приняла приглашение пойти после пляжа куда-нибудь ещё?

Колтон протягивает руку и кладет палец под мой подбородок, поворачивая мое лицо так, что я вынуждена встретиться с ним взглядом:

— Что это, Райли? Почему ты так боишься чувствовать? Каждый раз, когда наступает момент, и в тебе пробуждаются чувства, по твоему лицу пробегает тень, и ты отдаляешься. Замыкаешься и отступаешь. В считанные секунды закупориваешь готовую разлиться страсть, — он ищет ответ в моих глазах, его пальцы крепко держат мой подбородок, так, что я не могу отвести взгляд. — Кто сделал это с тобой, сладкая? Кто причинил столь ужасную боль?

Его глаза исследуют мои, желая получить ответы, которых я не могу ему дать. И оттого, что я молчу, на его стиснутой челюсти начинает биться жилка. Черты его лица, затемнённые ночным небом, напряжены в ожидании. Мерцающий уличный фонарь создает разительный контраст между его враждующими эмоциями.

Чувствую, как защитная стена внутри меня оцетинивается от его нежелательного внимания. И единственный известный мне способ, как удержать его на расстоянии — вернуть ему его же вопрос.

— Я могла бы спросить у тебя то же самое, Колтон. Кто причинил боль тебе? Что преследует тебя, время от времени мелькая в твоих глазах?

От моей тактики его брови выгибаются, но сосредоточенный взгляд непоколебим:

— Я не слишком терпеливый человек, Райли, — предупреждает он. — Я жду так долго только потому...

— Некоторые истории лучше не ворошить, — прерываю его я, слова вырываются из меня почти шёпотом, и моё дыхание сбивается.

Он ведёт пальцем по моему подбородку, а потом медленно проводит им по моей нижней губе.

— Теперь, — шепчет он в ответ, — я могу понять.

Его ответ меня удивляет, подтверждая моё предположение, что, на самом деле, он скрывается от чего-то в самом себе. Или убегает от этого.

Колтон склоняется к моим губам для медленного, долгого поцелуя, и из моей головы испаряются все мысли. Его нежность неожиданна, и я хочу запечатлеть этот момент в своей памяти. Чтобы наслаждаться им после. Я беспомощно вздыхаю у его губ, наши лбы на краткий миг соприкасаются.

— Спокойной ночи, Колтон.

— Спокойной ночи, Райли, — он отклоняется, берётся за ручку водительской двери, открывает её и усаживает меня внутрь. — До следующего раза, — бормочет он перед тем, как захлопнуть дверь.

Я запускаю двигатель и отъезжаю от бордюра. Машинально тяну руку, включая стереосистему, и чейнджер выбирает диск номер шесть. Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, и, пока двигаюсь вниз по улице, машину затопляет мелодия. Я вижу силуэт Колтона, как он качается на пятках, засунув руки в карманы, стоя под мерцающим фонарём. Как ангел, сражающийся с темнотой, или дьявол, разрушающий свет? Который из них — не знаю. Не считаясь ни с чем, он продолжает стоять, мой личный рай и ад, глядя, как я уезжаю, до тех пор, пока я не сворачиваю за угол, теряя его из своего поля зрения.

Я держу путь домой, несколько минут подпевая льющейся из динамиков музыке и проигрывая ещё раз в голове проведённый с Колтоном вечер. Делаю это машинально, по привычке, поскольку слова и ритм песен успокаивают меня. Заехав на подъездную дорожку своего дома, кладу руки на руль, а голову роняю на руки. Не то чтобы в моей жизни было много парней, но это было самое сильное, страстное, и странно уютное свидание в моей жизни. Я трясую головой, когда снова повторяю эти слова.

Святое дерьмо! Это — всё, что я, на самом деле, думаю о своем вечере. О неожиданном сталкерстве Колтона. Дьявол на моем плече повторяет мне, что это моя вина. Если бы я вела себя как обычная я, то никогда бы не оказалась жертвой его ловких рук в том закулисном алькове. Не очутилась бы в ситуации, в которой вынуждена говорить: «Спасибо, но меня это не интересует», подстёгивая это преследование — чистый вызов, долгожданную новизну в его мире нетерпеливых и ко всему готовых женщин.

Я вскрикиваю от неожиданности, когда в окно автомобиля кто-то стучит. Глубоко задумавшись, я не заметила, как к моей машине подошла Хэдди. Пока я открываю ей дверь, моё сердцебиение приходит в норму.

— Привет, Хэд. Подожди секунду, — я тянусь за своими вещами.

Я чувствую, как изменилось положение Хэдди в дверном проёме, потому что её тело перекрывает свет из гаража, бросая тень на переднее сиденье.

— Это Matchbox Twenty[3]? — спрашивает она, напрягаясь, чтобы расслышать музыку, тихо звучащую из стереосистемы.

«Ой-ой, — говорю я себе, — теперь она в курсе, что что-то происходит». Моя подсознательная склонность слушать Matchbox Twenty, когда я расстроена или что-нибудь обдумываю, вернулась, чтобы меня преследовать. Хэдди слишком хорошо знает это из тёмного периода моей жизни. И она так хорошо знает меня, что понимает: определённому моему настроению и мыслям соответствуют определённые песни.

Я смотрю на неё, её руки лежат на бёдрах, чувствую раздражение, волнами исходящее от неё, и не вполне понимаю, что ей известно. Потому что от этого зависит, как сильно я получу за то, что скрывала.

Если она очень сердита, никакие рациональные объяснения не помогут. Или если она чувствует себя обиженной. Я издаю тихий стон, поскольку мой и без того интересный вечер собирается продолжиться. Она никогда не отступит, пока не получит ответы, которые хочет. За её невинной красотой скрывается острый как бритва ум, и это одурачивает многих — но не меня.

Я-то её знаю.

Я быстро хлопаю дверью машины, пока она не услышала, что сейчас у меня на повторе их Vent. По крайней мере, это не Unwell. Сумка уже у меня в руках, но выйти из машины я не могу, потому что на моём пути Хэдди.

— Думаю, мы должны немного поболтать, — надменно произносит она. — Ты так не думаешь? — Она чуть сдвигается в сторону, оставляя руки на бёдрах. Ей достаточно просто двинуть ногой, и я транспортируюсь обратно, как будто прямо в кабинет директора в начальной школе.

Я заставляю себя весело улыбнуться:

— Конечно, Хэд. Что-то случилось? Кажется, тебя кто-то рассердил?

— Ты.

— Я? — Закатываю я глаза, направляясь к двери, пока Хэдди маячит у меня за спиной.

— Не закатывай на меня глаза, Рай, — требует она, пока мы проходим внутрь через парадную дверь.

Я смеюсь над её глубоким знанием меня и моей мимики, и, в то же время, я ограждаюсь от всего, что есть Хэдди Монтгомери.

Я бросаю свои вещи на высокий стол у противоположной от входа стены. А потом прячусь на диване в гостиной, поглубже в него зарываясь, и жалею, что не могу просто закрыть глаза и уснуть. Но не могу из-за Хэдди, которая садится в другой его угол, подбирая под себя свои гибкие ноги.

— И когда ты собиралась рассказать мне? — её голос до жути тих. Это плохой знак. Чем тише её голос, тем злее Хэдди.

— О чём? — подталкиваю я её к откровенности, рассчитывая, что она прояснит мне, что ей известно, и даст мне, таким образом, фору, чтобы рассказать ей подробности.

— О Колтоне, мать его, Доноване! — брызжет она слюной, широко распахнув глаза, пытаюсь подавить усмешку, которая угрожает прорваться сквозь её непримиримый фасад. — Ты, черт побери, издеваешься надо мной? И ты мне не рассказала? — с каждым словом тон её голоса повышается. Со столика рядом с собой она хватает бокал вина и пьёт из него, не разрывая со мной зрительного контакта. Её следующий вопрос тих, а в голосе слышна обида:

— Почему?

— О, Хэдди, — выдыхаю я, потирая руками лицо, и пытаюсь удержаться от наступающих слёз. Борьба проиграна, и первая слеза скатывается по моей щеке. — Я так растеряна, — я вздыхаю, на мгновение прикрывая глаза, чтобы постараться удержать под контролем скользящее сквозь меня волнение.

От моего признания лицо Хэдди смягчается:

— Прости, Рай... Я просто... переживала, оттого что ты не рассказала мне... Я думала что...

— Всё нормально, — говорю я, снимая обувь; к моим ступням прилипли песчинки, напоминая, что я действительно провела вечер с Колтоном. Как будто мне нужно напоминание, когда аромат его одеколona, смешанного с его запахом, до сих пор свеж в моей памяти. — Я не хотела тебя обидеть. Как ты...

— Ты не отвечала на звонки... совсем. Я была взволнована, хотела сообщить тебе, чьё участие в завтрашней вечеринке в честь нового продукта нам подтвердили. Я несколько раз звонила тебе и писала, но всё безрезультатно, — продолжает она. — Я была обеспокоена. Обычно ты так себя не ведёшь, и хоть слово посылаешь в ответ, даже когда занята. Я очень волновалась, поэтому позвонила Дейну, — мои брови вопросительно поднимаются. — Полагаю, он просто сложил дважды два, сопоставив, кто представлял «Колтон Энтерпрайзес» на аукционе и сделал от имени корпорации пожертвования, с личностью твоего посетителя сегодня в «Доме», после визита которого началась вся эта неистовая смс-переписка между юристами, — она пожимает плечами в качестве объяснения. — Ну, и, что происходит, Райли? Что ты скрываешь от меня?

— Это просто... Боже, я так всем переполнена, — и я рассказываю ей всё, все самые грязные подробности, несмотря на моё смущение в первые десять минут нашего взаимодействия. Во всё время моего повествования, пока она переваривает полученную информацию, её лицо остается бесстрастным.

Когда я заканчиваю, несколько минут она просто молчит, глядя на меня с безусловной

любовью на лице.

— Ну, — произносит она, поднимаясь, чтобы налить ещё вина, и возвращается с бокалом и для меня, — есть много чего, чтобы сказать и обсудить, но — в первую очередь, — она хватает меня за коленку, её будоражит от волнения, — святое дерьмо, Райли! Колтон? Донован? За кулисами в театре! Круто! — Она вскидывает руки над головой, и я мысленно съёживаюсь, надеясь, что вино останется в бокале. — Я горжусь тем, что ты, наконец, стала немного сумасшедшей. Как у тебя получилось?

Я ощущаю, как по лицу ползёт густой малиновый румянец, поэтому опускаю голову и начинаю крутить злополучное кольцо:

— Знаю, — бормочу я, — я пока сама не понимаю.

— Что? — вопит она. — О чём ты, чёрт возьми, говоришь? — и энергично пихает меня в колено, — Я имела в виду восхищение тобой, а не удивление, что он обратил на тебя внимание. Прекрати уже самоуничижаться, Рай, — она щёлкает пальцами перед моим лицом, заставляя меня смотреть на неё. — Он чертовски великолепен! Абсолютно мятежный, горячий плохой парень...

Как будто мне нужно об этом напоминать.

Хэдди пристально оглядывает меня, и я вижу, как на поверхность выходит легкомысленная часть её натуры:

— Вживую он так же хорош, как выглядит на экране?

Я пытаюсь подобрать подходящий эпитет, но, в результате, говорю первое, что приходит в голову:

— От него захватывает дух, — произношу я с благоговением. — Он сексуальный и властный, и раздражающий, и его глаза просто... и его губы... чёрт! — Я погружаюсь в воспоминания, в моих мыслях плывут обрывки образов и чувств. А когда возвращаюсь в реальность, вижу, как Хэдди пристально смотрит на меня с тенью улыбки на губах.

— Он тебе действительно нравится, так? — спокойно говорит она, понимая то, что я чувствую, но отказываюсь признавать.

От этой мысли мои глаза наполняются слезами, хоть я и пытаюсь изобразить на лице улыбку:

— Не имеет значения, нравится он мне или нет; он ясно дал понять, что я нужна ему только для одного, — яжимаю плечами, делая большой глоток вина. — Кроме того, я не могу этого сделать из-за М...

— Эй! Эй! Эй! — восклицает она, размахивая руками, чтобы остановить меня. — Я собираюсь воспользоваться этим разговором и разбить это убеждение на пару частей — разложить по полочкам для тебя и твоей задницы, если будешь продолжать в том же духе — потому что и то, и другое в этом нуждаются, — она стремительно пересаживается ближе ко мне. — Райли, милая, — её голос звучит серьёзно, — кого волнует, что там будет дальше, если речь идёт о Колтоне Доноване? Если он хочет тебя только ради твоего тела и для из ряда вон выходящего секса, то так тому и быть. Сделай это. Только потому что это не то, чего ты ждёшь, не означает, что это не всё, в чём ты, возможно, нуждаешься. И с кем же ещё это лучше сделать, как не с этим чёртовым Адонисом? — С весельем на лице она делает очередной глоток вина. — Дерьмо, да я бы оседлала его в мгновение ока, — бормочет она, поджимая губы, видимо, представляя, как бы это было.

Я громко хохочу:

— Ты бы да, — дразню я её, чувствуя, как моё тело медленно покидает напряжение. —

Тебе такое вытворить — раз плюнуть.

Она пинает мою ногу:

— О, ни фиги себе, ну, спасибо! Я не шлюха! — И после мгновения раздумий: — Ну, если не хочу ею быть, — и Хэдди смеётся.

— Нет, — фыркаю я, — я хотела сказать, что ты не замороженная и уверенная в себе. Ты абсолютно уверена во всём, что делаешь. Без сожалений, — я склоняю голову набок, — и ты уверенно привлекаешь плохих парней, — ухмыляюсь я ей.

— Хм-хм, да, я люблю их шалости, — хихикает она, на мгновение теряя нить разговора. — Но вернёмся к тебе. Нет нужды спутывать меня с мужчиной, который весь твой.

На её комментарий я закатываю глаза.

— Райли, парень может заполучить любую женщину, какую захочет, а занят преследованием тебя, отдавая тысячи долларов за тебя на аукционе, тратя миллионы на то, чтобы твои желания сбылись, и на ходу устраивая романтическое свидание на берегу океана. На закате.

— По словам Колтона, ему чужда романтика.

Она громко фыркает:

— Ну, возможно, ему стоит пересмотреть понятие романтичности, — замечает она, — потому что все его действия явно выдают в нём мужчину, преследующего цель завоевать.

Я качаю головой на неё и её откровенность:

— Он хочет меня просто потому, что я ему отказала. Я для него — вызов, противоположность в мире доступных и на всё готовых женщин.

— Хочешь сказать, ты была труднодоступной, когда он прижал тебя к стене за кулисами? — Она кривит рот, провоцируя меня.

— Ты знаешь, что такое поведение мне совсем не свойственно, Хэдди! Меня никто не касался с тех пор, как... — повисает молчание, и я качаю головой, пытаюсь избавиться от воспоминаний, держащих меня в плену. — И потом, я пришла в себя. Это адреналин, всё из-за того, что я оказалась в ловушке...

— Просто продолжай говорить это, милая, потому что я не знаю, кого ты пытаешься убедить — меня или себя — что это нарушение моральных принципов, — Хэдди пожимает плечами, не разрывая со мной зрительного контакта. — Здесь нечего стыдиться. Снова начать чувствовать — это нормально, Райли. Чтобы снова начать жить.

Слёзы подступают снова, и я смахиваю их тыльной стороной руки прежде, чем они упадут с ресниц:

— И хотя мы ещё не закончили с пунктом один в нашей повестке дня, давай всё же перейдём уже к пункту два, — я встречаюсь с ней глазами, и меня охватывает мрачное предчувствие. Внезапно до неё доходит, и выражение её лица меняется:

— Ты не хотела посвящать меня в эту историю, потому что боялась услышать от меня именно эти слова: что всё нормально и пора начать жить заново. Что время двигаться дальше, — её голос звучит мягко, успокаивающе.

Я медленно киваю, проглатывая огромный ком в горле. Она резко придвигается ко мне, обнимая, медленно покачивая и успокаивающе приговаривая. Истерика отступает, и я уступаю слезам, которые угрожали прорваться в течение нескольких последних дней. Так хорошо, наконец, освободить их — это действительно очищает.

Через несколько минут мне удаётся восстановить некое подобие контроля, и я, наконец,

могу говорить:

— Я просто... Мне кажется, что я предаю Макса. Я чувствую, что не заслуживаю... — рыдания мешают мне продолжить, — я чувствую себя виноватой...

— Райли, милая, — Хэдди прячет выбившийся завиток мне за ухо, — ощущать всё это вполне нормально, но наступает момент, когда нужно начать жить снова. То, что случилось с вами — трагично, ужасно. Для него. Для тебя. Но это произошло два года назад, Рай, — она берёт меня за руку, — и я знаю, ты не хочешь этого слышать, но однажды ты должна двинуться дальше. Нельзя ни о чём забывать, но ты — замечательная, красивая женщина — должна начать жить. Ты тоже когда-то была беззаботной и не заморачивалась. Ещё не поздно вернуть себе это состояние.

Я смотрю на неё во все глаза сквозь пелену слёз, застилающих зрение, и боюсь, что моё следующее признание сделает меня ужасным человеком. Я отвожу глаза, боясь взглянуть на неё, когда произношу:

— Одна из причин, по которой я чувствую себя виноватой... я... яркость эмоций, безрассудство — всё, что Колтон заставляет меня чувствовать — намного больше, намного сильнее того, что я когда-либо испытывала с Максом. — Воспользовавшись моментом, я смотрю на её лицо, но, против собственных ожиданий, вижу на нём сострадание, а не разочарование и отвращение. — А я собиралась выйти замуж за Макса, — выдавливаю я, испытывая огромное облегчение, когда с моей души падает этот камень. — Знаю, что это глупо, но никак не могу отделаться от этого ощущения. Ничего не могу поделать с тем, что приходит в голову, когда он рядом, и мне хочется только дышать и получить от Колтона больше.

— Ох, Рай... Почему ты держала всё в себе, пыталась справиться с этим в одиночку? — Хэдди стирает одну из своих слезинок, притягивая меня к себе и снова крепко обнимая. Прижимается щекой к моей макушке. — Райли, ты была другим человеком. Твоя жизнь изменилась. В то время, когда всем, кто видел тебя и Макса вместе, было понятно, что вы идеальны друг для друга, и ты это знала, — я слышу улыбку в её голосе, возникающую от этих воспоминаний. — А теперь... — она вздыхает. — Чуть больше двух лет назад ты побывала в аду и вернулась. Ты не та личность, что была раньше. Для тебя теперешней естественны другие ощущения — любить глубже, чувствовать интенсивнее, и никто не собирается винить тебя за это. К тебе никто не прикасался в течение двух лет, Райли. Конечно, реакция твоего тела будет ярче.

Мы сидим в тишине, пока я впитываю правду из её слов. Я знаю, что она права, я просто надеюсь, что смогу в это поверить, когда придет время. Моя созерцательная тишина нарушается, когда Хэдди вдруг начинает смеяться. Она выпускает меня из своих объятий, и я откидываюсь на спинку кресла, чтобы смотреть на неё в недоумении. Что, чёрт возьми, тут смешного?

— Что?

Она смотрит на меня, и я вижу в её глазах похоть.

— Он, вероятно, великолепен в постели, — она нечестиво ухмыляется. — Бьюсь об заклад, трахается он так же хорошо, как и водит — с долей безрассудства, раздвигая границы, и держит запал до последнего круга, — выгибая брови, она смотрит на меня с нахальной усмешкой.

От её слов я прикусываю нижнюю губу, при мысли о том, как он нависает надо мной, погружается в меня, заполняет меня. Я переживаю ощущение его губ на моих губах,

очертания его мускулов, перекатывающихся под одеждой, когда он двигается вместе со мной, и его рокочущий голос, когда он говорит мне, что хочет меня. Я вырываюсь из своих фантазий, моя киска влажная и жаждущая от мыслей о нём. Я снова смотрю на Хэдди, вижу, как она наблюдает за мной; её брови всё ещё подняты, будто она спрашивает, верна ли её оценка.

О, черт, да. Да еще как!

— С каких пор ты смотришь гонки? Ты видела, как он ездит? — я пытаюсь перевести тему.

— Броди смотрит. А я обращаю внимание, когда произносят имя Колтона, — она говорит о своём брате, а потом дьявольски улыбается. — Определённо стоит посмотреть на то, как камеры выхватывают его лицо.

— Парень умеет целоваться, — признаюсь я, усмехаясь, как ненормальная. — Точно умеет, — я киваю головой в знак согласия.

— Не думай об этом, Райли... просто сделай это. Будь безрассудной. Позволь себе расслабиться, — настоятельно советует она. — Неужели ты хочешь проснуться лет через двадцать и понять, что живёшь идеально упорядоченной жизнью, и всё на своих местах, но на самом деле ты никогда по-настоящему не жила? Никогда ничего стоящего не испытывала?

— Ну, мне нравится упорядоченность, — лукавлю я, а она закатывает глаза.

— Конечно, из всего сказанного ты расслышала только это! Просто представь, какие истории ты сможешь рассказывать своим внукам — о грязной интрижке с горячим плейбоем-автогонщиком.

Я делаю глоток вина, размышляя о её доводах.

— Я понимаю, о чём ты говоришь, Хэдди, в самом деле, но секс без обязательств... без отношений... Как ты это делаешь?

— Ну, это как вставить штекер А в гнездо В, — она криво усмегается.

— Это был риторический вопрос, ты, потаскушка! — Я бросаю в неё одну из рядом лежащих диванных подушек.

— Слава Богу! Я уж волновалась, что дискуссия затянется, и я окажусь перед необходимостью дать тебе пару уроков сексуального мастерства.

Она идёт к столу, откупоривает ещё одну бутылку вина и наполняет оба наших бокала. Потом садится на диван, откидывается назад, и я вижу, как она мысленно подбирает слова, прежде чем начать говорить.

— Может быть, это лучший путь из возможных? — Как только я вопросительно приподнимаю брови, она продолжает. — Может быть, для первого парня, появившегося у тебя после Макса, лучше и не завязывать никаких отношений? После всего с тобой произошедшего какие-нибудь сбои в тебе просто обязаны быть, поэтому, возможно, тебе стоит отбросить все предосторожности и позволить своей внутренней развратнице немного пошалить. Повеселиться и получить кучу сногшибательного секса, — она шевелит бровями, а я хихикаю; чрезмерное количество выпитого медленно вступает в силу, расслабляя мои расшатанные нервы.

— Моя внутренняя развратница, — повторяю я, кивая головой. — Звучит неплохо, но, думаю, она потерялась.

— О, мы можем поискать её, сестра, — хихикает Хэдди. — Вероятно, она скрывается под слоем паутины, покрывающей твою промежность, — мы смеёмся вслух, и этот смех

медленно переходит в долгий неудержимый хохот. Мои измотанные за неделю чувства приветствуют это освобождение. Я хохочу до тех пор, пока в глазах не проступают слёзы. И только начинаю думать, что мой смех уже должен прекратиться, как Хэдди качает головой. — Ты должна признать, Рай — парень невероятно горяч!

Я снова начинаю хихикать:

— Обжигающе горяч! — подтверждаю я. — Не могу дождаться, когда увижу его раздетым, — эти слова вырываются прежде, чем мой затуманенный мозг успевает их отфильтровать.

Хохот Хэдди прерывается, на её губах играет понимающая улыбка:

— Я знала это! — вопит она, показывая на моё лицо. — Я знала, что ты хотела трахнуть его!

— Э, да? — отвечаю я, и мы снова сгибаемся в припадке смеха.

— Давай ты напьёшься завтра на вечеринке, и когда мы обе дойдём до кондиции, вызовем его задницу забрать свою добычу!

— О, боже, нет! — я бледнею. Во что я ввязалась?

10 глава

Свет, который заполняет комнату, слишком ярок, когда я открываю глаза следующим утром. Канонада в голове заставляет меня громко застонать, и, выдернув подушку из-под головы, накрыть ею глаза. Я проклиная себя за многочисленные, выпитые вчера с Хэдди, бокалы вина, но улыбаюсь, когда вспоминаю наши слёзы, смех и дружеское общение.

И Колтона. Горячего, восхитительного Колтона.

Хммм. Я вздыхаю, вспоминая вчерашний день и его. Он должен будет что-нибудь сделать, чтобы облегчить ту сладкую боль, которую вызвал во мне. Я сжимаю бёдра вместе, пытаюсь с ней совладать, но безуспешно.

И поскольку я уже не могу прогнать из головы мысли о Колтоне, мои надежды снова провалиться в сон — развеяны. Я тяну руку из-под одеяла к тумбочке и слепо шарю ею в поисках своего телефона, попутно сбивая на пол пустую бутылку из-под воды. Она грохочет по деревянному полу, и от этого звука я съёживаюсь. Я чуть-чуть приподнимаю подушку, чтобы взглянуть на экран телефона и узнать, сколько сейчас времени.

И когда вижу экран, приподнимаю подушку ещё выше. С прошлой ночи у меня накопилась куча пропущенных вызовов и сообщений. Я быстро просматриваю этот список, по ходу отмечая, как с течением времени смс-ки Хэдди становятся всё более безумными. Есть несколько сообщений от Дейна, и, когда я заканчиваю просматривать весь список, последним высвечивается послание с незнакомого номера. Оно было отправлено после того, как я вернулась домой, в самый разгар нашей с Хэдди дискуссии. Я открываю сообщение и начинаю непроизвольно улыбаться. Потому что оно от Колтона:

«Райлс, благодарю за неожиданный пикник. Поскольку, тебе, кажется, наиболее удобно выражать свои мысли посредством музыки, я сделаю так же. ЛюкБрайан, I Don't Want This Night to End (прим .перев .«Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась») — прими таким как есть. Ас»

Я улыбаюсь его сообщению, когда понимаю, что он слышал слова, которые я пела ему в машине. Песня, про которую он написал, мне незнакома, поэтому я быстро выкарабкиваюсь из постели, игнорируя похмелье, чтобы дотянуться до своего MacBook Pro. Стаскиваю его с

туалетного столика и шлёпаюсь обратно на кровать, с волнением ожидая, когда он включится. Когда ноутбук, наконец, загружается, сразу же ищу в Гугл-поиске эту песню. С удивлением обнаруживаю, что она в стиле кантри — никогда бы не связала этот стиль с Колтоном, скорее, ему больше подходит хард-рок и вообще что-нибудь с тяжёлыми басами. Кликаю на ссылку, и следующие несколько минут для меня поёт Люк Брайан.

Я снова ложусь на кровать, закрываю глаза и прислушиваюсь к тексту. На моих губах лёгкая улыбка, пока мелодия песни мягко меня омывает. Моё первое предположение о мыслях в голове Колтона — это слова, которые он говорил мне вслух, что хочет меня, но суть песни в том, что он наслаждался временем, проведённым со мной прошлым вечером. Что он не хотел, чтобы вечер заканчивался. Я упиваюсь своим возросшим эго, а от мысли, что Колтон хочет опьянеть от моего поцелуя, в моём животе рождается трепет.

Не делай поспешных выводов! Я пытаюсь напомнить себе не вести себя легкомысленно. Этот мужчина предупредил меня держаться от него подальше. Говорил, что я должна изучать личность тех, с кем иду на свидание, чтобы знать, кто опасен и причинит мне боль, когда я меньше всего этого ожидаю.

Я сажусь и беру ноутбук в руки. Ставлю песню на повтор, а сама открываю ещё одно окно для поиска. Ввожу в строку «Колтон Донован». Тут же выпадает страница с многочисленными ссылками на его и его деятельность: гоночные сайты, канал Speed Channel, фан-сайты и так далее, и тому подобное.

Решаю сузить поиск и набираю «Колтон Донован Энтерпрайзес». Из списка ссылок выбираю официальный сайт компании. Первая страница — с фоном, на котором, как я понимаю, гоночный болид Колтона рядом с изображением офисного здания. Нахожу меню и пробегаюсь по вкладкам «Миссия», «История», «Продукция», «СМИ», а также по информации об его гоночной команде. Всё это очень впечатляет, но останавливаюсь я на пункте «Водители», и экран заполняет лицо Колтона. Снятое крупным планом, неподвижное фото, он в костюме для гонок. Колтон напряжённо рассматривает что-то вне объектива, и его зелёные глаза ясны и заинтригованы. На лице полуулыбка, как будто он вспоминает что-то приятное и милое сердцу, ямочка на правой щеке подмигивает камере. Волосы давно не стрижены и вьются, спускаясь на воротник.

Я со свистом втягиваю воздух. Да парень просто суперсекси!

Я делаю закладку этой фотографии, прежде чем заставляю себя закрыть страницу и возобновить поиск. Я переключаюсь на «Изображения Гугл» и неохотно печатаю его имя, боясь того, что могу увидеть. Страница обновляется, и на экране появляются десятки изображений Колтона; на большинстве из них он в сопровождении великолепных женщин, висящих на его руке и взирающих на него с обожанием. Знаю, у меня нет причины ревновать его к этим картинкам и знакомствам, но непроизвольно повожу плечами, стремясь избавиться от смятения. Понимаю, что пора уже закрыть эту вкладку, но ловлю себя на том, что упорно жму на каждое фото. Изучая. Сравнивая. Ни один из заголовков не именуется ни одну из этих женщин как его девушку, разве что как знакомую или партнёра по бизнесу. И в процессе изучения спутниц Колтона у меня вырисовывается типаж его обычного эскорта: высокая, длинноногая блондинка, тонкая, с лёгким налётом совершенства, достигнутого с помощью пластической хирургии. И все они потрясающе великолепны. И, к моему большому огорчению, я понимаю, что все они очень похожи на Хэдди, за исключением её естественности. Как ни странно, их светлые волосы рядом с тёмной внешностью Колтона ещё больше добавляют его образу резкости и отстраненности.

Я замечаю, что каждая из девушек соответствует определённому временному периоду, кроме одной. С одной ошеломляющей красавицей Колтон запечатлён несколько раз, в разное время, и меня это удивляет. Она — эскорт? Та, которую он вызывает, когда его методы не сработали, а ему срочно нужна пара для встречи? Или, на самом деле, она — женщина, к которой он постоянно возвращается, потому что между ними что-то есть? После просмотра нескольких их совместных фотографий я, наконец, вижу подпись, на которой есть имя. Тони Тейлор. Абонент, звонивший Колтону вчера вечером. Кто она для него? Я знаю, что могу застрять с этим на несколько часов, поэтому заставляю себя задвинуть эту мысль подальше, чтобы додумать её в следующий раз, хоть и боюсь узнать ответ.

Я не похожа ни на одну из этих женщин. Меня можно назвать высокой, но я, определённо, не выгляжу такой же анорексичной, как они. Я не толстая, но у меня есть изгибы во всех нужных местах, в отличие от их идеально ровных тел. У меня подтянутое тело, чем я горжусь — потому что усердно работаю над этим — тогда как они выглядят как есть, и им даже думать не нужно об упражнениях. Волосы у меня вьющиеся, насыщенного шоколадного оттенка, спускающиеся до середины спины, непокорные и доставляющие море проблем, но меня они устраивают. Я продолжаю сравнивать их и себя, пока не говорю себе, что пора прекратить это заведомо губительное дело и закрыть все фото, прежде чем я впаду в депрессию. Вся моя ненависть ко внешности этих девушек не имеет к ним лично никакого отношения.

Возвращаюсь к «Гуглу» и печатаю в строке поиска: детство Колтона Донована. Первыми идут ссылки на несколько страниц разных детских организаций, с которыми он связан. Быстро пробегаю глазами по другим ссылкам, выискивая какую-нибудь, где упомянуто его детство. Наконец, нахожу старую статью, написанную пять лет назад. У Колтона взяли интервью в связи с участием в благотворительной кампании, целью которой было ускорения процесса усыновления детей.

Вопрос: *Общеизвестно, что вы были усыновлены, Колтон. В каком возрасте?*

КД: *Мне было восемь лет.*

Вопрос: *Как для вас проходил процесс усыновления? Как бы вы воспользовались этими новыми инициативами, которые поддерживает ваш фонд?*

КД: *Мне повезло. Мой папа буквально нашёл меня на пороге своего дома, из-за отсутствия лучшего термина, можно сказать — подобрал, и вскоре после этого меня усыновили. Мне не пришлось проходить весь этот долгий, и поныне существующий процесс передачи в новую семью. Процесс, заставляющий детей, которым отчаянно нужен дом, которые хотят почувствовать себя нужными, месяцами ждать, когда заявка на них будет одобрена. Система должна прекратить смотреть на этих детей как на юридический случай, пока документы со штампом одобрения готовятся в течение нескольких месяцев бумажной волокиты, и начать видеть в них детей — хрупких и беззащитных, которые должны быть неотъемлемой частью чего-то. Частью семьи.*

Вопрос: *Какова же была ваша ситуация до усыновления?*

КД: *Давайте сосредоточимся не на мне, а на принятии этих новых мер по усыновлению.*

Он не хочет говорить об этом, чтобы не отвлекать внимание от благотворительности или ему было настолько плохо, что он просто не будет об этом рассказывать? Я просматриваю статью до конца, но о его детстве в ней больше ничего нет. Значит, ему было

восемь. С момента, когда он был подвержен страданиям, обусловлен ими — как он говорил — прошло много времени.

Несколько минут я смотрю на экран, воспроизводя в голове все истории усыновлённых детей, в основном, прошедших через мои руки, и вздрагиваю.

Решаю поискать что-нибудь о его родителях, Энди и Доротее Вестин. Мне выпадает множество страниц, заполненных перечнем заслуг по части фильмов Энди, номинаций на «Оскар», кинопобед, списком самых кассовых фильмов и прочее. Тут и там есть ссылки на его семейную жизнь. Он встретил Доротею, когда она снималась в эпизодической роли в одном из его фильмов. В то время она была Доротея Донован. Ещё пару раз щёлкаю на ссылки. Удивляюсь, почему Колтон взял фамилию приёмной матери, а не отца. Я продолжаю просмотр, находя обычные для известной голливудской персоны пересуды, правда, с отсутствием всяких бульварных драм и лечения в реабилитационном центре. Есть несколько упоминаний о его детях, сыне и дочери, но ничего, дающего ответы на мои вопросы.

Начинаю поиск по новой, и просматриваю различные ссылки, где упоминалось бы имя Колтона. Нахожу отрывки о драках в клубе, возможных препирательствах с актёрами нынешнего поколения, щедрых благотворительных пожертвованиях и с сентиментальными комментариями от других гонщиков о его умении и обаянии, которое он привносит в этот спорт, расписав свой болид после разделения лиги IRL несколько лет назад; довольно много информации о таком загадочном человеке.

Я громко вздыхаю; моя голова наполнена слишком большим количеством бесполезной информации. Более часа исследований не познакомили меня с Колтоном лучше, чем я знала его до этого. Никакая из найденной мною информации не подтверждает его предупреждения держаться от него подальше. И я ничего не могу с собой поделать. Снова открываю страницу официального сайта «КДЭ» и нажимаю на его изображение. Некоторое время смотрю на него, изучая каждый сантиметр и каждый нюанс его лица. Потом поднимаю глаза, и когда мой взгляд падает на фотографию Макса, стоящую на туалетном столике, моё сердце наполняет печаль. Его искренняя улыбка и голубые глаза посылают мне свет и тепло.

— О, Макс, — выдыхаю я его имя, прижимая ладонь к сердцу, где до сих пор, я клянусь, чувствую агонию. — Я всегда буду скучать по тебе. Всегда буду любить тебя, — шепчу я ему, — но мне пришло время найти себя.

Я разглядываю его фотографию, вспоминая время, когда она была сделана, и сколько его любви я ощущала тогда. Проходит несколько секунд, прежде чем я возвращаюсь к экрану ноутбука.

Закрываю глаза и глубоко дышу, укрепляя свою решимость, пока песня, которую адресовал мне Колтон, проигрывается уже в сотый раз. Время пришло. И, возможно, Хэдди права. Колтон может стать идеальным мужчиной для того, чтобы мне одновременно потерять и найти себя. Во всяком случае, столько, сколько он позволит мне быть с ним.

Я оглядываюсь на свой телефон, подавляя внезапное невыносимое желание ответить на его сообщение. Поговорить с ним. Но, если я собираюсь переспать с ним, я должна быть уверена, что пара вещей будет на моих условиях.

И то, что я буду его преследовать, безусловно, не позволит мне этого добиться.

11 глава

Я смотрю на себя в зеркало и с трудом узнаю эту девушку. И снова Хэдди полностью выложились, готовясь к сегодняшней вечеринке-презентации по поводу выхода нового продукта, устроенной компанией по связям с общественностью, в которой она работает. Почти час моя подруга выпрямляла мои волосы так, чтобы они сплошной ровной завесой легли мне на спину. Я продолжаю смотреть на себя в зеркало, пытаюсь привыкнуть к этому другому лицу. Мои глаза тонко подведены в стиле «смоки», и переливчатость дымчатых теней подчёркивает фиалковый цвет моих глаз. Телесные помада и блеск для губ ярче выделяют на скулах лёгкие штрихи бронзовых румян. Хэдди уговорила меня надеть маленькое чёрное платье, открывающее несколько больше кожи, чем я бы хотела. Лиф платья с глубоким V-образным декольте обтекает объёмное наполняющее моего бюста, но без оттенка распушенности. Исключительно лёгкий намёк на мягкие контуры. По плечам поднимаются ремешки, соединяя открытую спину с тонкими золотыми цепочками, свободно спадающими вниз на выпуклость моей попы. Я тяну подол платья вниз, потому что мне не свойственно носить подобную одежду.

Я снова смотрю в зеркало и улыбаюсь. Это не я, не та девушка, которую я знаю. Неуверенно вздыхаю, пока надеваю висячие серьги, дополняющие образ. Возможно, это и не я, но от этой девушки веет уверенностью, и я хотела бы снова быть такой. Новой личностью, которая собирается сегодня вечером выйти в свет, расслабиться и получить удовольствие. Девушкой, готовой к весёлой ночке и самоутверждению, прежде чем я впущу в свою жизнь Колтона и все последствия его предупреждения.

— Святое дерьмо! — присвистывает Хэдди, заходя ко мне в ванную. — Ты выглядишь горячо! Я хочу сказать... — она запинается, подбирая слова, — я прямо в замешательстве. Не помню, чтобы хоть раз видела тебя в этом сексуальном «смоки»-образе, Рай. — Я широко улыбаюсь её похвале. — Ты сегодня построишь их всех, детка! Чёрт, на это будет весело посмотреть!

Я смеюсь над её реакцией, моя самооценка повышается.

— Спасибо. Ты тоже весьма недурно выглядишь! — любезно хвалю её развратно-красное платье, демонстрирующее все её активы. Затем проскальзываю в свои босоножки на высоком каблуке, морщась от ощущений и, в то же время, ухмыляясь, когда вспоминаю последний раз, когда я в них была. — Дай мне секунду, и я буду готова.

Я хватаю клатч и бросаю в него права, деньги и ключи. Когда беру телефон, чтобы запихнуть его в эту маленькую сумочку, вспоминаю, что не спросила Хэдди о голосовых сообщениях от неё, которые я прослушала.

— Хэд? Я так и не узнала у тебя самое интересное о сегодняшней вечеринке. Какую знаменитость вам, ребята, удалось заполучить на свою презентацию?

Она посылает мне загадочную улыбку:

— Ох, у нас не получилось, — небрежно отмахивается она. Я стряхиваю с себя ощущение, что Хэд смеётся надо мной и не говорит всей правды. Она оборачивается, эффективно меняя тему. — Поехали!

Вход в клуб в центре города представляет собой впечатляющее зрелище — с

перекрещивающимся светом прожекторов, бархатными ограждениями и красной ковровой дорожкой, готовой принимать звёзд под вспышки фотокамер пользующихся случаем представителей СМИ. У входа — большой баннер с изображением Merit Rum — нового продвигаемого продукта. Мы паркуемся на специально отведенном для Хэдди и её коллег по работе в PRX месте, принадлежащем модному, высококлассному отелю, к которому присоединён и клуб. Хэдди машет нашими пропусками, и через пару секунд мы уже внутри переполненного зала; монотонное биение ритмичной музыки пульсирует в моём теле.

Я несколько лет не бывала в подобных местах, и мне нужно время, чтобы привыкнуть к тусклому освещению и громкой музыке, и перестать чувствовать себя испуганно-напряжённо. Думаю, Хэдди понимает, что мои нервы как натянутые струны, а уверенность стремительно уменьшается, несмотря на сексуальный вид, поэтому она ведёт нас сквозь толпу к бару. Игнорируя многочисленные бутылки Merit, коими уставлена вся столешница, она заказывает нам по два шота текилы каждой.

— Один на удачу, — усмехается мне подруга.

— И один для храбрости, — заканчиваю я вслед за ней наш старый, со времён колледжа, тост.

Мы чокаемся и закидываем в себя жидкость. Она обжигает горло. Я так давно не пила текилу, что вздрагиваю от её огня и прижимаю ко рту руку, пытаюсь как-то его притушить.

— Да ладно, Райлс! — кричит мне Хэдди, даже не поморщившись от алкоголя. — У нас на подходе ещё один!

С бесстрашной улыбкой на лице я поднимаю вторую рюмку, касаюсь ею рюмки Хэдди, и мы отправляем очередную порцию текилы по адресу. Вторая жалит не так сильно, и внутри меня разливается тепло, согревающее тело, но по вкусу текила по-прежнему для меня как дерьмо.

Хэдди бросает мне понимающий взгляд и начинает хихикать:

— Вечер обещает быть весёлым! — Её рука обвивает меня и сжимает в объятиях. — У меня так давно не было партнёра по безобразиям.

Я улыбаюсь ей в ответ, пока присматриваюсь к атмосфере клуба. Это огромное помещение, стены первого этажа отделаны пурпурным бархатом. Зеркало, занимающее в сверкающем баре всю стену, отражает обстановку, ещё больше визуально увеличивая зал. Посреди него — внушительного размера танцпол, окружённый вращающимися стробоскопами, которые создают головокружительное смещение цветов. По периметру зала, пролётами различной величины, к VIP-зоне углами поднимаются лестницы, и там, наверху, зеленовато-голубые кабинки разделены бархатными стойками. В одной части VIP-зоны, за органическим стеклом, виден диджей, колдующий над музыкальными ритмами, раскачивающими клуб. Официантки модельной внешности, в шортах и форменных майках, с одинаковыми пурпурными цветами в волосах мелькают тут и там. И весь клуб в целом шикарен, с лёгким оттенком изысканности, несмотря на стратегически размещённую кругом рекламную атрибутику Merit Rum.

Время приближается к одиннадцати вечера, толпа становится гуще, и я чувствую, как эта масса народа пульсирует энергией. В одном углу VIP-зоны заметна группа людей, и мне любопытно, кого из знаменитостей для продвижения их нового продукта привлекла команда Хэдди. Я была достаточно тесно знакома с её работой, чтобы знать, как это действует. Звёздные личности, демонстрирующие на фотосъёмках новый товар, рекламируют не только его, но и агентство Хэдди.

Я беру у неё из рук бокал с моим обычным «Том Коллинз»[4], тяну его через соломинку, попутно поглядывая на второй этаж. Потом вопросительно поднимаю на Хэдди глаза, не надеясь перекричать музыку, которая становится громче по мере того, как клуб становится многолюднее. Полагаю, до уровня громкости, когда останется только кричать друг другу, осталось минут тридцать.

Она улавливает мой немой вопрос о персоне наверху. Наклоняется, чтобы произнести мне в ухо:

— Точно не знаю, кто там. Присутствие на сегодняшней презентации нам подтвердили сразу несколько человек, — она уклончиво пожимает плечами. — Немного неожиданности — это не так плохо.

Я с интересом щурюсь на неё, и мне не понятно, почему она так мутно ведёт себя — ведь знает, что я не собираюсь ни с кем болтать и портить сюрприз. Она только широко улыбается и берёт мою руку, утаскивая меня словно на буксире. Мы движемся сквозь толпу как единое целое. Я чувствую, как алкоголь начинает медленно гудеть в моём теле, согревая, ослабляя моё натянутое состояние и расслабляя нервы. Впервые за долгое время я ощущаю себя сексуальной. Красивой и чувственной, и это меня не напрягает. Не алкоголь, а мой настрой даёт мне такую возможность; алкоголь, скорее, позволяет это, ослабляя мои беспокойство и неуверенность.

Я сжимаю руку Хэдди, пока она тянет меня к пурпурной кабинке, зарезервированной для сотрудников PRX. Она оборачивается ко мне и улыбается, видя, что я начинаю расслабляться. Получать удовольствие. Мы прорываемся сквозь людей, встречаясь в конце пути с двумя её коллегами. Я улыбаюсь им и говорю быстрое «привет», потому что уже знакома с ними по предыдущим мероприятиям. Благодарю одного из них за комплимент моему сегодняшнему стилю «вамп». Пока мы рассаживаемся, наверху, где раньше толпились люди, раздаются громкие приветственные восклицания. Я смотрю вверх, чтобы увидеть, что там происходит, но не замечаю никого, кроме множества полуголых женщин, которые пришли сюда, надеясь, что их заметят.

Я закатываю от отвращения глаза:

— Шлюхи для знаменитостей, — произношу я одними губами, и Хэдди раздражается смехом.

Я приканчиваю свой напиток, когда клуб заполняют звуки всем известной песни Black Eyed Peas. Я начинаю двигать бёдрами в такт ритму, а затем, прежде чем это осмыслить, хватаю Хэдди за руку и, раздвигая людей, тащу на танцпол. Удивлённый взгляд на её лице вызывает у меня смех, я закрываю глаза и позволяю музыке захватить меня целиком. Мы вместе поём: «Я чувствую, эта ночь будет прекрасной!», извиваясь, существуя на танцполе в своём собственном мире.

Я так давно не чувствовала себя свободной, что просто хочу остановить это мгновение. Хочу запечатлеть его в своей памяти, чтобы в следующий раз, когда буду падать во тьму, вспомнить свои ощущения и с помощью них вернуться к свету.

Мы с Хэдди танцуем несколько песен подряд, и с каждым новым треком моя уверенность в себе укрепляется, а движения становятся всё более гибкими и плавными. Некоторые из коллег Хэдди — Грант, Тамара и Джейкоб — присоединяются к нам, когда начинает звучать Too Close, старая композиция, но одна из моих любимых. Я кокетливо танцую с Грантом, разыгрывая с ним песню. Мы смеёмся, наши тела невинно касаются друг друга, пока мы наслаждаемся игривым лирическим взаимодействием.

Я поднимаю руки над головой, скрещивая их в запястьях, и кручу бёдрами в такт музыке; алкоголь бурлит в моих венах. Я закрываю глаза, впитывая царящую вокруг атмосферу. Покалывание в спине вырывает меня из транса, заставляя распахнуть глаза.

Я поднимаю взгляд, и, несмотря на синхронно движущуюся рядом со мной массу, остаиваюсь, буквально примерзая к полу, потому что вижу Колтона. Он стоит на одной из лестниц, ведущих из VIP-зоны вниз. В одной руке у него выпивка, а другой он небрежно обнимает статную блондинку. Блондинка, стоя к нему вполборота, мягко поглаживает рукой верх его слегка расстёгнутой рубашки. Её лицо наклонено к нему, и даже на расстоянии я вижу, с каким благоговением и обожанием она смотрит на Колтона, хотя сам он болтает и смеётся с щеголеватым парнем слева от себя. За Колтоном возвышается внушительных размеров и пугающего вида мужчина, сканирующий глазами зал. Должно быть, его охранник. Колтон посылает своему сопровождению естественную и беспечную улыбку, что позволяет мне мгновенно оценить его абсолютно разрушительную внешность. Блондинка что-то говорит, и Колтон возвращает своё внимание к ней. Убирая руку с его груди, она кладёт её ему на щеку, приближает своё лицо и запечатлевает на его губах медленный, соблазнительный, собственнический поцелуй.

Мои внутренности скручиваются, а взор затуманивается настолько, что я не в состоянии рассмотреть, поощряет ли Колтон и возвращает ли поцелуй, или просто терпит его. Во рту пересыхает. Я приросла к полу, наблюдая за ними. Полностью парализованная. Мы не вместе — мой постоянный отказ ему не продемонстрировал, что я хочу противоположного. И, несмотря на интенсивную и безосновательную боль, которую сейчас испытываю, я хочу только одного — чтобы в объятиях он держал меня. Целовал меня. Через пару секунд такого состояния боль во мне начинает перерастать в гнев. Какой же надо быть глупой, чтобы посчитать, что такой парень, как он, по-настоящему захочет такую девушку, как я, когда у него может быть такая, как она!

Краем глаза я замечаю, как замирает Хэдди, когда видит то, что вижу я. Я собираюсь повернуться к ней и что-нибудь сказать, но в это время Колтон убирает свой подбородок от сладких рук блондинки, поднимает глаза и ловит мой взгляд. Моё сердце пропускает удар и оказывается прямо в горле. Несмотря на расстояние между нами, я вижу вспышку шока в его глазах оттого, что мы опять встречаемся в одном и том же месте, в одно и то же время, еще раз.

Невзирая на толкающих меня, танцующих вокруг людей, мои глаза не отрываются от его глаз. Я знаю, что должна покинуть танцпол, прежде чем эмоции и угрожающие пролиться слёзы найдут путь наружу, но не могу сдвинуться с места. Не способная воспрепятствовать неизбежному, я скована его магическим притяжением. Колтон убирает свою руку с плеч блондинки, легко отодвигая свою спутницу в сторону. Затем, не глядя, вручает свой напиток собеседнику, и начинает решительными шагами спускаться по лестнице. Его изумрудные глаза пылают, ни на мгновение не прерывая нашего зрительного контакта.

Когда он достигает танцпола, пульсирующие ритмы сменяются глубоким обволакивающим гипнотическим вокалом Трента Резнора[5]. Без слова или взгляда с его стороны толпа танцующих раздвигается перед ним, пока он с видом преследующего добычу хищника движется в мою сторону. Выражение его лица нечитаемое, на сжатой челюсти пульсирует жилка, по углам лица от мелькающих огней мечутся тени. Длинные ноги быстро сокращают расстояние между нами. Многие, узнавая, поворачиваются к нему, когда он проходит мимо, но голодный блеск в его глазах останавливает их порыв приблизиться и

заговорить. Несмотря на громкость музыки, я отчётливо слышу, как Хэдди делает судорожный вдох, когда Колтон, наконец, доходит до меня.

Все мои обиды, вся боль и все обвинения, которые я хотела бросить ему в лицо, исчезают, когда, подойдя, он, без предисловий, хватает меня за бёдра, с силой дёргая на себя. Он держит меня, прижимая к себе, и его тело начинает двигаться, бёдра тереться о мои, в такт тяжёлому биению музыки. У меня нет другого выхода, кроме как двигаться вместе с ним, отвечая на животный ритм его тела. Я скольжу ладонями к его кистям, лежащим на моих бёдрах, и переплетаю свои пальцы с его пальцами. Удерживая его.

Держась за приключение, которое, несомненно, мне предстоит.

Наши взгляды сцеплены друг с другом. Моя голова запрокинута. Его губы слегка разомкнуты, и я слышу, как из них вырывается шипение, когда мои бёдра откликаются на его действия. Его глаза темнеют, стекленея от желания, с хищной потребностью наполняясь жаром. От одного только его опаляющего взгляда мои соски сжимаются, а тело становится беспорядочной плавящейся массой, сгорающей от жажды в ожидании его прикосновения. От его бесспорного владения мной.

Я закусываю нижнюю губу, когда наши сцепленные руки его усилиями движутся от моих бедёр за спину, сминая платье и обхватывая через ткань мой зад, сковывая меня словно наручниками. Мы продолжаем двигаться как одно целое, и я ощущаю прижимающуюся ко мне твёрдую выпуклость. Его возбуждение своей толщиной и убедительностью трётся о нижнюю часть моего живота. Он склоняется ко мне, наши лица в сантиметрах друг от друга. Я чувствую исходящий от него запах алкоголя, когда он дышит мне в губы.

Безусловно, это самый эротичный момент в моей жизни. Действительность отступает на второй план. Его опьяняющее воздействие на моё тело словно отодвигает от меня толпу озирающих нас людей, которые замечают меня только из-за стоящего рядом мужчины. Как будто есть только он и я. Танцующие. Откликающиеся. Возбуждающиеся. Предвосхищающие.

Песня заканчивается, но мы по-прежнему зачарованы друг другом. Я делаю долгий судорожный вдох, потому что чувствую себя так, будто впервые вдохнула после того, как он коснулся меня. Ещё пока не осознаю, что музыка не звучит, а диджей рассказывает в микрофон о представленном сегодня новом продукте. Что, за исключением небольшой группы людей вокруг нас, всё внимание клуба обращено к сцене.

Мы с Колтоном стоим, не двигаясь, чувствуя, что едва дышим, несмотря на бурно вздымающиеся грудные клетки, поглощая друг друга и рассыпая искры сексуального напряжения, вспыхивающие между нами.

— Колтон! Эй, Колтон, — прорывается в наш кокон голос, вырывая меня из моего очарованного состояния. Колтон поворачивает голову, находя взглядом сотрудника PRX, зовущего его по имени. — Пора. Ты нужен нам на сцене. Сейчас.

Он коротко кивает, перед тем как вернуть мне взгляд, полный жадного нетерпения, от которого мои внутренности начинают дрожать. Он выпутывает свои пальцы из моих, разжимая объятия и немного отстраняясь. Теплоты его тела немедленно не стало, но моё тело все еще бурлит от нашего контакта, желая и нуждаясь. Он посылает мне медленную, наводящую на размышления, улыбку и мягко качает головой. Мне? Собственным мыслям? Не знаю.

Колтон поднимает руку и тянет меня за волосы, выгибая брови — будто спрашивает, почему мои волосы выглядят по-другому. Я застенчивожимаю плечами, слова покинули

мою голову. Его снова зовут. Он поворачивается, чтобы уйти, но я успеваю заметить на его лице смену образов от Колтона, которого я знаю, к Колтону Доновану-знаменитости. Отстранённому и неприступному. Сексуальному и неукротимому.

Мы не произнесли ни слова, но у меня ощущение, что мы успели сказать очень много.

Я смотрю на его широкие плечи, пока он идёт сквозь толпу к сцене, а его телохранитель в шаге от него отодвигает роящихся вокруг людей. Я наблюдаю этот спектакль, и небольшая часть меня улыбается оттого, что я видела Колтона реального, не этого. По крайней мере, я надеюсь, что видела, и мои постоянные сомнения в этом возвращаются.

Прежде чем я могу досмотреть его восхождение на импровизированную сцену, Хэдди крепко берёт меня за руку и бесцеремонно утягивает с танцпола. Сопротивляться бесполезно, пока она тащит меня по коридору, мимо уборных, к небольшой нише возле выхода. Она разворачивает меня к себе, впериваясь в моё лицо недоверчивым взглядом.

— Ой, ты делаешь мне больно! — огрызаюсь я, выдёргивая свою руку из её хватки, не слишком довольная, что мне не дали шанса полюбоваться Колтоном.

— Что. Это. К чёрту. Такое. Было? — отрывисто произнося каждое слово, восклицает она. Я не знаю, как ей ответить. Думаю, я всё ещё не в состоянии сформулировать связную речь. — Святое дерьмо, Райли! Вы трахали друг друга глазами! Хочу сказать, что, глядя на вас, чувствовала себя неловко, как будто заглянула к вам в спальню, — она несёт чепуху, как всегда, когда взволнована, — а ты знаешь, что мне не бывает неловко.

Она прислоняется к стене, поднимая лицо с недоверчивым взглядом к потолку. Я стою напротив, уставившись на неё, потому что не знаю, что ответить, и она продолжает:

— Я знала по твоим словам, что вы, ребята, обжимались пару раз, — говорит она, игнорируя вырвавшийся из меня истеричный смешок, — но ты не дала мне знать, что происходит на самом деле... эта искра... химия... такое напряжение... мой Бог! То есть, я надеялась, что, когда ты его увидишь...

— Что? — её последняя реплика пробуждает в моём мозгу способность функционировать. — Что ты имеешь в виду, говоря, что «ты надеялась»?

Она смущённо улыбается:

— Ну...

Какого чёрта здесь происходит?

— Не тяни резину, Монтгомери!

— Ладно, я звонила тебе вчера вечером сказать, что мы пригласили его в качестве гостя — Merit один из его новых спонсоров. Так или иначе, я звонила просто потому, что была взволнована, думала, мы сможем расслабиться и вожделеть его сегодняшним вечером — я понятия не имела, что между вами происходит. Дейну я звонила как раз тогда, когда вы с Колтоном скрылись, — её слова буквально сыпятся мне на голову. Я киваю, чтобы она продолжала; мои глаза сощурены, губы поджаты. — А потом ты вернулась домой, и всё завертелось...

— И что? Ты решила не посвящать меня в ситуацию, потому что...

— Ну, — размышляет она, — когда ты мне всё рассказала, я не поняла, что вы двое — связь между вами — полна такого магнетизма. Это подкупает. Я предположила, что, может быть, если вы здесь встретитесь, я смогу помочь тебе ликвидировать проблему. Помочь повеселиться.

Я молча выдыхаю, без слов глядя на Хэдди. Знаю, она хочет как лучше, но, в то же время, мне не нужно, чтобы меня вели за руку как ребёнка. Я злюсь на неё. Злюсь на

Колтона, за то, что застучала его с той шлюшкой. Злюсь на него за то, что он демонстративно спустился ко мне и схватил так, как будто я ему принадлежала. Злюсь на вызванное им желание, от которого горят и плавятся мои внутренности. Между нами оседает моё задумчивое молчание.

— Райли, не сердись. Я прошу прощения. Я хотела как лучше, — она закусывает нижнюю губу, надувшись, зная, что я не могу долго на неё злиться. Я мягко улыбаюсь, тут же прощая её.

Потом прислоняюсь к стене позади себя и закрываю глаза, слушая, как толпа приветствует слова ведущего. И на первый план с грохотом выходит главный вопрос.

— Кто его спутница? — спрашиваю я, вспоминая блондинку. — Одна из тех, с кем у него та самая договорённость? Или он снял её в клубе? Почему он целует её, если говорит, что хочет меня? Он не позвал меня с собой, потому что я не подхожу — не достаточно красива, не достаточно сексуальна, не достаточно гламурна — чтобы появиться со мной рука об руку на публике?

— Не всё ли равно? — бормочет в это время Хэдди. — То есть, Иисус, Райли, вы двое...

— Кто она?

— Я не знаю, — качает она головой. — Его люди запросили десять пригласительных. Без имён.

Я извергаю череду проклятий, которые не имеют никакого смысла, просто я всегда так делаю, когда расстроена и пытаюсь переварить ситуацию. Хэдди настороженно за мной наблюдает, наизусть зная весь унылый список моих бранных слов и их истинное значение.

— Поговори со мной, Райлс, — уговаривает она меня. — Что за мысли крутятся в твоей голове?

— Я ведь не обманываю себя, так? — Она смотрит на меня с полным недоумением на лице. — Я хочу сказать, я не выдумываю? Химию? С Колтоном?

— Ты в своём уме? — бормочет она, схватив меня за плечи и слегка встряхнув. — Я боялась, что вы двое спонтанно воспламенитесь прямо на танцполе. Как ты вообще можешь сомневаться?

Толпа опять взрывается аплодисментами, звук эхом проносится по коридору. Я слышу, как Колтон говорит что-то в микрофон. Рокот его голоса притягивает. Народ снова приветствует его слова, и я жду, когда шум оваций спадёт, чтобы продолжить говорить.

— Если он нацелен на меня. Если есть эта химия... тогда почему он здесь с этой блондинкой? Почему он не позвал меня? Или я просто девушка, которую он хочет трахнуть на стороне? — в моём голосе ясно слышны смятение и боль.

Хэдди жуёт свои губы, пока раздумывает над моими соображениями.

— Не знаю, Райли. Здесь так много вариантов, — я поднимаю брови, не веря её словам. — Например, он уже назначил ей эту встречу до того, как встретил тебя. Или он хочет тебя, а она — тот кусок плоти, который он использует, пока ждёт от тебя согласия.

Я снова фыркаю:

— В самом деле? Ты её видела?

— А ты видела себя? — выговаривает она мне. — Ты смотрелась в зеркало, Рай? Ты великолепна в обычный день, а сегодня вечером выглядишь просто невероятно! Мне уже, вроде как, надоело тебе об этом напоминать. Когда уже ты поверишь в свою неотразимость? — Я, как ребёнок, закатываю на неё глаза. Игнорируя мою реакцию, она продолжает перечислять возможные сценарии. — Она могла быть одной из его партнёрш?

Или, может, она любительница потрахаться со знаменитостями, на которую он здесь наткнулся? А может быть, она просто его друг.

— Когда это ты в последний раз так целовалась с просто другом? — накидываюсь я на неё, выплёскивая свою обиду. Она стоит, скрестив руки на груди, и молча смотрит на меня. — И как теперь мне себя вести?

— Я бы посоветовала продолжать делать то, что ты делаешь. Очевидно, ты ему нравишься, вместе со своим упрямством и остроумным ротиком.

— Но как мне быть — что мне делать?

— Райли, если ты рассержена на него — сердись дальше. Это не мешало тебе говорить ему что угодно прежде, и он все ещё хочет тебя. Просто потому, что ты решила переспать с ним, не делает...

— Откуда ты знаешь, что я решила?

— Ох, милая, это написано у тебя на лице — и, если уж на то пошло, об этом говорит твоё тело. Кроме того, все, кто наблюдал ваше маленькое представление, уже убеждены, что вы любовники, — сочувственно смеётся она, видя, как расширяются мои глаза. — Слушай, Рай. Каждая женщина в этом клубе падёт к его ногам, стоит только Колтону щёлкнуть пальцами. Каждая, но не ты. Он преследует одну тебя. Как думаешь, сколько раз в его жизни ему отказывала женщина? Убегала от него? Возможно, ему это нравится. И если это так, не меняй своё поведение только потому, что решила иметь с ним дело, — шевелит она бровями.

— Вот именно! — признаю я. — Я для него всего лишь вызов или он действительно хочет меня? И если мы переспим, и задачка решится, как он будет вести себя со мной дальше?

— Да кого это, на фиг, волнует? — поражает она меня. — Ты слишком много думаешь, слишком глубоко копаешь, Рай. Просто забудь о голове на этот раз, проигнорируй её здравые предупреждения, и иди за тем, чего хочет твоё тело. Последуй примеру Колтона, — я делаю дрожащий вдох, внимая её словам. — Будь собой, Райли. Это — то, что ему нравится.

Я несколько раз киваю, пристально глядя на неё. И на моих губах появляется робкая улыбка:

— Может быть, ты права.

— Ура, аллилуйя! — вопит Хэдди, размахивая над головой руками. — Наконец-то ты послушалась! — Она хватает меня за руку и тащит по коридору к выходу. — Давай-ка взбодрись, закинь в себя ещё «жидкого мужества», и посмотрим, куда приведёт тебя вечер с сексуальным мистером Колтоном.

После нашего бодрящего разговора с Хэдди прошёл час, и моя уверенность, поддержанная постоянным потреблением алкоголя, вернулась в полную силу. Мы танцевали и веселились с парой её коллег, а сейчас сидим в нашем пурпурном углу, отдыхая, прежде чем начнём снова потрясать весь этаж. Я отчаянно пыталась не искать Колтона по клубу в течение всего этого времени. Пробовала игнорировать тот факт, что он, вероятно, целовался со своей блонди где-то поблизости. Но всё время ловлю себя на том, что мои глаза рыщут тут и там, или если я вдруг вижу большое скопление людей. Я также замечаю, что за тем, как я выискиваю его взглядом, наблюдает Хэдди, поэтому я стараюсь делать это украдкой, едва заметно. Она уверяет меня, что он, вероятно, занят с руководством Merit Rum. Я ценю её

усилия, направленные на улучшение моего самочувствия, поэтому просто выкидываю мысли о Колтоне из головы. По крайней мере, пытаюсь это сделать, с помощью очередного «Тома Коллинза».

Напитки Хэдди исчезают с гораздо меньшей скоростью, нежели мои, потому как технически она «на работе» и хочет быть уверенной, что все её способности останутся при ней. Я же постоянно в лёгком опьянении, но не более, потому что ненавижу терять контроль, что случается, если выпить чрезмерно много. Она смеется надо мной, поскольку я прошу, чтобы она в третий раз объяснила мне ситуацию с претенциозной знаменитостью, с которой она должна была иметь дело на прошлой неделе:

— Райли, дорогая моя, ты...

— Извините нас, леди, не возражаете, если мы присоединимся к вам? — Я поворачиваюсь и вижу позади двух привлекательных мужчин. Хэдди, глядя на меня, вопросительно поднимает брови, а потом оглядывается на говорившего, того, что повыше:

— Сделайте одолжение, джентльмены, — отвечает она, и её губы медленно растягиваются в сексуальную ухмылку. — Я — Хэдди, а это моя подруга Райли, — она кивает на меня, и мужчины проскальзывают в нашу кабинку. Высокий и темноволосый садится рядом с Хэдди, а другой — блондин с волосами как у сёрфера — располагается с открытой стороны кабинки, рядом со мной. Он доброжелательно, немного нервно улыбается и делает большой глоток своего напитка.

— Привет, Райли, меня зовут Сэм, — он протягивает мне руку, и я пожимаю её со скромной улыбкой на лице. Бросаю взгляд на Хэдди, увлечённую разговором с новым соседом; на её лице кокетство и смешливость. — Я бы предложил тебе выпить, но вижу, что твой бокал полон.

— Спасибо, — я опускаю глаза, разрывая с ним зрительный контакт, и робко тяну через соломинку свой коктейль.

— Сегодня здесь сумасшедшее количество народа.

— Да, точно, — пытаюсь я перекричать общий гул.

Он говорит мне что-то ещё, но из-за шумного веселья в кабинке рядом с нами я его не понимаю. Прикладываю ладонь к уху, показывая, что не слышу его. Он моментально придвигается ближе, располагая руку позади меня, и наклоняется к моему уху:

— Я говорю, ты, кажется, хорошо проводишь время, и я давно за тобой наблюдаю, и я рад...

— Леди со мной! — Я втягиваю носом воздух от стального рокота Колтона и угрозы, звучащей в его властном голосе. Мои глаза мечутся к Хэдди, и я вижу на её лице вспышку восторга, пока она осторожно посылает мне обнадеживающий взгляд. Моё сердце бьётся в бешеном темпе, кожа покрывается мурашками, а всё потому, что я чертовски настроена на Колтона и непосредственную близость его тела.

Я медленно поворачиваю голову, облачиваясь спиной о грудь Сэма, а его рука позади меня в непосредственной близости от моих плеч создаёт впечатление интимности. Поднимаю взгляд на лицо Колтона и пытаюсь проигнорировать возникший при виде него мгновенный прилив желания, устремившийся прямо к местечку между моих бёдер. Его волосы слегка взъерошены, рукава рубашки закатаны по локоть, на сжатой челюсти — и я нахожу это дьявольски сексуальным — бьётся жилка, а в глазах тлеет раздражение. Из-за приличного количества выпитого спиртного я чувствую себя дерзко, и мне хочется проверить, насколько, на самом деле, он раздосадован.

— Я с тобой? — удивляюсь я, и мой голос сочится сарказмом. Я чувствую, как от сужившихся от моего вопроса глаз Колтона напрягается и нервничает позади меня Сэм, не подозревая, пешкой в какой игре он сейчас выступает. — Правда? Я подумала, что ты с ней, — я сдвигаюсь в сторону, показательно заглядывая за его спину и высматривая его спутницу. Вопросительно поднимаю брови и продолжаю: — Ну, ты знаешь, с той блондинкой, которая висела на твоей руке.

— Прекрати, Райли, — выдаёт он, сквозь нетерпением. Я вижу, как он переключается на Сэма позади меня и, не говоря ни слова, одним взглядом посылает ему предупреждение.

Меня бесит, что он позволяет себе полтора часа шляться где-то по клубу, Бог знает что делая с той блондинкой, а потом думает, что может нарисоваться здесь и заявить на меня свои права! Я так не считаю. Я поворачиваюсь к Сэму, кладу руку ему на колено и нежно его сжимаю:

— Не беспокойся, Сэм, я не с ним, — произношу я так громко, чтобы Колтон меня услышал. Вижу, как от моих слов расширяются глаза Хэдди, и слышу низкий рык Колтона. Чувствую, как вздрагивает рядом Сэм. Возвращаю взгляд Колтону и смотрю на него с ухмылкой и вызовом в глазах.

— Не дави на меня, Райли. Я не люблю делиться, — я вижу, как инстинктивно сжимаются и разжимаются его кулаки. — Ты. Принадлежишь. Мне, — он заявляет свои права на собственность скрипучим рычанием.

Я выгибаю брови, изображая крайнее высокомерие:

— С чего бы это, Ас? — Замечаю, как его взгляд фокусируется на моей руке, сжимающей колено Сэма. — Прощлым вечером ты был со мной, сегодняшним — с ней, — я спокойно пожимаю плечами, хотя внутри всё совсем не так — моё сердце колотится, дыхание ускоряется. — Как мне кажется, это она. Принадлежит. Тебе, — совсем по-детски передразниваю я его.

Колтон проводит рукой по волосам, издавая раздражённый вздох, пока его взгляд пробегаётся поверх всех, находящихся в кабинке. Я вижу, как он пытается обуздать свою досаду на меня и на то, что свидетелем нашего разговора стала вся эта небольшая аудитория.

— Райли, — он шумно вдыхает и выдыхает. — Ты... ты, — он оглядывается на толпу, и затем его глаза, наконец, возвращаются к моим, распространяя нетерпение. — Ты всё время испытываешь меня. Отталкиваешь, — он ворчит, понимая, что произносит это вслух. — Что я должен был думать?

Я смотрю на него, потом опускаю взгляд, мой рот кривится в раздумье. Я, вроде как, наслаждаюсь игрой, заставляя мужчину, который очень уверен в себе и всегда получает то, что хочет, немного помучиться.

— Не уверена, хочу ли я тебя ещё, — дразню я его. Слышу, как от моего легкомысленного заявления Хэдди втягивает носом воздух, а в стакане Сэма звякает лёд, когда он судорожно допивает остатки своего алкоголя. — Девушкам свойственно менять своё решение, — насмехаюсь я над Колтоном, склонив голову, пока оцениваю его реакцию. — Мы печально известны этим качеством.

— К слову говоря, — сухо произносит он, делая глоток и наблюдая за мной поверх своего стакана, — в эту игру могут играть двое, Райлс, — предостерегает он, — и, думаю, в том, что ты делаешь, у меня гораздо больше опыта.

От его предупреждающего взгляда моя бравада слегка вянет. Я убираю руку с колена Сэма и быстро отодвигаюсь на своё место, не отрывая глаз от Колтона. Некоторое время мы

молчим, и клубная музыка служит фоном нашей небольшой драме.

— Ты заигрываешься, Райли, — выговаривает он мне.

Я бросаю взгляд на Хэдди: её лицо ничего не выражает, но в глазах потрясение и неверие, что всё происходит на самом деле. Я встаю лицом к Колтону, расправляя плечи и вызывающе поднимая подбородок:

— И что теперь?

Он цокает, качая головой, и делает шаг ближе:

— Надеюсь, ты наслаждаешься, потому что то, что ты здесь устраиваешь — настоящее шоу, — он пальцем приподнимает мой подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза. — Я не играю в игры, Райли, — извещает он меня так, что слышать его могу только я, — и я не потерплю, чтобы со мной играли, — между нами повисает сексуальное напряжение. Воздух просто пропитан им.

Я стараюсь дышать медленно и расчётливо, пытаюсь сформулировать умный ответ, но от его близости мои мысли мутнеют, а чувства бьют через край.

— Ладно, спасибо за новость, — я хлопаю его рукой по груди и чуть наклоняюсь; мои губы рядом с его ухом. — Я скажу тебе в ответ кое-что настолько же важное, — интригую я его, провоцируя, и слышу, как он со свистом вдыхает; мой шёпот ласкает его щёку. — Я не люблю чувствовать себя так, будто в подмётки не гожусь твоей своре блондинистых кисок, — делаю шаг назад, заставляя себя уверенно ухмыляться. — Ты подбиваешь ко мне клинья сразу после того, как — я знаю — был с другой. Или тебе придётся избавиться от этой привычки, или тебе ничего не светит, — резюмирую я, указывая на нас с ним, и поднимаю брови, — только так, если я вообще захочу связаться с тобой.

Уголки его губ изгибаются, в глазах веселье и вызов.

Боже, он великолепен! Даже когда сдерживает гнев, Колтон излучает грубую чувственность, которую моему телу очень трудно игнорировать. Я оборачиваюсь, чтобы заручиться поддержкой Хэдди, как вдруг слышу соблазнительный, бархатный голосок:

— Колт, малыш?

От этих слов меня тошнит.

Повернувшись обратно, вижу идеально наманикюренную ручку, которая, проскользнув под углом между рукой и торсом Колтона, собственнически располагается на его груди. Замечаю, как он напрягается от этого прикосновения, в глазах — попытка сдержать реакцию, затем он отставляет остатки своего напитка в сторону, шипя сквозь стиснутые зубы. Продолжаю наблюдать, как из-за его спины выступает та самая блондинка, и, жалостливо оглядывая меня с головы до ног, пытается утвердить свои права на Колтона. Затем в её глазах вспыхивает искра, когда она узнаёт во мне девушку, ради которой он оставил её и ушёл на танцпол. Если бы взгляды могли убивать, я была бы мертва от одного блеска её глаз. Но, несмотря на всё это, Колтон не отрывает своих глаз от моих.

Меня воротит от вида её руки на нём и мысли, что он имел с ней дело. Я в осуждении качаю головой, цокая языком.

— Как вовремя, — признаю я, пытаюсь унять свои подозрения по поводу идеального времени для вторжения этой дамочки в наш разговор. Оглядываюсь на Хэдди и двух мужчин с ней рядом, искренне к ним обращаясь:

— Я сожалею, пожалуйста, простите меня.

Хэдди с беспокойством на лице начинает собирать сумочку, но я незаметно качаю головой в знак того, чтобы она осталась.

Поворачиваюсь обратно к Колтону и смотрю на него в последний раз, надеясь, что он прочтёт мою мысль по глазам. Вот твой выбор. Я или она. Твой ход. Сейчас. Последний шанс.

Отвожу глаза, прерывая наш зрительный контакт. Он неподвижно стоит, укутанный блондинкой, как неподходящей одеждой. Я думаю, он принял решение. Стараюсь спокойно выйти из тесного помещения кабинки. В попытке избежать печальной участи, к которой, я не сомневаюсь, может привести меня связь с Колтоном.

Я понимаю, что ситуация прояснилась, и слепо пробираюсь сквозь бурлящую и толкающуюся массу людей. Моё сердце болит от осознания, что я никогда не буду в состоянии конкурировать с кем-то, подобным этой блондинке. Никогда. Я стараюсь сдерживать эту боль, прокладывая путь к бару, желая заглушить чувства, которые — как я позволила себе поверить — были настоящими. Взаимными. Снова возможными.

Дерьмо! Я заталкиваю обратно грозящие пролиться слёзы, пока протискиваюсь на свободное место в переполненном баре, каким-то чудом появившееся прямо напротив бармена. Он смотрит на меня, и, если и видит какое-то отчаяние на моем лице, игнорирует его:

— Что вы будете? — спрашивает он, перекрикивая шум. Мгновение я смотрю на него, взвешивая варианты. Выбираю такой, чтобы сразило быстро и наповал:

— Порцию текилы, пожалуйста, — прошу я, привлекая внимание человека, стоящего рядом. Ощущаю, что он проходится по мне взглядом, сверху вниз, и повожу плечами, ощетиниваясь от нежелательного внимания. Бармен двигает по столешнице в мою сторону стопку с текилой, я хватаю её, секунду глядя на него, и тихо произношу наш с Хэдди традиционный тост, потому что прямо сейчас мне, определённо, нужна эта «жидкая храбрость». Даже если это — ложная храбрость. Я без колебаний забрасываю в себя текилу, и от её жгучести моё лицо кривится. Пока тепло алкоголя скользит по горлу и разливается в животе, я держу глаза закрытыми. Потом, прежде чем открыть их, глубоко вздыхаю, не обращая внимания на предложение порции другого напитка от человека рядом со мной.

Выхватываю из сумочки телефон и набираю сообщение для Хэдди о том, что со мной всё в порядке, что она должна как следует повеселиться, и что мы увидимся с ней дома. Я знаю, если бы она не была здесь на работе, то сейчас была бы со мной и отвезла меня домой сама.

Поднимаю взгляд от телефона и ищу глазами бармена. Мне нужен ещё один шот, чтобы чем-то заглушить то, что меня признали негодной. Мои глаза пробегаются по всей территории бара, и тут в отражении его зеркальных панелей я вижу Колтона, целеустремлённо шагающего в моём направлении.

Несмотря на растущую во мне надежду, я бормочу: «Черт!», бросаю пару бумажек на стойку бара и, поворачиваясь на каблуках, стремлюсь к ближайшему выходу. Быстро его нахожу в углу, в конце бара, и толчком, со всей силы распахиваю двери. Я оказываюсь в пустом тёмном коридоре и испытываю облегчение в тот момент, когда двери за мной захлопываются, заглушая пульсирующую в клубе музыку. Однако я недолго остаюсь в одиночестве, потому как через пару секунд дверь снова распахивается, когда через неё прорывается Колтон. Наши взгляды на мгновение встречаются, я вижу в его глазах гнев, и, надеюсь, что в моих он видит боль, после чего отворачиваюсь, спеша по коридору дальше.

В отчаянии я испускаю сдавленный крик, когда Колтон догоняет меня и хватается за руку, разворачивая к себе лицом. Наше рваное дыхание — единственный звук в этом коридоре,

пока мы испепеляем друг друга взглядами, сталкиваясь характерами.

— Что, чёрт возьми, ты творишь? — рычит он мне, удерживая мою руку в своей власти.

— Прости, что?! — шиплю я с недоверчивым выражением лица в ответ на его дерзость.

— У тебя есть немного раздражающая привычка убегать от меня, Райли.

— А что тебе до этого, мистер Я-подаю-смешанные-сигналы? — бросаю я ему, мучительно пытаюсь избавиться от его хватки.

— Ты кое с кем болтала, сладкая. Разве тот парень — то, чего ты действительно хочешь, Райли? — он произносит моё имя как ругательство. — Быстрый перепахон с Серфером Джо? Ты хочешь трахнуть его вместо меня? — Я слышу остроту лезвия в его голосе. Подразумевающую угрозу. В этом темном коридоре, с чертами лица, скрытыми тенью, сверкающими глазами, каждой клеточкой своего существа он — тот самый пугающе плохой парень, на которого намекают таблоиды.

— Разве это не то, что ты хочешь от меня, Колтон? Быстрый трах для повышения уровня твоего хрупкого эго? Кажется, ты тратишь очень много времени, чтобы удовлетворить свою слабость, — я выдерживаю яростный блеск его глаз, в моём голосе сквозит презрение. — Кроме того, с каких это пор тебя заботит, что я делаю? Если мне не изменяет память, ты был весьма занят с блондинкой, целиком занимающей твои руки.

Под его подбородком пульсирует жилка, когда он сжимает и разжимает челюсти, крутя головой вправо-влево, прежде чем ответить:

— Ракель? Она для меня ничего не значит, — он спокойно констатирует факт.

У этого ответа столько смыслов, столько значений, и все они определяют его мнение о женщинах как далеко не самое лучшее.

— Ничего не значит? — вопрошаю я. — Такой я стану для тебя, после того, как ты меня трахнешь? — не отступаю я, расправив плечи. — Ничего не значащей?

Он стоит и кипит. На меня? На мой ответ? Потом делает шаг ближе, а я на шаг отступаю, спиной вжимаясь в стену позади себя. Мне некуда бежать. Колтон протягивает ко мне руку, но опускает её в нерешительности. Его челюсти опять сжимаются, на шее бьётся пульс. Он отворачивает голову в сторону, закрыв глаза, ругаясь про себя. Снова поворачивается ко мне — досада, гнев, желание и много ещё всяких эмоций горят в глубине его глаз. Меня нервирует напряжённость его взгляда, как будто он просит на что-то моего согласия. Я едва уловимо киваю, разрешая. И теперь уже он тянется ко мне без колебаний.

Через один удар сердца его губы оказываются на моих губах. Всё накопившееся за сегодняшний вечер — разочарование, раздражение, противостояние — взрывается, когда наши губы сталкиваются, руки сжимаются в кулаки, а души воспламеняются. В этом поцелуе нет ничего нежного. Меня прожигает жадная потребность, когда одна из его рук, змеясь по моей спине, хватая меня за шею и рывком тянет на себя, чтобы его рот мог разграбить мой. Его другая рука скользит между стеной и моей выгнутой спиной, собственнически оборачиваясь вокруг моего тела. Время вчерашних нежных выпадов и мягких ласк прошло.

Его губы движутся поверх моих, язык проникает в мой рот, головокружительным напором запутывая, дразня и мучая. Его руки скользят по моим, сжимающим его рубашку. Колтон хватая мои запястья, поднимая их над моей головой, прижимает к стене, удерживая одной рукой как оковами. Ладонью свободной руки берёт моё лицо в плен, прерывая наш поцелуй. Немного отстраняется, удерживая мой взгляд; его глаза темны и горят возбуждением.

— Не безразлична мне, Райли. Ты никогда не будешь ничего не значащей, — он едва

заметно качает головой, во мне резонирует вибрация его голоса. Прижимается своим лбом к моему, наши носы задевают друг друга. — Нет — ты и я — вместе, — со скрежетом произносит он. — Это делает тебя моей, — его слова нежным прикосновением касаются моего лица, проникают в душу и завладевают ею. — Моей, — повторяет он, убедившись, что я понимаю его намерения.

Я закрываю глаза, смакуя его слова. Наслаждаясь мыслью о том, что Колтон хочет, чтобы я принадлежала ему. Наши лбы всё ещё соприкасаются; и в этот момент я сдаюсь своим чувствам, и мои сомнения тают. Он отступает, мягко освобождая мои руки. Наши взгляды не отрываются друг от друга, и в какой-то момент мне кажется, что я вижу в его глазах вспышку страха.

Я осторожно кладу руки на его бёдра и потихоньку завожу их под его не заправленную рубашку, так что вскоре мои ладони касаются его кожи. Я чувствую этого яркого, мужественного парня кончиками пальцев. До этого всегда было наоборот — его руки были на моей коже. Был только его контроль. У меня не было возможности ощутить его руками. Я оцениваю своё приобретение; мои пальцы ласкают тёплую твёрдость его мышц, сокращающихся под моими прикосновениями. Я медленно глажу его пресс, обрисовывая каждую выпуклость, впитывая каждый вздох, который он делает, реагируя на мои поползновения. Это пьянящее чувство — слышать его ответную реакцию, видеть, как от желания расширяются его зрачки, когда я скольжу руками по его грудным мышцам, плавно перемещаясь на рёбра, и веду ноготками от боков к спине.

Он на мгновение закрывает от восторга глаза, явно наслаждаясь моим медленным, дразнящим нападением на его органы чувств. Я поднимаюсь на цыпочки, робко на него опираясь, и легко провожу губами по его губам, сжимая его плечи и притягивая к себе его тело. Чуть наклоняю лицо и кончиком языка облизываю его нижнюю губу.

Его пальцы неспешно проходятся по моим щекам, ладони ложатся на линию челюсти, обрамляя лицо, пока он нежно углубляет поцелуй. Его губы пробуют, а язык медленно, нежно раздвигает мои губы, сливаясь с моим языком. Его нежная привязанность трогает меня до глубины души, постепенно расслабляя и, в то же время, закручивая во мне спираль желания. Он забирает моё дыхание с каждым нежным движением. Я вздыхаю в поцелуе, мои пальцы впиваются в его плечи — и это единственный признак моего нарастающего нетерпения, желания получить больше. Необходимости получить больше.

Я ощущаю, как Колтон изо всех сил сдерживает своё вожделение, его тело под моими руками напряжено, впечатляющая эрекция прижимается к моему животу. Он продолжает своё мягкое и неумолимое нападение на мои чувства, концентрируясь исключительно на моем рте. Совращении моих губ. Его дыхание — моё. Его действия — моя реакция.

Он резко останавливается, размещая обе руки на стене по обе стороны от моих плеч, и собирает себя в кучу, опуская лоб и зарываясь лицом ближе к моему затылку, у основания шеи. Я ощущаю, как вздымается его грудь, так же, как и моя, и по какой-то причине я рада, что наше слияние влияет на него так же сильно, как и на меня. Я немного смущена его действиями, но позволяю ему взять себя в руки, пока успокаиваю бешеное биение моего сердца на фоне нашего сбившегося дыхания. Я бессознательно сжимаю колени вместе, пытаюсь утихомирить неустанное давление в местечке между бедер.

Я чувствую тепло его дыхания, пока он тяжело дышит у моей шеи, изо всех сил борясь за контроль.

— Милостивый Иисус, Райли, — бормочет он, качая головой и двигаясь вдоль моего

плеча, рассеивая невинные поцелуи вдоль моей ключицы. — Мы должны выбраться отсюда прежде, чем ты доведешь меня до крайности прямо здесь, в коридоре.

Он поднимает голову, чтобы посмотреть, как яотреагирую на его слова. Нет никаких сомнений: это то, чего я хочу. Он — тот, кого я хочу. Но невозможно отрицать тот факт, что я нервничаю — очень — боюсь разочаровать его своим более чем недостаточным опытом в этом деле.

— Пойдём, — он не даёт мне времени ответить, хватая за руку, обнимает рукой за плечи, притягивая к себе, и ведёт в глубину коридора. — В этом отеле у меня забронирован номер для ночёвки, — его сильная рука поддерживает меня, уводя к моему яблоку познания из Эдемского сада.

Я покорно слеую за ним, пытаюсь успокоить сомнения и неразбериху в моем сознании, поскольку сейчас, когда его рот не находится на моём, притупляя мою способность рассуждать, оно громко обсуждает происходящее. Мы очень быстро оказываемся у лифта в конце коридора и через несколько секунд уже заходим в него. Колтон достаёт из кармана ключ-карту, вставляет её в панель, открывая доступ к верхнему этажу. Это пентхаус.

Отступает ко мне и, пока лифт везёт нас вверх, кладёт руку мне на поясницу. Между нами осязаемая тишина, что только ускоряет мельтешение бабочек в моём животе.

— В чём причина изменений? — спрашивает Колтон, слегка потянув за мои выпрямленные волосы, пытаюсь облегчить состояние тревоги, растущее во мне.

— Стараюсь следовать шаблону, — рефлекторно язвлю я, намекая на многочисленные фото Колтона с женщинами, волосы у которых прямые. От моего комментария его лоб морщится, пока он пытается выяснить его значение, и тогда я предлагаю более понятное объяснение: — Иногда меняться неплохо.

Рукой, которая лежит на моей пояснице, он поворачивает меня к себе лицом, положив другую на застёжку повыше моей задницы. Затем опускает свою голову так, чтобы мы смотрели в глаза друг другу.

— Мне нравятся твои кудри, — говорит он мягко, и от этого комплимента моё эго расцветает. — Они подходят тебе, — теперь, когда высказался по моему поводу, он поднимает руку, чтобы убрать с моего лица выбившуюся из причёски прядь волос. Потом кладёт пальцы на щёку с той стороны, удерживая моё лицо; его глаза ищут мои:

— У тебя есть только один шанс, чтобы уйти, — предупреждает он меня, пока лифт звуковым сигналом сообщает нам о прибытии на нужный этаж. Хриплый тон его голоса наносит непоправимый ущерб моей силе воли.

От его слов моё сердце сбивается с ритма. Я в растерянности качаю головой, потому что не могу найти слов, чтобы достойно ответить.

Он игнорирует открывшуюся за ним дверь лифта и продолжает пристально смотреть мне в глаза:

— Я не смогу остановиться, Райли, — произносит он, зажмуриваясь, как будто это признание для него болезненно. Он делает глубокий вдох, отпуская меня, и запускает пальцы в волосы. Затем поворачивается ко мне спиной, протягивает руку и с силой жмёт кнопку открытия двери, упираясь руками в стены лифта. Широкие плечи Колтона заполняют небольшое пространство лифта. Его голова опущена вниз, в то время как он обдумывает свои следующие слова. — Я не хочу торопиться с тобой, Райли. Я хочу, чтобы наша связь набирала обороты красиво, медленно и сладко — как тебе это необходимо. Хочу подтолкнуть тебя к оглушительному падению через край. А после трахнуть тебя так, как мне

хочется. Быстро и жёстко, пока ты не станешь выкрикивать моё имя. Это то, чего я желал с того момента, как ты выпала в мою жизнь из того хранилища.

Я вынуждена прикусить губу, чтобы задушить немедленный стон, который хочет вырваться из меня от его тёмного обещания. Я борюсь с потребностью осесть у стены лифта, чтобы несколько облегчить напряжённую тяжесть в моей киске.

— Как только мы выйдем из этого лифта, не думаю, что у меня хватит контроля, чтобы остановиться... оторваться от тебя, Райли. Я. Не могу. Сопротивляться. Тебе, — его голос замученный, тихий и полный убеждения. Он снова поворачивается ко мне, его лицо переполнено эмоциями. Взгляд — едва сдерживающего себя мужчин. — Решай, Райли. Да. Или. Нет.

12 глава

Я смотрю на него сквозь ресницы, зажав нижнюю губу зубами, и киваю в согласии. И, когда он всё ещё молча продолжает смотреть на меня, я, наконец, обретаю голос, пытаюсь прогнать из него дрожь:

— Да, Колтон.

Его рот в мгновение ока обрушивается на мой, его голод ощутим, когда он вытягивает меня из лифта и неуклюже тащит к дверям пентхауса. Я непринуждённо хихикаю, пока он старается вставить ключ в дверь, одновременно пытаюсь удержать свои губы на моих. И вот у него получается, дверь открывается, и мы продолжаем наше неловкое движение, не отрывая друг от друга ртов.

Колтон пинает дверь и прижимает меня к ней, его руки зажаты между дверью и моей задницей. Пальцы страстно хватают мою плоть, вжимая меня в его мускулистый торс.

Я теряю себя в нём. В его прикосновениях, тепле, его тихих словах восхищения, когда дождь его поцелуев обрушивается на мои губы и шею, и обнажённую кожу в глубоком вырезе моего платья. Я продам себя за то, чтобы почувствовать такое снова. Чтобы снова хотеть.

Я неуклюже пытаюсь расстегнуть его рубашку, потому что мне необходимо ощущать его голую кожу против моей, но мне мешают его руки, блуждающие по моему телу, изучающие каждый сантиметр моей голой кожи, до которой могут дотянуться. Его губы переходят на территорию под линией моей челюсти, и я забываю про пуговицы и рубашку в моих руках, потому что меня переполняют ощущения. Поглощают меня. Из моего рта вырывается сдавленный вскрик, маленькие взрывы детонируют от моей шеи вниз, к средоточию между бёдер.

Колтон снова хватается за зад, поднимает, а я обхватываю его талию ногами. Одна его рука поддерживает мою спину, а другая ныряет под ткань платья, ладонью накрывая грудь. Я склонюсь к нему, когда его большой и указательный палец начинают перекачивать мой затвердевший сосок. Электрический разряд от его прикосновения разогревает моё лоно и, как лесной пожар, воспламеняет чувства.

Удерживая меня на руках, Колтон начинает перемещаться, его губы пируют на чувствительной линии моего плеча, а эрекция прижимается к моим бёдрам. С каждым шагом он восхитительными фрикциями трётся о мой клитор. Я вжимаюсь в него, напряжённый клубок во мне растёт, увенчивая и обрамляя мою потребность в разрядке.

Мы входим в спальню, и, несмотря на избыток ощущений, нахлынувших на меня, я всё ещё нервничаю. Колтон останавливается у края кровати, и я расслабляю ноги, опускаясь на пол. Я возвращаюсь к попытке освободить его от рубашки и на этот раз успешно. Он отпускает меня, на мгновение отстраняясь, пока высвобождает из рубашки руки и позволяет ей упасть на пол. Я получаю своё первое представление о голом торсе Колтона, и он абсолютно великолепен. Золотистая кожа поверх отлично вылепленных мышц. Сильные плечи конусовидно переходят в узкую талию, которая, в свою очередь, уступает V-образным мышцам, уходящим под низко сидящие брюки. На левом боку татуировка, только я не могу разобрать, что она изображает. На его груди небольшая поросль, а ниже пупка, между чётких кубиков пресса, спускается и уходит под пояс сексуальная дорожка волос. Если бы мои гормоны уже не бушевали от его искусных рук и рта, один его вид отправил бы мою систему в перегрузку.

Я скольжу жадным взглядом по его торсу снизу вверх и встречаюсь с взглядом Колтона. Он смотрит в ответ, его глаза, одурманенные желанием, пылают похотью. Сексуальная ухмылочка расплзается по лицу, пока он избавляется от обуви и носков, и снова подходит ко мне. Он поднимает к моему лицу руки, обрамляя его ладонями, и его рот дарит моим губам медленный, терзающий поцелуй, прижимая меня к нему. Его руки скользят по моему лицу, по плечам и медленно спускают платье вниз по моей спине, пока ткань не открывает обнажённую кожу до бёдер.

— Боже, Райли, я хочу чувствовать твою кожу на моей, — мгновение его пальцы играют с подолом моего платья, прежде чем сграбастать его и медленно поднять. — Почувствовать твоё тело подо мной, — его слова гипнотические. Приглашающие. — Мой член будет погребен глубоко в тебе, — бормочет он у моих губ и, слегка откинувшись, но не отрывая взгляда от моих глаз, через голову стягивает с меня платье.

Я начинаю избавляться от своих высоченных каблуков, но Колтон наклоняется, схватив меня за руку прежде, чем я дотягиваюсь до своих туфель:

— Не-не, — похотливо выговаривает он, — оставь их.

Я втягиваю носом воздух, и неуверенность напоминает о своем существовании, пока я стою перед ним в лифчике, в клочке кружева, называемом трусиками, и туфлях на шпильке:

— Я думаю...

— Ш-ш-ш, — шепчет он в мои губы. — Не думай, Райли. Время размышлений закончилось. — Он делает шаг, сдвигая меня назад, чтобы мои колени коснулись кровати, и затем медленно опускает меня на постель, его рот всё ещё осыпает меня поцелуями. — Просто чувствуй, — требует от меня его хриплый голос. Одна из его ладоней обхватывает мой затылок, пока другая медленно перемещается к чёрному кружеву моего лифчика, глядя над грудью, и возвращается обратно. С моих губ срывается стон. Его прикосновения нужны мне прямо сейчас, так же, как следующий вздох.

— Дай мне посмотреть на тебя, — шепчет он, отклоняясь назад на локте. — Боже, ты прекрасна.

При этих словах я замираю, желая скрыть шрамы, изуродовавшие мой живот, мечтая так извернуться, чтобы прямо сейчас меня ни о чём не спрашивали, не напоминали о них. Но я ничего такого не делаю. Вместо этого, пока его глаза блуждают по моему телу, я напоминаю себе дышать. По вспышке шока в его глазах я улавливаю момент, когда он натывается на них взглядом, на его лице — беспокойство, и его взгляд обращается ко мне:

— Райли, что...

— Шшшш, — говорю я ему, протягиваю руку, хватая его за шею, и дёргаю к себе для требовательного поцелуя, всё более уничтожающего всякое присутствие контроля. Прежде чем могут быть заданы все вопросы. Внутри меня разгорается плотская страсть, когда я нападаю на него — целуя, лаская, царапая ногтями кожу. Из глубины его горла вырывается звериный рык, его язык скользит вниз по моей шее. Колтон накрывает ладонью мою грудь, опускает палец под кружево и спускает чашку бюстгальтера вниз. Его рот дразняще опускается, захватывая сжавшийся бутон моего соска.

Я вскрикиваю в экстазе, пока он терзает мою грудь, всасывая в свой горячий, жадный рот. Его рука атакует мою вторую грудь, прокатывая сосок между большим и указательным пальцами, размывает тонкую грань между удовольствием и болью. Его пронзительное внимание к моим чувствительным вершинкам разжигает огонь в моей киске. Она сжимается, трепещет и увлажняется, молча умоляя его всё ближе подвести меня к краю. Я ёрзаю под Колтоном, пытаюсь облегчить интенсивную растущую боль, но вихрь желания во мне так силён, что я только беспорядочно и прерывисто дышу.

Я запутываюсь пальцами в его волосах, пока он двигается от моей груди вниз, посасывая, целуя и пощипывая мою кожу на пути к животу. Я сжимаю руки в кулаки и делаю резкий скрежещущий вдох, когда он сознательно прокладывает ряд поцелуев вдоль моего самого безобразного шрама.

— Такая красивая, — повторяет он снова, продолжая свой изматывающий спуск. Он замирает, достигнув верха моих трусиков, и я ощущаю, как растягиваются его губы, прижатые к моей коже.

Он смотрит на меня с озорной улыбкой, освещающей его лицо:

— Надеюсь, это не твои любимые, — и я не успеваю ответить, как он рвёт их, срывая с меня. Низкое удовлетворенное мурлыканье исходит из задней части его горла, когда он ведёт пальцем вниз, по небольшому островку кудряшек, скрывающихся под тканью. — Мне нравится это, — рычит он, и его палец спускается дальше, туда, где моя киска лишена волос, — а это мне нравится даже больше.

Дыхание перехватывает, когда он скользит пальцем между складок, медленно двигаясь назад и вперёд.

— О, Господи, — издаю я стон, хватаясь руками за простыни, пока экстаз белыми горячими вспышками взрывается под моими закрытыми веками.

Колтон со свистом втягивает воздух, в то время как его палец нарочито медленно проникает внутрь меня.

— Райли, — стонет он, его голос прерывается, предаёт его, демонстрируя, насколько шаток его внешний контроль. — Посмотри, какая ты уже влажная для меня, детка. Почувствуй, как туго ты меня обхватываешь.

Моя спина выгибается, плечи вжимаются в постель, когда его палец, задевая сладкое местечко на передней стенке моей вагины, выводит внутри меня неторопливые круги, потом умышленно отстраняется, только для того, чтобы начать весь изысканный процесс снова.

— Я столько всего хочу сделать с твоей маленькой тугой киской, — бормочет он, и я чувствую на себе его другую руку. Его откровенные слова меня заводят. Разжигают, чего я совершенно не ожидала. Я корчусь под ним, когда прохладный воздух комнаты касается моих набухших складок. — Смотри на меня, Райли. Открой глаза, чтобы я мог видеть тебя, когда мой рот будет тебя пробовать.

Я прилагаю невероятные усилия, чтобы выбраться из удовольствия, погрузившего меня

в кому, и открываю глаза. Он смотрит на меня полуприкрытыми глазами, расположившись между моих раздвинутых бёдер.

— Вот так, крошка, — урчит он, его голова опускается до тех пор, пока я не ощущаю тёплый жар его рта, захватывающего мой перегруженный комочек нервов, в то же самое время скользя в меня двумя пальцами.

Я опять вскрикиваю, откинув назад голову, и бушующее адское пламя проносится через мое лоно — захватывая, обладая, вознося.

— Смотри на меня! — снова рычит он. Я открываю глаза; эротичность момента — смотреть, как он наблюдает за мной, даря мне наслаждение — оказывается гораздо сильнее, чем я могла себе представить.

Его язык неспешно блуждает назад и вперёд, над и вокруг, в то время как пальцы продолжают свой восхитительный внутренний массаж. Его пальцы выходят и снова толкаются внутрь, неторопливо потирая мои внутренние стеночки. Я дёргаюсь к нему бёдрами, умоляя усилить натиск, потому как уже почти дошла до состояния, в котором потеряю рассудок.

— Ох, Райли, ты такая отзывчивая, — восхищается он, — такая чертовски сексуальная, — и заменяет тепло своих губ подушечкой большого пальца, темп и трение по коже которого — именно то, что мне нужно. Он скользит вверх по моему телу, в то время как его пальцы продолжают умопомрачительно пытаться мою киску, и его губы целуют, покусывают и лизут мою кожу, пока он не достигает моего лица. Делая меня жаждущей так сильно, как я никогда не хотела до этого.

— Отпусти себя, Райли, — требует он, восхитительно прижимаясь эрекцией к моему боку. — Чувствуй снова, сладкая, — бормочет он, и мои руки обхватывают его плечи, ногтями впиваясь в его, исходящую потом, кожу. Шар напряжения внутри меня растёт, умоляя об освобождении. Я яростно взбрыкиваю бёдрами к нему, его пальцы увеличивают темп, растирая, проникая, ввергая меня в какое-то восторженное забвение.

— Кончи для меня, Райли, — рычит он, и в этот момент я достигаю края и кричу, высвобождаясь, пока внутри меня взрывается оргазм, обрушиваясь яростными волнами, и пульсация проходит через каждый нерв и сухожилие в моём теле. Мышцы моего влагалища яростно сжимаются, обхватывая его пальцы, заставляя Колтона стонать от ощущений.

— Вот так, детка, вот так, — урчит он, помогая мне пережить волнообразные импульсы моей кульминации.

Я чувствую, как под его весом прогибается кровать, и его пальцы покидают меня, и открываю глаза. Он смотрит на меня сверху вниз, с удовлетворением на лице и желанием в глазах, и медленно расстёгивает штаны.

— От тебя захватывает дух, — с восхищением признаётся он, пока я наблюдаю за ним, изо всех сил стараясь успокоить своё тяжелое дыхание. — Даже не знаю, что сексуальнее, Райли: смотреть, как ты кончаешь, или заставлять тебя кончать, — его глаза сверкают от развратных мыслей. — Думаю, мне придется сделать это снова, чтобы разобраться, — он посылает мне порочную, полную вызова, усмешку. Мои мышцы сильно сжимаются от его слов, и я вздрагиваю от его влияния на меня, и оттого, что моё тело опять бурлит готовностью перейти за край. И когда он тянет свои боксеры вниз, освобождая впечатляющую эрекцию, я прикусываю губу.

Святое дерьмо!

Он ухмыляется, как будто может читать мои мысли, и заползает под жарыми, упругими

бёдрами на кровать. Затем хватает одну из моих растопыренных ног, обутых в шпильки, и ведёт дорожку из поцелуев вверх по голени, останавливаясь на колене, пальцами лаская чувствительное место под ним, прежде чем продолжить головокружительный подъём своего рта до моего бедра. Он останавливается на моём лобке и легонько целует меня там, кружа нежно пальцем по моей киске, щекоча, дразня, испытывая. Я хватаю руками его волосы:

— Колтон! — я тяжело дышу, потому что его лёгкие прикосновения к моей сверхчувствительной плоти — едва ли не больше, чем я могу вынести.

Он смотрит на меня, оставляя еще один поцелуй на полоске волос:

— Я просто хочу убедиться, что ты готова, детка, — говорит он, вытягивая мокрый палец из моего лона. — Я не хочу сделать тебе больно.

Множество картинок мелькает в моей голове, когда я вижу, как его палец исчезает у него во рту, перед тем как на его губах появляется дьявольская усмешка, и он издаёт одобрителный гудящий звук.

Потом, как хищник, преодолевает последнее расстояние между нами; его глаза прикованы к моим, рот набрасывается на мой, руки гладят стянутую бюстгалтером грудь, а член прижимается к развилке между моих бёдер.

Внутри меня закручивается водоворот эмоций, когда удовольствие снова поднимается во мне волной. Колени Колтон раздвигает мои ноги и отрывается от меня, удобно располагаясь между ними. Он наклоняется к краю кровати и берёт пакетик из фольги. В моей голове гул, ибо я настолько поражена событиями прошлой недели, что даже и не подумала о защите. И, несмотря на то, что он не знает о моей неспособности забеременеть, я рада, что у него достаточно здравого смысла, чтобы позаботиться об этом.

Я приподнимаюсь на локтях, наблюдая, как он разрывает пакетик и раскатывает презерватив по всей своей стальной длине. Его глаза вспыхивают — желание, похоть, и много всего другого роится в них.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Райли.

Я смотрю на него во все глаза, потом опускаю взгляд, чтобы наблюдать за тем, как его пальцы движутся по моим лепесткам, разделяя их. Я втягиваю в себя воздух.

— Скажи, Райли, — рычит он. — Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я трахнул тебя. Я хочу услышать эти слова.

Я прикусываю губу, глядя, как он прижимает свой член к моей киске. Он замирает, и я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Я вижу, как он пытается сдерживаться, на его шее отчётливо проступают вены, пока он смотрит на меня, ожидая нужных слов.

— Трахни меня, Колтон, — шепчу я, и он медленно прижимает головку члена к моему входу.

Я напрягаюсь в ожидании, чтобы принять его, от ощущения, как он растягивает меня до предела, от лёгкой боли, которая свидетельствует о том, что я жива, я здесь, сейчас, с этим великолепным мужчиной.

— О, Господи, Райли, — стонет он, медленно погружаясь. — Ты так приятно ощущаешься. Такая чертовски узкая, — он шипит, мягко, вверх и вниз, потирая кончиками пальцев внутреннюю поверхность моих бёдер. — Мне нужно, чтобы ты расслабилась, детка. Впусти меня, сладкая.

На мгновение я прикрываю глаза, и жжение от растяжения исчезает, остаётся наполненность. Колтон толкается дальше, медленно, целенаправленно, до тех пор, пока его член полностью не погружается меня, основанием касаясь моих бархатных складочек. Он

остаётся неподвижным, позволяя моему телу приспособиться, и смотрит в это время на меня. Я вижу, как стиснута его челюсть, потому что он старается держать себя в руках, и чувство, что я способна подтолкнуть его к краю, чрезвычайно бодрит.

Мои мышцы рефлекторно сжимаются, когда я приподнимаюсь, чтобы посмотреть, как наши тела сливаются в одно.

— Милостивый Иисус, Райли, — предупреждает он, — сделаешь так ещё раз, и я тут же кончу.

Я шаловливо ему улыбаюсь, а он начинает медленно двигаться. Полностью выходит из меня и затем, не торопясь, погружается на всю свою роскошную длину. Это так восхитительно, и я снова падаю на кровать, позволяя ощущениям от трения о мои скользкие стенки захватить меня целиком. Я обхватываю ногами его бёдра, и он начинает набирать темп. Мышцы под его загорелой кожей перекачиваются совместно с нашими движениями. Взгляд мечется между моими глазами и местом нашего соития.

Я чувствую, как тепло снова начинает распространяться в моём теле, в то время как оно выгибается навстречу ему, задевающему внутри меня чуткий сгусток нервных окончаний. Мои стеночки сжимаются вокруг него, затягивают, и Колтон увеличивает темп.

Он склоняется ко мне, удерживая свой вес на предплечьях рядом с моей головой, и захватывает мой рот чувственным, не терпящим никаких запретов, поцелуем. Зубы покусывают, губы посасывают, языки сливаются. Мои руки сплетаются у него на спине, ноги обхватывают талию, перекрещиваясь в лодыжках. Мне необходимо быть настолько близко к нему, насколько это возможно. Нужно его так глубоко, как он только может быть во мне. Необходимо ощущать его исходящую потом кожу, трущуюся о мою.

Давление во мне возрастает до такой степени, что я уже не могу его целовать, потому что всё моё внимание сосредоточено на непреодолимой волне, готовой мгновенно сокрушить всё вокруг. Колтон чувствует моё напряжение, моё приближающееся забвение и продолжает двигаться в своём мучительном ритме. Он опускает руку, обхватывая мою попу, прижимает мой таз к себе, притискивая ближе, отчего на мой клитор оказывается незначительное, такое нужное мне в этот момент, трение. И прежде, чем я это осознаю, мой мир воспламеняется.

Я выгибаюсь, мои бёдра неудержимо вибрируют, когда сильнейший из всех, когда-либо мной испытанных, оргазм пронзает моё нутро. Я сброшена со скалы и отправлена в нескончаемое свободное падение. Удовольствие настолько сильное, что граничит с болью, отчего я вонзаю зубы в плечо Колтона, пытаюсь каким-то образом заглушить это ощущение. Волна сокрушает всё вокруг меня, Колтон ещё несколько раз толкается в меня, и следом я слышу его голос, выкрикивающий моё имя. Он напрягается, его член рывками пульсирует во мне, освобождаясь. Колтон прячет голову в изгиб моей шеи, его дыхание такое же хриплое, как и у меня, а сердце бешено колотится напротив моего.

Оргазм всё ещё конвульсиями проходит через меня, мои мышцы пульсируют вокруг его ещё находящегося внутри меня полутвёрдого члена. Я чувствую, как с каждым моим содроганием напрягается от ощущений его тело, и слышу вырывающийся из глубины его горла мягкий гортанный стон. Тяжесть его тела на моем дарит уют и успокаивает, а я уже забыла, как умиротворяющее это может быть.

У меня никогда не было такого секса. Потрясающего. Дарящего небывалое наслаждение. Невероятного.

Какое-то время мы лежим, молча спускаясь с нашей вершины. Он утыкается лицом мне

в шею, целуя одно и то же место; его пресвященное тело не в состоянии двигаться. Я закрываю глаза, не в силах поверить, что всё это происходит со мной. И что рядом этот великолепный мужчина.

Я лениво вожу по его телу ногами, вдыхая естественный мужской запах. Вздрагиваю, когда он издаёт сиплый звук и выходит из меня; возникает неприятное чувство пустоты. Он связывает презерватив в узел и бросает его на пол рядом с кроватью, а потом возвращается назад. Колтон лежит на боку, подпирая голову рукой, чтобы видеть меня, пока один его палец неторопливо движется вверх-вниз, заставляя меня дышать медленно и размеренно.

Я встречаюсь с ним глазами, наши взгляды на секунду удерживают друг друга, в тишине отражая нас с ним, и только что приобретённый общий опыт. Я не могу расшифровать его взгляд, ибо он слишком закрыт. Перевожу глаза на потолок, и во мне начинает подниматься паника. Что теперь? Колтон добился своего, и проблема со мной разрешилась. Дерьмо. Единственный, с кем я до этого занималась сексом, был Макс. С ним у нас были отношения. Была любовь. Секс не был случайностью. И хотя то, что произошло, возможно, значило намного больше для меня, нежели для Колтона, как, предполагается, теперь мне себя вести? С Максом не было нужды решать, уехать ли мне после. Или, не противореча этике, остаться. Хочет ли Колтон, чтобы я осталась? Что, чёрт возьми, мне делать? Именно так чувствуешь себя, когда ты девушка на одну ночь? Дерьмо.

— Прекрати думать, Райли, — слышу рокот его голоса. Чувствую на себе его изучающий взгляд. Я всё ещё в недоумении: как он может быть настолько созвучен со мной, несмотря на то, что мы знакомы в течение очень короткого времени? Откуда он знает?

— Все твоё тело напрягается, когда ты слишком много думаешь, — объясняет он, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Выкинь всё из головы, — требует он и, хватая меня за бедро, подтягивает к себе. — Или я буду вынужден заставить тебя сделать это.

Я слышу улыбку в его голосе и с облегчением смеюсь:

— О, правда, что ли?

— Я могу быть очень убедительным, — дразнит он меня, поглаживая свободной рукой мою грудь, изредка невзначай останавливаясь, чтобы потереть большим пальцем мой напряжённый сосок. — Ты так не думаешь?

— Разве ты не сказал мне, чтобы я запретила себе думать? — я с тихим стоном вздыхаю, приподнимая подбородок, и он наваливается на меня, целуя в разные места.

— Люблю послушных женщин, — тихо бормочет он мне. Я ощущаю, как его прижатый ко мне член начинает твердеть, и, прежде чем я успеваю оценить его способность к такому быстрому восстановлению, Колтон перекачивает нас, меняя позицию, что я сажусь на его бёдра.

Я сижу верхом, уставившись сверху вниз на него и рассматривая его самоуверенную ухмылку. Он, в свою очередь, оценивает меня, пробегаясь глазами по моему телу. Я по-прежнему ощущаю его растущую эрекцию, как раз под моей попой.

— Мой Бог, Райли, у тебя есть всё, чтобы свести мужчину с ума, — говорит он мне, приблизившись и шаря руками за моей спиной, чтобы расстегнуть мой бюстгальтер. Мои груди оказываются на свободе, отяжелевшие и набухшие от желания. Колтон удовлетворённо стонет, приподнимаясь, чтобы взять одну в рот, на что мои бёдра порочно сжимаются вокруг него.

Я запрокидываю голову, выгибаясь, так, что он получает полный доступ к моим «девочкам». Мысли, которые были в моей голове ещё минуту назад, ментально

испаряются от шквала его зажигательных поцелуев. Я чувствую, как его руки оборачиваются вокруг меня, слышу красноречивые звуки разрываемой фольги, и как его пальцы возятся где-то у моей задницы. Он заканчивает с презервативом, одновременно дорожкой из поцелуев возвращая свой умелый рот к моим губам. Склоняется ко мне, захватывая мои губы крошечными, горячечными глотками, поднимает руки к моим волосам, зажимая их в кулаки. Каждый свой поцелуй он сопровождает нежными похвалами, и каждая из них разжигает мою тягу к нему.

— Приподнимись, — шепчет он, поддерживая одной рукой мое бедро, тем самым, помогая мне поднять попу, а другой удерживая свой член в нужном положении.

Я закусываю в ожидании губу, его взгляд не отрывается от моего, наблюдая, как я мягко опускаюсь на его кончик. Я на пару секунд зависаю над ним, позволяя своим сокам покрыть его так, чтобы сделать проникновение лёгким. Я наблюдаю за туманом желания в глазах Колтона, в то время как медленно, сантиметр за сантиметром поглощаю его сумасшедшую длину, пока не опускаюсь до упора. Растянутая невероятным ощущением полноты, я издаю тихий стон. Некоторое время сижу, не двигаясь, привыкая к его размеру. Колтон закрывает глаза, запрокидывая голову, губы его слегка размыкаются, а из глубины горла вырывается низкий гул.

Он кладёт руки на мои бёдра, и я начинаю раскачиваться на нём. Я приподнимаюсь настолько, что почти выхожу из него, а затем опускаюсь обратно, откидываясь так, чтобы его кончик тёрся о сладкое местечко внутри меня.

— Чёрт! — шипит он, резко выдыхая, оттого, как плотно обхватывают его мои мышцы. — Ты сведёшь меня с ума, Райли, — он громко стонет, властно целуя меня перед тем, как уложить на кровать. Он начинает мощно входить в меня в унисон с моими движениями, и вот уже мы движемся в бешеном темпе. Нуждаясь друг в друге всё больше и больше. Дразня, подводя и подталкивая друг друга к пропасти.

Я смотрю на Колтона: жилы на его шее напряжены, сквозь зубы выглядывает кончик языка, глаза потемнели от похоти — он чертовски сексуален. Его руки крепко держат мои бёдра, мышцы напряжены, потому что он держит меня, приподнимает и движется во мне. Я начинаю парить, головокружительно вращаясь, пока меня омывает наслаждение. Вцепляюсь в одну из рук Колтона, наши пальцы переплетаются. Другую руку он кладёт на место нашего соединения, его большой палец гладит мой клитор, умело им манипулируя.

Мое тело ускоряется, мышцы сжимаются вокруг Колтона, и меня ещё раз выбрасывает в ошеломляющее забвение. Я выкрикиваю его имя, когда меня догоняет восхитительное тепло, окутывая и утягивая под всепоглощающую дымку.

— Господи, Райли, — божится Колтон, садясь, не останавливая ненасытный темп, и берёт управление на себя, чтобы позволить мне потеряться в собственном оргазме. Он обнимает меня, крепко удерживая сильными бицепсами, и приникает губами к моим губам в поедаящем, умопомрачительном поцелуе. Натиск ощущений, тянущий за каждый нерв в моём теле, так велик, что единственное, что я понимаю сейчас — я тону во всём, что представляет собой Колтон Донован.

Я чувствую, как напрягается его тело, каменеют бёдра, и руки крепче сжимают мою спину растопыренными пальцами. Колтон прячет лицо в изгиб моей шеи, перед тем, как выкрикнуть моё имя, и с благословением на губах падает через край. Я ощущаю, какими яростными толчками сопровождается его освобождение.

Некоторое время мы не шевелимся, оставаясь в той же позе: я всё ещё верхом на нём,

обняв друг друга, спрятав друг в друге головы, не произнося ни слова. И пока мы держим друг друга, меня переполняют эмоции.

Вот дерьмо! Неужто я была такой глупой, чтобы на самом деле решить, что я могу заниматься случайным сексом? Внутри меня бурлят чувства. Чувства, на которые, я знаю, Колтон никогда не ответит взаимностью, и я изо всех сил стараюсь сохранить самообладание. Я прошу себя сдерживать их, иначе я могу погрязнуть в фантазиях и сломаться, как только останусь одна.

Колтон сдвигает ноги и откидывается назад. Он берёт в руки мою голову и пронзает меня своим пьянящим взглядом.

— Ты в порядке? — шепчет он мне.

Я киваю в ответ, пытаюсь очистить взгляд от беспокойства.

Он наклоняется и целует меня. Его поцелуй так нежен и ласков, что я вынуждена бороться с накачивающими слезами, потому что его нежность обезоруживает меня и потрясает до глубины души. Открыв глаза, он пристально наблюдает за мной некоторое время. Я вижу, как в его глазах вспыхивает что-то мимолётно, какие-то неназванные эмоции, которые я не могу прочесть, потому что знаю его совсем недолго.

Он трясёт головой, поднимая меня с себя, и молча встает с кровати, уворачиваясь от моего вопросительного взгляда, и ерошит волосы, бормоча на выходе: «Дерьмо!». Я слежу за его сильными широкими плечами, когда он направляется в ванную. Слышу, как течёт вода и как Колтон приглушённо ругается.

Я натягиваю на себя одеяло, вдруг почувствовав себя одиноко и неудобно от незнакомой обстановки и своего непонятного положения. Через несколько мгновений Колтон выходит из ванной в чёрных трусах «боксерах». Останавливается в дверном проёме и кидает на меня взгляд. В его глазах больше нет той теплоты и эмоций, что были минуту назад. Вместо них — холодность и отчуждённая оценка меня в его постели. И по морщинкам вокруг глаз, и по сжатой челюсти понятно, что он больше не расслаблен.

— Тебе что-нибудь принести? — спрашивает он скрипучим голосом. — Мне нужно выпить.

Я отрицательно мотаю головой; боюсь, что если заговорю, он услышит в моём голосе боль от его внезапного отчуждения, и его вопросы сделают только хуже. После моего ответа он поворачивается и уходит в гостиную. Думаю, у меня есть ответ. Для Колтона я была только вызовом.

Задача решена, я перешла в разряд одноразовых встреч.

Я прижимаю колени к груди, пытаюсь заглушить внутреннюю боль. Пытаюсь умалить ощущение, что меня использовали. Я вспоминаю Макса, и как он бережно относился ко мне после того, как мы занимались любовью — как будто я настолько хрупкая, что могу сломаться. Он ласкал меня и обнимал, и смешил. Делал так, что я чувствовала себя желанной. Мой прекрасный, идеальный Макс. Что я сделала с ним и с нашей памятью о нём, переспав с кем-то, когда технически я помолвлена?

В моих ушах эхом звучат крики его матери о том, что это я виновата, что его жизнь оборвалась, я убила его и вместе с ним все надежды и мечты. Вина, стыд и унижение обрушиваются на меня. Я должна выбираться отсюда. Эти мысли разом заполняют моё сознание, я откидываю одеяло и собираю всю мою разбросанную одежду, а потом бегу в ванную.

В груди невыносимо давит, когда я пытаюсь сдержать слёзы, неловко шаря в попытке

застегнуть свой бюстгальтер. Я набрасываю платье через голову, прилагая все усилия, чтобы попасть руками между соответствующими лямками и ремешками. Трусики у меня нет. Они валяются разодранные где-то на полу, и их поиски не стоят хлопот. Я потеряла одну серёжку, но сейчас меня это мало волнует. Я вынимаю из уха её пару, смотрю на себя в зеркало и вижу в глазах страдание, смешанное с тяжёлым раскаянием. Бумажной салфеткой я вытираю следы от растёкшегося макияжа, одновременно укрепляясь в мысли об отступлении. Через несколько минут, завалировав эмоции и собрав мысли в кучу — я готова.

Я открываю дверь, выходя из ванной, и испытываю облегчение, и, в то же время, печаль оттого, что Колтон не сидит там и не ждёт меня. Опять же, чего я ожидала после того, как он только что высказался? Не сидеть же ему на кровати, ожидая меня, чтобы открыто заявить о своей исчезнувшей любви? «Трахнуть и бросить», — бормочу я себе под нос, выходя из спальни и направляясь в гостиную.

Колтон стоит на кухне номера, опираясь руками на столешницу и опустив голову. Я на мгновение останавливаюсь и рассматриваю его, восхищаясь линиями его тела, и желая, видимо, гораздо больше того, что он может предложить. Колтон сдвигается и делает большой глоток из стакана с янтарной жидкостью. Потом резко опускает его на столешницу, лёд в стакане громко звякает; и затем он поворачивается. Колеблется, видя, что я стою одетая и готовая уходить.

— Что за...

— Слушай, Колтон, — начинаю я, пытаюсь взять ситуацию под контроль прежде, чем ещё больше буду унижена. — Я умная девочка. Я получила, что хотела, — пожимаю плечами, стараясь скрыть надлом в голосе. Он изучает меня, и я просто вижу, как крутятся колёсики в его голове, когда он пытается понять, по какой причине я ухожу. — Давай смотреть правде в глаза: ты не тот парень, с которым можно провести всю ночь, а я не девушка на один-два раза.

— Райли, — произносит он, но замолкает, делая шаги в мою сторону, пока я не поднимаю руку, останавливая его. Он пристально вглядывается в меня, едва заметно качая головой, и пытается разобраться в сказанных мною словах.

— Да ладно, это, вероятно, для тебя не ново — то, к чему ты привык, — я делаю к нему пару шагов, гордясь своей бравадой. — Поэтому я просто уберегу себя от смущения, когда ты утром начнёшь просить меня уйти, и просто уберусь сейчас.

Колтон смотрит на меня, борясь с какой-то непонятной эмоцией, его челюсти плотно сжаты. Он прикрывает глаза, на один удар сердца, прежде чем вернуть мне свой взгляд:

— Райли, пожалуйста, послушай меня. Не уходи, — просит он. — Просто... — он поднимает руку, хватая себя за шею, на его замечательном лице растерянность и нерешительность, потому что он не в состоянии подобрать слова или закончить свою ложь.

Мое сердце хочет верить ему, когда он говорит мне, чтобы я осталась, но моя голова знает о другом. Всё, что у меня осталось — это моё достоинство, тогда как мой разум был тщательно уничтожен, рассеян и оставлен на кровати в той спальне.

— Послушай, Колтон, — выдыхаю я. — Мы оба знаем, что ты говоришь не то, что думаешь. Ты не хочешь, чтобы я осталась. Ты забронировал на сегодняшнюю ночь номер, наверняка для того, чтобы потрахаться. Вероятно, ты рассчитывал, что это будет Ракель. Приятные маленькие апартаменты, в которых не предполагается никакой драмы и осложнений, место, откуда ты мог бы уехать утром без оглядки на ту, кто всё ещё спит в

твоей постели. Ну, я охотно на это пошла, — признаю я, подходя к нему, его глаза неотрывно смотрят в мои, я кладу руку на его голую грудь. — Это было здорово, Ас, но эта девушка, — я жестом показываю на себя, а потом на спальню, — это не я.

Его глаза буравят мои с такой интенсивностью, что на мгновение я отвожу от него взгляд.

— Ты права — это не ты, — выдаёт он с нечитаемым выражением на лице, когда я резко возвращаю к нему взгляд. Он поднимает свой стакан и опустошает его; изумрудный цвет его радужек продолжают следить за моими глазами поверх края стакана. Допив, он облизывает губы, и вертит головой, что-то обдумывая.

— Позволь, я возьму ключи и довезу тебя до дома.

— Не беспокойся, — я отрицательно качаю головой, переступая с ноги на ногу, пока придумываю, как сохранить лицо, в то время как унижение уже просачивается сквозь меня. — Я возьму такси — так перенести эту ошибку будет легче нам обоим, — все мои силы уходят на то, чтобы непринуждённо подняться на цыпочки и оставить на его щеке целомудренный поцелуй. Я встречаюсь с ним взглядом и стараюсь симулировать безразличие. — Не волнуйся, Колтон. Ты пересёк финишную черту и захватил победное знамя, — бросаю я через плечо, направляясь к дверям, по-прежнему высоко вздёгнув подбородок, несмотря на дрожащую нижнюю губу. — Просто я предпринимаю меры предосторожности, прежде чем мне покажут чёрный флаг.

Я прохожу через дверь и захожу в лифт. Нажимая кнопку первого этажа, я замечаю, что Колтон стоит в дверях пентхауса. Его губы кривятся, он наблюдает за мной отчуждённым взглядом и с ожесточённым выражением на лице.

Когда двери лифта приходят в движение, я всё ещё пристально смотрю на него, и одинокая слеза, скатившаяся по моей щеке — единственное предательство моего тела, свидетельствующее об испытываемых мною печали и унижении. Наконец, я остаюсь одна. Я оседаю против стены, позволяя эмоциям пересилить меня, и всё же борюсь со слезами, наполняющими мои глаза, поскольку мне всё ещё необходимо добраться до дома.

Поездка на такси быстрая, но болезненная. Мои тихие рыдания на заднем сидении ничего не могут поделать с тем, чтобы смягчить жестокую реальность того, что произошло. Я оказываюсь дома в начале четвёртого утра, и рада, что Хэдди уже дома и спит, потому что прямо сейчас я не справлюсь с её вопросами.

Я проскальзываю в свою комнату, включаю iPod, убавляя звук до едва слышимого, выбираю Unwell всё той же Matchbox Twenty и ставлю песню на повтор.

Когда меня начинает обволакивать знакомый голос Роба Томаса, я сбрасываю одежду и шагаю под душ. Я пахну Колтоном и сексом, и с остервенением тру себя, чтобы хоть немного смыть с себя его запах. Это не имеет значения, хотя, независимо от того, что я делаю, я до сих пор пахну им. Я всё ещё помню его вкус. Всё ещё чувствую его. Я позволяю воде смывать поток моих слёз, скрывая мои икающие рыдания в шуме её стремительного потока.

Когда мне удаётся вдоволь наплакаться, и слёзы иссякают, я поднимаю себя с пола душевой, на который сползла, рыдая, и держу путь в свою спальню. Успеваю набросить на себя пижамную майку и трусики, прежде чем упасть в тепло своей постели и провалиться в сон.

13 глава

Я чувствую запах бензина, грязи, и чего-то ещё едко металлического. Он заполняет ноздри, просачиваясь в голову, прежде чем приходит боль. В одно краткое мгновение, до того, как на меня обрушиваются ощущения вместе с разрушающей действительностью, я чувствую покой. Чувствую себя прежней и целой. Почему-то моё сознание знает, что я буду вспоминать об этом, и жалеть, что снова не вернусь к этому мгновению. Жалеть, что буду помнить, как хорошо было ДО ЭТОГО.

Первой приходит боль. Раньше, чем туман в моей голове рассеивается, и я в состоянии открыть глаза. Нет слов, чтобы описать испытываемую агонию, как будто миллион ножей входят в тебя и разрывают на части, чтобы исчезнуть и появиться заново. И снова. Бесконечно.

Я ощущаю эту зазубренную боль в мгновение между бессознательным состоянием и возвращением в сознание. Я распахиваю глаза, отчаянно пытаюсь вдохнуть хоть глоток воздуха. Каждый вздох вызывает боль, жжение и даётся с великим трудом. Мои глаза видят вокруг опустошение, но мозг не замечает осколки стекла, дымящийся двигатель и раздавленный металл. Разум не понимает, почему моя рука, согнутая в нескольких местах под неестественными углами, не может отстегнуть ремень безопасности. Не может освободить меня.

Ощущения как при замедленной съёмке. Я вижу частички пыли, дрейфующие в тишине по воздуху. Чувствую, как медленно по моей шее стекают струйки крови. Как сантиметр за сантиметром онемение поднимается по моим ногам. В моё сознание просачивается безысходность, опутывая душу и захватывая ядовитыми щупальцами каждую клеточку тела.

Я слышу Макса. Слышу его клокочущее дыхание, и даже в своём шоковом состоянии злюсь на себя, что не могу быстро его отыскать. Поворачиваю голову влево — вот он сидит. Его красивые вьющиеся светлые волосы окрашены красным, зияющая рана на голове выглядит такой странной. Я хочу спросить, что с ним, но мой рот меня не слушается. Я не могу сформировать слова. Его глаза заполняют страх и паника, и боль искажает безупречное загорелое лицо. Из его уха вытекает небольшая струйка крови, и я понимаю, что это плохо, но не осознаю, почему. Он кашляет. Звук получается странным, и на разбитом стекле перед нами появляются маленькие красные пятнышки. Я вижу, как его рука шарит по машине, ощупывая каждый предмет между нами, как будто он нуждается в этих касаниях как в поводыре. Его рука беспорядочно движется, до тех пор, пока он не нащупывает мою руку. Я не чувствую прикосновения его пальцев, но вижу, что наши руки соединились.

— Рай, — хрипит он. — Рай, посмотри на меня. — Мне нужно сосредоточиться, потому что, на самом деле, поднять голову, чтобы встретиться взглядом с Максом, невероятно трудно. Я ощущаю тепло от слёзных дорожек на своих щеках, чувствую соль на губах, но не помню, что плакала. — Рай, мне не слишком хорошо здесь, — я слежу за тем, как он безуспешно пытается глубоко вдохнуть, но тут моё внимание переключается на что-то другое, когда мне кажется, что я слышу плач ребенка. Я верчу головой, но не вижу ничего, кроме сосен, а от внезапного движения у меня кружится голова.

— Райли! Я хочу, чтобы ты сконцентрировалась. Смотри на меня, — он задыхается, делая короткие поверхностные вдохи. Я снова поворачиваю к нему голову. Это Колтон. Что он здесь делает? Почему весь покрыт кровью? Почему он на сиденье Макса? В его одежде?

На месте Макса?

— Райли, — умоляет он, — пожалуйста, помоги. Пожалуйста, спаси меня, — он неровно втягивает воздух, его пальцы покоятся в моих. Голос опускается до шёпота. — Райли, только ты можешь спасти меня. Я умираю. Мне нужно, чтобы ты спасла меня, — его голова медленно наклоняется набок, губы слегка размыкаются, в уголке рта скапливается кровь, а прекрасные изумрудные глаза меркнут.

Я слышу крик. Громкий, пронзительный и душераздирающий. Он повторяется снова и снова.

— Райли! Райли! — я борюсь со схватившими меня руками. Трясущими меня. Утаскивающими от Колтона, когда он так отчаянно во мне нуждается. — Дьявол, Райли, проснись!

Я слышу голос Хэдди. Как она оказалась в этом овраге? Она пришла нас спасти?

— Райли! — меня снова неистово трясут, качая вперёд и назад. — Райли, проснись!

Я очухиваюсь в своей постели, руки Хэдди обнимают меня за плечи. Горло пересохло и саднит от крика, волосы прилипли к залитой потом шее. Я поднимаюсь, чтобы вздохнуть, мои удушающие всхрипы смешиваются с частым тяжёлым дыханием Хэдди, и это единственные звуки, которые я слышу. Руками я в защитном жесте охватываю саму себя, кисти рук свело от сильного напряжения.

Хэдди гладит ладонями мои щёки, её лицо в сантиметрах от моего.

— Райли, всё хорошо? Дыши глубже, милая. Просто дыши, — успокаивает она меня, её руки непрерывно гладят меня, заверяя, давая знать, что я сейчас в своей комнате.

Я судорожно вздыхаю, роняя голову на руки, потом провожу ладонями по лицу. Хэдди садится рядом, обнимая меня рукой.

— Опять тот же страшный сон? — спрашивает она, имея в виду кошмар, который периодически снился мне больше года после аварии.

— Да и нет, — трясу я головой. Хэдди не уточняет, о чём я, а даёт мне время опомниться и прогнать дурные видения прочь. — Сон тот же, только, когда, услышав детский плач, я оглядываюсь — рядом со мной умирает Колтон, а не Макс.

Она пугается моего замечания, её лоб морщится:

— У тебя давно не было кошмаров. Ты в порядке, Рай? Хочешь поговорить об этом? — спрашивает она, напряжённо вытягивая шею в попытке услышать, какая песня звучит в наушниках моего плеера, который я забыла выключить перед тем, как заснуть. Её глаза сужаются, когда она узнаёт звучащую композицию, и это позволяет ей сделать вывод о моём душевном состоянии. — Что он с тобой сделал? — требует она ответа, отодвигаясь, чтобы сесть передо мной, скрестив ноги. В её глазах пылает гнев.

— Я просто запуталась, — признаюсь я, тряся головой. — Просто это было так давно. Я чувствую, что забыла лицо Макса, а потом я так четко вижу его во сне... а потом, от того, что я оказываюсь в ловушке в автомобиле, на меня обрушивается удушающая паника. Может быть, это от переизбытка эмоций, — я заворачиваюсь в своё одеяло, стараясь избежать её вопросительных взглядов. — Возможно, я так давно ничего не чувствовала, а события прошлой ночи толкнули меня через край... перегрузили меня...

— Чем, Райли? — подталкивает она меня к ответу, потому что я молчу.

— Виной, — тихо произношу я, и позволяю этому слову повиснуть между нами. Хэдди тянется ко мне и берёт за руку, мягко сжимает, успокаивая. — Я испытываю вину и боль, и чувствую себя использованной, как все другие, — меня прорывает.

— Использованной? Что, чёрт побери, произошло, Райли? Мне уже нужно пойти и надрать этому высокомерному ублюдку задницу? — угрожающе вопрошает она. — Потому что я легко могу сменить пластинку. В смысле, я была впечатлена, когда он позвонил и спросил, как ты добралась до дома и всё ли в порядке...

— Он что?

— Он позвонил в полчетвёртого утра... около того. Я ответила на звонок. Даже не знала, что ты дома. Пришла сюда проверить и сказала ему, что ты дома и спишь. Он попросил меня передать тебе, чтобы ты позвонила ему. Что он должен был объяснить, что ты что-то неправильно поняла.

— Пфф, — всё, что я могу сказать, обдумывая ее слова. Он, в самом деле, звонил?

— Что случилось, Райли? — спрашивает она ещё раз, и на этот раз я понимаю, что её вопрос проигнорировать не удастся.

Я пересказываю ей весь вечер, начиная с момента, когда я оставила её, и до того, как она разбудила меня, кричащую. Я также описываю, что испытывала «после» с Максом, и какой обиженной и отвергнутой я чувствовала себя сегодня.

— Предполагаю, я чувствую себя виноватой из-за всей ситуации с Максом. Я любила его. Любила Макса каждой клеточкой своего существа. Но секс с ним — занятия любовью — и рядом не стояли с тем, что я испытала с Колтоном. То есть, я едва знаю Колтона, а он просто включил все мои кнопки и нажал на все рычаги, физические и эмоциональные, и это... — я ищу слова, перегруженная эмоциями. — Я не знаю. Думаю, такой секс должен быть с мужчиной, которого я безумно любила и за которого собиралась замуж, а не с тем, кому почти плевать на меня, — я пожимаю плечами. — Не с тем, для кого я — очередная зарубка на столбике кровати.

— Ну, я не могу сказать, что ты неправильно чувствуешь, Райли. Но если Колтон заставил тебя чувствовать себя живой после двух лет, когда ты была практически мертвой, то я не вижу в этом ничего плохого, — она снова сжимает мою руку, в её синих глазах глубокая искренность. — Макс никогда не вернётся, Райли. Думаешь, он хотел бы, чтобы ты оцепенела навсегда?

— Нет, — я качаю головой, вытирая тихую слезу. — Я понимаю это. Действительно. Но чувство вины за то, что я здесь, а Макс нет — не исчезает.

— Знаю, Рай, знаю, — мы сидим в тишине какое-то время, а потом она продолжает. — Знаю, меня там не было, но, возможно, ты неверно поняла Колтона. Я имею в виду некоторые вещи, которые он сказал тебе...

— Как неверно поняла, Хэд? Он матерился себе под нос, словно совершил только что самую большую ошибку в жизни. Как будто в нём что-то переключилось. Минуту назад он так нежно целовал меня, глядя в глаза, а через мгновение уже ругался и убегал от меня.

— Может быть, он испугался.

— Что? — Я смотрю на неё как на сумасшедшую. — Мистер Я-не-завожу-подруг чего-то боится? Неужели думает, что я привяжусь к нему после одной ночи секса?

— Одной ночи умопомрачительного секса! — поправляет меня Хэдди, заставляя хихикать и краснеть от воспоминаний. — В общем, ты не умеешь скрывать своих чувств. Кажется, случайный секс у тебя не очень получается.

— Ой, как будто это экзамен, который я провалила? То есть, может, мои эмоции и легко прочитать, но я не люблю его или что-нибудь подобное, — я искренне защищаюсь, хотя прекрасно осознаю, что между мной и Колтоном было нечто гораздо большее, чем

просто всепоглощающая похоть. Возможно, я действительно испугала его. Тот заключительный момент между нами в постели, когда он держал мое лицо и смотрел в глаза, действительно пронял меня до глубины души. Заставляя видеть возможности и давая надежду. Наверное, он заметил это и посчитал нужным уничтожить, прежде чем призрачность станет явью.

— Конечно, нет, — произносит Хэдди со знающей улыбкой, — но это не то, о чем я говорила. Возможно — просто возможно — мистер Я-не-завожу-подруг... возможно, ты добралась до него. Возможно, он был испуган от того, что почувствовал, когда был с тобой?

— Да, точно! Это не голливудское романтическое кино, Хэдди! В данном случае, хорошая девочка не заставит плохого мальчика измениться и безумно влюбиться в нее, — источая сарказм, отвечаю я, падая обратно на подушку и громко вздыхая. Небольшая часть меня вновь переживает слова Колтона, сказанные им прошлой ночью. Я — его. Я никогда не буду для него незначительной. Рядом со мной он не может себя контролировать. И эта небольшая часть меня догадывается, что Хэдди, возможно, права. Может быть, на каком-то уровне я его пугаю. Это возможно, потому что я из тех, кто выходит замуж, а мне известно, что ему это не нужно.

— Ты права, — признаёт Хэдди, — но это не означает, что у тебя не может быть пары чертовски жарких часов, посвящённых безумному сексу с ним, — она плюхается на подушку рядом со мной, и мы обе хохочем над этой мыслью. — У этого могут быть свои преимущества, — продолжает она. — Нет ничего лучше, чем клёвый плохой парень, заставляющий тебя расслабиться. Помнишь Дилана?

— Как я могу забыть? — отвечаю я, вспоминая мимолётную интрижку, которая была у Хэдди прошлым летом с брутальным и великолепным Диланом, случившись после окончания долгих полуторагодичных отношений. — Пальчики оближешь.

— Точно — конфетка! — мы замолкаем, погружаясь каждая в собственные воспоминания. — Может быть, Колтон — это твой Дилан. Тот, кто поможет тебе преодолеть всё, что произошло с Максом.

— Может быть, — я в задумчивости. — О, боже! — из меня вырывается стон. — И что же, предполагается, мне теперь делать?

— Ну, если посмотреть вон туда, — она поднимает голову, чтобы глянуть на мой будильник, — сейчас пять утра, и тебе лучше вернуться ко сну. А вообще, наверное, надо дать ему день, а затем перезвонить. Посмотришь, что он скажет и сделает. Помни наш девиз. Воспользуйся своей внутренней шлюхой — будь безрассудной и не думай о завтрашнем дне. С ним рядом думай только о «здесь и сейчас».

— Да, наверно, — мы ещё пару минут сидим в тишине. Я — супердраматичная женщина, выскивающая что-то? В его действиях? Я так не думаю, но в глубине души пытаюсь оправдать Колтона. Я знаю, что если мне представится шанс, сделаю это снова, и, чтобы вернуть своим действиям здравый смысл, мне нужно все рационализировать. Чувства и ощущения, которые Колтон вызвал во мне, слишком интенсивны. Это всё слишком. Может быть, на меня просто обрушилось алкогольное опьянение, отчего мне показалось, что всё пропало. Колтон казался таким отчуждённым. Я ругаю себя. Знаю, что этого не было, и отчаянно пытаюсь обратиться к своей внутренней шлюхе.

На этом этапе я выхожу из своей лиги. И только надеюсь, что смогу выяснить, как играть в новую для себя игру, не сгорев в конце дотла.

— Хочешь, я останусь с тобой этой ночью? — спрашивает Хэдди, нарушая тишину. Она

раньше спала в моей постели, по-настоящему тяжёлыми ночами, чтобы помочь мне пройти через них без кошмаров.

— Неа. Я думаю, что я в порядке. Но всё равно спасибо. За всё.

Она наклоняется и целует меня в макушку:

— А для чего ещё нужны друзья? — отвечает, направляется к двери. — Спокойной ночи, Рай.

— Спокойного сна, Хэд.

Она закрывает дверь, и я глубоко вздыхаю, уставившись в потолок, мысли беспорядочным потоком проносятся в голове, пока меня не утягивает в сон.

14 глава

Я сплю допоздна. Так всем вымотанная, что провожу в кровати больше обычных шести с половиной часов и, полностью удовлетворённая, встаю. К тому времени, как я спускаюсь вниз для своей обычной разминки, на часах уже девять.

Хэдди сидит за маленьким столиком на кухне, её босые ноги с окрашенными ярко-розовым лаком ногтями возлежат на пустом стуле напротив. Она с опаской поглядывает на меня из-за чашки с кофе:

— Доброе утро.

— Доброе, — бормочу я, моё обычно солнечное настроение этим утром отсутствует. — Я собираюсь пробежаться, — говорю я ей, прикрепляя к предплечью аудиоплеер.

— Я так и подумала, — отвечает она, обратив внимание на мою одежду. — Ты такая сварливая, потому что хочешь ею быть... или потому, что заставляешь себя бегать после большого количества алкоголя, выпитого вчера, и невероятного секса с Адонисом? — её голос преисполнен сарказма. — Я удивлена, что ты вообще сегодня передвигаешься.

Я усмехаюсь:

— Похоже, кто-то слегка завидует, — парирую я.

— Да, черт побери! — смеётся она. — Сейчас я гораздо больше заросла паутиной, нежели ты.

Я начинаю громко смеяться вместе с ней, уровень моей раздражительности падает.

— А если серьёзно... ты в порядке?

— Да, — вздыхаю я. — Я собираюсь последовать твоему совету. Попробую жить сегодняшним днём... и всё такое, — пожимаю плечами.

Она медленно мне кивает:

— Не пытайся звучать настолько убедительно! — шутливо говорит она, вставая со стула; она знает, что мне нужно время, чтобы всё переварить. — Я буду здесь, если понадобится. Хорошей пробежки.

— Спасибо.

Свежий воздух, асфальт под моими ногами, грохочущая в ушах музыка и движение мышц, отдающееся в теле мазохистским очищением, — я преодолеваю свою пятую и последнюю милю. Мне это необходимо. Нужно было выйти, проветрить мозги и дать себе

время подумать — и всё это одновременно. Мышцы с прошлой ночи — от смеси танцев и великолепного секса — болят, а теперь разогрелись и действуют на автопилоте. В то время как я подумываю пробежать ещё одну милю, из-за моего глупого пренебрежения завтраком моё тело сообщает мне, что так долго я не продержусь. В моих ушах взрывается Pitbull, ритмичное биение музыки заставляет мои ноги двигаться в такт, и мои мысли возвращаются к событиям вчерашнего вечера.

О, Колтон. Моя голова всё ещё пытается осмыслить то, что произошло. Он — шанс, который я искала. Быть беззаботной. Жить настоящим. Быть живой, не просто существуя. Я решаю, что могу заниматься сексом с Колтоном, испытывая эмоции. Просто эмоции должны питаться волнением и ожиданием, и жаждой, а не любовью и преданностью, и надеждой на «большее». Я просто должна продолжать быть нахальной женщиной, с дерзким острым язычком, какой всегда была, потому что в ту минуту, когда он заподозрит во мне ожидание чего-то большего, он исчезнет навсегда. И то, что есть — я, он, мы — будет закончено.

Я размышляю, преодолевая последнюю милю, и вспоминаю, что он заставил меня чувствовать вчера вечером физически. Я могу с уверенностью сказать, что у него достаточно опыта, и этот мужчина — настоящий специалист в сфере сексуальных утех. Я краснею от мыслей, что могу быть с Колтоном, не влюбляясь в него, и это похищает мою решимость. Я надеюсь. Я собираюсь наслаждаться каждой секундой нашего совместного времяпровождения, потому что знаю, что он из тех, кто не остаётся насовсем.

Когда я поворачиваю за угол на свою улицу, в моих ушах звучит Teagan и Sara «Closer» (прим. перев. «Ближе»); мои шаги становятся нерешительными, потому что я вижу на подъездной дорожке у нашего дома белый «Рендж Ровер». Я так удивлена, видеть его здесь, что мои ноги сбиваются с ритма. Ничего не могу поделать с урчанием от чистого удовлетворения, поднимающимся в горле, при виде Колтона, прислонившегося к переднему крылу автомобиля; его тёмная фигура словно очерчена белым ореолом. Тёмно-синяя футболка плотно облегает торс, намекая на крепкое переплетение мышц под ней. Мышц, прикосновение к которым я всё ещё чувствую своими руками. Разрисованные борд-шорты низко сидят на его бёдрах, и его длинные поджарые ноги, небрежно скрещенные в лодыжках, обуты в пару шлёпанцев. Повседневная одежда очень ему идёт. Она смягчает мощь, которую Колтон невольно источает. Он склонил голову, концентрируясь на телефоне в руках, и его непослушные волосы торчат, уложенные гелем в совершенный, стильный, нарочито неряшливый беспорядок. Боль от вспыхнувшего в моём теле желания так сильна, настолько подавляющая, что я с трудом удерживаю руку, чтобы не прижать её к животу, в стремлении побороть её. Я напоминаю себе не забывать дышать, в то время как принуждаю своё тело двигаться дальше.

Подойти к дому. К Колтону.

Дерьмо. У меня серьёзные проблемы. Я издалека восхищаюсь им: он выглядит совершенно невероятно и привлекательно, и понимаю, что всё, о чём я думала во время пробежки — каждое условие, каждый довод, каждое обоснование, почему это нормально — спать с ним — не важно. Увидев его прямо здесь, прямо сейчас, я знаю, что сделаю всё, что потребуется, невзирая на последствия, чтобы быть с ним снова. Чтобы повторилось то, что он заставил меня чувствовать прошлой ночью.

Словно по команде, Колтон поднимает глаза от своего телефона и встречается взглядом с моим. Медленная самодовольная ухмылка освещает его лицо, пока я делаю последние несколько шагов, поворачивая вверх по дороге. Я последовательно вынимаю из ушей

«капельки» наушников, смеясь про себя так кстати гремящей в плеере песне Кристины Агилера «Your body»(прим. ред. «Твое тело») — гимну чистого и безрассудного наслаждения мужскими формами. Я чувствую, как его глаза пробегаются по мне сверху вниз, рассматривая облегающие тренировочные брюки-капри и соответствующую полосатую майку-безрукавку с V-образным следом от пота на груди.

— Привет, — говорю я, затаив дыхание, мое тело все еще пытит от нагрузок.

— Привет, Райли, — рокот его голоса, произносящего моё имя — это скрытый афродизиак, посылающий холодок вниз по моему позвоночнику и вызывающий покалывание в животе.

— Что ты здесь делаешь? — я смотрю на него с замешательством на лице, скрывая, что внутри у меня всё прыгает от радости и от шока, что он здесь, передо мной.

— Ну, — тянет он, отталкиваясь от машины, пока я иду и останавливаюсь прямо перед ним. Колтон источает такую уверенность, за какую большинство людей убили бы. — Согласно твоим словам, прошлой ночью, Райли, я завоевал победное знамя, — на его губах растёт провокационная улыбка, — но, кажется, я забыл забрать свой трофей.

— Трофей?

Со сверкающими глазами, полными юмора, не отрывая от меня взгляда, он берёт мою руку и тянет к себе, прижимая к груди:

— Да. Тебя.

О. Чтоб. Меня. Мысли хаотично бегут в моей голове. Как мне реагировать на это? На него? Когда всё, о чём я могу думать, — это чувствовать его тёплое, крепкое тело против моего, и осознавать тот факт, что он здесь, ради меня, снова после того, как я убежала от него прошлой ночью. Напоминаю себе о необходимости дышать, потому что простое его присутствие рядом лишает мой организм способности выполнять свои основные функции. Я пытаюсь быстро вернуть себе самообладание, говоря, что я должна держать наше взаимодействие на своих условиях — вернуться к моему сарказму — чтобы удостовериться, что могу сохранить свое остроумие.

В голове слышу голос Хэдди, взывающий к моей внутренней шлюхе. Призывающий решиться на это.

Я делаю вздох, перед тем как поднять глаза и встретиться с вызовом во взгляде Колтона. Его чистый мужской запах — смесь мыла с одеколоном — заполняет нос и клубится в голове.

— Ну, Ас, думаю, ты положил глаз на неправильный приз, — я вынимаю руку из его хватки и кладу её на его грудь, игриво отталкивая его, создавая между нашими телами дистанцию. Нуждаясь в пространстве, чтобы сохранить ум ясным. — Если всё, чего ты жаждешь — получить трофей, то у тебя есть собственное собрание красоток, из которых ты легко можешь выбрать нужную. Уверена, одна из них будет более чем готова стать твоим трофеем, — я огибаю его, направляясь к входной двери. По дороге оборачиваюсь с улыбкой на губах, — и стать ещё одной дырочкой на твоём ремне, — пожимаю плечами и продолжаю пятиться. — Ты мог бы, вероятно, позвонить Ракель, так ведь? Я уверена, она простит тебя за прошлую ночь. Хочу сказать, ты выглядел... — я отворачиваюсь и делаю шаг к двери, как будто подыскивая слово, перед тем как пожать плечами и бросить через плечо, — достойно. Она наверняка в восторге от достойных мужчин.

Я жалею, что не могу видеть выражение его лица, но, судя по резкому вдоху, который слышу, мой комментарий попал точно в цель. Мне не приходится долго ждать, чтобы это

узнать, потому что за один вздох Колтон хватает меня за руку и разворачивает к себе, прижимая мое тело к своему:

— Достоинно, значит? — спрашивает он, сверля меня глазами. В его взгляде я вижу гнев, смех и вызов, и со всем этим смешанное желание. Его дыхание овеивает моё лицо, его губы в сантиметрах от моих, настолько близко, что я сжимаю руки в кулаки, чтобы воспротивиться искушению поцеловать его.

Мне требуется всё моё самообладание, чтобы поддерживать свою игру на должном уровне. Чтобы скрыть, как сильно он меня возбуждает, воспаляет мои внутренности, и как один только звук его голоса, ощущения от его прикосновений и намёк на его властность вдребезги разбивают мой контроль.

Я нарочно закусываю губу и в задумчивости поднимаю взгляд, прежде чем снова смотрю на него:

— Хммм, я бы сказала, даже капельку выше среднего, — мои слова сочатся сарказмом, пока я ухмыляюсь ему, обманывая сквозь зубы.

— Может быть, мне стоит продемонстрировать тебе свои умения ещё раз. Уверю тебя, достойно — неточная оценка.

Он громко фыркает, когда я отталкиваюсь от него и снова вызывающе иду к двери.

— Мне нужно порастягиваться, — говорю я, чувствуя его позади себя. — Зайдёшь? — спрашиваю я невинно, с широкой победоносной улыбкой на лице, которую он не может видеть.

— Если ты будешь так же крутить задницей, то да, — бормочет он себе под нос, следуя за мной в дом.

Я веду его в гостиную, надеясь, что Хэдди занята в другой части дома, и предлагаю ему место на диване, пока опускаюсь на пол прямо перед ним для растяжки.

Я развожу ноги так широко, как могу, и наклоняюсь вперёд, грудью ложась на пол и вытягивая руки перед собой. От того, что на мне спортивный топик, и груди прижаты к полу, декольте выталкивает их наружу, создавая дополнительное возвышение. Я вижу, как глаза Колтона блуждают по моему телу, останавливаясь на груди, и начинаю изгибаться, целенаправленно демонстрируя моих «девочек», чтобы свести его с ума. Слышу его полное желания шипение и вижу, как он невольно сглатывает.

— Итак, Колтон, — говорю я, растягиваясь поверх одной своей ноги, и поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него. Сдерживаю улыбку, потому что вижу, как его глаза затуманила похоть. — Чем я могу тебе помочь?

— Бог мой, Райли, — он проводит рукой по волосам, его глаза, метнувшиеся ещё раз к моему декольте, наконец, встречаются с моими. Он неосознанно облизывает языком нижнюю губу.

— Что? — откликаюсь я, глядя на него глазами лани, как будто и понятия не имею, что он возбуждён. Я никогда не вела себя как роковая женщина — не хватало смелости — но что-то в Колтоне позволяет мне чувствовать себя дерзкой и смелой. Это совершенно опьяняюще — смотреть, как он реагирует на малейшие мои телодвижения.

— Нам нужно поговорить о прошлой ночи, — я вижу, как сузились его глаза, когда я сменила позу, улегшись на спину. Я поднимаю правую ногу и тяну её к себе до упора, прижимая к груди; моя голень в сантиметрах от моего носа. Поднимаю голову и смотрю на Колтона через образовавшуюся между моими ногами «вилку», побуждая его продолжать. Он громко прочищает горло, прежде чем продолжить, замывшись на мгновение, чтобы

восстановить ход мыслей:

— Почему ты ушла? Зачем сбежала? Снова.

Я переключаюсь на другую ногу, не торопясь, прижимая её к себе и подтягивая к голове, и издаю низкий стон от удовольствия, потому что мне хорошо от того, как мои сжатые мышцы растягиваются.

— Колтон...

— Ты можешь остановиться, пожалуйста? — рывкает он, беспокойно елозит по дивану и поправляет растущую выпуклость, упирающуюся в шов его шорт. — Чёрт! — ругается он снова, когда я переворачиваюсь, принимая позу эмбриона, сворачиваясь и подставляя его взору свою задницу. — Ты, в этих обтягивающих штанах, такая гибкая и свернувшаяся пополам — заставляешь меня терять концентрацию!

Кокетливо и невинно хлопая ресницами, я бросаю на него взгляд через плечо:

— Ммм? — притворяюсь, будто не расслышала его слова.

Колтон раздраженно вздыхает:

— Ты добьёшься того, что я забуду свои извинения и возьму тебя прямо здесь, на полу. Жестко и быстро, Райли.

— Ох, — это всё, что мне удаётся произнести на это его оплетённое угрозой обещание, посылающее сквозь меня ударные волны, отчего моё тело начинает ещё больше жаждать его умелых прикосновений. Мои губы приоткрываются, напоминая лёгким дышать. Соски от этой мысли твердеют. Я привожу себя в сидячее положение, скрещивая ноги и поправляя топ, таким образом, пытаюсь скрыть, как возбуждено от его слов моё тело:

— Вообще-то, я уверена, что это я должна извиняться, Колтон.

Он игнорирует мои слова; в его глазах, устремлённых на меня, мелькает множество эмоций:

— Почему ты ушла, Райли?

Меня тут же поглощает его командный тон, а моя уверенность слабеет. Я пожимаю плечами:

— По нескольким причинам, Колтон. Я говорила тебе, что просто не такая. Не девушка на одну ночь.

— Кто сказал, что это только на одну ночь?

Во мне пузырьком растёт надежда, но я быстро пытаюсь задушить её. Не на одну ночь? Тогда какого чёрта это было? Что это за фигня? Я пытаюсь сообразить, чего он хочет. Что, он думает, между нами происходит. Я смотрю в его глаза, ища подсказку, но выражение его лица бесстрастно.

— Что? — на моём лице отражается смятение и растерянность. — Ты оставил меня. Я полагала, обязательство быть рядом тебя тяготит.

— Это не так, — он пожимает плечами, не давая другого объяснения. — Я не верю тебе, — он скрещивает руки на груди, натягивая бицепсами рукава футболки, и откидывается на диване. Выгнув брови и ожидая моего ответа.

— Что? — он же оставил меня.

— Твои оправдания прошлой ночью. Я не куплюсь на это. Почему ты ушла, Райли?

Предполагаю, это конец о «не-завожу-подруг» дискуссии. А что насчёт комментария я-не-на-одну-ночь? Как мне объяснить ему в качестве ответа, ЧТО он заставил меня почувствовать прошлой ночью после того, как покинул кровать? Использованной и пристыженной. Как рассказать, что он сделал мне больно, не открывая, что у меня к нему

есть чувства? Чувства означают драму, а он предупредил меня, что не хочет и не потерпит этого в своей жизни.

— Я просто... — я глубоко вздыхаю, освобождая волосы, собранные в «конский хвост» от резинки, и позволяю им рассыпаться по спине, пытаюсь в это время найти правильные слова. Смотрю ему прямо в глаза, полагая, что честность — самый правильный путь. — Ты дал понять, что сделал со мной. С нами... — чувствую, как щёки заливают тепло от смущения, что становлюсь похожа на убогую, ноющую женщину. — Твоя категоричная ругань продемонстрировала, почему мое присутствие больше не требуется.

Он смотрит на меня с опаской, быстро моргая, как бы обдумывая мои слова. Я пытаюсь сохранить бесстрастное выражение лица, максимально невыразительное, чтобы он не заметил боль, которую я испытываю, наблюдая за сменой несчётного числа эмоций, пробегающих по его лицу, пока он изо всех сил пытается обрести опору.

— Милостивый Иисус, Райли! — бормочет он, прикрывая на мгновение глаза, открывая и закрывая рот, как будто есть больше, чем он может сказать. Наконец, он возвращает взгляд ко мне. — Ты и понятия не имеешь... ты заставила меня... — он резко обрывает фразу на полуслове и отходит к окну. Я слышу, как он шепчет проклятия, и это тяжестью ложится на меня. — Я просто хочу защитить тебя от... — он снова замолкает, и только громкий вздох завершает его высказывание. Колтон хватается себя за шею и тянет, пока не опускает голову на плечо. Останавливается в таком положении и смотрит на лужайку перед домом; мы оба замираем в созерцательной тишине.

Я заставила его что? Защитить меня от чего? Закончи предложения — молча умоляю я его, когда смотрю на его напряжённую фигуру в обрамлении утреннего света. Мне просто нужна хоть капля честности от него. Признак того, что случившееся означало больше, чем просто быстрый перепихон. Я бы всё отдала, чтобы видеть в этот момент его лицо. Попытаться прочесть эмоции, которые он прятал от меня.

Колтон оборачивается, и на его лице нет и следа прежних переживаний.

— Я просил тебя остаться, — он произносит эти слова как единственное извинение за вчерашнее. — Это всё, что я могу дать тебе сейчас, Райли. Всё, на что я гожусь, — его голос груб и пропитан чувством, которое я бы определила как сожаление. Я чувствую, как будто этими словами он пытается сказать мне гораздо больше, но не уверена, что именно. На пару минут его слова повисают между нами; Колтон стоит, стиснув зубы, взгляд напряжен.

Я громко фыркаю, неловко чувствуя себя в тишине, стараясь не придавать его словам слишком большого значения.

— Да ладно, Колтон, мы оба знаем, что ты не это имел в виду, — я поднимаюсь с ковра, быстро скручивая волосы в пучок. Он делает пару шагов в мою сторону, его губы крепко сжаты, как будто это само по себе помешает ему сказать больше. Мы стоим на расстоянии в полуметр, глядя друг на друга, и ждём, пока кто-нибудь из нас сделает следующий шаг. Яжимаю плечами, прежде чем опустить взгляд, и кручу кольцо на безымянном пальце правой руки. Потом снова смотрю на него, надеясь, что моё объяснение сдержит любые его вопросы по поводу того, как укротить мои ожидания возможного будущего. Багаж за моими плечами равен драме, а Колтон уже признался мне, что ненавидит драмы.

— Скажем так, вчера я уехала по причинам, которые ты не хочешь знать, — его глаза по-прежнему прикованы к моим, молча умоляя о подробностях. Я шумно выдыхаю. — У меня много лишнего багажа за спиной, Ас.

Я жду от него глубокого выдоха — что его лицо примет бесстрастное выражение,

тускнея, как у человека, который дистанцируется от осложнений — но ничего подобного не происходит. Вместо этого губы Колтона растягиваются в дерзкую улыбку, а зелёные глаза наполняются смехом — и то, и другое стирает тяжесть с его лица:

— О, Райли, — сочувствует он с оттенком изумления в голосе, — я знаю, что такое багаж, сладкая. — Моего хватит, чтобы заполнить 747(прим. имеется в виду Боинг 747, один из самых больших авиалайнеров) и ещё останется, — несмотря на его улыбающееся лицо, я вижу мелькнувшие в тёмном блеске его глаз какие-то неприятные воспоминания.

Святое дерьмо! Что мне сказать на это? Как реагировать, когда он только намекнул на своё тёмное, грязное прошлое? Какого чёрта с ним случилось? Я смотрю на него, широко раскрыв глаза, и мои зубы терзают нижнюю губу. Поэтому он не хочет заводить подругу? Я хочу сказать — наше общение из весёлого кокетливого стёба превратилось в серьёзный разговор. И почему это кажется обычным для нас явлением?

Потому что он важен. Потому что это имеет значение. Его слова пульсируют в моей голове, и я стремлюсь прогнать их прочь, боясь в них верить.

Он делает ко мне шаг, и я опускаю на мгновение глаза, замечая биение пульса под его челюстью. Мои руки хотят прикоснуться к нему. И даже утешить. Почувствовать тепло его кожи под моими ладонями. Я тихо вздыхаю перед тем, как опять поднять на него глаза; многозначительная улыбка приподнимает уголки его рта:

— Это будет интересно, — бормочет он, протягивая руку, чтобы потереть мой выбившийся из пучка локон. Его пальцы движутся к моим наспех стянутым волосам и распускают их. Мои волосы свободно рассыпаются, водопадом кудрей покрывая спину. Он проводит по ним рукой, останавливаясь на затылке, где волосы у меня влажные от пота. От этой мысли я съёживаюсь, но ему, кажется, всё равно, потому что он собирает мои локоны в кулак, удерживая меня так, что я не смогу от него отвернуться.

— Что конкретно? — спрашиваю я; от его собственнического захвата сквозь меня проносится заряд дрожи, возбуждая. Колтон завораживает меня: его глаза, черты лица, чувственный рот, как пульсирует жилка под его челюстью, когда он рассержен.

— Ну, похоже, твой багаж так давит на тебя, что ты постоянно даёшь задний ход. Убегаешь от меня, — его голос рокочет, пока он медленно ведёт пальцем по моему обнажённому плечу. Я борюсь со своим телом, автоматически тянущимся к прикосновениям Колтона. Мой организм реагирует на него инстинктивно, и я не могу себя сдерживать. Он склоняет голову набок, наблюдая за моей реакцией. — А что насчёт меня? Моего багажа? От этого я страстно желаю чувственной перегрузки организма — возбуждающего наслаждения от близости кожи к коже. Тебя подо мной.

В этом и заключается проблема — когда он обращается ко мне, он говорит о чувствах и эмоциях, а когда рассуждает о себе, говорит о физическом контакте. Я пытаюсь не обращать на это внимания. Пытаюсь уговорить себя, что физический контакт — то, чего я тоже от него хочу. Единственное, что я могу от него получить. Признать, что это — единственное, в чём он разделит себя со мной.

Об этом легко помнить, потому что Колтон наклоняется и нежно проводит губами по моим губам. С его прикосновением все противоречивые мысли исчезают. Мягкий вздох от поцелуя, в который мы медленно погружаемся. Я раскрываю губы ему навстречу, его язык скользит внутрь, чтобы нежно погладить и объединиться с моим языком. Движения его языка неторопливые, даже ленивые, пока пальцы Колтона пробегаются по моим плечам к шее. В этом туманном состоянии вожделения я могла бы целовать его вечно. Меня

окутывает его естественный запах, пьянящий вкус поглощает меня, а зажигательные прикосновения воспаляют. Он стонет мне в рот, и этот рокот захватывает меня, проходя насквозь.

Тепло, успокаивающее боль, просачивается в мою грудь и распространяется по всему телу. Я отключаю свой разум и позволяю себе просто чувствовать. Упиваться ощущениями, которые Колтон вызывает во мне. Он — мой огонь холодной ночью, солнце, согревающее кожу прохладным весенним утром, ветер, ласкающий лицо осенним днём, — он всё, что заставляет чувствовать себя живой и цельной, и красивой.

И желанной.

Я скольжу руками под его футболку, по широкой дуге двигаясь к его пояснице. Его упругая кожа нагревается под моими прикосновениями. Мне нужна связь с ним, как нужен солнечный свет. Потому что когда мы так касаемся друг друга, когда я чувствую его в таком состоянии, я не сомневаюсь, что смогу довольствоваться малым. Смогу быть той, в ком он нуждается, и быть с ним так долго, как он мне позволит. За шанс быть с ним, находиться под влиянием его чар, я отодвину свои потребности в сторону и похороню их максимально глубоко, чтобы стать такой, какой он хочет.

Колтон обхватывает моё лицо ладонями, смягчая поцелуй, останавливается, так нежно потираясь о мои губы губами, что вверх по моему позвоночнику пробегает дрожь. Я мягко вздыхаю, в то время как его руки обхватывают меня, сильные мышцы тянут в комфортное тепло. Я кладу голову ему на грудь, которая пахнет чистым бельём и мылом. Я слышу, как под моим ухом бьётся его сердце, сильно и равномерно. Я закрываю глаза, желая, чтобы этот момент длился вечно.

Он кладёт свой подбородок мне на макушку. Я слышу его судорожный вдох, прежде чем он произносит:

— Уму непостижимо, как сильно я хочу тебя, Райли, — он сжимает объятия. — Как сильно меня к тебе тянет.

Я тихо, с маленькой улыбкой на губах, наполняюсь теплом от его признания. Возможно, я действительно влияю на него. Я вытряхиваю эти мысли из головы, не желая усложнять, углубляться в тему или вообще думать, а просто наслаждаюсь лёгкостью и сладостью этой близости между нами.

— Райли?

— Ммм?

— Пойдём со мной — на настоящее свидание, — чувствую, как с этими словами напрягается его тело, как будто просить об этом для него болезненно. Признать, что ему это нужно. — Согласись не потому, что я купил твоё свидание, а потому, что сама этого хочешь.

Всё внутри меня взмывает от восторга при мысли увидеть его снова. Снова провести с ним время.

— Скажи «да», Райли, — бормочет он с тихим отчаянием, целуя меня в макушку. — Просто невообразимо, как сильно я хочу, чтобы ты сказала «да».

Я отклоняюсь, потрясенная уязвимостью, которую слышу в его голосе, и значением языка его тела. Почему он боится, что я скажу «нет», когда любая выбранная им сказала бы «да»? Я всматриваюсь в его глаза, пытаюсь прочесть эмоции, полыхающие в этом неистовом изумрудном взгляде. Я вижу страсть и юмор, желание и вызов, обещание и страх. Почему этот великолепный страдающий мужчина хочет провести время с такой обычной девушкой, как я? У меня нет ответа, но я знаю: в этот момент, глядя на него, я вижу в его

глазах намного больше, чем думаю, он хочет от меня. И понимаю, что это серьёзно пугает меня, и позже, когда останусь одна, я должна разобраться с этим. Всё проанализировать. Воспроизвести заново.

И затем надеяться.

Я тянусь рукой, чтобы дотронуться до его колючей, небритой щеки, наслаждаясь её грубостью под моими пальцами. Шероховатость его кожи свидетельствует о том, что этот момент — настоящий. Что Колтон действительно здесь, со мной. Я поднимаюсь на цыпочки и сомкнутым ртом запечатлеваю на его идеально вылепленных губах нежный поцелуй:

— Да.

Я вздыхаю, и мой ответ, независимо от всей моей прежней психологической агитации, означает, что Колтон Донован только что сделал первую трещину в защитной стене вокруг моего сердца.

Он едва заметно кивает, ничего не говоря, с застенчивой улыбкой на лице. Притягивает меня к себе ещё раз:

— Сегодня вечером?

Я молчу, мысленно оглядываясь на свой календарь, понимая, что у меня нет планов на вечер, но не желаю показаться слишком нетерпеливой.

— Я заберу тебя в шесть, Райли, — решает он за меня, прежде чем я успеваю ответить. Он отпускает меня и смотрит мне в глаза, чтобы убедиться, что я его услышала. В его взгляде нет и следа уязвимости. Она заменена непримиримой уверенностью, которая так созвучна с его публичным образом.

Я прикусываю нижнюю губу и согласно киваю, внезапно почувствовав смущение.

Он захватывает мой подбородок, подушечкой большого пальца трогая нижнюю губу:

— До встречи, сладкая.

— Пока, — выдыхаю я, уже скучая по нему.

Он идет к входной двери, открывает её, и затем поворачивается ко мне:

— Эй, Райлс?

— Хм-мм?

— Никаких больше побегов от меня, — предостерегает он, сверкнув улыбкой, и закрывает за собой дверь. С его уходом я вдруг снова могу дышать. Его присутствие настолько сильное, настолько подавляющее — что переполняет комнату. Пропитывает мои чувства. После его ухода я чувствую, что могу осмыслить, что только что произошло. Наконец вздохнуть свободно.

Я стою лицом к двери и закрываю глаза, впитывая все, что сейчас произошло. Ситуация не прояснилась. Ни на один из своих вопросов я не получила ответа: почему он не связывает себя отношениями с девушками? Что происходит между нами, если это не на одну ночь? О чём на самом деле он хотел сказать, когда не закончил фразу «Ты заставила меня»? От чего он пытается меня защитить? Что за багаж может заполнить 747?

Я тяжело вздыхаю. Так много осталось без ответа, и все же я чувствую, что очень много было сказано без слов. Я сажусь на диван, моя голова не оправилась от недельного урагана эмоций.

— Он ушёл? — я слышу приглушённый голос Хэдди с другой стороны стены.

— Да, любопытная девочка, — смеюсь я, — войди и внеси уже свои пять копеек в общую неразбериху.

— Святое дерьмо! — восклицает она, огибая стену и плюхаясь рядом со мной на

диван. — Горячее свидание сегодня вечером! — она громко восклицает, вздымая руки над головой. — Ого-го, после этого мне надо принять холодный душ!

— Ты подглядывала?! — Я моментально краснею от неловкости, что у нас была аудитория.

— Нет, нет, нет, всё было не так, — поправляет она. — Я была на кухне, когда вы, ребята, вошли в дом. Если бы я стала выходить, вы бы увидели меня, а я не хотела прерывать твоё «напольное» шоу, — дразнит она меня, намекая на мои упражнения на растяжку. — Я только слушала.

Я краснею при мысли о том, что она слышала наш разговор, но нахожу утешение в том, что она всё слышала. Теперь я могу составить объективное мнение о нас с Колтоном.

— Ас? Он знает, что это означает?

— Неа, — ухмыляюсь я, вспоминая наш с Хэдди тайный акроним (прим. вид аббревиатуры, образованной начальными звуками нескольких слов) и слова, из которых он состоит.

— Чёрт, Рай, — качает головой Хэдди, — этот парень запал на тебя.

Я колеблюсь с прямым ответом. Её заявление огорошивает меня. Пару секунд я тереблю кутикулу на ногте, стараясь не делать поспешных выводов:

— Нет, это больше похоже на чистейшую, настоящую похоть.

— Совсем не то, что я вижу, — отвечает Хэдди, и мои брови вопросительно изгибаются. — Сраженный — вот слово, которое приходит на ум.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ладно, Райли! Жестко и быстро? — фыркает она.

— Это просто секс, — я пожимаю плечами, — не обязательство.

— Непостижимо, насколько он тебя хочет? — вторая попытка.

— Снова секс, — поправляю я её.

— Невообразимо, как он хочет, чтобы ты сказала «да» сегодняшнему свиданию?

— Потому что он думает, что это приведет к сексу, — отвечаю я с улыбкой, потому что эта игра меня забавляет.

— Как насчет того, что он сказал, что это не на одну ночь? — снова пытается поколебать меня Хэдди с глазами, полными веселья. Её губки «сердечком» складываются в улыбку, потому что она думает, что на этот раз доказала мою неправоту.

— Игра слов, — парирую я. — Может, он рассчитывает на тридцать ночей? То есть, он только сказал, что это не на одну ночь.

— Ты неисправима, — хохочет Хэдди, хватая меня за коленку и слегка сжимая. — Но, чёрт возьми, по крайней мере, это были бы тридцать дней грандиозного секса, Райли! — захлёбывается восторгом она, её волнение ощутимо. — Ты собираешься снова встретиться с ним сегодня вечером! На настоящем свидании!

— Знаю, — вздыхаю я, качая головой при мысли о том, чтобы еще раз провести время с Колтоном. — По крайней мере, возможно, мы поболтаем, прежде чем займёмся сексом, — шучу я, хотя рациональная часть меня допускает, что это может быть правдой.

Хэдди взрывается смехом:

— О, Райли, моя разумная подруга, — она гладит мою ногу, — будет так забавно наблюдать за твоими приключениями.

Я выгибаю бровь и качаю головой, наполненная безграничной любовью к подруге и глобальной путаницей в ситуации с Колтоном. Я делаю глубокий вдох, откидываясь на

удобный диван и поворачивая голову так, чтобы видеть её лицо:

— Я ведь верно всё поняла, Хэдди? Я так старалась быть такой, как он хочет, и...

— Ты — то, что он хочет, Райли, иначе он не разыскал бы твой дом и тебя, — она раздражена необходимостью объяснять это мне. Опять.

— Что ты только что сказала? — важность ее комментария потрясает меня. Откуда Колтон узнал, где я живу? Я никогда ему об этом не говорила. Надо будет спросить.

— Да будет тебе, Рай, — говорит она, не обращая внимания на ход моих мыслей. — То, что ты сделала — гениально! Ты сбегашь от него после секса прошлой ночью, и на следующее утро он появляется на нашем пороге. Я хочу сказать, — она качает головой с понимающей улыбкой на губах, — это больше чем просто секс, Рай. Парень попал.

Я чувствую, что её слова завладевают мной и укореняются в моём сознании, но я боюсь им верить. Боюсь надеяться, что у меня есть шанс на что-нибудь с Колтоном. Моя голова пытается заглушить всплеск радости в сердце, но эта операция с треском проваливается. Безнадёжный романтик во мне даёт мне пару минут, чтобы помечтать. Надеяться. Я закрываю глаза, утопая в блеснувшей возможности и теплоте этой мысли.

— Дерьмо! — Я тру руками лицо, пока паника прокладывает путь в моё сознание.

— Что? — Хэдди открывает глаза, сощурившись и внимательно глядя на меня.

— Что если я не смогу сделать это?

— О чём конкретно ты сейчас говоришь? — настороженно спрашивает она. — Потому что, если ты про секс, то уже немного поздно волноваться, сестра.

— Очень смешно, — фыркаю я. — Я имела в виду, что если я не смогу отключить эмоции? Если я влюбляюсь в него, Хэд? — Я сажусь, запуская пальцы в волосы, и это движение напоминает мне о руках Колтона в моих волосах. — То есть, он высокомерный и самоуверенный, и он предупреждал держаться от него подальше, но в то же время говорит, что увлечён мною, и он безрассуден, и страстен, и чертовски сексуален, и... всё такое прочее. — Я прижимаю пальцы к глазам и сижу так какое-то время; Хэдди даёт мне минутку, чтобы переварить это. — Я знаю, без сомнения, что это хорошая возможность, — я смотрю на неё. — Что тогда?

— Кажется, что он не единственный, кто сражен, — мягко произносит она, прежде чем я вливаюсь в неё взглядом. Она в мгновение ока оказывается рядом со мной и кладёт голову мне на плечо. — Никто не вправе обвинить тебя в том, что ты боишься, Райли, но в жизни приходится рисковать. Веселиться и не всегда осторожничать. Поэтому, что страшного, если он немного безрассудный? Тот факт, что Колтон пугает тебя, может стать полезным. Жизнь начинается у границы твоей зоны комфорта, — она откидывается назад и выгибает брови. — Тебе нужно немного дикого, безрассудного секса с ним. Очевидно, ты нравишься ему. Кто знает, может быть, это перерастёт в нечто большее. Может, и нет. Но, по крайней мере, ты используешь свой шанс.

15 глава

Жизнь начинается на границе зоны комфорта. Я повторяю совет Хэдди, пока готовлюсь к свиданию с Колтоном. Песня, звучащая фоном, заставляет меня улыбнуться. Это песня, слова которой Колтон упомянул в своём сообщении:

«Форма одежды повседневная. Так как ты всё ещё скорее сбежишь, чем будешь

разговаривать, я буду использовать твой метод коммуникации, чтобы передать моё сообщение. Тайо Круз, Fast Car (прим. перев. «Резвая тачка»). Увидимся в шесть».

Хэдди понимающе улыбнулась, когда я показала ей его сообщение, и даже полезла в свой iPad, чтобы поставить эту песню. Мы вслух смеялись над текстом: «Я прокачу тебя, как резвая тачка!». Оптимально соответствует Колтону.

Затем мы ещё немного повозились, чтобы найти песню, которую я могла бы отправить Колтону в ответ.

— Что-нибудь, что заставило бы его думать о тебе весь день, и чтоб глаза на лоб полезли, — бормочет Хэдди, просматривая свою обширную музыкальную библиотеку. После нескольких минут тишины она вопит: — У меня есть прекрасная песня, Райли!

— Что за песня?

— Просто слушай, — говорит она, звучат первые аккорды. Я начинаю хохотать, узнавая композицию, мне нравится её сексуальность. Не успеваем мы опомниться, как уже обе танцуем по гостиной, подпевая изо всех сил. Эта песня — само совершенство! Сексуальная, двусмысленная и самонадеянная — всё, что я чувствовала, но слишком стеснялась показать Колтону. После того, как я слегка успокаиваюсь, я хватаю свой телефон и пишу ему ответное сообщение:

«Прекрасная песня, Ас. Подходит тебе идеально. А теперь посылаю тебе ту, что подходит мне: Mya, My love is like whoa! (прим. перев Майя, «Моя любовь это... вау!») Жду тебя в шесть!»

Несколько минут спустя получаю отклик:

«Дерьмо. Теперь я твердый. Шесть часов».

Я улыбаюсь, вспоминая наш обмен репликами, и испытываю лёгкий трепет от того, какое влияние на него оказываю. Смотрю на себя в зеркало, тщательно осматривая свой наряд, выбранный по совету Колтона как повседневный. Я надела любимые джинсы True Religion и фиолетовую кашемировую кофточку с короткими рукавами и сексуальным, но элегантным низким V-образным вырезом. От услуг Хэдди я сегодня воздержалась, решив самостоятельно сделать себе причёску и макияж. Сегодня он естественный и лёгкий: немного румян, чуть блеска для губ, тонкая подводка для глаз и достаточно туши, чтобы подчеркнуть глаза. Несмотря на долгие эксперименты с волосами, в конце концов, я решила не поднимать их, и теперь мои кудри рассыпаны по спине. К образу я добавила незамысловатые серёжки с бриллиантами в уши и пару золотых браслетов на запястье.

Кручу своё кольцо и размышляю, оставить его на пальце или снять. Приближаю к глазам и рассматриваю: три тонкие изогнутые полосы, украшенные алмазиками. Прошлое, настоящее и будущее. Я всё ещё могу слышать, как Макс шептал мне эти слова на ухо, когда мы вдвоём смотрели на кольцо на моём пальце, в ту ночь, когда он сделал мне предложение. Я закрываю глаза и улыбаюсь, вспоминая, и удивляюсь, когда слёзы, которые обычно угрожают пролиться из моих глаз, не появляются. Некоторое время я ещё кручу его на пальце, прежде чем нерешительно снять. Мгновение я пристально смотрю на него, прежде чем положить в шкатулку с драгоценностями. Потом в сомнении снова беру его; внутри меня бушуют чувства.

Начать с нуля — напоминаю я себе, глубоко, успокаивающе вдыхая, и всё-таки кладу кольцо в шкатулку. Я носила его, не снимая, три года. Без него я чувствую себя обнажённой, внутри и снаружи. Шевелю пальцами и смотрю на светлую полоску кожи, отмеченной временем. Чувствую, как с плеч будто падает тяжесть, и в то же время приходит печаль — от

мысли, что пора двигаться дальше. Целую бледное пятно на пальце, тихо шепча «Я люблю тебя, Макс», и на целую минуту меня поглощает важность этого момента, после чего я поворачиваюсь к зеркалу, чтобы нанести последние штрихи.

Я проскальзываю в свои чёрные туфли на каблуках, и раздаётся звонок в дверь. Прижимаю к животу руку, обнаруживая любопытную странность — я нервничаю. Этот мужчина видел меня обнажённой, и всё же бабочки в моём животе не утихают. Хэдди кричит мне, что откроет. Я хватаю свою укороченную кожаную куртку и сумочку, в последний раз оглядываю себя в зеркале, и спускаюсь вниз, в коридор. Нервно провожу руками по бокам и бёдрам, приглаживая кофточку, мои каблуки глухо стучат по деревянному полу. Слышу громкий смех Колтона, пока поворачиваю за угол гостиной.

Когда я вхожу, он стоит ко мне спиной. При виде него я резко втягиваю воздух. Тёмно-синие низко сидящие джинсы плотно облегают его задницу и бёдра. Без сомнений, этот парень умеет заполнять собой деним. Его широкие плечи и крепкая спина обтянуты простой белой хлопковой футболкой. Волосы на затылке курчавятся, и мои руки жаждут пройтись по ним пальцами. Он источает сексуальную привлекательность, подспудный жар и вызов, и излучает уверенность. Один взгляд на него окунает меня в жажду желания и боязнь одновременно. И он весь мой на эту ночь.

Прежде чем Хэдди обнаруживает моё появление, Колтон останавливается на полуслове. Моё тело напрягается в ожидании, и глубоко укоренившаяся боль, которую он пробудил во мне, поднимается на новые высоты, когда он смотрит на меня через плечо, потому что его тело почувствовало моё присутствие. Клянусь, я чувствую, что воздух, когда наши взгляды встречаются, начинает потрескивать электричеством, а тела вибрируют, узнавая друг друга.

— Райли, — он выдыхает моё имя. Одно слово — а столько явного обещания для этой ночи.

— Привет, Ас, — невозможно замаскировать мою радость по поводу новой встречи с ним. Я улыбаюсь, надеясь, что он видит, как сильно я хочу провести с ним время, и, боясь, что он может прочесть эмоции, бурлящие во мне от волнения.

Мы делаем шаг навстречу друг другу, и он одаривает меня ослепительной ухмылкой. Я начинаю теревить ремешок своей сумочки просто от того, как пристально рассматривает меня Колтон.

— Как всегда — великолепно, — бормочет он, наконец, когда я уже думаю, что весь воздух покинул эту комнату. Он тянется ко мне и проводит ладонью вверх-вниз по моей голой руке; касание было легким, но отголосок от него сильный.

— Ты готова?

Два простых слова. Ничего такого, но в устах Колтона они звучат соблазнительно и обещают очень много. Я киваю головой и бормочу «Хмм-mmm», а потом оказываюсь пойманной врасплох, потому что он наклоняется и целует кончик моего носа. Такой простой жест, но такой неожиданный для кого-то вроде него.

— Ну, пойдём.

Я бросаю через плечо взгляд на Хэдди, посылая ей улыбку — моё молчаливое «пока». Успеваю увидеть её вскинутые вверх большие пальцы прежде, чем мы выходим за дверь.

Колтон кладёт мне руку чуть пониже спины, пока ведёт к «Рендж Роверу», и это незамысловатое движение успокаивает мои расшатанные нервы. Перед тем как потянуться к ручке пассажирской двери, Колтон отрывает руку от моей поясницы, оборачивая её вокруг моего живота, и притягивает меня к себе, плотно прижимая. Я задерживаю дыхание — от

неожиданного контакта во мне раздувается зажатое им тлеющее пламя. Другая его рука обнимает меня за плечи, и он опускает голову, чтобы уткнуться лицом в сгиб моей шеи. Тепло его дыхания, ощущение покалывания от того, как трётся о мою кожу его намечающаяся щетина, интимность прикосновения и редкое проявление ласковой стороны Колтона заставляют меня на мгновение прикрыть глаза, чтобы успокоиться и усмирить бушующие во мне эмоции.

— Спасибо, что сказала «да», Райли, — мурлычет он, прежде чем поцеловать чувствительную впадинку чуть ниже моего уха. — А теперь позволь мне, показать тебя, как хорошо провести время.

Я склоняю голову к его щеке, снова закрываю глаза, наслаждаясь теплом его твёрдого тела рядом. Через мгновение он выпускает меня из объятий и, открывая передо мной дверь машины, усаживает на пассажирское сиденье.

К тому моменту, когда он достигает водительского места, проблеск нежности на его лице сменяется задумчивым молчанием. Он щелкает своим ремнем безопасности и бросает на меня взгляд. Несмотря на опасения, я вижу в его глазах мерцание, он тянется и кладет мне на колено руку, пожимая и вселяя уверенность.

Мы едем в уютной тишине, я поглядываю на улицу моего района, обсаженную деревьями, проносимыми мимо нас. Взошла луна, полная и ярко освещающая ночное небо этого тёплого января. Я смотрю на Колтона, огоньки на приборной панели бросают отблески на его лицо. Густая прядь тёмных волос упала ему на лоб, и я наблюдаю за его глазами, обрамлёнными густыми ресницами, которые сканируют дорогу впереди нас. Линия его профиля ошеломляющая, с несовершенством его носа, крепкими скулами и чувственными скульптурными губами. Мой пристальный взгляд тянется вниз, к сильным и знающим рукам на руле. Сочетание тёмных волос, полупрозрачных глаз и бронзовой кожи, смешанное с эффектом безразличия — такого отношения, которое вызывает желание быть и стать тем, кто сможет пробиться сквозь его жёсткий внешний барьер — должно быть признано незаконным. Он действительно лишает способности дышать.

Когда я снова возвращаюсь глазами к его лицу, Колтон смотрит на меня, и его глаза удерживают мой пристальный взгляд какое-то время, прежде чем вернуться к дороге. На его губах формируется застенчивая улыбка — единственное подтверждение моего молчаливого наблюдения за ним.

Машина прибавляет обороты, с рычанием устремляясь вперёд по шоссе, и я непринуждённо хохочу.

— Что? — Колтон изображает невинность, сжимая моё колено.

— Ты любишь резвую езду, Ас? — Я осознаю двусмысленность своих слов в ту же минуту, как произношу их.

Он смотрит на меня с дьявольской ухмылкой на губах, выделяя каждое слово:

— Ты даже не представляешь, насколько, Райли.

— На самом деле, думаю, я представляю, — с кривой усмешкой отвечаю я. Колтон откидывает голову назад, заливаясь смехом. — Нет, серьёзно. Что тебя так привлекает в скорости?

Пару секунд он размышляет над ответом.

— Попытка приручить... — он останавливается, чтобы изменить фразу, — нет, скорее, попробовать управлять чем-то, что не поддаётся контролю, мне кажется.

Я шутливо фыркаю:

— Самая подходящая метафора, какую я когда-либо слышала, — и я не могу не задаться вопросом, подразумевает ли он что-то более глубокое, нежели поверхностный ответ.

— Что ты имеешь в виду? — продолжает он игру в наивность.

— Однажды кое-кто сказал мне, что я должна разузнать информацию о том, с кем иду на свидание, — я вижу, как от моего высказывания его брови вопросительно поднимаются. — А мы безрассудные, да?

Колтон сверкает ослепительной, ярче солнца, улыбкой:

— Зато никто никогда не скажет, что я скучный и предсказуемый, — рассуждает он, глядя в зеркала, чтобы перестроиться. — Кроме того, это способ опередить твоих демонов, — прежде чем я успеваю осмыслить его слова, он умело меняет тему. — Что сначала: еда или развлечения?

Я очень хочу расспросить его насчёт его предыдущего комментария, но прикусываю язык и отвечаю:

— Развлечения! Конечно, развлечения!

— Хороший выбор, — одобряет он, но тут же бормочет проклятия, когда из динамика на панели раздаётся звонок сотового. — Прости, — извиняется он, прежде чем нажать кнопку ответа на руле. На экране высвечивается имя — Тони — и я немедленно ощетиливаюсь. Поиск в интернете о моей паре дал мне больше информации, чем только о его проблемах. Сейчас я знаю, что Тони из себя представляет, что она была его сопровождением в течение многих лет, и что это уже второй раз из трёх, когда я вместе с Колтоном, и она звонит. Мой внезапный приступ ревности меня удивляет, но, однако, он только крепнет, когда я слышу, как фамильярно Колтон с ней разговаривает.

— Привет, Тони, ты на громкой связи, — предупреждает он.

— О! — ничего не могу с собой поделать — испытываю крошечную радость, когда слышу удивление в её голосе. — Я думала, ты отменил это с Рак...

— Я отменил, — отвечает он резко. — Что тебе нужно, Тони? — в его голосе сквозит раздражение.

Какой её комментарий озлобленный. Что, если это Ракель была бы с ним в машине? Чувствую её претензию ко мне, за то, что заняла её территорию — Колтона.

Линию наполняет тишина.

— Ох. Ммм. Я просто звоню, чтобы сказать тебе, что официальные письма по поводу спонсорской поддержки готовы, — когда в ответ Колтон молчит, она добавляет, — это всё.

Что? Она работает на него? С ним? Ежедневно? Самое то, что мне нужно в данный момент — чтобы ревность подняла свою стержневую голову. Эта блондинистая моделька видит его каждый день, и ещё время от времени ходит вместе с ним на различные мероприятия. Зашибись!

— Отлично. Спасибо, что поставила меня в известность, — с этими словами он нажимает отбой, резко прерывая разговор. Потом громко вздыхает, и часть меня очень счастлива от того, что он раздражён на эту Тони. — Прости, — произносит он ещё раз, и я уверена, он имеет в виду упоминание Тони имени Ракель. Так они были парочкой! Ракель не какая-то цыпочка, которую он подцепил в клубе. Ехидная сторона меня упивается фактом, что я была девушкой, с кем он сбежал от неё той ночью. Сострадательная сторона меня вздрагивает, поскольку я знаю, что Колтон не тот, кого легко было бы подчинить.

— Ничего страшного, — пожимаю я плечами, обращая внимание на то, где мы находимся. Мы едем из города в противоположном предполагаемому мной направлении.

Ещё несколько минут мы едем в уютной тишине, затем Колтон поворачивает за угол, и небо освещает яркий свет колеса обозрения. Я оглядываюсь на своего водителя, и от ребяческой усмешки на его лице моё сердце медленно уходит в пятки. Колтон проезжает сквозь подсвеченные ворота и медленно едет вниз по ухабистой грунтовой дороге.

От представшей перед нами масштабной картины мои глаза распахиваются. Вся поверхность поля переполнена всевозможными карнавальными аттракционами, какие только можно себе представить, в комплекте с мигающим знаком, зовущим на аллею развлечений с играми, в которых невозможно победить, и вывесками с рекламой ужасно вредной еды. Я так взволнована. Так рада, что Колтон решил весело провести со мной время на открытом воздухе, на этой ярмарочной площади — это позволит мне видеть его настоящего, а не культивируемую личность, которой он должен быть в одном из высококлассных, просматриваемых папарацци ресторанов, которые он, как известно, часто посещает.

Он паркуется и поворачивается ко мне:

— Нравится? — спрашивает он, и, клянусь, я слышу оттенок нервозности в его голосе, хоть и знаю, что это невозможно. Не от ультра-самонадеянного, всегда-уверенного-в-себе Колтона Донована. Или возможно?

Я киваю, прикусив зубами нижнюю губу, в то время как он выходит из автомобиля и подходит к моему месту, чтобы открыть мне дверь.

— Я в восторге, — сообщаю я ему, пока он берёт меня за руку и помогает выбраться из машины. Он закрывает дверь и поворачивается ко мне, прижав спиной к автомобилю. Его глаза горят желанием, он пристально смотрит на меня, располагая руки по обе стороны моей шеи и большими пальцами поглаживая мои щёки.

Я вижу, как сжимаются мышцы его челюсти, когда он мягко качает головой, молча решая какой-то внутренний конфликт, который вызывает тень улыбки на его губах.

— Сладкая, я хотел это сделать с тех пор, как ушёл из твоего дома сегодня утром, — он склоняется ко мне, не разрывая зрительного контакта, — с тех пор, как получил твоё сообщение, — он поднимает брови. — Ты опьяняешь меня, Райли, — его слова проникают в мою душу, пока он сокращает между нами расстояние. Его рот захватывает мой в головокружительном поцелуе, соблазняя меня захватывающим вкусом так, что я оставляю всякие попытки вернуть свое самообладание. Его рот поглощает мой с молчаливой потребностью, и всё же поцелуй так полон нежности, так заполнен неназванными эмоциями, что я не хочу, чтобы он заканчивался.

Но всё-таки это происходит, и я крепко держусь пальцами за его предплечья, чтобы прийти в себя. Он нежно целует меня в кончик носа, бормоча:

— Ты готова как следует повеселиться?

Я не знаю, какого ответа он от меня ждет, так как он просто украл моё дыхание, но как только мне удаётся сказать: «Определённо!», он выпускает меня из объятий, чтобы открыть заднюю дверь машины.

Колтон вытаскивает черную поношенную бейсболку, с истёртым пятном на козырьке. Эмблема на нашивке выглядит как шина с двумя крыльями, вылетающими из центра; края нашивки загибаются, свидетельствуя о частом использовании.

Колтон натягивает бейсболку пониже на голову, используя обе руки, чтобы выровнять должным образом край, прежде чем повернуться ко мне со смущенной гримасой:

— Извини. Просто проще, если я с самого начала буду инкогнито.

— Нет проблем, — отвечаю я и тяну себя за губу. — Мне нравится.

— О, правда? — Он хватает мою руку, и мы начинаем пробираться между припаркованных автомобилей ко входу.

— Да, я вроде как хорошо подхожу бейсболистам, — дразнюсь я, посматривая на него и делая максимально искреннее лицо.

— Не гонщикам? — спрашивает он, теребя мою руку.

— Не особо, — откликаюсь я невозмутимо.

— Кажется, чтобы переубедить тебя, мне придётся стараться сильнее, — говорит он с намёком.

— Это отнимет очень много сил, — на моём лице игривая улыбка, я наблюдаю за ним, его глаза в тени, скрыты козырьком кепки. Я раскачиваю наши руки. — Как думаешь, ты готов принять вызов, Ас?

— О, Райли ... — журит он меня, — не проси чего-то, с чем не сможешь справиться. Я говорил тебе, что могу быть очень убедительным. Разве ты не помнишь, как в прошлый раз отважилась бросить мне вызов? — он притягивает меня к себе, обнимая за плечи.

Как я могу забыть? Я здесь сейчас из-за того псевдо-пари.

Мы подходим к кассе, и Колтон проявляет свою власть, покупая нам билеты, а также браслеты, которые дают нам полный доступ ко всем аттракционам и играм на карнавале. Мы проходим через ворота, Колтон дергает вниз козырёк бейсболки, скрывая глаза, и кладёт руку мне на поясницу. Мои ноздри заполняют запахи земли, масла для жарки и аромат барбекю, пока глаза восхищаются ослепительно мигающими огнями. Я слышу суматоху на небольшой горке справа от нас, которая сопровождается криками развлекающихся, когда они несутся вниз. Вокруг много маленьких детей, блуждающих с ошеломлёнными взглядами, сжимающих в одной руке шары, а в другой — руки родителей; их волнение и удивление ощутимы. На стендах игровых площадок чинно висят мягкие игрушки, гарантированно бросааясь детишкам в глаза. Рука об руку гуляют подростки, не особо впечатляясь тем, что они на карнавале, скорее, радуясь, что развлекаются одни, без родителей. Не могу сдержат улыбку, потому что, несмотря на взрослость, тоже радуюсь, что пришла в парк аттракционов — в их возрасте я не бывала на ярмарке.

— С чего начнём? — спрашивает Колтон, пока мы лениво прохаживаемся, взявшись за руки, улыбаясь и вежливо отказываясь от предложений «выиграть приз».

— Сначала катания на горках, — решаю я, оглядываясь. — Правда, не знаю, какую выбрать первой.

— Ты — моя родственная душа! — хлопывает он свободной рукой себя по груди, улыбаясь мне.

— Адреналиновый наркоман! — говорю я ему, пихая его бедро своим.

— Чертовски верно! — смеётся он, пока мы подходим к аттракциону, вывеска которого гласит «Гоночная аллея». — Так которая, Райли?

Размышляю, замечая, что на нас уставились несколько женщин. Сначала я волнуюсь, что они узнают Колтона, но потом понимаю, что они, вероятно, смотрят на мужчину рядом со мной с чисто женским удовлетворением.

— Хммм, — я рассматриваю горки, желая отдать предпочтение какой-нибудь давно любимой. Указываю на ту, что ближе к нам. — Мне она нравилась, когда я была ребёнком!

— Старый добрый Tilt-A-Whirl (прим. — аттракцион, на котором вы садитесь в кабинки в форме ракушек, которые наклоняются и вращаются вокруг своей оси, в то же время едут по

кругу), — смеётся Колтон и тянет меня в сторону. — Давай уже, пойдём, — его энтузиазм покоряет. Мужчина, который гоняет по треку со скоростью не одна сотня миль в час, тусуется со звёздами Голливуда, и мог бы в этот момент быть в каком-нибудь высококлассном месте, в восторге от катания на обычном аттракционе. Со мной. Я должна ущипнуть себя.

Мы встаём в очередь. Он мягко толкает меня в плечо:

— Расскажи мне больше о себе, Райли.

— Это собеседование — часть свидания? — игриво дразню я его. — Что ты хочешь знать?

— Какова твоя история? Откуда ты родом? Какая у тебя семья? Каковы твои тайные пороки? — вызывает он меня на откровенность, беря за руку и поднося её к губам. Незамысловатый признак привязанности просачивается сквозь защитную стену вокруг моего сердца.

— Все пикантные подробности, да?

— Ага, — его лицо освещает усмешка, и он тянет меня к себе, чтобы небрежно положить руку на мое плечо. — Расскажи мне все.

— Ну, я выросла в типичной семье среднего класса в Сан-Диего. Моя мама владеет фирмой по дизайну интерьера, а отец восстанавливает старинные памятные вещи.

— Очень круто! — восклицает Колтон, а я тянусь, чтобы соединить свою руку с его рукой, которая небрежно покоится на моём плече. — Какие они?

— Мои родители? — Он кивает. Его вопрос удивляет меня, потому что он вне просто поверхностного интереса. Как будто Колтон действительно хочет меня узнать. — Мой папа — человек А-типа (прим. — ориентирован на успех), у него всё упорядочено, в то время как моя мама очень творческая личность. Свободная духом. Противоположности притягиваются. Мы очень близки. Их весьма расстроил тот факт, что после колледжа я решила остаться в Лос-Анджелесе, — пожимаю плечами. — Они замечательные, просто слишком беспокоятся. Знаешь, типичные родители, — мы немного продвигаемся в очереди, пока одни люди покидают вагонетки, а другие их заполняют. — Мне очень повезло с ними, — признаюсь я, чувствуя укол тоски, потому что не видела родителей уже несколько недель.

— А братья или сёстры? — спрашивает Колтон, перебирая мои пальцы в своей руке.

— У меня есть старший брат. Таннер, — мысль о нем заставляет меня улыбаться. Колтон слышит в моём голосе почтение, когда я говорю о моем брате, и мягко улыбается мне в ответ. — Он много путешествует. Никогда не знаешь, где он будет через неделю. Он корреспондент Associated Press[6] на Ближнем Востоке.

Он замечает мой наморщившийся лоб:

— Не самая безопасная нынче работа. Похоже, ты сильно волнуешься.

Я прислоняюсь к нему:

— Да, но он занимается тем, что любит.

— Определённо, я его понимаю, — мы снова продвигаемся вперёд. — Как думаешь? Сейчас наша очередь?

Я делаю шаг, вставая перед Колтоном, поднимаюсь на цыпочки и оглядываю поток людей перед нами. Сквозь меня проходит лёгкий трепет, когда его руки оказываются по обеим сторонам моего туловища, в месте, где талия переходит в бёдра. Я задерживаюсь в таком положении немного дольше необходимого, потому что не хочу, чтобы эти руки исчезли.

— Хм, думаю, в следующий заход, — говорю я, опускаясь.

Вместо того чтобы убрать руки, Колтон оборачивает их вокруг меня и укладывает на моё плечо свой подбородок. Я погружаюсь в него, своей мягкостью против его стали, и на мгновение прикрываю глаза, впитывая ощущение от его присутствия.

— Итак, закончи рассказывать о себе, — мурлычет он мне на ухо, его лёгкая небритость трётся об изгиб моей шеи.

— Да больше особенно не о чем рассказывать, — тихонько пожимаю плечами, не желая, чтобы он отодвинулся. — Много участвовала в спортивных состязаниях, пока училась в школе. Поступила в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Познакомилась с Хэдди, когда она стала моей соседкой по комнате. Четыре года спустя специализировалась по психологии несовершеннолетних в области социальной работы. Получила работу и занимаюсь этим до сих пор. Всё достаточно обыденно.

— Нормальная жизнь — не обыденна, — поправляет он меня. — Нормальная жизнь — желательна.

Я собираюсь спросить его, что он подразумевает под своим комментарием, но тут мы продвигаемся ещё и подходим к изогнутой поверхности горки. Проскальзываем в вагонетку, опускаем поручень безопасности и ждём, когда заполнятся остальные места.

Рука Колтона скользит вдоль моей спины, обвивая меня, и затем он продолжает:

— Так что насчёт пороков? Чего ты жаждешь?

Помимо тебя? Эти слова почти вырываются из моего рта, но я вовремя ловлю их, пока не поздно. Смотрю на него, скосив глаза, пока думаю.

— Только не смейся, — предупреждаю его.

Колтон хохочет:

— Теперь мне стало очень любопытно.

— Ну, кроме обычных женских слабостей, вина, конфет Hershey kisses, мятного мороженого с шоколадной крошкой, — я делаю паузу, якобы размышляя, уголки моего рта ползут вверх, — я должна назвать музыку, — он удивлённо задирает брови. — Не вполне скандально, я знаю.

— Какую музыку?

Пожимаю плечами:

— На самом деле, всякую. Зависит от настроения.

— Что ты слушаешь, когда это очень нужно?

— Мне стыдно об этом говорить, — закрываю я лицо ладонью в притворном смущении, — но обычно это Top 40, ширпотребная попса.

— Нет! — в притворном ужасе восклицает Колтон, громко смеясь. — О, боже, только не говори, что тебе нравятся бойз-бэнды, — саркастически иронизирует он. Как только я начинаю взирать на него с самодовольной улыбкой, он начинает хихикать. — Вы с моей сестрой прекрасно поладите. Я вынужден был слушать это дерьмо всё время, пока рос.

Он планирует познакомить меня со своей сестрой? Я быстро стираю с лица изумлённое выражение и продолжаю:

— Должно быть, у нее отличный музыкальный вкус! — разыгрываю я его. — Эй, я живу в доме, полном подростков, и слушаю все треки Top 40 целый день!

— Хорошая попытка, но ничто не оправдывает симпатии к мальчиковым группам, Райли.

— Говоришь, как истинный парень!

— Ты бы предпочла, чтобы я был кем-то ещё? — спрашивает он, постукивая пальцем по

кончику моего носа, пока я хохочу, отрицательно мотая головой.

Он наклоняется вперед и оглядывает путь перед нами, чтобы понять, когда мы стартуем.
— Сейчас поедem.

От меня не ускользнуло, что весь наш разговор был обо мне. Я только собираюсь поразмышлять об этом, как наша вагонетка трогается, и начинает крутиться, поворачивать и вращаться неопиcуемыми кругами. Меня откидывает от Колтона, и он обхватывает меня рукой, притягивая к себе и крепко держа.

От стремительной езды он истерически смеётся, и для повышения остроты ощущений я советую ему закрыть глаза. Клянусь, что слышала, как он говорит, что после покажет мне кое-что покpуче, но отвлекаюсь от выяснения подробностей, потому что как только начинаю спрашивать, поездка заканчивается.

Мы с Колтоном покатались на чайных чашках, качелях, украдкой поцеловались на аллее влюбленных в Весёлом доме, высоко поднимали руки над головами, резко падая с американских горок, и болтались туда-сюда на «Драконовом корабле».

Мы сходим с очередного аттракциона свободного падения, после того как наши желудки поднимались к горлу, и Колтон заявляет, что хочет пить.

Идём к продовольственной палатке, покупаем два напитка и большой ком сладкой ваты. Колтон очень серьёзно на меня смотрит:

— Ни один праздник не будет совершенен, если ты не объешься до дурноты чистой благодатью сахарной ваты, — его улыбка — это улыбка озорного маленького мальчика, и от неё моё сердце просто тает.

Я смеюсь над ним, пока мы идём к ближайшей скамейке. Мы почти доходим до неё, когда сзади раздаётся голос:

— Простите?

Мы поворачиваемся и видим женщину средних лет.

— Да? — спрашиваю я, но очевидно, что я её вообще не интересую — её глаза прикованы к Колтону.

— Прошу прощения за беспокойство, но мы с друзьями поспорили... вы Колтон Донован?

Я чувствую, как сжимается на моей талии рука Колтона, но его лицо остается бесстрастным. Он смотрит на меня, потом на женщину перед нами, и по его лицу расплзается медленная улыбка.

— Лестно, что вы так подумали, мэм, но мне жаль вас разочаровывать. На самом деле, мне часто так говорят, — лицо женщины удручённо вытягивается. — Хотя, спасибо за комплемент. Меня зовут Ас Томас, — импровизирует Колтон, протягивая руку женщине для пожатия. Смесь моего для него прозвища и моей фамилии заставляет меня мягко улыбнуться той мысли, что он думает о нас как о двух близких людях. Связанных.

Она неохотно пожимает ему руку, бормоча «приятно познакомиться», неловко чувствуя себя от своего вторжения, потом быстро поворачивается и идёт обратно к своим друзьям.

— Мне тоже очень приятно, мэм, — вслед ей отвечает Колтон, его плечи расслабляются, когда мы поворачиваемся к ним спиной и продолжаем свой путь к скамейке. Он тихо облегчённо выдыхает. — Ненавижу это делать. Так врать, — поясняет он. — Просто если узнаёт хоть один человек, дальше всё катится как снежный ком. Появляются снимки с телефонов и посты в «Фейсбук», и не успеешь опомниться, как мы будем окружены толпой папарацци, и мне придётся весь вечер общаться с незнакомцами, нежели уделять внимание

тебе.

Его рассуждение застаёт меня врасплох, и мне льстит, что он облакает это в такую форму.

— Это моя жизнь, — не оправдывается, а объясняет он, — по большей части. Я по умолчанию вырос в известной семье, к тому же, сам сделал выбор, чтобы быть публичной персоной. Я принимаю факт, что собираюсь быть сопровождаемым и сфотографированным, и преследуемым ради автографов. Я свыкся с этим, — говорит он, садясь на скамью около меня, — и я не возражаю против этого, действительно. То есть, я не жалуясь. Я обычно очень любезен, особенно когда дело доходит до детей. Но иногда, как сегодня вечером, я просто... — он поглубже натягивает бейсболку, — не хочу быть узнанным. — Он наклоняется вперёд, поворачивая голову так, что козырёк его кепки задевает мой лоб, и говорит, — хочу, чтобы были только ты и я, — склоняясь ко мне, он прижимается к моим губам кратким, но нежным поцелуем, подчёркивая свои последние слова.

Я слегка отстраняюсь и робко улыбаюсь, поднимая руку к его затылку, чтобы лениво перебирать его выбившиеся из бейсболки кудри. Несколько минут мы пристально смотрим друг на друга, обмениваясь невысказанными чувствами: жажда, желание, удовольствие, игривость и наша сочетаемость. Моя усмешка становится шире:

— Ас Томас, неужели?

Он возвращает мне усмешку, вокруг его глаз образуются морщинки:

— Это первое, что пришло мне в голову, — пожимает он плечами, поднимая брови. — Если бы я помедлил, она поняла бы, что я вру.

— Точно, — уступаю я, взяв щепотку сладкой ваты, которую протягивает мне Колтон. — Боже мой, эта штука — самая сладкая из всех!

— Я знаю. Чистый сахар, — хихикает он, выпучивая на меня глаза. — Вот почему она такая чертовски классная! — он смотрит на горки. — Эх, когда я был ребёнком, после... — он делает паузу, затем тихо продолжает, — после того, как я познакомился со своими родителями, они баловали меня, таская на бейсбол. Я так хреново себя чувствовал, объевшись этой фигни, — уголки его губ приподнимаются, и от воспоминаний на его лице мелькает тень улыбки. Ничего не могу с собой поделать — мне очень хочется узнать, какой была его жизнь до того, как он встретил своих приёмных родителей.

Мы погружаемся в приятную тишину, наблюдая за аттракционами и людьми вокруг нас, небольшими щепотками поглощая сахарную вату. Я действительно наслаждаюсь, проводя время с Колтоном. Он внимательный и интересный, и, кажется, как будто действительно заинтересован во мне как в личности.

Полагаю, я ожидала более поверхностного дай-я-тебя-узнаю отношения, и то, что я ошиблась, является для меня долгожданным знанием.

Колтон тянется пожать моё колено, обращая внимание на последнюю горку, которую мы не посетили:

— Ты готова покорить Молнию, Райлс?

При мысли о маленькой закрытой кабинке, бесконечно кувыркающейся почти в свободном падении, я бледнею. Её трясёт, швыряет вперёд и назад, пока ты заключён в ней. Я шумно сглатываю:

— Ещё нет, — отрицательно трясую головой.

— Пойдём, прошвырнёмся, — шутливо настаивает он.

От попытки представить себя на этом аттракционе я чувствую надвигающуюся

клаустрофобию, повожу плечами, чтобы избавиться от этого призрачного ощущения.

— Прости. Не могу, — мямлю я, ощущая, как весь организм накрывает жар от смущения. — Я страдаю сильными приступами клаустрофобии, — поясняю, убирая с лица волосы.

— Я заметил, — говорит он с усмешкой. Когда я вопросительно поднимаю бровь, он продолжает, — Помнишь? Каморка для хранения? За кулисами? — напоминает он с наводящей ухмылкой на лице.

— О. Да, — уязвлённая памятью о тех моих действиях, чувствую, как пылают от его комментария щёки. — Как я могу забыть?

— Так было всегда, или это твой брат в детстве запер тебя в чулане и забыл? — выговаривает он, довольно смеясь от этой мысли.

— Ха-ха, — качаю я головой и быстро отворачиваюсь, надеясь, что он не увидит слёзы, мгновенно наполняющие глаза от воскресших воспоминаний. Тянусь привычно покрутить кольцо, и обнаруживаю это место пустым. Дрожащим голосом выдыхаю, прикрывая на мгновение глаза, чтобы совладать с эмоциями, которые, кажется, готовы вырваться наружу. Злюсь на себя за то, что позволила какой-то ничтожной горке спровоцировать такую сильную реакцию.

Как только он замечает моё состояние, его смех резко прерывается; Колтон кладёт мне на плечо руку, притягивая к себе:

— Эй, прости, Райли. Я не имел в виду...

— Нет, всё нормально, — трясую головой, уклоняясь от его рук, спасаясь от его тепла, испытывая неловкость от своей реакции. — Нет необходимости извиняться. Это я должна просить прощения. — Он кивает, принимая мой ответ, его глаза умоляют рассказать мне больше. — Я... мм... пару лет назад попала в серьёзную автокатастрофу... Некоторое время была в ловушке, не могла выбраться, — качаю головой, отгоняя яркие воспоминания. — С тех пор не могу находиться в небольших замкнутых помещениях. Чувствую себя захваченной.

Колтон кладёт руку мне на спину, успокаивающе поглаживая вверх-вниз.

— Те шрамы? — спрашивает он.

— Угу, — отвечаю я, всё ещё пытаюсь восстановить свой голос.

— Но сейчас ты полностью здорова? — его голос наполняет настоящая обеспокоенность, заставляя меня оглянуться на него и улыбнуться.

— Физически — да, — произношу, откидываясь назад, в его комфортное тепло, укладываясь спиной на его торс; его рука машинально оборачивается вокруг меня. — Эмоционально, — я вздыхаю, — было время и получше. Я говорила тебе, Колтон, у меня достаточно багажа за спиной.

Он целует меня в голову, держит меня, не отрывая губ. Я буквально слышу в нашей тишине вопросы, которые он хочет задать. Что произошло, и насколько ужасно это было? Почему у несчастного случая такие последствия, что заставляют меня бежать от него? Я не хочу омрачать вечер грустью, поэтому отщипываю кусочек сладкой ваты и поворачиваюсь к Колтону таким образом, что оказываюсь прижатой к нему, моё согнутое колено покоится на его бедре. Я машу ватой перед его лицом.

— Насколько сладко тебе нравится, Ас? — флиртую я, облизывая нижнюю губу, а затем провокационно кладу вату между своих губ.

Он склоняется ко мне, его глаза стремительно темнеют, на губах играет непристойная улыбка.

— О, милая, твой вкус достаточно сладок, — он поглощает вату, зажатую у меня во рту, и целенаправленно цепляет мою нижнюю губу, потянув за неё. Укол боли в ту же секунду зализывается языком. Тихий стон удовольствия, исходящий из его горла, заводит меня. Вызывает желание выпить его до дна. Прямо здесь. Прямо сейчас.

— Мне, определённо, нравится этот вкус, — бормочет он мне в рот. — Нам только, возможно, надо попридержаться коней и согласиться отложить это на попозже, — он лениво потирается губами о мои губы, — на тот случай, если тебе нужно немного подсластителя после того, как я запачкал тебя, — губами ощущаю, как его рот изгибается в улыбке. Его соблазняющие слова заставляют низ моего живота сладко и тяжело запульсировать. Обещание большего — кончить вместе с ним — делает меня влажной и превращает мою мягкую боль в тлеющий ожог.

Я вздыхаю против его губ, полностью околдованная и целиком очарованная им. Прислоняюсь лбом к его лбу, беру паузу, чтобы успокоить переполненное бушующими переживаниями нутро.

— Так, — говорит Колтон, отстраняясь и мягко целуя меня в лоб, и затем продолжает. — Есть две вещи, которые мы обязаны сделать, прежде чем уйти.

Он поднимается со скамейки, засовывая пакет со сладкой ватой подмышку, глядя на него с ухмылкой, потом хватает меня за руку и тянет, поднимая на ноги.

— О, правда? И что это может быть?

— Мы должны прокатиться на колесе обозрения, — вещает он, игриво похлопывая меня по заднице, — и я просто обязан выиграть для тебя мягкую игрушку.

Я громко смеюсь, в то время как мы направляемся к колесу. Очередь к нему короткая, и мы празднично болтаем, удивляясь тому, как много у нас общего, несмотря на происхождение из таких разных семей. Насколько схожи наши симпатии и антипатии. Одни и те же предпочтения в кино и в телепрограммах.

Мы входим в кабинку, и поручень безопасности опускается на наши колени. Колесо медленно вращается, Колтон закидывает руку мне на плечо.

— Так ты не закончила рассказывать мне о себе.

— Что такое? — смеюсь я. — Думаешь, я не заметила, что ты сегодня ещё не был предметом для разговора?

— Я следующий, — обещает он, целуя меня в висок, когда я прижимаюсь к его теплу и безопасности его рук, пока мы поднимаемся всё выше. Он обращает внимание на человека, жонглирующего шариками.

— Скажи мне, Райли, каким ты видишь своё будущее? Красивый муж, два с половиной ребенка и белый забор?

— Ммм, может быть. Однажды. Но муж должен быть горячим и милым, — я преувеличенно громко смеюсь. — И без детей.

Чувствую, как напрягается от моих слов его тело, его молчание оглушительно, прежде чем он реагирует:

— Это сюрприз для меня. Ты любишь детей. Работаешь с ними каждый день. Неужели ты не хочешь завести своих? — Я слышу в его голосе замешательство, чувствую, как движется у моей макушки его челюсть, упираясь в неё.

— Посмотрим, что приготовит мне судьба, — отвечаю я, надеясь, что он удовлетворится моим ответом, и не станет допытываться дальше.

— Смотри! — я указываю на горизонт, где верхняя часть полной луны только

поднимается над холмами, радуясь, что у меня появилась причина сменить тему. — Так красиво!

— Хм-хм, — бормочет он, пока мы сидим и наблюдаем её восхождение. — Знаешь, какое есть правило, когда, катаясь на колесе обозрения, ты достигаешь высшей точки?

— Нет. Какое? — Поворачиваюсь я к нему, слегка отстраняясь от тепла его рук.

— Такое, — отвечает он, накрывая мой рот своим, а рукой зарываясь в мои волосы. Голод в его поцелуе так ощутим, что на время я теряю себя в нём. Его язык проскальзывает мимо моих губ, по пути обольстительно их облизывая. Я полна ощущений: тихий шорох колеса, горячее тепло кончиков его пальцев, шёпот на моей щеке, сладкий вкус сахарной ваты на его языке, моё затихающее имя на его губах. Мы медленно опускаемся вместе с колесом, и, осознав это, отрываемся друг от друга, огонь, бушующий между нами, отступает.

— Милостивый Иисус, — потешаясь, ворчит Колтон, ёрзая на сиденье, чтобы шов на джинсах не давил на его возбуждённую промежность. — Я реагирую на тебя, как чёртов подросток, — он качает головой, его накрывает смущение.

— Да ладно, Ас, — говорю я, моё эго очень довольное его комментарием и тем, как я на него влияю. — Ты должен мне игрушку.

Спустя тридцать минут и несколько пройденных игр, с ноющими от смеха боками, благодаря игривым шуточкам Колтона, я становлюсь гордой владелицей огромной и очень ассиметричной плюшевой собаки. Я прислоняюсь к углу одного из зданий на территории ярмарки, согнув колено, ступнёй одной ноги упираясь в стену, а на моём бедре покоится мой новый заветный приз. Я наблюдаю за тем, как Колтон доигрывает в последнюю игру, берёт маленький приз, который он только что выиграл, и вручает его маленькому мальчику, стоящему рядом с ним у стенда. Он треплет пацана по голове и улыбается его маме, прежде чем направиться ко мне. Его тугие мышцы перекачиваются под футболкой, пока он движется, и всё его тело кричит, что оно создано для греха. Я не могу оторвать от него глаз. Я вижу, что не одна я не могу — мама мальчика смотрит вслед уходящему Колтону с благодарностью во взгляде.

— Тебе весело? — спрашивает он, приближаясь ко мне, и дёргает собачье ухо. Я глупо ему усмехаюсь. Как будто есть смысл спрашивать. Я же с ним?

Он тянется и ведёт кончиком пальца по моей щеке.

— Я люблю твою улыбку, Райли. Ту, которая прямо сейчас на твоём лице, — он обхватывает ладонью мою шею сзади, большим пальцем проводя по нижней губе. Его прозрачные глаза изучают мои и что-то в них выискивают. — Ты выглядишь такой беззаботной и радостной. Такой красивой.

Я склоняю голову, мои губы прощально касаются его пальца.

— В отличие от тебя? — спрашиваю я. Он вопросительно выгибает брови. — Когда улыбаешься ты, твоё лицо кричит о проказах и неприятностях, — и о горе, мысленно добавляю я.

Я качаю головой, когда улыбка, которую я только что описала, появляется на его лице. Провожу свободной рукой по его груди, довольная шипением, сопровождающим его дыхание, в ответ на моё прикосновение, и вижу огонь, пляшущий в его глазах; и это выражение «я типичный плохой парень» написано на нём большими буквами.

Его улыбка становится шире:

— Плохой мальчик, да?

Прямо сейчас, в этот момент, понимаю — нет такого варианта, что я когда-нибудь буду

в состоянии противостоять ему — с его взъерошенными волосами, изумрудными глазами, и этой улыбкой. Смотрю на него из-под ресниц, прикусив нижнюю губу.

— А ты из тех девочек, которым нравятся плохие мальчики, Райли? — спрашивает Колтон низким хриплым голосом, в котором сквозит желание, его губы в сантиметрах от моих, глаза горят решимостью.

— Неа, — шепчу я, едва имея достаточно самообладания, чтобы выговорить это вслух.

— А ты знаешь, что нравится плохим мальчикам? — он кладёт руку мне на поясницу, с силой прижимая к себе. Горячие вспышки удовольствия взрываются в каждой точке, в которой соединяются наши тела.

О, боже! Его прикосновения. Твёрдое тело, прижатое к моему, вызывает жгучую потребность в том, чего я не должна желать. Не должна хотеть от него. Но у меня больше нет сил с ним бороться. Я рвано втягиваю воздух, не доверяя собственным голосовым связкам.

— Нет, — всё, что получается сказать в ответ.

И после следующего вздоха Колтон сокрушает мой рот иссушающим жаром поцелуем, окрашенным почти насильственным желанием. Он целует меня так, будто мы в одиночестве в его комнате. Его руки проходятся по всей длине моего тела, порхают на шее, берут в чашу ладоней лицо, пока он медленно ослабляет интенсивность поцелуя.

В качестве завершающего штриха Колтон оставляет лёгкий поцелуй на кончике моего носа, затем отклоняется; дьявольский взгляд всё ещё тлеет в его глазах.

— Итак, нам плохим мальчикам, — продолжает он, в то время как моя голова всё ещё кружится, — нам нравится, — он наклоняется, его губы у моего уха, тепло дыхания щекочет кожу. Думаю, сейчас он собирается сказать мне что-то эротическое. Что-нибудь шаловливое, что он хочет со мной сделать, и от затянувшейся паузы я зависаю в раздумье, — ужинать!

Я откидываю голову и громко хохочу, рукой на его груди отодвигая его от себя. Он смеётся вместе со мной, забирая у меня из рук плюшевую собаку.

— Попалась! — восклицает он, хватая меня за руку, и мы покидаем ярмарку.

Мы пробираемся к машине, болтая ни о чём, затем выезжаем с парковки. Пока мы едем, Колтон включает радио, я тихонько ему подпеваю.

— Тебе действительно нравится музыка, да?

Я улыбаюсь ему, продолжая петь.

— Ты знаешь слова каждой звучавшей сейчас песни.

— Это — моя незамысловатая форма терапии, — отвечаю я, регулируя ремень безопасности так, чтобы повернуться и смотреть ему в лицо.

— Свидание было настолько плохим, что тебе уже нужна терапия? — острит он.

— Прекрати! — я смеюсь его шутке. — Я серьёзно. У музыки лечебный эффект.

— Как это? — спрашивает он; его лицо сосредоточено, потому что мы выехали на оживлённую I-10.

— Мелодия, слова, чувства, которые за всем этим скрываются — так просто всего не передать, — я пожимаю плечами. — Не знаю. Полагаю, иногда музыка говорит о моих чувствах лучше, чем я сама. Может быть, когда я пою, всё, о чём трусила сказать кому-то, я опосредованно могу сказать в песне. Думаю, для меня это лучший способ описать что-либо, — по моим щекам ползёт румянец, потому что я чувствую себя глупо, что не в состоянии объяснить лучше.

— Не смущайся, — говорит он мне, протягивая руку и располагая её на моём колене. — Я улавливаю суть. Понимаю, что ты пытаешься мне сказать.

Я собираю воображаемые ворсинки с моих джинсов, — это моя нервная привычка, когда я попадаю в неловкую ситуацию. Тихо смеюсь:

— После аварии, — и шумно сглатываю, в шоке от того, что мне настолько комфортно с Колтоном, что я добровольно делюсь с ним этой информацией. Это та часть моей истории, о которой я редко говорю, — это помогло мне. Когда я выписалась из больницы и вернулась домой, бедная Хэдди так устала слышать одни и те же песни много раз, что угрожала выбросить мой iPod в мусоропровод, — я улыбаюсь, вспоминая, как серьёзно она была настроена. Насколько была сыта по горло прослушиванием Matchbox Twenty. — Я использую это и сейчас, с детьми. Когда они только попадают к нам, или если им нелегко справиться с ситуацией, или если они не могут свободно рассказывать о своих переживаниях, мы помогаем им, используя музыку, — я пожимаю плечами. — Знаю, звучит не слишком научно, но это работает.

С абсолютной искренностью Колтон смотрит мне в глаза и спрашивает:

— Ты ведь действительно любишь своих воспитанников, да?

Я отвечаю без колебаний:

— Всем своим сердцем.

— Им очень повезло, что за них борешься ты. Этот тяжёлый для ребёнка путь должен прерываться. Он легко уничтожает, — Колтон качает головой, замолкая. Я чувствую, как он погружается в какие-то непостижимые воспоминания, и от него исходит печаль. Я кладу руку поверх его ладони на моём колене, и ободряюще сжимаю её пальцами. Что произошло с этим красивым мужчиной, который всего минуту назад был игрив и сексуален, а в следующую уже тих и задумчив? Что вмещает в себя этот населённый призраками взгляд пронзительных зеленых глаз? Что прошлое дало ему, какой жестокий стимул заставил выбрать свой путь, добиваться успеха любой ценой?

— Хочешь, поговорим об этом? — тихо спрашиваю я, боясь выглядеть излишне любопытной, но желая, чтобы он поделился тем глубинным тёмным секретом, который имеет над ним такую власть. Мы как будто играем в Ану и Кристиана (прим. перев. персонажи романа «50 оттенков серого»).

Он громко вздыхает, тишина в машине разрастается. Я украдкой бросаю на него быстрый взгляд и вижу напряжение, запечатленное в линиях вокруг его рта. Огни проезжающих мимо автомобилей отбрасывают тени на его лицо, заставляя его казаться еще более неприкосновенным, далёким, каким я сейчас его ощущаю, несмотря на его непосредственную близость. Я очень сожалею, что задала свой вопрос. Опасаюсь, что ещё глубже погрузила его в воспоминания.

Колтон вынимает свою руку из моей, снимая бейсболку и забрасывая её на заднее сиденье, затем резко взлохмачивает свою шевелюру. Мышцы под подбородком сокращаются, когда он в задумчивости сжимает и разжимает челюсти.

— Чёрт, Райли, — и, когда салон снова погружается в тишину, я думаю, что это всё, что услышу в ответ. В конце концов, он продолжает. — Я не... — снова останавливается, машина выезжает на шоссе. Я вижу, как плотно, обеими руками он вцепляется в руль. — Я не должен преследовать тебя своими демонами, Рай. Заполнять твою головку дерьмом — заветной мечтой любого психолога. Дать тебе в руки боезапас — чтобы препарировать мою сущность и кинуть её мне обратно в лицо, когда во всём, что я сделаю — или скажу — я облажаюсь.

Я тут же обращаю внимание, что слышу в его заявлении «когда», а не «если». В нём

укоренилась мысль, что он — неудачник. Переживание в его словах ударило меня сильнее, чем обвинение в бесчувственности, которое он выплюнул в мою сторону. Мой многолетний опыт говорит мне, что он до сих пор страдает, по-прежнему сталкивается с тем, что случилось много лет назад.

Мы останавливаемся на светофоре, и Колтон обеими руками трёт лицо:

— Послушай, прости. Я...

— Не нужно извиняться, Колтон, — я тянусь к нему и сжимаю его плечо. — Совершенно не нужно.

На мгновение он прикрывает глаза и опускает голову, потом поднимает голову и открывает глаза. Бросает на меня взгляд, на лице сдержанная улыбка, в глазах — печаль, и бормочет:

— Спасибо.

Окидывает глазами дорогу и, дождавшись зелёного сигнала светофора, давит на газ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

16 глава

Наш поздний ужин греховно хорош. Колтон привозит меня в небольшой ресторан на пляже на шоссе № 1 немного к северу от Санта-Моники. Несмотря на оживленную толпу народа субботним вечером, хозяйка, увидев Колтона, приветствует его по имени, и быстро уводит нас на веранду к достаточно уединённому столику с видом на воду. Шум прибора служит мягким музыкальным фоном нашему вечеру.

— Как часто ты здесь бываешь? — спрашиваю я с кривой усмешкой. — Или ты просто используешь тот факт, что хозяйка увлечена тобой, и поэтому нам предоставили самый лучший столик?

Он дарит мне свою усмешку, останавливающую сердце.

— Рейчел милая девушка. Её отец владеет этим местом. У него отсюда есть лестница на террасу на втором этаже. Иногда мы с ним поднимаемся наверх, чтобы выпить пару пива. Потрепаться. Сбежать от этого безумия, — он наклоняется ко мне и легко щёлкает пальцем по кончику моего носа. — Надеюсь, тебе здесь по вкусу? — спрашивает он.

— Определённо! Мне нравится расслабленность, — говорю я ему. Когда его ухмылка становится шире, а глаза темнеют, я взираю на него в замешательстве. — Что?

Он с весельем на лице делает глоток пива.

— Мне тоже нравится твоя расслабленность, только не в этой обстановке, — его намекающий тон будит в моём животе бабочек. Я хихикаю и игриво шлёпаю его. Он ловит мою руку, между делом поднося её к губам, а потом кладёт её себе на бедро, накрывая сверху своей рукой. — Нет, серьёзно, — поясняет он, — мне ближе уединённость, чем блеск и гламур образа жизни моих родителей и их ожидания. Моя сестра больше соответствует той гламурной среде обитания, нежели я, — он закатывает глаза, несмотря на чрезвычайное обожание на лице, появившееся у него при её упоминании.

— Сколько ей лет?

— Куинлан? Ей двадцать шесть, и она — настоящая заноза в заднице! — смеётся он. — Сейчас она учится в аспирантуре Университета Южной Калифорнии. Она напористая, властная, покровительствующая и...

— И она любит тебя до смерти.

Его лицо озаряется мальчишеской улыбкой, когда он кивает, соглашаясь:

— Да, верно, — и после некоторого раздумья выдаёт. — Это совершенно взаимное чувство.

Явная лёгкость в выражении любви к сестре от человека, не склонного показывать свои чувства, очаровывает меня. Колтон с удовольствием проявляет влечение и сексуальность, но ещё ни разу я не слышала, чтобы он так открыто выражал свои душевные порывы.

Прерывая наш разговор, появляется официантка, спрашивает у меня, готова ли я сделать заказ, хотя глаза её сосредоточены на Колтоне. Меня тянет признаться ей, что я понимаю её состояние, потому что сама нахожусь под влиянием его чар. Я до сих пор ничего не выбрала, поэтому смотрю на Колтона:

— Я буду то же, что выберешь ты.

Он взирает на меня с изумлением на лице:

— Их бургеры лучшие. Что думаешь?

— По-моему, звучит замечательно.

— Моя родственная душа, — дразнится он, сжимая мою руку. — Принесите нам, пожалуйста, два сёрф-гамбургера с картошкой фри и что-нибудь выпить, — говорит он официантке, а я пытаюсь вручить ей своё меню, и замечаю, насколько она взволнована Колтоном, обращаясь к ней.

— Ну, расскажи мне о своих родителях.

— Хо-хо, наступило время разговоров о Колтоне? — дурачится он.

— Ты получил своё, Ас. Теперь давай выкладывай, — не отступаю я, делая глоток вина.

Он пожимает плечами.

— Мой папа выходит за рамки всего, что окружает его в жизни. Всего. Он поддерживает меня, всегда позитивен, и сейчас мы с ним хорошие друзья. Моя мама более сдержанная. Для нашей семьи она — опора, — Колтон мягко улыбается, думая о ней. — Но у неё, определенно, есть характер и талант к драматизации, когда она считает таковую необходимой.

— Куинлан тоже приёмная?

— Нет, — качает он головой, допивая пиво. — Она родная дочь. Родители решили, что при их плотных графиках и частых разъездах одного ребенка будет достаточно, — он поднимает брови. — И тогда папа нашёл меня, — последнее заявление нарочито лёгкое, а боль, скрытая за этими словами, глубока.

— Тебе было тяжело? От того, что Куинлан родная, а ты приёмный?

Он раздумывает над ответом, отвернув голову и осматривая ресторан:

— Время от времени, думаю, я использовал это для получения выгоды. Но, узнав больше, понял, что мой папа не должен был приводить меня к себе домой в тот день, — он тербит этикетку на пустой бутылке. — Папа должен был сдать меня социальной службе, и Бог знает, что было бы дальше, потому как они — не самая эффективная организация. Но он так не сделал, — Колтон пожимает плечами. — Я вовремя вырос, чтобы понять, что они действительно любили меня, хотели меня, потому что, когда дошло до дела, они оставили меня у себя. Сделали частью своей семьи.

Я немного ошарашена откровенной честностью Колтона, потому что ожидала, что он уклонится от любых личных вопросов, как делает обычно относительно своих загадочных комментариев. Моё сердце разрывается от переживаний за маленького мальчика, которым он был. Я знаю — он скрывает потрясения, через которые прошёл, пока нашёл своё место в

уже сложившейся семье.

— Каково это — расти с публичными родителями, на глазах у всей общественности?

— Полагаю, сейчас моя очередь вернуться к допросу, — шутит он, вытягивая и укладывая руку позади моего сиденья, и лениво накручивает на палец прядь моих волос. — Они приложили все усилия, чтобы изолировать меня и Куин от всего этого. В то время СМИ не были такими всемогущими, как сейчас, — пожимает плечами. — У нас были строгие правила и обязательные семейные ужины воскресными вечерами, когда папа не был в отъезде. Для нас кинозвёзды, приезжающие на барбекю, были просто Том и Рассел, как и любые другие люди, которых приглашают на семейную вечеринку. Мы не знали их никак по-другому, — он широко улыбается. — Боже, потом они испортили нас гнилой правдой, пытаюсь наверстать упущенное за прошедшие с детства годы.

Колтон замолкает, когда приносят наш заказ. Мы благодарим официантку, добавляя приправы к нашим бургерам, и каждый погружён в свои мысли. Я удивляюсь, когда Колтон продолжает рассказ о своём взрослении.

— Боже, я был для них сущим наказанием, — признаётся он. — Постоянно создавал разного рода проблемы, последствия которых им приходилось разгребать. Не слушался. Восставал против их воли — на самом деле, против всего — когда у меня был хоть малейший повод.

Я откусываю от своего бургера, издавая довольный стон. На его лице мелькает улыбка:

— Я говорил тебе, что они лучшие!

— Божественно! — Я дожёвываю. — О-о-очень вкусно! — Вытираю уголок рта салфеткой и продолжаю выпытывать из Колтона информацию. — Итак, почему Донован? Почему не Уэстин, например?

— А почему Ас? — наносит он контрудар, сверкая мне воинственной усмешкой. — Почему не сладкий кексик или красавчик?

Я изо всех сил стараюсь не расхохотаться от слов, слетающих с его губ. Вместо этого склоняю голову, уставившись на него глазами, полными веселья, и морщу губы. Мне давно было любопытно, сколько времени ему понадобится, чтобы задать этот специальный вопрос.

— Сладкий кексик из твоих уст звучит особенно неподходяще, — смеюсь я, в конце концов, и опираюсь локтями о стол, уронив голову на руки. — Ты уклоняешься от моего вопроса, Ас?

— Неа, — он откидывается на сиденье, не отрывая от меня взгляда. — Я отвечу на твой вопрос, когда ты ответишь на мой.

— Поиграем в игру? — Я выгибаю брови. — Покажи мне свой, и я покажу тебе своё?

В глазах Колтона загораются вызов и развлечение.

— Детка, я уже видел твоё, — произносит он, сверкая ослепительной усмешкой, перед тем как сократить между нами расстояние и прильнуть губами к моим губам, а затем отстраниться прежде, чем у меня появился бы шанс по-настоящему погрузиться в поцелуй. Моё тело гудит от отчаяния и возбуждения одновременно. — Но я был бы счастлив увидеть сегодня весь комплект целиком.

Мои мысли затуманены, а бёдра напряжены; от словесного столкновения между нами разливается сексуальное напряжение. Когда я понимаю, что уже могу говорить не предательски звучащим от его влияния на моё тело голосом, я продолжаю:

— А какой был вопрос? — дразнюсь, игриво хлопая ресницами.

— Ас, — пожимает он плечами, стремительно облизывая нижнюю губу. — Почему ты

меня так зовёшь?

— Просто словечко, которое мы с Хэдди придумали давным-давно, когда ещё учились в колледже.

Колтон с удивлением поднимает брови, молчаливо побуждая к пояснению, но я только застенчиво улыбаюсь в ответ.

— Значит, оно обозначает что-то оттуда? И не касается исключительно меня? — спрашивает он, задумчиво двигая челюстью, пока ожидает ответа, который я не собираюсь ему давать. — И ты не скажешь мне, что это значит, так?

— Неа, — ухмыляюсь я, делая глоток своего питья, и наблюдаю, как морщится его лоб, пока Колтон обдумывает варианты.

— Хм-м-м, — бормочет он, щуря на меня глаза. — Всегда очаровательный и милый? (прим. перев. Асе — Always Charming and Endearing) — улыбается он, явно довольный собой за такую лестную расшифровку себе.

— Неет, — повторяю я, уголки моих губ подрагивают, приподнимаясь.

Его улыбка становится всё шире, когда он показывает на меня своим пивом.

— Я понял, — уверяет он, восхитительно морща нос в раздумье. — Раз и навсегда Колтон (прим. перев. Асе — Always Colton Everafter).

Ухмылочка на его лице и обворожительный взгляд заставляют меня рассмеяться. Я тянусь к его руке, лежащей на столе, и сжимаю её:

— Даже и близко нет, Ас, — поддразниваю я. — Теперь твоя очередь отвечать на вопрос.

— Ты не скажешь мне? — спрашивает он недоверчиво.

— Э-э-э, — его реакция на мои слова забавна. — Хватит игнорировать мой вопрос. Почему всё-таки Донован, а не Уэстин?

Мгновение он смотрит на меня, взвешивая варианты:

— Так или иначе, я всё равно добьюсь от тебя ответа, Томас, — говорит он мне многообещающим тоном — намекая на тактику убеждения, при мысли о которой такая знакомая жажда, которую он во мне вызывает, возвращается с удвоенной силой.

— Уверена, у тебя получится, — с приглушённым урчанием соглашаюсь я, зная, что, вероятно, он получит гораздо больше, чем просто слова.

Колтон пристально смотрит на меня пару секунд, в изумрудных бассейнах его глаз — буря эмоций, и, прежде чем я могу что-либо прочитать в них, он беспечно пожимает плечами и отворачивается к океану, отнимая у меня этот шанс.

— Сначала мои родители использовали фамилию Донован, чтобы защитить меня от мира, когда я был ребёнком. Когда мы путешествовали или требовался псевдоним, мы называли её. А когда я стал старше, — он делает глоток пива, — и стал участвовать в гонках, я захотел быть уверенным, что хорош, потому что это я, а не из-за имени моего отца. Я не желал, чтобы меня считали каким-то испорченным голливудским сыночком, который использует имя и деньги отца, чтобы прославиться, — он смотрит на меня, вылавливая картофель фри из моей тарелки, хотя у самого в тарелке его полно. — Я хотел сам заслужить свою славу. Действительно, заслужить, — на его лице снова мелькает улыбка. — Сейчас эта известность не имеет значения. Могу позволить себе не заботиться о том, кто и что про меня напишет. Или подумает. А тогда было важно.

Между нами повисает тишина. Мне трудно примирить образ высокомерного сексуального нарушителя спокойствия, каким его изображают СМИ, с человеком передо

мной. Этому мужчине комфортно с самим собой — и, всё же, часть меня ещё чувствует, как он стремится найти своё место в этом мире. Чтобы доказать, что он достоин всего хорошего и плохого, что с ним случилось. У меня создаётся впечатление, что в этой земной жизни в нём есть немного и от ангела, и от дьявола.

— Скажи, Колтон, как ты нашёл этот ресторанчик? — я поднимаю за ножку свой бокал и рассеянно верчу его, вращая вино в бокале, прежде чем отпить.

— Я наткнулся на него однажды после занятий серфингом, по дороге домой, когда учился в колледже, — рассказывает он, косясь на женский визг, раздающийся из недр ресторана, когда его узнаёт какая-то девушка и называет по имени.

Не обращая внимания на посетителей, начинающих собираться внутри, чтобы поглазеть на Колтона, я, как ни в чём не бывало, продолжаю:

— Не представляю тебя студентом колледжа, Ас.

Он дожёвывает кусок бургера, а затем отвечает:

— Да, я тоже, — и смеётся, делая ещё глоток пива. — Думаю, я разбил родителям сердце, когда после двух лет бросил учёбу в университете Пеппердайна, оставшись без степени.

— Почему ты не доучился? — Я инстинктивно вздрагиваю, когда в окружающей темноте раздаётся жужжание и вспышка фотоаппарата, когда кто-то пытается сфотографировать Колтона.

Он небрежно, между делом, плавно сдвигает своё кресло в сторону, что говорит о постоянной практике. Теперь Колтон сидит почти спиной к залу, и разглядеть его труднее. Я совершенно не против, потому что он оказывается ближе ко мне, и теперь мы оба сидим лицом к лунному свету и океану. И его совсем не заботит возникший позади нас недовольный ропот толпы.

— Я мог бы навешать тебе лапши про свободолюбивый дух и всё такое, — он делает безразличный жест рукой, — но это просто не моё, — и пожимает плечами. — Углублённые исследования, набор форматов, сроки, структура... — на последнем слове он дрожит в притворном ужасе.

Я ухмыляюсь ему и качаю головой, подавшись назад в кресле, пока его пальцы небрежно скользят вверх-вниз между моими лопатками.

— Даа... Абсолютно не представляю тебя за партой со сложенными перед собой руками.

— Боже, родители были в бешенстве! — шумно выдыхает он, вспоминая. — Они потратили кучу денег на репетиторов, чтобы я хорошо учился после того, как меня усыновили, — он качает головой, улыбаясь, — а потом я взял и похерил все их усилия, отчислившись.

Я чуть откусываю от картошки фри.

— Сколько тебе было лет, когда... я имею в виду, как ты с ними познакомился? — по его лицу проходит тень, и я мысленно пинаю себя за то, что спросила. — Прости. Мне не нужно было любопытствовать.

Прежде чем ответить, он, задумавшись, смотрит на залитый лунным светом океан.

— Да там нечего скрывать, — он вытирает руки о салфетку, лежащую на коленях. — Мне было... я встретил папу позади его трейлера на студии Universal.

— На съёмках «Фитиль»? — уточняю я, имея в виду фильм, о котором узнала, пока «гуглила» всё, что касается Колтона. Как известно, за роль в этом фильме его отец получил

«Оскара», но я не знала, что встретились они именно тогда.

Колтон задирает брови, его пиво останавливается на полпути ко рту:

— Кто-то сделал домашнюю работу, — говорит он мне, и я не могу определить, встревожен ли он этим фактом или удивлен.

В ответ я застенчиво улыбаюсь, и от смущения, что попалась, по щекам разливается румянец.

— Ну, кое-кто как-то сказал мне, что небезопасно встречаться с тем, чью историю ты не изучил, — предлагаю я в качестве оправдания.

— И это так? — насмешливо интересуется он, откидываясь назад. Его руки скрещены на груди, в одной — пиво, а из рукавов выпирают бицепсы.

— Да, — заигрываю я, — но, опять же, не думаю, что в твоём случае это имеет значение.

— Это почему же? — ухмыляясь, спрашивает он, поднося к губам бутылку. Мои глаза прикованы к ним, охватывающим горлышко, и к его языку, который высовывается облизать губы после глотка. Я должна уже вытянуть свои непристойные мысли из той сточной канавы, куда опустилась, представляя эти губы на мне. Облизывающие меня. Дегустирующие.

— Мне кажется, не важно, как много я узнаю о тебе, — произношу я, облакачиваясь на него так, что мои губы почти касаются его уха, и шепчу, — я всё ещё думаю, что ты опасен, — для меня, добавляю мысленно.

Он чуть отодвигается, его глаза плавают мои, когда он наклоняется, чтобы коснуться нежным поцелуем моего рта, прежде чем уткнуться своим лбом в мой.

— Ты даже не представляешь, насколько, — рокошет он в мои губы. Его слова посылают сквозь меня ударную волну смятения. В одну минуту — игривый, в следующую уже сдержанный. Сказать, что он изменчив — большое преуменьшение.

Мы заканчиваем еду болтовней о всяком разном, будучи прерванными только однажды: поклонником, который попросил дать ему автограф, что Колтон любезно и исполняет. Рейчел неплохо справляется с тем, чтобы держать его фанатов на расстоянии, объявив, что патио закрыт для частной вечеринки.

Я могу понять, почему женщины так цепляются за него. Почему пытаются претендовать на него, как, например, ранее Тони. Вытянувшись, Колтон откидывается на спинку сиденья, потягивая пиво. Он смотрит на меня и усмехается, пока я путешествую глазами по его торсу, бицепсам, до его лица. При взгляде на него в моей голове оживает картинка, как его тело вжимает меня в матрас, и мой живот сводит.

— Видишь что-то, что тебе нравится? — интересуется он, намеренно приподнимая чуть выше пояса джинсов край футболки, якобы чтобы почесать свой идеальный пресс. Я глубоко вдыхаю, когда его рука лениво царапает самый низ живота, там, где дорожка волос исчезает под пуговицей. Чёрт его подери!

Я поднимаю взгляд к его глазам и вижу, как в них мерцает веселье пополам с желанием. Что ж, в эту игру могут играть двое. Я вспоминаю Хэдди и её нетрадиционные советы. Пробуди свою внутреннюю шлюху — повторяю я как мантру. Попытайся высвободить свою кипящую сексуальность, чтобы как-нибудь оказаться в той же лиге, что и Колтон.

Я чуть сдвигаюсь на сиденье и подкладываю под себя ногу. Опираясь локтями о стол, наклоняюсь вперёд так, чтобы вырез моей кофточки был хорошо виден. Слежу за тем, как движется взгляд Колтона — от моих губ, по линии шеи и прямоком к изгибам моей груди.

От сосредоточенности его рот приоткрывается, а язык высовывается и облизывает нижнюю губу. Я по-прежнему не двигаюсь, мои губы в сантиметрах от его:

— Что-то, что мне нравится? — повторяю, затаив дыхание, мельком взглянув на его губы и снова поднимая взгляд к его глазам. — Хм-м, — мурчу я, будто в раздумье, — я всё ещё изучаю предмет, чтобы убедиться, что он в хорошем состоянии, — шепчут мои губы, и, когда он смыкает свои, чтобы поцеловать меня, я с удовольствием откидываюсь назад на своё кресло, отказав ему в прикосновении.

В глазах Колтона мелькает нетерпение, а уголки губ приподнимаются, пока он оценивающе смотрит на меня, качая головой.

— Значит, вот как ты решила поиграть, Райли? — этот шаловливый вопрос звучит без единого оттенка развлечения. С намёком на предостережение. Напряжение в его глазах влияет на моё тело: на пульс, дыхание, нервные окончания. — Хочешь поиграть в недотрогу, сладкая? — спрашивает он, доставая из заднего кармана бумажник и, вынимая из него приличное количество купюр, кладёт их на стол. Он смеётся. Низкий резонирующий звук проходит через меня, в то время как я продолжаю тихо наблюдать за ним, со скромной улыбкой на лице, несмотря на понимание, что когда дело доходит до Колтона, я беру на себя слишком много, пытаясь играть в его игры. Он протягивает руку, обхватывая ладонью моё лицо, и проводит большим пальцем по моей нижней губе. В моём животе плещется желание, ноющее от того, что я хочу больше его прикосновений.

С решимостью в глазах Колтон наклоняется вперёд. Он движется до тех пор, пока его рот не оказывается рядом с моим ухом. Я чувствую тепло его дыхания, и мою кожу покалывает в ожидании его прикосновения.

— Видишь ли, сладкая, если ты захотела, чтобы тебя поуготоваривали, — шепчет он, ведя пальцем вниз по моему декольте, — ты выбрала не того парня, — он прихватывает губами мочку моего уха и посасывает её, ощущения от этого устремляются прямо в мою кисть. Я выгибаюсь ему навстречу, хоть и знаю, что позади нас полный зал людей. — Разве мама не говорила тебе, что изображать неприступность — самый верный способ заполучить мужчину, которого хочешь? — его дразнящий острыми гранями голос соблазнительный, завораживающий и чертовски сексуальный. Он продолжает движение пальцем вниз по моему плечу и руке, пока не достигает бедра. Гладит его ладонью, медленно скользит вперёд, останавливаясь на его вершине. Большой палец Колтона оказывается прямо над моей промежностью, с удобством нажимая на кажущийся очень жёстким деним против моего пульсирующего клитора. От нахлынувших ощущений я со свистом втягиваю воздух. — Хочешь играть по-крупному, сладкая? Добро пожаловать в высшую лигу.

Я выдыхаю; его слова — прелюдия моему мурлыкающему либидо. Он отстраняется и оставляет дразнящий поцелуй на моих губах. Потом откидывается с торжествующим выражением лица. Приподнимает брови, поглядывая на мою грудь, а потом снова на лицо:

— Кроме того, Райли, твои соски предают тебя, разрушая весь образ недотроги.

Что? Я опускаю взгляд, обнаруживая, что горошины моих сосков вызывающе торчат под тканью кофточки, целиком и полностью представляя Колтону моё возбуждение. Дьявол их возьми!

Колтон резко встаёт, бесстыдно мне улыбаясь, и протягивает руку.

— Пойдём, — говорит он, и всё, о чём я могу думать — это надежда, что очень скоро он снова дотронется до моего изведённого желанием тела.

Мы выходим из ресторана через запасной выход, куда нас направляет Рейчел, чтобы

избежать толпы папарацци у входа. Незамеченными добираемся до его машины, и Колтон быстро выезжает на шоссе № 1. Мы едем в полной тишине, воздух в машине трещит от нереализованной сексуальной энергии.

Не знаю, куда мы едем, но я достаточно соображаю, чтобы понимать, что у нас обоих сейчас одно желание. Слова не нужны. Я осознаю это, когда вижу, как Колтон сжимает руль. Когда чувствую невидимые волны предвкушения и желания, которые он излучает.

В конце концов, мы съезжаем с шоссе на окраине города Пасифик Пэлисейдс и поворачиваем на улицу в паре кварталов от пляжа. Колтон паркуется у особняка в тосканском стиле и выходит из машины, не говоря ни слова. Наверное, это его дом? В свете фонаря я вижу оштукатуренный фасад с коваными вставками и двор, охраняемый грубоватыми «деревенскими» воротами. От всего этого веет уютным очарованием, и совсем не соответствует моим представлениям о жилище Колтона. Я воображала себе что-то современное, монохромное, со строгими чистыми линиями. Он открывает заднюю пассажирскую дверь и забирает наши вещи, прежде чем помочь мне выйти из машины. Хватает меня за руку и, не говоря ни слова и не глядя на меня, тащит вверх по мощёной дорожке.

Я задаюсь вопросом, умею ли считывать эмоции, потому что внезапно чувствую себя очень неловко. Откуда это внезапное изменение? Я что-то пропустила? По мне бьёт нервное напряжение, когда я осознаю, проходя в эти двери, что мои предыдущие соображения, что должно сейчас произойти, меняются. Смещаются по какой-то непонятной причине. Я останавливаюсь позади Колтона в уютном дворике, где среди прекрасно вписывающихся в пейзаж гортензий и пламерий стоят небольшие качели на двоих.

Я слышу звон ключей и его чертыхания, пока Колтон подбирает правильный ключ, затем он толкает многострадальную дверь, кладёт руку мне на поясницу и проводит меня внутрь. Затем вводит код для снятия охраны, но сигнализация продолжает пищать, и Колтон делает ещё две попытки, прежде чем звук прекращается.

Интерьер дома выдержан в бурой и рыжевато-коричневой гамме с яркими всплесками цвета на подушках и вазах. Маленькие штрихи тут и там — женской руки — наводят на мысль о возможном когда-то присутствии здесь дизайнера женского пола. Или женщины, живущей вместе с ним. Я раздумываю над этим наблюдением, неуверенно входя в гостиную, держа руки перед собой и не зная, что мне делать или сказать. Впервые за сегодняшний вечер в компании Колтона я чувствую себя неловко. Я слышу, как захлопывается входная дверь, и его шаги по деревянному полу — как он идёт позади меня в кухонную зону.

С его лица исчезла вся игривость, надёжно скрытая под нечитаемой маской. Я наблюдаю за тем, как он открывает шкаф, ища что-то и бормочет проклятия, когда не находит нужное, открывая еще две дверки, и затем он выдыхает:

— Какого хрена?

Я такого же мнения. Я вижу напряжённость в его плечах. В линиях вокруг его рта. Меня наполняют неуверенность и беспокойство, и я делаю к нему несколько шагов.

— У тебя красивый дом, — слова выходят пискляво, выдавая моё смятение.

При этих словах глаза Колтона вспыхивают, встречаясь с моими, оценивая меня.

— Зависит от ситуации, — бормочет он, пока я озадачено смотрю на него. Он закрывает дверцу шкафа и направляется ко мне, обходя стол. Его глаза бесстрастные. Взгляд непроницаем. — Я ехал сюда, не думая... — произносит он извиняющимся тоном, качая головой. — С моей стороны было глупо привести тебя сюда.

Его слова, это внезапное отторжение, жалят как пощёчина. Я униженно опускаю глаза в пол, обхватывая себя руками в бесполезной попытке защититься. Чувствую, как в горле закипают жгучие слёзы. Уже второй раз он приводит меня с собой, а потом, ничего не объясняя, отвергает. В одну минуту он заставляет меня чувствовать, что я единственный человек, которого видят его глаза, а в следующую создаётся впечатление, что мой вид ему невыносим. Я переминаюсь с ноги на ногу, убеждая себя, что не расплачусь перед ним. Не дам Колтону насладиться осознанием эффекта, который он производит на меня, несмотря на наше недолгое знакомство.

Глубоко вздохнув, я готовлюсь закономерно покинуть это место — где я так внезапно нежелательна. Когда я готова снова взглянуть на него, я поднимаю глаза и вижу перед собой Колтона, стаскивающего с себя футболку. Вынырнув из воротника, Колтон, не глядя, отбрасывает футболку на диван. Его глаза полностью сосредоточены на мне, челюсти сжаты, руки подрагивают, как будто он жаждет коснуться меня. Интенсивность его пристального взгляда крадет мое дыхание.

Теперь моя очередь удивиться. Какого хрена? Я основательно запуталась. Доктор Джекил превратился в мистера Хайда, и всё повторяется. Пару минут назад он извинялся за то, что привёл меня сюда, потому что хотел отступить, а теперь он, с восхитительно обнажённым торсом, смотрит на меня так, будто собирается немедленно поглотить, отчего я задерживаю дыхание.

Я прерываю наш зрительный контакт, переводя взгляд на его великолепное тело. Его гибкий торс чуть шевелится под моим неспешным разглядыванием. Джинсы низко сидят на бёдрах, под пояс которых плавно уходят V-образные мышцы живота. Я ловлю себя на мысли, как сильно хочу попробовать его там. Пробежаться губами по изгибам тугих мышц, спустившись к вершине этого перевёрнутого треугольника. Как я хочу взять его в рот, соблазнить языком и заставить потерять весь контроль. В моём теле плещется, пульсирует и зудит жажда удовлетворения.

— Ты хоть представляешь, что делаешь со мной? — тихо спрашивает он. Я отрываю взгляд от его тела, встречаясь глазами с его взглядом. Невысказанные эмоции в его глазах одновременно шокируют, обволакивают и пугают меня. — Не представляешь, так ведь?

Я отрицательно мотаю головой, закусывая нижнюю губу. Я знаю только, как он на меня влияет. Про власть, какой он обладает, заставляя меня снова чувствовать. Заставляя забыть. Как одно только его прикосновение может утихомирить все сомнения в моей голове.

Колтон делает медленный шаг.

— Ты стоишь с этим невинным выражением в потрясающих фиалковых глазах. Как фея, с каскадом волос, льющих вокруг тебя. А эти губы... ммм, Боже... эти сексуальные губы, припухшие и такие мягкие после того, как их зацеловали. Я мечтаю об этих губах, — его слова окутывают меня, соблазняя. Он делает шаг ближе, тянется и берёт меня за руку. — На твоём лице уязвимость, Райли, но твоё тело? Твои изгибы? Они кричат о грехе. Заставляют мой рот наполняться слюной от желания вкусить тебя снова. Вызывают во мне такие мысли, от которых, я уверен, ты страшно покраснела бы, — он увлажняет кончиком языка нижнюю губу. — От тех вещей, которые я хотел бы сделать с твоим телом, сладкая.

Я резко втягиваю воздух; абсолютная искренность, стоящая за этими словами, почти обнажает, обезоруживает меня. Очаровывает. Поощряет. И пробивает в броне, защищающей моё сердце, ещё одну брешь.

— Ты делаешь меня нуждающимся, Райли, — шепчет он хрипло, приближаясь ещё на

шаг. По моим рукам разбегаются мурашки, когда его вторая рука ложится на мой бок, невзначай располагаясь так, что большим пальцем Колтон задевает нижнюю часть моей груди. Я мгновенно реагирую на прикосновение — мой сосок твердеет от возбуждения. Колтон наклоняется, оказываясь так близко, что я вижу вкрапления тёмно-зелёного, плавающие в прозрачных радужках его глаз. Так, что я вижу между строк его невысказанные чувства. — А мне никогда ничего не нужно было ни от кого.

Его признание — как искра для моего топлива. Его зажигательные слова так поражают, что какая-то маленькая часть в глубине моей душе надеется на нечто большее с его стороны. Я изучаю его глаза, вспоминая все его случайные высказывания с момента нашего знакомства, и осмеливаюсь верить в невозможное. Он смягчил меня, уничтожил, а потом возродил — и всё за очень короткий промежуток времени.

— Колтон? — мой голос отказывает мне, пронизанный чувствами. — Я... Колтон...

Я не успеваю закончить свою мысль, потому что он рывком притягивает меня к себе, и его губы обрушиваются на мой рот. Весь накопленный за этот вечер флирт взрывается между нами в потоке ищущих губ и глядящих рук. Нам нужно это немедленно. Наша потребность чувствовать друг друга кожа к коже затмевает всё. Колтон выпускает из своей хватки мои бедра, цепляет край моей кофточки и стягивает её с меня через голову, разрывая поцелуй только на время движения ткани по моему лицу. Бросает мою одежду на пол, и его рот снова захватывает мой.

Голод. Таким ощущается на вкус его поцелуй. Такими ощущаются его руки на моём теле. Это то, что я чувствую внутри себя. Я хочу всё его тело целиком и каждый сантиметр по отдельности. Хочу потерять себя в нём, раствориться в ощущениях, достичь абсолютного блаженства только от одних его прикосновений.

— Иисус, Райли... — он отстраняется от меня, наши грудные клетки вздымаются друг против друга, сердца бьются в бешеном ритме. Он обхватывает ладонями моё лицо; взгляд его потемневших глаз говорит мне, что он понимает. Он тоже голоден. — Ты обнажила и обезоружила меня, Райли. Ты дразнила меня весь вечер. У. Меня. Просто. Не. Осталось. Никакого. Контроля, — он зажмуривается, и я чувствую, как пульсирует, упёршись в мой живот, его член. — Не думаю, что смогу быть нежным, Райли...

— Ты и не должен, — шепчу я ему, и мои собственные слова поражают меня. Я больше не хочу, чтобы меня считали хрупкой. Как это делал Макс. Я хочу чувствовать, как его бурная страсть нахлынет на меня, пока он будет брать меня с безумной несдержанностью. Я хочу, чтобы он доминировал надо мной так, чтобы я взмывала ввысь и падала, разбиваясь вдребезги, и чтоб не было мысли, что может быть иначе.

От моих слов его глаза расширяются, из горла подымается гортанный вздох, и он прижимает меня к себе, окуная нас в поглощающий поцелуй. Между нами пульсирует безрассудство. Он толкает меня назад, наши ноги запутываются, руки гладят тела, дотягиваясь до каждого достигаемого кусочка голой кожи. Мой зад врежется в жёсткий край столешницы кухонного «островка», пока руки Колтона возьмётся с моими джинсами. Он стягивает их на бедра, а потом легко поднимает меня и усаживает на столешницу.

Холод гранитной плиты жалит обнажённую кожу моей разгорячённой промежности, добавляя ещё больше интенсивности к уже повышенной чувствительности моей киски. Колтон стаскивает с моих ног джинсы и трусики, и затем разводит мои колени. Делает шаг ближе, прижимаясь к моему телу, и снова прикикает к моему рту. Его руки спускаются вниз по моей груди, сжимая и дразня через тонкое кружево бюстгалтера, прежде чем

продолжить спуск к вершине моих бёдер. Он проводит пальцем по лобку, скользя ниже, между складочек, обнаруживая меня влажной и жаждущей.

— О, Райли, — шипит он, двигая пальцем вверх и вниз, покрывая меня моей собственной влагой и попутно доставляя наслаждение. Другая его рука возится с кнопкой его штанов. Он смотрит вниз, туда, где его палец дразнит и терзает мою плоть, а затем приближает свои губы к моим. — Я хочу чувствовать тебя вокруг меня, Райли. Без каких-либо преград, — бормочет он мне в губы. Его слова углубляют мою ноющую жажду, в которой я тону. — Ты согласишься, если я скажу, что проверялся? Что всегда использовал защиту? Я никогда не занимался сексом без презерватива. Я чист, — он целует меня снова, его язык скользит между моими губами, облизывая, дегустируя, заманивая. — Боже, я просто хочу чувствовать тебя...

— Да. Я тоже. Пожалуйста... — я ловлю воздух ртом, когда он скользит пальцем в меня, мой разум не в состоянии сформировать связное предложение. — Я на таблетках... да... я доверяю тебе, — я задыхаюсь от того, как его палец кружит внутри меня.

— Ложись, — командует он, освобождаясь от джинсов, подхватывает меня под колени и тянет вверх. Холодный камень подо мной заставляет меня выгнуться, и в ту же минуту Колтон входит меня, разделяя на половинки. Я кричу от ошеломляющих ощущений из-за этого стремительного наполнения. Он замирает, полностью похороненный внутри меня, позволяя ослабнуть чувству болезненного удовольствия от его вторжения, пока мои стёночки растягиваются и подстраиваются под его размеры.

— О, чёрт, Райли, — рычит он, и я вижу, как тает его контроль. Его взгляд опалает моё тело, поднимаясь до глаз. Я вижу, как напряжены мускулы его торса, как до зубовного скрежета сжаты челюсти, а глаза заволакивает диким желанием, которое он пытается обуздать. — Ты так чертовски хорошо чувствуешь себя вокруг меня. Как бархат.

Я ахаю, когда он пульсирует внутри меня, его контроль на исходе.

— Да, Колтон, да, — почти кричу я, когда он выходит из меня и снова врезается внутрь. По мне проходит дрожь, когда он хватается за бёдра и притягивает к краю столешницы, так, что моя попа слегка свисает с неё. Колтон устанавливает жёсткий мучительный ритм, толкаясь в меня, снова и снова. Не нарушая размерности, он склоняется ко мне, сплетая руки с моими руками, вытягивая их вверх над моей головой. Удерживая одной рукой мои запястья, второй он скользит вниз, чтобы сжать мою грудь. Его пальцы перекачивают мой напряжённый сосок, и он глотает стон, который выманил из меня, снова захватывая мой рот.

В тишине дома слышны только звуки соприкосновения наших бьющихся друг о друга голых тел, тяжёлого дыхания, страстные мольбы, обращенные друг другу, и крики восторга. Я чувствую, как внутри меня растёт волна, как туго охватывают его мои стёночки, пока он, как поршень, погружается и выходит из меня, каждым своим стальным сантиметром ударяя по моим нервным окончаниям. Но также я вижу перед собой мужчину на грани оргазма, пока Колтон отпускает мои руки и приподнимается на локтях, нависая надо мной. Он толкается в меня последний раз, выкрикивая моё имя, а затем внезапно выходит из меня. Моё тело сжимается от неожиданной пустоты, я чувствую, как Колтон зарывается лицом в мою грудь, как бьётся в конвульсиях его тело, освобождаясь. В руку? Я в смятении. Он стонет от яростного удовольствия, пронизывающего его тело. Чувствую, как его тело расслабляется, чувствую тёплую нежность его губ на своём теле. Его прикосновение заставляет мое тело извиваться, потому что мои нервы покалывает из-за потери такого ожидаемого оргазма.

Я ощущаю животом его улыбку, как будто он слышит мои мысли, он мурлычет:

— Я хочу, чтобы ты кончила для меня, Райли. Хочу ощутить, какая ты сладкая на вкус.

О! Мой разум обрабатывает причину его внезапного отступления. Его рот. На мне.

— Колтон...

— Ш-ш-ш, — шепчет он мне на ухо, задевая губами чувствительное место на шее, чуть ниже мочки. Я откидываю голову, выгибая шею, царапаю ногтями его спину. Колтон шипит, покрывая поцелуями мою шею и двигаясь к другому уху. — Ты дразнила меня весь вечер, Райли, — рокошет его голос, хриплый от желания. — Теперь моя очередь отплатить тебе тем же.

По моей спине бежит холодок, и он не имеет ничего общего с тем, что я лежу на гранитной столешнице. Колтон прижимает меня своим весом, удерживая, но я чувствую, что он тянется куда-то и слышу, как у меня за головой шуршит пакет. Я хочу повернуть голову, чтобы посмотреть, что он там делает, но другая рука Колтона удерживает меня за подбородок:

— Нет-нет-нет, — предупреждает он, — не верти головой. Я не хочу, чтобы сюрприз был испорчен.

— Колтон? — Я настороженно морщу лоб, заинтригованная его словами, от которых моё тело приходит в состояние тревожного ожидания. Я не слишком расположена к сюрпризам в обычный-то день, и особенно не тогда, когда лежу на столе, нагая, открытая и уязвимая.

Он смеётся, глубоким сексуальным смехом.

— Это тяжело для тебя, да? — Когда я не отвечаю, он приподнимается на локте и пару мгновений пристально меня рассматривает. — Думаю, пришло время прекратить думать, Райли. Прекратить попытки просчитать всё на десять шагов вперёд, когда мы только начали, — он оставляет на моих губах целомудренный поцелуй. — Оставайся здесь, Райли. Не шевелись. Поняла?

Меня заводит властный тон его голоса. А сказанное им нервирует. Его вес покидает меня, и я слышу, как он выходит из зоны кухни. Открываются и закрываются ящики. Меня наполняют опасения. Беспечная девочка внутри меня умирает от ожидания, предвкушая захватывающее чувство. Помешанному на контроле фрику во мне беспокойство не нравится. Я доверяю Колтону? Да. Без сомнения. Почему? Я не знаю, и одно это пугает меня до чёртиков.

Я слышу, как он возвращается в кухонную зону и склоняется надо мной; уголки его губ приподняты в похотливой улыбке.

— Знаешь ли ты, как великолепно смотришься сейчас? — Я не успеваю ответить, прикусывая губу от того, что его пальцы вдруг оказываются в моем лоне. Раздвигая мои складочки и медленно двигаясь вверх-вниз. Эти крошечные прикосновения заставляют меня выгнуться навстречу. Колтон тут же убирает руку.

— Колтон...

— Нет-нет, Райли, — дразнит он меня, — здесь и сейчас командую я, — мои веки трепещут, когда я смотрю вверх, чтобы встретиться с ним взглядом. Сердце от его слов неистово бьётся. Соски просто каменеют. Страх подсвечивает края вызванной Колтоном пелены наслаждения. Передача контроля над собой кому-то ещё вызывает смятение. А не подкреплённая умозаклечениями и того больше.

— Прекрати думать, детка, — шепчет он, вытягивая мои руки за голову. — Я хочу взять

всё управление на себя, чтобы единственное, что тебе оставалось — чувствовать. Ты не сможешь продумывать ситуацию на пять шагов вперёд, потому что сейчас ты не одна в ней участвуешь, не так ли?

«О, чёрт! Что он...» — все мысли улечиваются, когда его рот обрушивается на мой. Я пытаюсь пошевелиться, а он смеётся мне прямо в губы:

— Прости, сладкая, — мурлычет он, — тебе предстоит узнать, что иногда отсутствие контроля над ситуацией даёт абсолютную свободу.

Он что-то оборачивает вокруг моих запястий и привязывает их к крану у другой стороны столешницы. Пока я соображаю, что он сделал, и начинаю осознавать, насколько он опытен, и представлять, сколько раз он делал это прежде, мир перед моими глазами темнеет, потому что мои глаза накрывает повязка. От изумления я задыхаюсь. Волнуюсь.

— Время воспользоваться своим собственным советом, Райли.

Что? Разве я когда-либо предлагала связать меня и потом наброситься?

— Ты посоветовала мне закрыть глаза, когда мы были на горке в парке аттракционов. Чтобы придать остроту ощущениям, — подушечка его большого пальца очерчивает контур моих губ.

О гадство! Я и мой болтливый рот.

Что-то мягкое, и, в то же время, слегка шершавое движется по моему животу и груди, потом кружится вокруг сосков. Я втягиваю в себя воздух, пока Колтон гладит низ моего живота, спускаясь до внутренней поверхности одного бедра, а потом и другого. От невесомости этих прикосновений моя киска сжимается, отчаянно нуждаясь в чём-нибудь, что утешит мою распалившуюся жажду. Единственной вещью, которая касается моего тела, является этот объект. Единственный звук, который я слышу, моё собственное дыхание. И ожидание, растущее где-то в глубине, в то время как Колтон продолжает медленную, дразнящую пытку моих чувств.

Никогда в жизни я так не нуждалась в прикосновениях мужчины, как мечтаю о них сейчас. Единственная мысль в голове — где он дотронется до меня дальше. Мне ничего не остаётся, как только сосредоточиться на своих ощущениях. Мои нервы на пределе, в ожидании следующего контакта Колтона с моим телом. Он заставил меня позабыть о планировании следующих десяти шагов, и я просто упиваюсь тем, что мне доступно сейчас. Всё вокруг отступило на второй план. В настоящий момент не существует ничего, кроме Колтона, моей отчаянной жажды его прикосновений и желания получить оргазм.

Колтон абсолютно бесшумен, за исключением едва слышных порывов воздуха, вырывающихся у него в ответ на реакцию моего тела, которая вызвана его чувственным тактильным лишением меня необходимой разрядки.

Прикосновения замирают на моей правой груди, и, прежде чем я могу оценить свои ощущения, Колтон впервые за это время прикасается ко мне, хватая губами мой сосок. От тепла его рта на моём чувствительном бутоне я дико взбрыкиваю бёдрами.

— Колтон! — вскрикиваю я, дёргая привязанные руки, потому что хочу схватить его. Мои пальцы пронизывает желание вцепиться в его волосы и прижать к себе. Он нежно тянет зубами сосок, а затем эта влажная теплота пропадает, чтобы через пару секунд я почувствовала, что он перешёл к левой груди. Станный объект опять движется вокруг неё, а потом его рот опускается на левый сосок.

— Вкусно, — бормочет он, и я понимаю, о чём он, вспоминая его сегодняшний комментарий. Он дразнит меня сладкой ватой.

Я хочу заговорить, но Колтон останавливает меня, снова закрывая мне рот своим ртом, и я чувствую сладкий сахарный вкус его языка. Это мягкий, нежный поцелуй. Постепенно расслабленное движение губ и языка, которое по-прежнему кричит от отчаянного желания. Его губы путешествуют вниз по моей шее и потом вверх по её задней стороне, прикусывая мочку уха. Это медленная и желанная пытка, заставляющая меня вожделеть как никогда раньше.

Я чувствую, как кусочек ваты медленно движется по моему животу вниз, к моей киске. Кондитерское изделие оставляет мою кожу, и я чувствую, как его пальцы бродят по мне, лаская лоно, и потворствуя тяге моего тела к его прикосновениям. Я задыхаюсь в нашем поцелуе, и Колтон поглощает мой жадный стон желания. Он умело дразнит меня ловкими кончиками пальцев, и я прижимаюсь тазом к его руке, желая большего. Нуждаясь в трении, чтобы сантиметр за сантиметром приблизиться к краю.

Из меня вырывается шипение, когда пальцы Колтона раздвигают мои складочки, и один из них очень медленно погружается внутрь. Во мне разгорается пожар, я чувствую, как мои мышцы сжимаются вокруг его пальца, по венам несётся огонь. Его ладонь обхватывает меня, неторопливо двигаясь, большой палец находит и слегка надавливает на маленький комочек нервов. Колтон вынимает один, а затем медленно погружает в меня уже два пальца. Он сгибает их, потирая глубоко внутри меня чувствительное местечко, его пальцы и язык соревнуются и вторят друг другу, вторгаясь в меня в едином ритме. Я сжимаю руки в кулаки, ногти впиваются в ладони, потому что Колтон наращивает темп.

Я так восхитительно близко, чтобы разбиться в прах и забыться, но внезапно всё прерывается. Колтон отстраняется от меня, убирая руки. В расстройстве я кричу его имя. Я в отчаянии. Слышу его низкий, рокошущий смешок.

— Ещё нет, сладкая. Око за око, — поёт он мне на ухо. — Я хочу свести тебя с ума так же, как ты это делаешь со мной, — я чувствую, как что-то мягкое щекочет мои губы, и приоткрываю их, чтобы принять на язык кусочек сладкой ваты. — Я хочу вознести тебя на вершину, Райли. Подвести к краю, чтобы единственная твоя мысль была обо мне. Чтобы ты кричала моё имя, в то время как тело твоё разлеталось бы на миллион кусочков удовольствия.

Его гипнотические слова очаровывают меня. Обольщают. И без намёка на то, что будет следующим, рот Колтона захватывает мой клитор, пока в меня снова проникают два его пальца. Я невнятно мычу от изысканного удовольствия, импульсами проходящего сквозь меня. Колтон посасывает пульсирующий комочек, мягко дразня меня, пока мои ноги не напрягаются в нетерпении. Его пальцы медленно движутся внутри меня, потирая, дразня, заводя всё сильнее и сильнее. Я поднимаю бедра ему навстречу, раскачиваясь от этих томных манипуляций, но всё ещё желая большего. Я задыхаюсь от желания, в экстазе постанывая, когда чувствую, что под его умелыми прикосновениями снова начинаю воспарять. Я так близко. Всего в нескольких движениях от оргазма. И тут рот Колтона отпускает меня. Его пальцы замирают, оставаясь неподвижными глубоко внутри.

Чёрт бы его побрал! Моя грудь тяжело вздымается, тело натянуто в ожидании хоть небольшого толчка, чтобы выйти из берегов.

— Жадная маленькая девочка, — укоряет он меня, его дыхание овеивает моё взмокшее тело. — Я могу поправить ситуацию, — и прежде, чем перестает звучать последнее слово, он вынимает пальцы и врезается в меня членом, до упора погружаясь в мою разгорячённую глубину.

— О, боже, Колтон! — Внезапная наполненность, неожиданный удар по ступке нервов внутри заставляет меня извиваться. Он легко выходит, затем неспешно погружается обратно. Колтон продолжает это медленное отступление и последующее ненасытное вторжение, набирая безумный темп, который толкает меня к краю.

— Кончи для меня, Райли! — рычит он.

В его словах моя погибель. Мое дыхание учащается. Пульс зашкаливает. Мышцы напряжены. Бёдра подаются ему навстречу, углубляя горящую потребность, пока я не падаю в бездну. Взрываюсь как фейерверк. Под закрытыми веками мельтешат маленькие вспышки, по телу проносится раскалённый жар. Чувства разлетаются на осколки, когда первая волна оргазма накрывает меня. Я кричу, все мысли бессвязные, пока я пульсирую вокруг него. Колтон замедляется, позволяя мне впитать интенсивность моего падения. Я отпускаю дыхание, которое до этого сдерживала, напряжённые мышцы медленно расслабляются перед следующей надвигающейся волной дрожи.

Эта волна — больше, чем он может перенести. Мои мышцы выжимают из него его оргазм. Он приподнимается и толкается в меня ещё несколько раз; моё тело сжимает его в тисках. Колтон выкрикивает моё имя, кульминация разрывает его, его бёдра дёргаются, и я чувствую, как внутри меня разливается его тепло. Он падает на меня сверху, прижимаясь лицом к изгибу моей шеи. Наши грудные клетки вздымаются в унисон, и я ощущаю появляющуюся на его губах улыбку. Я выпускаю дрожащий выдох, безумная барабанная дробь моего сердца начинает успокаиваться. Это было... ВАУ! Я хочу снять повязку, но вспоминаю, что мои руки всё ещё связаны.

Я шевелюсь под Колтоном. Он смеётся мне в шею, вибрации этого смеха уходят в мою грудь.

— Я так понимаю, ты хочешь свои руки назад?

— Ммм... — я пока не уверена, что могу говорить. Моё тело всё ещё переваривает, что только что произошло.

Колтон поднимается, и, по моим ощущениям, теребит мои связанные руки. Когда одна рука оказывается свободной, я тянусь и снимаю с головы повязку, глаза легко адаптируются к приглушенному свету. Надо мной лицо моего гонщика, сосредоточенное, пока он отвязывает другое моё запястье. Черты его лица расслабляются, когда вторая моя рука освобождена от какой-то бархатной плетеной верёвки.

Я поднимаю руки к его лицу, проводя пальцами по щекам, пока он смотрит на меня сверху вниз; на его лбу — непослушно свесившаяся прядь волос. Его лицо освещает застенчивая улыбка. Я поднимаю голову и запечатлеваю на его губах нежный поцелуй — только так я могу выразить, что я чувствую, как много всё произошедшее значит для меня, и чтобы он не убежал от меня без оглядки.

Я опускаю голову на столешницу, глаза Колтона закрыты, а на губах всё та же мягкая улыбка. Он едва заметно качает головой, прежде чем открыть глаза и избавить меня от своего веса.

— Давай, — говорит он, потянув меня за руки, — тебе не может быть здесь слишком удобно.

Я спрыгиваю со столешницы, внезапно стесняясь своей наготы. Оглядываюсь в поисках своей одежды, пока Колтон натягивает джинсы на голое тело. Пробегаю руки в лямки лифчика, наблюдая, как он застёгивает нижние четыре пуговицы, не трогая верхнюю. Я стараюсь подавить вздох, когда с безусловным удовлетворением от его прекрасного

телосложения рассматриваю его голый торс.

Застёгиваю лифчик и надеваю через голову кофточку, опасаясь за растрёпанное состояние своих волос. Пытаюсь расчесать их пальцами и останавливаюсь, когда замечаю больше, чем просто обычные тату, покрывающие его туловище сбоку. На самом деле, у меня не было возможности рассмотреть их раньше, поэтому я уделяю этому минутку. Четыре символа, одинаковые по стилю, но отличающиеся по образу расположены вертикально один под другим. Первые три целиком цветные и полностью закрашенные, тогда как четвертый символ представляет собой только контур. Я склоняю голову, пытаюсь разобраться, что именно они из себя представляют, когда Колтон поднимает глаза и замечает мой пыливый взгляд.

17 глава

— Что у тебя за татуировки?

Колтон смотрит на меня, поворачивается и поднимает руку над головой так, чтобы я могла разглядеть рисунки:

— Это кельтские узлы.

— И что они означают?

— Ничего, на самом деле, — грубовато отвечает он, открывая почти пустой, как я успела заметить, холодильник, и берет оттуда пиво.

— Да ладно, колись, — понукаю я его, любопытствуя, почему он вдруг игнорирует мой вопрос, хотя весь вечер вёл себя прямо противоположно. Колтон протягивает мне пиво, а я отрицательно качаю головой в ответ. — Ты не похож на парня, который будет помечать себя тату без причины или без определенного смысла.

Я прислоняюсь к столешнице, стоя перед ним только в кофточке и трусиках, пока Колтон делает большой глоток пива, его взгляд из-под доньшка бутылки встречается с моим. Он пробегается глазами по моим голым ногам и возвращает свой взгляд к моему лицу.

— Узлы означают разное, — он снова поднимает руку, чтобы мне было лучше видно, когда я подхожу ближе, и показывает на самую верхнюю тату, чуть ниже своей подмышки. — Этот служит средством для преодоления всяких жизненных невзгод, — Колтон переходит к следующей. — Это — символ принятия. Следующий — исцеление. Последний — месть, — он медленно поднимает потемневшие глаза и вглядывается в моё лицо, ожидая реакции. Ожидая от меня правомерного вопроса: зачем ему понадобились принятие, исцеление и месть. Мы тихо стоим, пока он не вздыхает, качая головой, не веря, что так много сказал мне.

Я делаю к нему шаг, осторожно протягивая руку, и пробегаю пальцами по четырём знакам на его теле; их значение отдаётся во мне, так или иначе, демонстрируя, что они — своеобразная метка истории его жизни, и то, на каком он этапе в своем нынешнем состоянии борьбы с ней. Колтон вздрагивает от моего прикосновения.

— Они подходят тебе, — шепчу я, пытаюсь донести до него, что понимаю это сочетание эмоций. — Ты сделал их все сразу? Почему три цветные, а четвертая — нет?

Он отстранённо пожимает плечами, закрываясь от меня, и делает ещё один глоток пива.

— Нет, — это весь его ответ, и его тон говорит мне, что дискуссия по этому вопросу закончена. Интересно, Колтон закрашивает тату, как только решается проблема из его

прошлого? В таком случае, месть мне особенно любопытна.

— Значит, ты ирландец?

— Так говорит мой папа.

Мистер Общительность. Думаю, в этот вечер Колтон больше не скажет о себе ни слова. Воображаемый переключатель щёлкнул, и я снова пытаюсь уловить его переменчивое как ртуть настроение.

Что теперь? Он отвезёт меня домой? Или мне остаться на ночь? Или поймать такси? Выбитая из колеи неопределённостью, я подбираю джинсы и натягиваю их, изо всех сил стараясь сохранить равновесие, когда моя лодыжка запутывается в штанине. Я ощущаю жар его пристального взгляда, когда он наблюдает за мной, хоть и не смею взглянуть на него из-за своего грандиозного замешательства.

— Итак, Колтон... — закончив застёгивать штаны, я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как он изучает меня, как я и ожидала, с иронической ухмылкой на лице и поднятыми бровями. Он наверняка подкован, как действовать в таких случаях, я же совершенно нет. Мои щёки пылают. Я судорожно ищу тему для разговора, которая бы уменьшила моё беспокойство, пока он не прояснит свои планы насчёт моего здесь присутствия. — Мои мальчики действительно надеются прийти на трек, когда ты будешь готовиться к гонкам. — Он фыркает, качая головой, подавляя смехок. — Что? — спрашиваю я, смущённая его реакцией на такой, казалось бы, вовсе не забавный комментарий.

— А теперь поговорим о делах, ага? — Я осторожно слежу за тем, как он идёт ко мне, опасаясь хищного выражения в его глазах. — Как случилось, что десять минут назад ты была подо мной, нагая и послушная, а теперь нервничаешь и чувствуешь себя неловко, просто находясь в одном помещении со мной? — Вероятно, потому, что ты доминируешь над любым пространством, которое занимаешь. Колтон тянется, прихватывая один из моих локонов. Его изумрудные глаза темнеют, пока он наблюдает за мной. — Неужели я такой страшный, Райли?

Дерьмо. Мне необходимо поработать над умением скрывать свои чувства.

— Я не нервничаю, — мой свехрешительный ответ подло предаёт меня, доказывая прямо противоположное.

— Ох, Райли, как невежливо врать, когда часть меня до сих пор находится в тебе.

Мой румянец уже цвета свёклы. Ну, раз он признаёт это...

— Я не вру. Я только хотела... ну... э-э... уточнить дату, чтобы сказать мальчикам, когда я могу их привести.

Колтон поднимает брови с понимающей улыбкой на губах. Из меня отвратительный лжец, и этот парень видит меня насквозь.

— Какое подходящее время для уточнения даты, — ухмыляется он. — Ладно, — он протягивает руку, обхватывая ладонью мою шею, и оставляет на моих губах нежный поцелуй, — мой ежедневник дома. Я пришлю тебе своё расписание.

Я открываю глаза, отвлекаясь от поцелуя, потому что до меня доходит смысл его слов. Что? Я чувствую, как напрягается его тело, как только он понимает, что только что сказал. Я что-то не поняла? Поднимаю глаза, и он отодвигается от меня на один осторожный шаг. Его лицо непроницаемо.

— Это не твой дом? — Я ошарашено трясусь головой. — Я что-то упускаю?

Колтон проводит рукой по волосам, громко выдохнув.

— Это место принадлежит мне. Я просто не часто здесь бываю.

Выражение его лица сдержанное, замкнутое, вокруг рта напряжённые морщины. Его беспокойство расстраивает меня.

— Ой. Ладно. Где ещё ты... — и тут я понимаю. Не сразу подобранный ко входной двери ключ. Возня с кодом от сигнализации. Бесплезные поиски чего-то в кухонных шкафах. Пустой холодильник. Слова Колтона о том, что не надо было меня сюда приводить. Как я могла быть такой наивной? Я поднимаю глаза, чтобы встретиться со взглядом Колтона, и он понимает, что теперь я в курсе. На его лице всё написано. Я пытаюсь проглотить застрявший в горле ком.

— Значит, этот дом принадлежит тебе, но это не место, где ты живёшь, — я медленно проговариваю каждое слово. — Это место, куда ты приводишь своих девушек, эскорт, или как ты там их называешь, чтобы потрахаться, — я давлюсь последним словом. — Да?

— Это не совсем так, — его голос сдержанный. Жалкий.

Я фыркаю в ответ на его слова.

— Тогда какого хрена, Колтон? Я думаю, мне требуется немного ясности в данной ситуации, потому что во мне ещё есть часть тебя, как ты столь любезно мне напомнил. Ты говоришь о доме или о наших с тобой отношениях?

Он просто смотрит на меня взглядом побитого щенка.

— О нас с тобой, — выдыхает он.

Я выхожу из зоны кухни, сутуля плечи, нуждаясь в некоторой дистанции от него. От взгляда в его глазах. Почему я, мать его, чувствую себя виноватой из-за этого взгляда, хотя не сделала ничего плохого? Ерунда какая-то. Я выхожу в гостиную, чтобы он не увидел слёз боли, которые потоком струятся из моих глаз. Быстро вытираю их тыльной стороной ладони, сосредотачиваясь на сочетании красок на картине над камином.

— Это не совсем так? Тогда скажи мне, как? Ты говорил, что не заводишь отношения с девушками, тебе они нужны только для секса на одну ночь. Это то место, где ты получаешь подобного рода удовольствия?

— Райли, — моё имя из его уст как молитва из одного слова. И он прямо позади меня. Я не слышала шагов — мысли в моей голове слишком громкие. — Я продолжаю всё портить между нами, — бормочет он себе под нос.

— Ты чертовски прав! — Я поворачиваюсь, чтобы быть с ним лицом к лицу. — Что? Я вполне подхожу для траханья, но недостаточно хороша, чтобы быть рядом с тобой или привезти меня в твой настоящий дом? Невероятно! — Я фыркаю, моё эго уронили ниже плинтуса. Он правда думает, что меня устроит такое положение вещей? Как раз в то самое время, когда я думаю, что готова пересечь черту, двигаться дальше, оставив Макса в прошлом, Колтон заставляет меня отпрыгнуть назад, как от укуса гремучей змеи. Ублюдок! — Возможно, ты должен прояснить мне ситуацию с этим местом. Помогите мне понять, ту фигню, которая находится в твоей голове, — почему я вообще спрашиваю? Не похоже, что я действительно хочу знать детали его грязных делишек. Подробности того, что ещё происходит здесь, на этом кухонном столе. — Я имею в виду, если это всё, что я для тебя значу, то я, по крайней мере, заслуживаю знать, что от меня ожидают. Мой протокол, — мои слова полны злобы и сочатся сарказмом. Я скрещиваю руки на груди в бесполезной попытке защититься от него.

— Рай? Я... э-э... — я вижу сожаление в его глазах, в том, как опустились его плечи. Несколько мгновений он молча всматривается в меня, за его обычно невозмутимым фасадом идёт внутренняя борьба. — Райли, я не планировал это для себя. Для нас, — он делает паузу,

его глаза полны эмоций. — Ты. Кто ты для меня? Кто мы с тобой? Меня это чертовски пугает.

Ух ты! Что? Мне тут же вспоминается высказывание Хэдди — как раз об этом. Я хотела бы растаять от осознания того, как на него влияю, но часть меня чувствует подвох. Неплохой выход в его случае для оправдания своих действий. Сказать мне, что я хочу услышать, чтобы вернуть меня в свою постель, а после того, как кризис миновал, выставить при первой же возможности, как надоем. Он ненавидит драмы, а я только что ее разыграла. Не собираюсь позволить играть с собой в кошки-мышки.

— Я пугаю тебя? Чушь, Колтон! Я позволяю тебе связать себя, завязать глаза и поиметь на кухонном столе. Мужчине, которого знаю всего две недели, учитывая то, что до тебя у меня в жизни была только одна связь! И. Я. Пугаю. Тебя? — Его глаза распахиваются, он поражён моим признанием. Я раздражённо всплескиваю руками, желая продолжить свою пламенную речь, а не объясняться по поводу этого небольшого факта о себе, о котором проговорила. — Тем вечером на пляже ты упомянул, что заключаешь с теми, кого выбираешь для эскорта, договор, устанавливаешь правила, ограничивая возможные притязания на совместное будущее, и прочую подобную чепуху... Скажи мне, Колтон, ты делаешь это до того или после, как привозишь их сюда — в этот дом? — Я в ударе, гнев и унижение разжигают во мне огонь. Он просто смотрит на меня, широко раскрыв глаза, его руки безвольно висят по бокам. — Да ладно. Поскольку ты не был столь любезен сообщить мне заранее, во что я вляпываюсь, мне кажется, ты должен поставить меня в известность сейчас.

— Райли, это не то...

— Я жду, Колтон, — я опускаюсь на край кожаного дивана цвета верблюжьей шерсти, складывая руки на груди. Думаю, мне лучше сидеть в этот момент. — Так как ты заключал подобные сделки?

Он шумно вздыхает, поглаживая челюсть рукой, трёт подбородок, прежде чем взглянуть на меня. Когда, он, наконец, начинает говорить, его обычно звучный голос тихий и неуверенный, как будто он боится.

— Обычно я первый знакомлюсь с кем-нибудь. Мы выясняем, нравимся ли друг другу, — он извиняющимся жестом пожимает плечами. — И затем я сообщаю, что наслаждаюсь её обществом, но способен только на краткое, приятное времяпровождение. Что хотел бы общаться и дальше, но всё, что могу дать — это несколько ночей в неделю... встреч в этом месте, — он жестом обводит комнату, — и получения взаимного удовольствия.

Я не уверена, хочу ли услышать ответ на свой вопрос, когда произношу:

— Продолжай.

Он склоняет голову набок и внимательно смотрит на меня; робкий парень, что был тут недавно, уступает место всегда уверенному в себе мужчине, и я жду, что будет дальше.

— В первый раз мы с партнёршей встречаемся здесь, — он настороженно следит за мной, зная, что я думаю, что это — тот самый мой первый раз здесь. Был ли этот разговор неизбежно запланированным после нашей забавы на столешнице? Я сжимаю губы, стараясь сохранить на лице нечитаемое выражение. Киваю Колтону, чтобы продолжал, в моём животе спиралью закручивается гнев. — Ну, я усаживаю её и объясняю, что хочу провести с ней время, но всякого там «жили долго и счастливо» не будет. Никогда. И если она согласна принять мои условия, мои требования, то я с удовольствием пообщаюсь с ней какое-то

время, и она сможет сопровождать меня, если будет желание, и получит известность и все преимущества моего положения, пока наше соглашение не исчерпает себя.

Ничего себе. На усвоение этой информации у меня уходит почти минута. Речь об абсолютном изъятии из отношений всяческих чувств. Это больше походит на деловую сделку. Он пристально смотрит на меня, ничего не стыдясь теперь, когда у него есть устойчивая опора, говорящая о чём-то, что он может контролировать.

Я смотрю на него широко распахнутыми глазами.

— И тебе это действительно подходит? — восклицаю я озадаченно. — Почему просто не нанять сопровождение? Ведь по сути ты это и делаешь. — Моя голова уже пухнет от этой информации, но мазохистская часть меня хочет знать все кровавые подробности. Хочет услышать такие слова, которые бы вынудили меня внять предупреждению и уйти невредимой. — Нанять кого-то подходящего, чтобы соответствовал твоему стилю и положению, и использовать, когда это необходимо.

— Позволю себе не согласиться, — яростно, со сталью во взгляде произносит Колтон. — Это не так. Я никогда не меняю деньги на секс, Райли. Никогда. Однажды я уже говорил тебе это. И больше не повторяю.

Как он, однако, использует любую возможность, чтобы распсиховаться. Он просто сказал мне, что ожидает, что я буду его послушной девочкой, довольной любыми подачками, которые достанутся мне на этом пути. В моей голове роятся тысячи мыслей, поэтому подобрать достойный ответ трудно.

— Какие... — наконец, запинаясь, начинаю спрашивать я. — Ты сказал, в твоём договоре есть условия. Не возражаешь, если я спрошу: что это за условия?

Я заинтригована. Напугана. Я в тупике оттого, что он выбрал подобный стиль отношений, хотя мог бы заполнить любую, какую бы захотел, просто так.

Я чувствую, как ему неловко и даже стыдно мне отвечать, и этот факт даёт мне крошечную толику надежды. Хотя я не вполне понимаю, надежды на что.

— Знаю, звучит жестоко, но я пришёл к выводу, что если заранее выложить все карты на стол — это предупреждает дальнейшие осложнения и сводит к минимуму ожидания на совместное будущее. То есть, девушки, зная условия, идут на это добровольно.

— Но не я! — кричу я в ответ. — Ты не удосужился рассказать об этом мне! — Колтон хочет что-то сказать, но я вскидываю руку, заставляя его молчать. Мне нужна минутка, чтобы подумать. Немного времени, чтобы переварить его странные идеалы. Я опускаю голову, шумно сглатывая. Значит, вот что я для него? Предупреждение дальнейших осложнений. Боже, иногда много информации — лишняя головная боль. Я в раздумье покусываю изнутри нижнюю губу. — Почему бы просто не обозначить это как «друзья с привилегиями» или «приятели по сексу»?

В его глазах вспыхивает раздражение, и он беспокойно проводит пальцами по волосам, откровенно игнорируя мой комментарий.

— Ты действительно хочешь знать их, Райли? Условия? — отвечает он на мой предыдущий вопрос.

Я киваю, прикусывая и пожёвывая нижнюю губу.

— Мне любопытно, — заявляю я; в голове крутится мысль, что этот разговор сделал бы день любому психиатру. — Полагаю, я просто пытаюсь осмыслить услышанное. Понять тебя. Пытаюсь определить, чего именно ты ожидал от меня.

От моих слов его брови вопросительно взлетают вверх, и я знаю — Колтон услышал

меня. Моё заявление — в прошедшем времени. Теперь он в курсе, что ни в каком случае я не соглашусь на эту корыстную договорённость.

Он садится напротив меня, глядя мне прямо в глаза.

— Условия? — неуверенно спрашивает он, и я киваю, побуждая его продолжить. — Я требую моногамии. Конфиденциальности как для меня, так и для моей семьи — для меня это очень важно, — он делает паузу, долго вглядываясь в моё лицо, оценивая реакцию, чтобы понимать, должен ли он продолжать. — Что ещё? — Он делает глубокий вздох. — Она должна следить за собой, не употреблять наркотики и не болеть венерическими заболеваниями. Должна позаботиться о предотвращении нежелательной беременности, потому что, как я тебе уже говорил, ни сейчас, ни когда-либо детей в моей жизни не предполагается.

Колтон останавливается, и я не знаю: он перечислил всё или просто раздумывает, говорить ли остальное. Как ни иронично это звучит — его требования не кажутся мне странными. То есть, многовато, чтобы вывалить их на человека во время первого свидания, но если бы я состояла с кем-то в серьёзных отношениях, то как раз в подобных вещах я хотела бы быть уверенной. Но, опять же, для меня серьёзные отношения неразрывно связаны с обещанием будущего, стремлением брать и отдавать в ответ, и, конечно, с постепенным переходом чувства симпатии в любовь.

— Ну... ничего себе! — произношу я после паузы. — Довольно внушительный список требований. Что-нибудь ещё?

— Парочка, — признается он, — но, думаю, мы исчерпали эту тему, не так ли?

Внутренне я с ним согласна, но дело зашло так далеко, что я хочу получить столько ответов, сколько смогу добиться. Я игнорирую его заявление, собираясь пойти до конца.

— О, ты, наверняка, стремишься избежать того момента из «Красотки» — когда оставляют деньги на тумбочке после очередного перепиха, — Колтон поднимает глаза, обжигая меня взглядом, и я понимаю, что попала в точку. — Я имею в виду, всё на твоих условиях. Дай угадаю: ты не делишь с ней одну кровать, потому что это слишком интимно? Или ты покупаешь ей одежду и, в перерывах между постелью, хвалишься ею, как бы не зная, что она использует тебя для развития своей карьеры начинающей модели? Что она получает от договора с тобой, Ас, кроме быстрого траха настоящим хреном, и я не подразумеваю тот, что у тебя в штанах? — Меня вдруг начинает подташнивать, и я понимаю, что не хочу знать всех подробностей. Не хочу слышать о тех правилах и регламентах, на которые соглашается какая-то шлюха, какие условия она должна выполнить и на какие сексуальные утехи должна согласиться, чтобы спать с ним, и рука об руку выходить с ним в свет.

Я расстроена. Это выше моего понимания, и здесь я не в своей тарелке. Я осознаю, что в результате этого договора они оба используют друг друга. Это ясно. Колтон становится её компаньоном, и она попадает в поле зрения СМИ, что помогает ей сделать карьеру. Больше всего осознавать, что у меня не было намерения использовать его. Я не модель и не жаждущая роли актриса. Меня беспокоит, что, возможно, он пожертвовал деньги для «Всеобщей заботы», соблазнившись приманкой в моём лице. Если он думает, что я использую его, этим он мог бы оправдать себя в том, что он использовал меня.

Горло начинает жечь от слёз. Я так зла сейчас, и, что удивительно, дело не в Колтоне. Я злюсь на себя за то, что поверила в невозможное: несмотря на показную браваду, что мне не нужны отношения с Колтоном, в глубине души, оказывается, жила мизерная надежда на это. А теперь, благодаря его откровениям, я понимаю, что хочу намного больше, и отчётливо

осознаю, что того, что он предлагает, для меня недостаточно.

— Но почему, Колтон? Почему это всё, что ты себе позволяешь, хотя достоин лучшего? — Его взгляд говорит мне, насколько его трогает моя честность.

Он роняет голову в ладони, его плечи поднимаются в такт вздоху. Потом снова смотрит мне в глаза; на его лице отражаются мириады эмоций.

— Я ненавижу всяческие разборки, Райли. Выяснения, кто чем жертвует и насколько, ревность из-за моего образа жизни и присутствия в ней СМИ, ожидание следующего шага. Так много всего, — он делает паузу, глядя на меня, его тон безучастен. — В отношениях слишком много дерьма, чтобы справиться с ним в моей сумасшедшей жизни.

Я всматриваюсь в глубину его глаз и понимаю, что он вешает мне лапшу на уши. Здесь что-то серьёзное. Почему он боится с кем-то по-настоящему сблизиться? Что стало причиной такого его поведения?

— Это полная чушь, и ты это знаешь, — он вздрагивает от моих слов. — От тебя я ожидала более честного ответа.

— Райли, я — не один из твоих проблемных воспитанников, который нуждается в восстановлении. Меня слишком долго ломали, чтобы сейчас можно было починить, так что не смотри на меня взглядом человека, который думает по-другому. Если уж несколько лучших психотерапевтов Лос-Анджелеса не смогли ничего сделать, я сомневаюсь, что это получится у тебя.

Его слова жалят. Боль от них и от вида Колтона, сидящего напротив, тяжестью ложится на мою грудь. Я вижу, как он эмоционально отдаляется. Холодный, отрешённый взгляд на его лице показывает, как он закрывается от меня. Выстраивает стены. Меня бесит тот факт, что вся эта дичайшая муть была просто выплеснута мне в лицо. Он дистанцируется от меня, а я хочу за него бороться. Только вот ради чего? Чтобы изредка, по мере надобности, ублажать его? Это так ужасно!

Я поднимаюсь с дивана и начинаю рассказывать по гостиной, пытаюсь осмыслить всё происходящее. Чем больше я думаю, тем злее становлюсь.

— Расскажешь мне ещё что-нибудь, Колтон? — Я хожу вокруг него, неспособная оставить в покое подробности его прошлых дел. Я — смесь противоположных чувств: я хочу уйти отсюда, и чтобы он оставил меня в покое, и, в то же время, не могу равнодушно смотреть на происходящую сейчас катастрофу. Не могу остановить ту часть меня, которая хочет ему помочь.

— Вот, что я значу для тебя? Такое соглашение ты хотел заключить между нами? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Райли, это не то, что я... — он качает головой, закрывая лицо руками, и я вижу эмоциональную борьбу, разрывающую его. — Поначалу да, — признаётся он. — Но после проведённой с тобой прошлой недели — после сегодняшней ночи — я просто не уверен.

— Что? Теперь я недостаточно хороша для тебя?! — Что я, чёрт возьми, несу? Минуту назад я психовала, что он рассматривает меня в качестве договорной шлюхи, а теперь бешусь, что это не так. Определись уже, Райли!

— Иисус, Райли! — шипит он, резко вставая, запуская руки в волосы, и следует в мою сторону. Он протягивает руку, чтобы дотронуться до меня, но отступает, когда я уклоняюсь от его прикосновения. — Я не знаю, чего я хочу, — на его челюсти пульсирует жилка, шея напряжена. Он сжимает и разжимает кулаки, закрывая глаза, глубоко вздыхает, прежде чем их открыть, и снова встречается со мной взглядом. Я улавливаю протелькнувший страх, и

затем решимость, перед тем, как страх остановил бы его. — Но, независимо от того, что «это», я знаю, что хочу делать это с тобой, Райли.

Я должна удержать порыв чувств, наводнивший меня после его слов. Он хочет этого со мной. Однако, чего именно? Он так близко, что хочется протянуть руку и прикоснуться к нему. Утихомирить тот всплеск страха, который вижу в его глазах. Но я знаю, что если я прикоснусь к нему, кожа к коже, я поддамся на его нелепые требования. И в глубине души я знаю: как бы сильно я ни хотела его, не думаю, что смогу быть такой, какой он хочет меня видеть. Не смогу играть назначенную роль, не пытаюсь вломиться в ту закрытую от мира часть его души. Меня разрывает такая дикая вражда между разумом и сердцем, что один только вид его прекрасного лица с выражением уязвимости в глазах приносит физическую боль.

— А мой способ? Моя договорённость, как ты это называешь... — он качает головой, — это единственное, что я знаю, как сделать, Райли. Что я умею, — он берёт мою руку в свою, и мне нужно приложить усилия, чтобы не отреагировать на его жест. — Это всё, что я могу предложить тебе сейчас, — серьёзность в его голосе трогает меня до глубины души и переворачивает сердце.

Я отворачиваюсь от него и иду по периметру комнаты, по дороге прихватывая его пиво, не думая, делаю большой глоток. Терпеть не могу вкус пива, но в данную минуту я его не чувствую. Я устала. Мне больно. И я больше не в состоянии бороться со слезами, грозящими затопить меня с головой. Глаза увлажняются, и вот, в полной тишине, по щеке катится первая слезинка. Я стою спиной к Колтону, боясь увидеть его реакцию на мои следующие слова.

— Не знаю, смогу ли сделать это, Колтон, — качаю я головой, глубоко вздыхая.

— Райли, не будь смешной.

— Смешной? — вспыхиваю я. — Нет, для меня смешно — даже на секунду задуматься о подобной возможности, — я печально и со смирением пожимаю плечами. — Я шла сюда — независимо от того, что мы имеем сейчас — говоря себе, что всё, чего ты хочешь от меня — это по-быстрому трахнуть, — я поворачиваюсь к нему, пока говорю, и вижу, как он вздрагивает от моих слов. — Предполагалось небольшое приключение на стороне..., и я думала, что смогу соответствовать этому плану. Принять то, что ты дашь мне. Но теперь, когда ты фактически именно это мне и предложил, не думаю, что соглашусь, — ещё одна своенравная слеза переливается через край, и я вижу, как глаза Колтона следуют за её медленным скольжением по моей щеке, прежде чем вернуться к моим глазам.

— Что ты хочешь сказать, Райли? — На мгновение его маска исчезает, и на лице отражаются уязвимость и паника. — Почему нет?

Небольшая часть меня наслаждается мыслью, что моя угроза может заставить его паниковать, но я останавливаю себя, не собираясь ничего менять. Прижимаю пальцы к глазам. Уверена, сейчас я выгляжу чертовски привлекательно: волосы кудрявятся, подводка под глазами расплылась, помада стёрта, но мне, на самом деле, наплевать. Моя душа опустошённое раз в десять, чем вид снаружи.

— Когда я сама себе говорю, что я для тебя — только секс, без чувств или возможного будущего — это одно. — Недолго думая, я поддаюсь своей слабости. Я не могу устоять. Тянусь и провожу пальцами по его щеке. Он, в свою очередь, подаётся щекой к моей руке, но останавливает себя на полпути. Я даю своей руке упасть, реагируя на его деликатный отказ. — Но когда я слышу это из твоих уст. Про все твои условия и требования — это

другое, — на мгновение я прикрываю глаза, пытаюсь унять лёгкую дрожь в голосе. — Я не буду кем-то ничего не значащим, Колтон. Ни для тебя, ни для кого-либо другого.

Колтон проводит рукой по волосам и прижимает ладони к глазам.

— Это не то, что ты значишь для меня, Райли, — вздыхает он, встречаясь со мной взглядом.

Я пристально смотрю на него. Я хочу ему верить. Действительно хочу. Но не могу кому-либо позволить недооценивать себя. Я заслуживаю лучшего. Я хочу больше, чем предлагает Колтон.

— Это может быть правдой, Колтон, но подобного признания для меня недостаточно, — моё сердце разбивается от собственных слов.

— Просто попробуй, Райли, — умоляет он. — Давай попробуем по-моему.

— О, хватит, Колтон! — набрасываюсь я на него, всплескивая руками. — Я не одна из твоих маленьких шлюшек, готовая выполнить всё, что ты прикажешь, просто потому что ты это сказал! Я уверена, у тебя целая очередь, жаждущих стать твоей игрушкой. Бери любую и пользуйся, пока не надоест. Это не для меня, Ас. Я не пойду этим путём, — мой гнев снова вернулся, несмотря на крайнюю усталость и ноющее сердце.

Колтон молча смотрит на меня. Мы стоим в полуметре друг от друга, не отводя глаз, и всё же я чувствую себя невыразимо далеко от него. Трудно поверить, что ещё меньше часа назад наши миры были тесно переплетены.

— Райли, — моё имя мягкой просьбой слетает с его губ.

— Что, Колтон? — огрызаюсь я, вздрагивая от собственного тона.

— В ту первую ночь... — начинает он тихо, затем останавливается, отворачивается от меня и идёт к кухне.

— А что насчёт той ночи? — Я следую за ним, на полпути останавливаясь, и облокачиваюсь на кресло. — Я видела тогда «твой путь». Ты переспал со мной, а потом унизил, сбежав из кровати, как будто я тебя обожгла.

— Ты это сделала, Райли.

— Что? О чём ты, чёрт побери, говоришь?

— В ту первую ночь, — продолжает он, игнорируя мой вопль, — после второго раза, — произносит, шумно выдыхая. Продолжает смотреть на свои босые ноги, бедром упёршись в столешницу, с засунутыми в карманы руками, и от него волнами расходится дискомфорт. — Я поцеловал тебя и спросил, всё ли в порядке, — я киваю, признавая этот факт. Вспоминая безыскусную честность между нами в тот искренний момент. — Клянусь Богом, Райли... я почувствовал, что ты увидела меня. Разглядела меня настоящего, — он поднимает взгляд, встречаясь с моим взглядом, и в его глазах океан чувств. — И ты сидела на моей постели, окружённая водопадом тёмных волос, обёрнутая простынёй вокруг талии, — он качает головой, прежде чем продолжить, — твои губы распухли, глаза были широко раскрыты и смотрели так доверчиво... И в ту секунду я понял, что всё произошедшее между нами значит для меня больше... — его голос хрипит от эмоций, — ты значишь для меня больше, Райли, чем кто-либо, кого я могу вспомнить. За всю мою жизнь.

Я смотрю на него, оцепенев, в моей голове куча роящихся мыслей, но, больше чем на всё остальное, его слова влияют на тёмную часть моей души, жаждущую, чтобы меня хотели, нуждались во мне, и желали. По крайней мере, теперь я понимаю, почему он тогда так поступил. Почему объявился тем утром. Во мне начинает подниматься надежда. Может быть, я могу сделать это. Может быть, со временем, я могу доказать ему, что между нами

может быть нечто серьёзное. Я заламываю руки, пытаюсь заглушить свой внезапный энтузиазм.

— Ты напугала меня до чёртиков, Райли. Ты меня обожгла, — Колтон ерошит волосы, его глаза темнеют. — И тогда я понял, что, в конце концов, разорву тебя на части, как делаю это сейчас.

— Что? — я вскидываю голову, ловя его взгляд, мои надежды рушатся. Если я только правильно его услышала.

— Я не могу так поступить с тобой, Райли, — Я вижу, как сжимаются его кулаки, как он борется со своими эмоциями. — Я пытался предупредить тебя, но меня чертовски сильно тянет к тебе. Я просто не могу остаться в стороне.

Я чувствую себя шизофреником, стараясь поспевать за изменениями его настроения.

— Ты говоришь, что не хочешь уничтожать меня, а затем признаёшься, что не в силах оторваться от меня, хотя сам же и предупреждал об угрозе. Ты отталкиваешь меня, а с утра появляешься на моём пороге, и в тот же вечер овладеваешь мной, — я иду к нему в кухонную зону, становясь прямо перед ним. — Что всё это значит, Колтон?

Не говоря ни слова, он хватается за меня и притягивает к своей груди, крепко обнимая обеими руками и зарываясь носом в мои волосы. Я прижимаю ладони к его спине, впитывая такое уютное мужское тепло, и удивляюсь этой неожиданной демонстрации эмоций. Его необходимость во мне ощутима. Она сочится из него, вторгаясь и пропитывая мою душу. Мне приходится приложить титанические усилия, чтобы не сказать ему «да». Не пообещать, что за малую его толику в своей жизни сделаю что угодно. Не признаться, как много он для меня значит. Но заверения моего разума громче сердца. Так жаль, что я не могу утихомирить свои мысли и просто погрузиться в успокаивающие ощущения от окольцовывающих меня рук. Игнорировать всё остальное.

— Я причиню тебе боль, Райли. А ты уже слишком много значишь для меня, чтобы так поступить. — Я замираю от этих тихих слов, выдыхаемых в мою макушку. И, несмотря на них, Колтон сжимает меня ещё крепче. Я пытаюсь освободиться, но стальной хват его рук не ослабевает. В конце концов, я сдаюсь, кладу голову ему на грудь, вдыхая наш смешанный запах, ощущая лицом жёсткость волос на его груди, и слушаю сильное, равномерное биение его сердца. — Впервые в жизни кто-то для меня настолько важен, что я пытаюсь остановиться. Признаться во всем. Но, однако, это заведомое предупреждение не удержит меня от того, чтобы не напортачить. А я просто не могу сделать такое с тобой, Райли, — его грудь вздымается в долгом вздохе. — Вот почему я не могу продолжать с тобой встречаться. Поэтому мы не можем...

— Да почему, Колтон? Почему ты не можешь? Почему мы не можем? — сейчас паникую я, несмотря на его руки, плотно обёрнутые вокруг меня. Теперь, когда я хочу его, он говорит мне «нет». Или, может быть, именно поэтому. Я до сих пор хватаюсь за соломинку.

— Слушай, давай не будем всё запутывать ещё больше. Рай, я не являюсь и никогда не был парнем, которого девушки приводят домой, чтобы познакомить с мамой. Я один из тех, кого выставляют напоказ, чтобы разозлить родителей и продемонстрировать свою независимость. Так что не стоит считать меня лучше, чем я есть.

Я всё ещё не покупаюсь на эту ерунду. Отчего он так ужасно о себе думает? Он может бесконечно отвечать мне подобным образом, и я всё равно не поверю ему.

— Кто это сделал с тобой?

Несколько минут мы стоим в тишине, пока он думает над моим вопросом. Наконец,

вздыхает:

— Я говорил тебе, Райли, моего багажа хватит на «Боинг-747».

Я толкаю его в грудь, сопротивляясь его объятиям. Мне нужно увидеть его глаза. Нужно заглянуть в них. Когда я этого добиваюсь, я вижу чувства, наполняющие их. Ему тоже больно. И он опять закрывается от меня. Эмоционально отодвигает на расстояние вытянутой руки, чтобы предотвратить дальнейшие страдания. А как же я? Мне хочется накричать на него. Что насчёт моей боли? Почему всё должно быть так сложно? Почему не позволить тому, что между нами, просто быть, и наслаждаться нашей связью? Надеяться, что он разглядит меня настоящую и со временем полюбит? Я точно знаю: если он не встретится с прошлым, от которого страдает, лицом к лицу, он никогда его не преодолеет. Никогда не сможет построить нормальные отношения. Он прав. Его багаж размером с «Боинг» угрожает разрушить наш шанс быть вместе.

— Я не куплюсь на это, Колтон.

После моих слов он размыкает объятия, физически дистанцируясь от меня.

— Я не могу дать тебе больше, Райли, — он смотрит под ноги, потом поднимает взгляд на меня. Его маска вернулась. — Я такой, какой есть.

Мои глаза наполняются слезами, голос опускается до шёпота:

— И я такая, какая есть, Колтон.

В тот момент, когда я произношу эти слова, я прозреваю. Я уже начала влюбляться в него. Со всеми его недостатками. Каким-то образом, несмотря на короткий промежуток времени, что я провела с ним, он проник сквозь защитные барьеры моего сердца, и я начала неуклонное погружение в любовь. Вот почему я знаю, что не должна этого делать. Я не могу осознанно обрекать себя на мучения. Один раз я уже была опустошена. Не думаю, что смогу пережить это ещё раз. И я без сомнения понимаю, что тот факт, что я люблю Колтона, не получая этого же чувства взамен, разрушит меня.

— Полагаю, мы в тупике, — голос Колтона хриплый, он стоит, засунув руки в карманы. Отчего его джинсы низко висят на бёдрах. Я вынуждена заставить себя перестать пялиться на выглядывающий из-за пояса сексуальный перевернутый треугольник его мышц. Мне не нужно напоминание о том, чего я лишаясь.

— Тогда, я полагаю, тебе самое время отвезти меня домой, — я отвожу глаза, не в силах смотреть на него, пока мои собственные слова душат меня.

— Райли... — это всё, что он может произнести.

— Я заслуживаю большего, Колтон, — шепчу я, поднимая глаза, чтобы взглянуть на него, — и ты тоже.

Вижу, как белеют костяшки пальцев, когда, осмысливая мои слова, он хватается за столешницу, вижу муку, которая четко отражается на его лице.

— Пожалуйста, Райли. Останься на ночь.

Я слышу отчаяние в его голосе, понимаю, что он, на самом деле, хочет того, о чём просит, но по совершенно неправильным причинам. Он пытается облегчить боль, которую, как он знает, причинил мне, а не оттого, что хочет выйти за рамки своего пресловутого соглашения.

— Мы оба знаем, что этого не следует делать, — очередная слезинка выскальзывает из глаз и бежит вниз по моей щеке. — Я сожалею, что не могу быть такой, какой ты хочешь меня видеть. Пожалуйста, отвези меня домой Колтон.

Дорога домой проходит в полной тишине. По радио бархатным голосом мягко поёт Адель, о том, что такого, как ты, никогда больше не найти, и в душе я знаю, что в отношении меня это предположение звучит правдоподобно. Я уверена: трудно кого-либо сравнить с Колтоном. Я периодически наблюдаю за ним, глядя, как играют на его лице тени и огни ночного города. Я знаю, что делаю правильно, в моём случае самосохранение целесообразнее, но моё сердце всё ещё болит при мысли о завораживающем мужчине, от которого я добровольно ухожу.

Мы подъезжаем к моему дому, не сказав по пути и десяти слов. Как ни странно, мне до сих пор комфортно в присутствии Колтона, несмотря на внутреннюю неразбериху, которую создало моё решение.

Он открывает пассажирскую дверь и с печальной полуулыбкой на губах помогает мне выйти. Кладёт руку на мою поясницу, и мы идём по вверх дорожке. У входной двери, на лестнице, освещенной одинокой лампочкой, я поворачиваюсь к нему.

Мы одновременно называем друг друга по имени, а затем мягко улыбаемся друг другу. И всё же улыбки не касаются наших глаз. В них только усталая печаль.

— Ты первый, — говорю я Колтону.

Он вздыхает и просто смотрит на меня. Я хочу, чтобы он выразил мне всё то множество чувств, которые переполняют сейчас его взгляд, но знаю, что он никогда не даст себе шанс высказать их мне. Он тянется и проводит костяшками пальцев по моей щеке. Я прикрываю глаза, впитывая это простое прикосновение. Когда он останавливается, я открываю наполненные слезами глаза, встречаясь с ним взглядом.

— Прости, — шепчет он.

И я понимаю, за какое количество всего он извиняется. За то, что никогда не случится. За то, что могло бы быть. За причинённую боль. За то, что он не такой, каким мне нужен. За то, что не в состоянии противостоять своему прошлому.

— Я понимаю, — я тянусь к нему, пробегая пальцами по его небритой челюсти и дальше, по волнистым волосам, снова возвращаясь к лицу. Как будто я запечатлеваю в своей памяти все его черты. Чтобы потом вспомнить. Несмотря на то, что мы будем продолжать работать вместе, я знаю, что это последний раз, когда я позволю себе прикоснуться к нему. Повторное приближение к этому великолепному мужчине будет опасным для моего ослабевшего сердца.

Я встаю на цыпочки, нежно касаясь губами его губ. Через мгновение Колтон обнимает меня, поднимая до своего уровня. Наши глаза оказываются друг напротив друга, мы сосредотачиваемся друг на друге. Колтон прижимается ко мне, продолжая наше слияние. Его поцелуй отличается от прежних. В нём больше нежности. Я понимаю, что мы негласно говорим друг другу «прощай». В неподатливую мягкость нашего поцелуя вложены все обиды и невысказанные, нереализованные возможности. Бывшие ранее отчаяние и чувственная потребность заменены пронзительным отречением. Наш поцелуй завершается, Колтон медленно опускает меня — моё тело скользит по его такому знакомому торсу. Как только мои ноги касаются земли, Колтон прижимается своим лбом к моему. Мы стоим, не открывая глаз, впитывая этот последний момент нашей близости.

Я кладу руку ему на грудь, на сердце; наши лбы всё ещё соприкасаются.

— Я бы хотела, чтобы ты объяснил мне, почему не ищешь ни с кем отношений,

Колтон, — мой голос еле слышен и дрожит от слёз, которые вот-вот готовы пролиться. — Возможно, я смогла бы понять тебя ... все это... лучше.

— Я знаю, — выдыхает он в ответ. Отодвигается и оставляет свой фирменный поцелуй на кончике моего носа.

Именно это непрошеное действие — мое уничтожение. Слёзы, тихие, сплошным потоком, текут по моим щекам, в то время как Колтон шепчет мне: «Прощай», прежде чем повернуться, и, не оглядываясь, быстро уйти.

Я не могу смотреть на то, как он уезжает. Неуклюже вожусь с входным замком, пихаю, открывая, дверь и скорее захлопываю её за собой. Прислоняюсь к ней спиной, съезжая вниз, и сижу на полу; тихие слёзы превращаются в безудержные рыдания.

Именно в таком виде и находит меня Хэдди, спустя несколько минут после моего менее чем изящного появления.

18 глава

Неделя тянулась непозволительно долго и высосала из меня все силы. Кандидаты, претендующие на вакансию работника «Дома», которые приходили ко мне на собеседование, были ужасны. Неквалифицированные. Посредственные. Скучные.

Не помогало и то, что мои мысли почти всё время были не здесь. Я очень устала от недосыпа — от тех кратких провалов в забвение, которые прерывались запутанными кошмарами с участием Колтона и Макса по очереди. Очевидно, моё подсознание вместе с эмоциями настроились на одну волну и решили действовать сообща.

Я стала раздражительной, ем всё, что попадает на глаза, и у меня совершенно нет желания выйти на пробежку и потратить те избыточные калории, которыми я набиваю живот, чтобы утишить свои переживания.

Я психую оттого, что Хэдди следит за мной, как коршун, звонит мне каждый час, проверяя, и выключает моих любимых Matchbox Twenty, как только ловит меня за их прослушиванием.

И я расстроилась, когда Тедди просто переслал мне письмо от Тони со списком всех событий, присутствие на которых ради продвижения нашего партнёрства затребовала от меня «КД Энтерпрайзес». А это значит, что мне придётся стоять бок о бок с Колтоном — единственной причиной моего нынешнего скверного состояния. Потому что за четыре прошедших дня ничто не помогло облегчить боль, терзавшую мои сердце и душу воспоминаниями о нашем с ним совместном времяпровождении. Я втолковываю себе, что мы знали друг друга и общались не очень долго, но всё без толку.

Я всё ещё хочу его. Всё ещё чувствую его.

Я жалкая...

Единственный мой личный контакт с Колтоном состоялся по электронной почте, на следующий день после нашего расставания. Колтон прислал мне сообщение: композицию Whataya Want From Me (прим. ред. «Что ты хочешь от меня?»), Адама Ламберта.

Я слушала песню, пропитанную лирикой. Он говорил мне, что нам не быть вместе, и, в то же время, отправил трек, с помощью которого просит не сдаваться, пока он разбирается со своим дерьмом. Часть меня рада, что он все еще общается со мной, тогда как другая часть грустит оттого, что он не позволяет мне тихо, в одиночестве зализать свои раны.

Я даже не собиралась отвечать, пока не услышала песню из комнаты Шейна. Мой ответ был — Numb (прим. ред. Онемение), Ашера. Этим я пыталась сказать Колтону, что, пока он не начнёт противостоять своим старым привычкам, ничего не изменится, и он по-прежнему будет онемевшим. Он не ответил, да я и не ждала этого.

Я громко вздыхаю, сидя в одиночестве за кухонным столом в «Доме». Зандер на сеансе психотерапии у Джексона, остальные мальчики в школе, где пробудут ещё два часа. Передо мной стопка резюме, которые даже и близко не жизнеспособны, и я обескуражена фактом, что только одно из них может оказаться возможностью. Причём, пока только для собеседования, а, кроме этой претендентки, я не нашла ни одного сколько-нибудь близко компетентного.

Из транса меня вырывает звонок моего мобильного. Я лихорадочно подрываюсь, чтобы схватить его, моё сердце колотится в надежде, что это может быть Колтон, хоть мы и не говорили с ночи воскресенья. Мой разум говорит мне, что, скорее всего, это не он, в то время как сердце всё ещё надеется на чудо. Такой вот безнадёжный ритуал, но, тем не менее, я его исполняю.

На экране высвечивается неопознанный номер, и я, задержав дыхание, произношу:

— Алло.

— Райли?

От рокота его голоса моё сердце разбухает. Шок не даёт произнести ни слова. А гордость давит сверху, желая удостовериться, что, когда я, наконец, в состоянии заговорить, заминка в моём голосе отсутствует.

— Ас?

— Привет, Райли, — от теплоты в его голосе, смешанной с облегчением от затаённых эмоций, меня трясёт.

— Привет, Колтон, — в тон ему отвечаю я.

Он тихо смеётся в ответ, а потом телефонную линию заполняет моё молчание. Он откашливается, прочищая горло.

— Я просто звоню, чтобы напомнить: машина заберёт вас из «Дома» в воскресенье в девять тридцать, — бывшее секунду назад тепло сменила отстранённость и официальность.

— А. Хорошо, — я опускаюсь на сиденье; он звонит не ради меня, а чтобы только подтвердить информацию, отправленную его сотрудниками по электронной почте пару дней назад, и по телу разливается разочарование. Я слышу, как он дышит в трубку, и слышу голоса на заднем фоне.

— Вас по-прежнему будет десять? Семь мальчиков и трое сопровождающих?

— Да, — мой тон сухой и очень деловой. Моя единственная форма защиты. — Мальчики чрезвычайно взволнованы предстоящим событием.

— Здорово.

И снова повисает тишина. Мне нужно придумать тему для разговора, чтобы он не разъединился, потому что, несмотря на отсутствие между нами общения, осознавать, что он по другую сторону линии лучше, чем знать, что его там нет. Разум кричит мне о безрассудстве, но меня это не волнует. Мой мозг всеми силами старается сформировать предложение, и прямо тогда, когда я произношу его имя, Колтон произносит моё. И мы оба смеёмся.

— Прости, давай ты первый, Колтон, — я стараюсь избавиться от проникающей в голос нервозности.

— Как ты, Райли?

Я несчастна. Скучаю по тебе. Я пытаюсь с удовольствием произнести свои следующие слова, радуясь, что он не прямо передо мной, и не распознает мою ложь.

— Хорошо. Прекрасно. Очень занята. Ты же знаешь.

— О. Прости. Не буду задерживать тебя.

Нет! Ещё нет! Мой мозг судорожно соображает, что сказать, чтобы удержать его на линии.

— Ты... готов к воскресенью?

— Практически, — кажется, я слышу облегчение в его голосе, но списываю это на мою им увлечённость. — Машина ведёт себя отлично. Мы внесли некоторые корректировки в аэродинамику, отчего, кажется, она стала гонять ещё лучше, — в его голосе слышен энтузиазм. — Мы настроим и проверим это в воскресенье. И Беккет, главный в моей команде, считает, что мы должны отрегулировать развал, и ещё ты спрашивала меня, почему я не завожу серьёзных отношений.

Что? Ох!.. Вот это смена темы. Не знаю, что ответить, поэтому просто мямлю невразумительное «Э-э-мм», опасаясь, что если заговорю, он догадается, насколько я хочу знать ответ, и в то же время боюсь его услышать.

Слышу на другом конце линии его вздох и представляю, как от неловкости и беспокойства Колтон проводит рукой по волосам. Когда он, наконец, заговаривает, его голос звучит приглушённо.

— Если коротко, то это из-за моего детства... те годы были... более чем отвратительные, — я чувствую его настороженность и трепет от собственной исповеди.

— До того, как тебя усыновили? — Я знаю ответ, но это единственное, что, как я думаю, могу сказать, чтобы он не почувствовал моей к нему жалости. Тишина от меня была бы ещё хуже.

— Да, прежде чем меня усыновили. В результате... я... как я...? — он усиленно ищет подходящие слова, чтобы выразить свою мысль. Я слышу его выдох, перед тем, как он продолжает. — Я саботирую всё, что напоминает отношения. Если дела идут слишком хорошо... в зависимости от ситуации, как говорят терапевты, я осознанно, машинально или подсознательно разрушаю их. Лажаю. Причиняю другому боль, — всё это выпаливается быстрым беспорядочным потоком. — Лучше спросить моих бедных родителей, — он самоуничижительно смеётся. — За время моего взросления я мучил их столько, что не в состоянии это подсчитать.

— О... я... Колтон...

— Я обречён на этот путь, Райли. Я намерено сделаю что-нибудь, причинив тебе страдания, чтобы доказать, что я могу это. Показать, что ты не сможешь быть рядом, независимо от последствий. Доказать, что я управляю ситуацией. И управляя, не даю причинять себе боль.

В моей голове так много мыслей. Большинство о словах, которые он не высказал. О том, как он был оставлен и брошен. Что его прошлое, проверяя человеческие пределы, заставляет его доказывать, что он не достоин любви. Заставляет опять и опять уверяться, что его снова оставят. Моё сердце болит за него и за всё, неизвестное мне, что случилось с ним, когда он был ещё ребёнком. С другой стороны, он немножко открылся, хоть как-то отвечая на вопрос, заданный мной при расставании, там, на моём крыльце.

— Я говорил тебе, мой багаж огромен, сладкая.

— Это не важно, Колтон.

— Ещё как важно, Райли, — он нервно смеётся. — Я не стану ни с кем связываться. В конце концов, так будет лучше для всех.

— Ас, ты не первый парень с боязнью серьезных отношений из тех, с кем я знакома, — шучу я, пытаюсь добавить в наш разговор легкомыслия. Но в глубине души я знаю: его неспособность довериться кому-либо намного глубже, чем обычное мужское уклонение от ответственности. Стыд в его голосе, смешанный с отчаянием, громким эхом отдаётся в моей голове, говоря об ином.

Я снова слышу его нервный смех.

— Райли?

— Да?

— Я уважаю тебя и твою потребность в обязательствах и чувствах, которые должны быть в отношениях, — он останавливается, молчание натягивается между нами как струна. — Это действительно так. Просто я не такой... поэтому не огорчайся. У нас ничего бы не вышло.

Моя поднявшая было голову, несмотря на все попытки сдержаться, надежда с грохотом разлетается в пыль.

— Я не понимаю. Я просто...

— Что?! — Колтон отвлекается на голос, слышимый на заднем фоне. — Как вовремя. Я нужен на треке прямо сейчас. Для более точного тестирования, — я слышу в его голосе облегчение и радость оттого, что наш разговор прерван.

— О. Ладно, — меня наполняет разочарование. Я хочу закончить этот разговор.

— Ты не обиделась? Увидимся на трассе в воскресенье?

Я на мгновение прикрываю глаза, укрепляя голос ложной беспечностью.

— Конечно. Без проблем. Увидимся в воскресенье.

— До встречи, Райли.

В телефоне щёлкает, и моё ухо наполняет длинный гудок. Я сижу, не двигаясь, не слыша его. Интересно, сам Колтон понимает, что только что использовал защитный механизм? Сделал мне больно, чтобы держать на расстоянии вытянутой руки. Поставил на место так, чтобы самому всё держать под контролем.

Я выбита из колеи. Я хочу завершить наш разговор. Сказать ему, что он не обязан слепо следовать своим привычкам. Хочу утешить его. Ослабить панику, что пронизывала его голос. Рассказать, что после стольких лет онемения он пробудил во мне жизнь. Признаться, что хочу быть рядом, хоть и знаю в глубине души, что в конце буду эмоционально уничтожена.

Я беру телефон, обдумывая, что собираюсь написать. В конце концов, набираю:

«Будь осторожен на треке, Ас!»

Его ответ молниеносен:

«Всегда. Ты же знаешь, у меня золотые руки».

Я печально улыбаюсь. Моё сердце желает так много, но голова знает, что этому никогда не бывать.

19 глава

Длинный как лимузин автобус въезжает в ворота автоклуба гонщиков Фонтаны.

Мальчики гудят от восторга, глазами величиной с блюда разглядывая комплекс огромных размеров. Они надели на себя фирменные майки клуба и пропуска, которые подготовил для них один из сотрудников Колтона. Их широкие улыбки и постоянные охи и ахи заполняют автобус, а моё сердце чистым восторгом. Зандер неожиданно подпрыгивает на месте, вибрируя нескрываемой энергией, которая застаёт меня врасплох. Я смотрю на Джексона и Дейна, моих коллег-консультантов, и вижу, что они это тоже заметили.

Впервые за почти неделю я чувствую, что действительно могу улыбаться, и, по иронии судьбы, хоть и опосредованно — из-за Колтона. Я благодарна ему за эти трогательные мелочи, которые он сделал для мальчиков: личные приглашения, фирменные футболки, бейджи с пропусками и журналы с его авто на обложке. Детали, которые заставляют мальчиков чувствовать себя особенными. Значимыми.

Прежде чем выехать на внутреннее поле, наш автобус направляется вниз, в туннель под трибунами. Не думала, что такое возможно, но от этого манёвра восторженные вопли моих воспитанников становятся ещё громче. Мы останавливаемся, и двери открываются. Через пару мгновений к автобусу подсакивает, излучающий энтузиазм, мужчина. Он командует нам двигаться от автобуса к конференц-залу, где мы, как он говорит, встретимся с Колтоном.

Пересекая эту огромную арену, я чувствую себя очень маленькой. К югу от нас поднимается высоченная трибуна, а всё поле охватывает окружённый валом широкий овал гоночного трека. Я слышу рев двигателей и в гараже справа от меня вижу снующих взад и вперед людей. С каждым шагом мы всё ближе, и от мысли о том, что я увижу Колтона, моё волнение усиливается. Как он отреагирует на меня после той телефонной исповеди? Всё будет по-деловому, как раньше, или всё же между нами проявится то самое магнитное притяжение? А может, он будет равнодушен ко мне? Кроме этих беспокойных мыслей, я также взволнована тем, что увижу Колтона в действии. Буду наблюдать за тем, как он отдаётся своей страсти. Как ведёт себя в своей стихии.

Мы подходим к кирпичному строению, и наш помощник, с которым мы познакомились по дороге — Дэвис — ведёт нас в помещение, красная дверь которого распахнута. По его совету мы собираемся в кучу, мальчики взволнованно болтают, потрясённые всем увиденным. Они беспорядочно задают Дэвису кучу вопросов, на которые он терпеливо отвечает.

Когда все немного утихомириваются, Дэвис объясняет, по какой причине сегодня состоится тестирование.

— Когда мы испытываем автомобиль, много времени уходит на его настройку. Корректировки тут и там добавляют машине резвости или лучшей управляемости. Эти изменения важны для эффективной работы автомобиля, к моменту, когда в конце марта начнётся сезон гонок. Вместе с техническими настройками Колтон постоянно встречается с руководителем своей команды — Беккетом, и они обсуждают, что ещё нужно проверить. Как раз сейчас Колтон находится на такой встрече, обсуждая...

— Уже нет, — от знакомого рокота по моей спине бежит озноб. В комнату входит Колтон. Вокруг раздаются возгласы, мальчики приветствуют его на все голоса. Я смотрю на Зандера, и от его широкой неподдельной улыбки моё сердце стучит где-то в горле.

— Привет, парни! — отвечает им Колтон. — Очень рад вас здесь видеть! Ну что, готовы весело провести день?

Снова звучат вскрики, а я глубоко вздыхаю, готовясь повернуться к нему лицом. Когда я это делаю, сердце сильно сжимается в груди. Колтон сидит на корточках перед самыми

маленькими из нашей группы, игриво ероша рукой их волосы. Он искренне смеётся каким-то словам Скутера, потом медленно встаёт, поднимая глаза, и встречается со мной взглядом. Я буквально упиваюсь им, и все мысли покидают мою голову. Он одет в красный форменный комбинезон, верхняя часть которого спущена и завязана вокруг талии, а под ним белая, плотно облегающая тело, футболка с выцветшей эмблемой команды на груди и маленькой дыркой на левом плече. Волосы торчат беспорядочными колючками, а на челюсти видна однодневная щетина. Я тут же вспоминаю, как здорово пройтись языком по его губам и сжимать в кулаках его волосы.

Я прикусываю нижнюю губу, и резкая боль напоминает мне, что этого не произойдёт — нашего «вместе» не будет, — что помогает мне сопротивляться любым противоположным убеждениям, которые могли бы у меня возникнуть. Глаза Колтона не отрываются от моих, пока его окружают мои любимые воспитанники. По его лицу расплзается медленная ленивая усмешка.

Все мысли о сопротивлении исчезают. Дерьмо! Я совершенно не дружу с головой, когда дело касается Колтона.

— Привет, Райли, — за этими двумя словами так много всего. Вся боль и замешательство, и мучительные размышления последних нескольких дней развеиваются в дым. В случае, если я раньше не догадывалась об этом, сейчас понимаю, его близость затуманивает мой рассудок и мою способность мыслить.

— Привет, — мой нервный ответ — это всё, чем я могу выдать, в то время как мы удерживаем друг друга пристальными взглядами, как будто кроме нас в этом помещении больше никого нет. Я беспокоюсь двигаю руками, пытаюсь игнорировать желание, расцветающее в моём животе. Кайл тянет Колтона за руку, и после паузы тот отводит от меня взгляд, сосредотачиваясь на мальчиках.

Я медленно вдыхаю, не отдавая себе отчёта, что не дышала всё это время. Ко мне стремительно подходит Дейн, наклоняясь:

— Дьявол, Райли! Что, черт возьми, здесь происходит? — Я удивлённо смотрю на него, как будто не понимаю, о чём он. — Если б я не знал, то решил бы, что он хотел съесть тебя на десерт! — Я смеюсь его словам, игриво пихая Дейна, и тем самым рассчитывая уклониться от необходимости ответить. И скрыть, наползающий на щёки от воспоминаний о Колтоне, о сахарной вате и обо мне в качестве десерта, румянец. — Парень явно хочет тебя, девочка!

— Ах, что ты! Ты же читал таблоиды, Дейн. Он — ещё тот ходок! — Я уворачиваюсь от прямоты вопроса, шепча: — я уверена, он смотрит так на каждую.

Ко мне бочком подходит Зандер, и я кладу ему руку на плечо, благодарная за это отвлечение. Колтон замечает эти манёвры, переводя внимание от других мальчиков на Зандера, и встречается с ним взглядом. Тут же подходит к нам, опускаясь перед ним на корточки.

— Приветик, Зандер. Я так рад, что ты смог прийти сегодня, — Колтон не двигается, наблюдая за мальчиком и ожидая от него разрешающих сигналов. Я поражённо втягиваю воздух, когда слышу сиплый звук, вырывающийся из Зандера. От его хриплого: «привет», осторожная улыбка на лице Колтона перерастает в ослепительную ухмылку. По моей щеке стекает слезинка, и я быстро стираю её, бросая взгляд на Дейна и Джексона, на лицах которых те же гордость и облегчение.

Зандер произнёс своё первое, после долгого молчания, слово!

Колтон прокашливается, и мне кажется, этот момент его тоже пронял.

— Позже я попрошу тебя о кое-какой специальной помощи, хорошо? — Дождавшись утвердительного кивка от Зандера, Колтон медленно тянет руку к его голове, демонстрируя свои намерения, и когда мальчик не уклоняется, нежно треплет его по волосам.

Поднимаясь, мой гонщик пристально смотрит на меня, и мои глаза наполняются слезами — из-за реакции Зандера и мужчины передо мной. Из-за всего, чего между нами быть не может. Прежде чем снова переключиться на мальчиков, Колтон посылает мне безропотную, всё понимающую улыбку.

— Ну что, парни, готовы отправиться в ремонтные мастерские, поглядеть на машину и на то, как я буду её испытывать? — Он в притворном ужасе отшатывается от их оглушительного рёва. — Я воспринимаю это как «да!», — смеется он.

Краем глаза я вижу, как в комнату входит статная блондинка, с планшетом в одной руке и бейсболкой в другой, а на её шее висит бейдж команды. Она прислоняется к дверному косяку, наблюдая за Колтоном, и, видимо, чувствует мой пристальный взгляд, потому что поворачивается в мою сторону, медленно осматривая меня с головы до ног оценивающим взглядом. Наконец, её глаза встречаются с моими, в них менее чем дружественное выражение, а на её губах медленно расцветает усмешка. И затем до меня доходит, кто она такая. Это же Тони Тейлор — периодическое «сопровождение», сотрудница КД «Энтерпрайзес» и Бог знает кто ещё для Колтона. Я ощетиливаюсь, оценивая её стройные ноги, идеальную фигуру, длинные светлые волосы и потрясающее лицо, и чувствую себя за пределами неуверенности. Зачем Колтону преследовать кого-то, подобного мне, когда у него может быть такая, как она?

Колтон оглядывается на неё, когда слышит, как она зовёт его своим хриплым голосом, прерывая его разговор с Шейном.

— Минутку, парни, — извиняется Колтон и идёт в её сторону.

Тони протягивает ему потёртую бейсболку, и Колтон проводит рукой по волосам, прежде чем натянуть свой талисман на голову. Я вслушиваюсь в их приглушённые голоса и сквозь шум, который производят мои воспитанники, разбираю несколько слов. Колтон стоит, уперев руки в бёдра, выцветшая футболка обтягивает широкие плечи, он кивает Тони в ответ. На её губах широкая, знающая улыбка, и когда она тянется и кладёт руку на его предплечье, во мне мгновенно вспыхивает ненависть. Я настораживаюсь, когда слышу своё имя. Что? Тони бросает на меня быстрый взгляд, и снова смотрит на Колтона. Ощущение, что они о чём-то договариваются, поэтому я делаю вид, что поглощена изучением плакатов, развешанных по стенам. Я слышу, Колтон говорит: «Спасибо», и возвращается к своей аудитории. Тони поворачивается к двери, замечая, что я по-прежнему её изучаю. Прежде чем выйти за дверь, она фальшиво, по-кошачьи мне улыбается. Её улыбка говорит сама за себя. Колтон — территория Тони, а я всего лишь незванный гость.

Что ж, дорогая, игра началась!

Тони уходит, и я довольна, что, по крайней мере, один противник известен, моё внимание вновь обращается к Колтону, который рассказывает мальчикам, что их ждёт на тестировании. Он отвечает на их вопросы с повышенным терпением, донося до них все детали на понятном им языке. Ближе всех к Колтону стоит Зандер, с увлечением следя за разговором и не сводя с мужчины глаз. Когда последний заканчивает отвечать на вопросы, Дэвис бросает взгляд на часы и произносит:

— Ладно, ребята, сейчас мы пойдём в автомастерские. Вы сядете повыше, так что

сможете всё рассмотреть. Также мы снабдим вас наушниками, чтобы вам было слышно всё, что будет говорить бегающий туда-сюда Колтон. — Дэвис хватает свой планшет и поворачивается к двери. — Так что тот, кто последует за мной, получит полный набор впечатлений!

Мальчики оживлённо суетятся, вставая в очередь за Дэвисом. Я хватаю свою сумку и пристраиваюсь в конец этой цепочки; от возможности остаться наедине с Колтоном моё беспокойство растёт. Вообще я умею владеть собой, но не в случае с этим парнем. Я уже делаю первый шаг, когда слышу позади его голос:

— Можно тебя на секундочку, Рай? — меня омывает тихий рокот его голоса.

Я игнорирую изумлённо вздёрнутые брови Дейна, после чего тот поворачивается и следует за мальчиками и Дэвисом. Не доверяя своему голосу, я просто замираю, полагая, что отсутствие движения вперед является достаточным ответом.

— Так здорово увидеть тебя, — его голос хрипит.

Я глубоко вздыхаю, на мгновение прикрывая глаза, и стараюсь стереть с лица все эмоции, закрывая сердце на замок. Медленно оборачиваясь, я сохраняю на губах мнимую спокойную улыбку, напоминая себе его слова, сказанные тем самым днём. Вся сила его разрушительного эффекта обрушивается на меня, когда я встречаюсь с ним глазами.

— Тебя тоже, Ас.

Он сидит на краю стола, одной ногой упираясь в сиденье стула перед ним, и крутит в руках свои солнцезащитные очки. При взгляде на него моё сердце сжимается, но я знаю, что могу получить лишь часть его, а не всё, что мне нужно, целиком. Я иду к нему, химия между нами неопровержима, и меня тянет к нему как магнитом. Я робко улыбаюсь, пытаюсь держать свои эмоции в узде. Останавливаюсь прямо перед ним, мои пальцы свербит от желания дотронуться до него. Его глаза следят за моей рукой, когда я тянусь и стряхиваю с его футболки воображаемую пылинку.

— Ты выглядишь так официально! — взбудоражено смеюсь я, произнося единственное, что мне приходит на ум.

Он склоняет голову и поднимает брови.

— Что? Ты думаешь, что я притворяюсь, и это всё шоу? — сухо спрашивает он, отрываясь от стола. Когда он выпрямляется во весь рост, его тело оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Меня окутывает его аромат, и я подаюсь назад, чтобы избежать искушения дотронуться до него снова. Что угодно, чтобы попытаться сохранить собственное достоинство.

— Нет. Я не это имею в виду, — я нервно трясую головой, отстраняясь ещё, чтобы обеспечить себе некоторое пространство. — Одно только присутствие здесь делает всё реальным: трек, ты в форме, трибуны... масштабность всего этого, — я развожу руками, — спасибо тебе большое, Колтон, — с этими словами я смотрю вниз, на мои руки, инстинктивно переживая, что на моём пальце больше нет привычного кольца. Я сплетаю пальцы, пытаюсь скрыть роящиеся в глазах эмоции.

— За что?

— Ты очень много сделал для нас. За экипировку для мальчиков в автобусе. За то, что пригласил их сюда. За всё, — я снова поднимаю на него взгляд, и со слезами счастья на глазах мягко произношу, — за первое сказанное Зандером слово. Этот прорыв очень важен для исцеления невидимых ран, — я знаю, Колтон понимает значение этих слов больше, чем кто-либо. Он поднимает руку и стирает мою одинокую слезинку. Этот простой признак

сострадания потрясает меня. Его глаза встречаются с моими, и я вижу, что в них есть чувства ко мне. Я просто хочу, чтобы он сам мог в этом убедиться. Скользящим движением он закрывает глаза очками, защищаясь от моей способности прочесть в них больше положенного, и протягивает мне руку:

— Ты проводишь меня до мастерских?

И когда я просто стою, уставившись на него с замешательством на лице, он решает за меня, схватив мою руку и потянув за неё так, что я вынуждена идти за ним следом. Мы идем в молчании, занятые каждый собственными мыслями. На моих губах замирает множество вопросов, которые я хотела бы задать, но им сейчас не время и не место. Я прижимаю руку к животу, чтобы утихомирить растревоженную нервозность.

— Почему ты так нервничаешь, когда тот, кто будет нестись по трассе со скоростью двести километров в час — это я?

Я останавливаюсь и смотрю на него, не имея возможности видеть сквозь его темные линзы, и мне интересно: он действительно не понимает, что проводить с ним время, быть с ним, когда я не могу получить его, страшно расстраивает меня? Ходить на цыпочках и думать «А что если...?» Я решаю подыграть ему:

— Я волнуюсь за тебя. Разве ты не переживаешь из-за того, что можешь разбиться?

— Ой, я разбивался много раз, Райлс, — он поднимает свои темные очки, так что наши глаза могут встретиться. — Иногда нужно пару раз разбиться, чтобы осознать свои ошибки, и затем, когда дым рассеется, в конце может получиться, что так лучше. Урок, извлеченный в том случае, если у тебя есть следующий раз, — он пожимает плечами, сжимая мою руку и застенчиво улыбаясь. — Кроме того, иногда вмятины, в конечном счете, просто добавляют больше силы характеру. — Наши глаза удерживают друг друга, и я знаю, что он имеет в виду больше, чем гонки. Мои глаза умоляют его, молча задавая вопросы, которые я боюсь озвучить, но он нахлобучивает свои очки обратно, делая вид, что ничего не заметил. Он снова тянет меня за руку, побуждая двигаться, и наши переплетенные пальцы — единственный ответ, который я получаю.

Я пытаюсь придумать, что сказать, чтобы добавить нашей прогулке некоторого легкомыслия.

— Разве тебе не положено перед гонкой бродить с особым выражением лица или что-то типа того, говорящее, что ты отключен от внешнего мира и сосредоточен?

— Что-то подобное бывает, — он смеётся надо мной, — но сегодня не гонки. Кроме того, обычно я действую таким образом, когда покидаю мастерские. Что бесконечно бесит мою сестру.

— Почему это?

— Потому что я мгновенно забываю про всё и всех, — иронично произносит он с ласковой улыбкой на своих красивых губах.

— Типичный мужлан, — смеюсь я, качая головой. — Спасибо за предупреждение.

— И она говорит, что я выгляжу злым. Я пытаюсь объяснить ей, что это просто часть моей работы, но её этим не купишь.

Мы ещё немного идём в тишине, на моих губах улыбка. Слева я слышу рёв двигателя, а где-то справа раздаётся стук гаечного ключа по бетону.

— Я не был уверен, что ты приедешь сегодня, — его слова меня удивляют. Мне кажется, я делаю достаточно, чтобы стереть с лица изумление. — На твоём месте я послал бы вместо себя другого сотрудника.

— Нет, — бормочу я, когда мы останавливаемся на углу здания, и я смотрю на него снизу вверх. Разве он не понимает, что даже когда он отталкивает меня, меня неудержимо к нему тянет? Что я не могу оставаться в стороне, даже если захочу? — Я хотела увидеть тебя в деле. Понаблюдать за своими мальчиками — как они перенесут всё увиденное.

Он пару секунд пристально смотрит на меня, потом кивает приветственно кому-то проходящему, и снова возвращает ко мне свой взгляд:

— Я рад, что ты здесь.

— Я тоже, — мямлю я, борясь с желанием отвести глаза от его интенсивного взгляда.

— Дальше нельзя, — говорит он мне, привалившись к стене и упираясь ногой позади себя.

— Ох...

Он проводит большим пальцем по костяшкам моей руки, которую всё ещё держит в своей. Медленная озорная улыбка ползёт по его губам.

— Разве я не заслужил поцелуй на удачу, Райли? — Он тянет меня за руку, заставляя упасть на его грудь. Свободной рукой обвивает мою спину, прижимая меня к своей твёрдости. Все его предостережения, его смешанные сигналы, вся боль, которую он мне причинил, исчезают, когда мой взгляд с трепетом поднимается к его чувственным губам, которые всего в сантиметрах от моих. Каждая мышца моего живота сжимается от вожделения. Я на миг прикрываю глаза, облизывая губы, а когда открываю их, встречаю ясный изумрудный цвет его глаз. Какого черта нет? Это так не похоже на прежнюю уравновешенную лексику в моём словаре — что всегда происходит, когда дело касается моего гонщика. Эстетическая восприимчивость утекает, как песок сквозь пальцы, когда я рядом с ним.

— Это меньшее, что я могу сделать, — бормочу я ему, пока он снимает свою бейсболку.

Вся разумность и осторожность по поводу окружающих покидают нас в то мгновение, когда его губы берут в плен мой рот. Все сдерживаемые обиды и эмоции, всю нужду последних дней, я вкладываю в этот поцелуй, и понимаю, что то же самое могу сказать про Колтона. Давление его прижатой к моей спине руки искушает меня, побуждает провести руками вверх по его груди, скользнуть пальцами по вырезу его футболки и запутаться во вьющейся, отросшей уже до шеи шевелюре. Наши сердца бьются в унисон, пока мы черпаем друг из друга то, в чём нуждаемся, несмотря на тупик, в котором оказались.

Окружающая действительность медленно просачивается в моё сознание, когда я слышу чей-то окрик:

— Донован, сними комнату!

Чувствую усмешку Колтона против своих губ, когда он прерывает наш поцелуй, поворачивая голову вправо, и со смехом кричит:

— Да пошел ты, Тайлер! Ты просто завидуешь!

Слышу низкий смешок, с которым Колтон поворачивает ко мне голову, и подношу руки к его лицу, очерчивая пальцами контур его челюсти:

— Удачи, Ас!

Ещё мгновение мы пристально всматриваемся друг в друга, потом он наклоняется ко мне, оставляя на моих губах нежный поцелуй. Это молчаливое «пока» в ту минуту, когда я смущена больше, чем когда-либо.

— Напомнишь мне пригласить тебя на мою следующую гонку?

— Что? Зачем?

— Потому что если поцелуй на удачу перед тестами был таким впечатляющим, то я не могу дожидаться, чтобы узнать, каково это будет перед настоящими гонками! — Он выгибает брови, приподнимая уголки рта в игривой улыбке, пока его руки сжимают мою талию. Я громко смеюсь в ответ, позволяя себе на секунду расслабиться.

— Колтон?

Я поворачиваюсь и встречаюсь глазами с поражённым взглядом потрясающей женщины, которая стоит в нескольких метрах слева от нас. Она прекрасна классической красотой, немного напоминая мне Хэдди. Её белокурые локоны каскадом падают на плечи, карамельного цвета глаза задумчиво меня изучают, а полные губы морщатся, пока она оценивает меня. Несмотря на то, что я до сих пор прижата к Колтону, мне как будто дали под дых, потому что в ту секунду, как я увидела её, я так же ясно разглядела в её глазах истинную к нему любовь и обожание. Хотя что-то в ней другое, и чувства в её глазах намного интенсивнее, чем у той же Тони или Рабель.

Этот бесконечный парад женщин, влюблённых в Колтона, когда-нибудь закончится?

— Безупречный выбор времени, как обычно, — цедит сквозь зубы Колтон, даже не глядя в её сторону. Я гляжу на него в замешательстве, в то время как он целует меня в кончик носа, притягивая обратно. — Райли, познакомься с моей надоедливой младшей сестрой Куинлан.

— О! — Теперь всё ясно. Я высвобождаюсь из объятий Колтона, не позволяя себе даже малейшие воспоминания о нашей с ним недавней близости. С полыхающими щеками от мысли о первом впечатлении, произведённом на неё, протягиваю ей руку для приветствия:

— Привет. Я — Райли Томас.

Куинлан оглядывает меня снизу доверху, смотрит на мою протянутую руку и затем, с неверящим выражением на лице, переводит взгляд на Колтона. С предупреждением во взгляде она качает головой, полностью игнорируя мой приветственный жест. Я позволяю своей руке опуститься, в то время как Колтон предостерегающе вздыхает:

— Куин? — она просто смотрит на него, как мать на провинившееся дитя. А Колтон отвечает ей тем же. — Ой, хватит грубить. Я скоро буду. Просто сейчас я немного занят.

Она громко фыркает, оглядывая меня ещё раз напоследок, затем разворачивается на каблуках и уходит тем же путём, что и пришла.

— Прости, — бормочет он, — независимо от того, сколько ей лет, она может вести себя как маленький раздражающий панк.

И с этими словами до меня, наконец, доходит. Она решила, что я очередная одноразовая игрушка её брата. И она действовала так, как я, наверное, действовала бы, если бы это был мой брат. Как будто мне все противно и надоело.

— Всё в порядке, — я делаю от него шаг назад. — Тебе пора идти.

— Что я и делаю, — кивает он, запуская руку в волосы.

— Будь осторожен, Колтон. Увидимся на финише.

— Всегда, — произносит он, даря мне мгновенную шаловливую улыбку, затем поворачивается и направляется в сторону мастерских. Я смотрю на его сексапильную развязность, когда он поправляет на голове свою бейсболку. Он оборачивается ко мне со своенравной улыбкой на губах, козырёк его кепки скрывает от меня его глаза, и на всём его облике начертано «Опасность!». Колтон, как никто другой, воплощает собой определение слова «сексуальный». Я вздыхаю, качая головой, и непроизвольно улыбаюсь ему в ответ. Он отворачивается, и я наблюдаю за ним до тех пор, пока он не скрывается из виду.

Как бы мне осмыслить последние пятнадцать минут и мастерство Колтона посылать мне смешанные сигналы?

20 глава

— Хорошо, парни, думаю, последняя регулировка крыла оправдала себя. Отличная работа! Я собираюсь дать полный газ на последних двадцати кругах, как только пересеку финишную, — из наушников слышен лишенный эмоций голос Колтона; мы слышим его, пока он несётся по треку позади нас.

— Не слишком усердствуй, Колт. Нам ещё нужно откорректировать пару мелочей. Я не хочу, чтобы у тебя сгорел двигатель, прежде чем мы доберёмся до него.

— Расслабься, Бекс, — смеётся Колтон, — у меня нет намерения разбивать твою малышку, — я слышу рёв мотора в задней части трека, когда Колтон входит во второй поворот. — Дэвис? Ты здесь?

— Чего тебе, Вуд? — голос Дэвиса наполняет мои уши. Вуд? О чём это он?

По громкой связи я слышу гул переключения на пониженную передачу, когда Колтон достигает третьего поворота.

— Поставь Зандера с флагом на финишную линию. Пусть махнёт. А потом и остальные мальчики.

— Хорошо.

Мои ребята, услышав всё это в своих наушниках, оборачиваются и смотрят на меня огромными глазами и с широченными улыбками на губах. Дэвис поднимается по лестнице к нам, в небольшую кабинку над мастерскими, и зовёт мальчиков с собой. Дейн тоже уходит, а Джекс смотрит на меня, вопросительно изогнув брови.

— Иди, Джекс, — я машу ему рукой, чтобы он двинулся, пока я сижу на месте. — Я останусь здесь.

Я наблюдаю за тем, как мои воспитанники рядом пробираются мимо мастерских, глядя вправо, откуда, пройдя четвёртый поворот, в сторону старта-финиша вылетает Колтон. Мои уши заполняет рокот мотора, его вибрирующий звук отдаётся в груди, пока мой гонщик проносится мимо нас. Сразу после этого Дэвис ведёт мальчиков через трек, и, добравшись до стартовой черты, они исчезают из поля моего зрения. Несколько мгновений спустя, Дэвис поднимается на небольшую белую платформу вместе с Зандером и они ждут, когда Колтон сделает круг по треку. Я слышу рев мотора, когда Колтон выжимает газ. Прежде чем я понимаю это, он заканчивает двухмильный круг и пролетает прямо передо мной. Рука Зандера на флаге и Дэвис помогает ему махнуть клетчатым флагом, когда Колтон приближается и быстро несется дальше. Я успеваю заметить лицо и улыбку Зандера, мелькнувшую на экране монитора, прежде чем он уходит под лестницу, чтобы уступить место Эйдену.

Это был невероятный день. Благодаря Колтону и его команде, мальчики получили опыт, который случается раз в жизни. Мы наблюдали за тем, как он гоняет по треку, подъезжая для корректировок к мастерской и слушая стёб команды, мотаясь вперёд-назад последние несколько часов. Я давала интервью репортёрам из Los Angeles Times и Orange County Register в отношении сотрудничества и помощи в сборе средств компании Колтона для «Всеобщей заботы». Нас фотографировали, прерываясь только во время тестовых кругов по

трассе. Мальчики были переполнены удовольствием, а также обильным угощением, которое приготовила для нас команда Колтона. С нами обращались лучше, чем вообще можно себе представить, хотя это ещё не гонка, и не было никаких официальных обязательств.

Я делаю снимок того, как Шейн машет флагом, пока Колтон пронесится мимо, радуясь, что в совершенстве овладела распознаванием радости на его лице. Когда я поднимаю глаза от картинки на фотоаппарате, упираюсь взглядом в Тони, которая стоит передо мной, оглядывая меня холодным взглядом леденисто-голубых глаз. В ответ я одариваю её небольшой, но учтивой, несмотря на её явное неодобрение меня, улыбкой.

После того, как она несколько минут просто стоит и сверлит меня взглядом, я решаю сделать первый шаг. Ее попытка запугивания неэффективна. Я только молюсь о том, чтобы хоть раз в жизни та находчивость, которая появляется у меня обычно постфактум, на этот раз не подведёт меня.

— Чем могу помочь?

Она скрещивает руки на пышной груди и прислоняется бедром к перилам, не отрывая от меня взгляда.

— Ты же знаешь, что совсем не в его вкусе?

Ага, вот, значит, как всё это будет. Я смотрю, как Колтон выходит на финишную прямую, ожидаю, когда оглушительный рев пронесется мимо нас, и потом снимаю наушники. Откидываюсь на кресле с понимающей ухмылкой, чуть трогающей мои губы — те самые, на которых недавно были губы Колтона.

— Ты так думаешь? А ты, значит, в его вкусе?

От своего последнего комментария я внутренне съеживаюсь, потому что точно знаю, что она очень даже вписывается в образ, который бы Колтон одобрил.

Она ехидно хихикает:

— Ох, куколка, твоё маленькое невинное «я» и не догадывается, во что ты ввязываешься, да?

Снисходительная сука!

— И что? Я бы знала во что ввязываюсь, если бы у меня было бы столько опыта, как у тебя? — мой голос сочится сарказмом. — Давай сразу определимся: всё, что между мной и Колтоном, тебя не касается. И я более чем способна сама о себе позаботиться, Тони. Однако спасибо за напрасное беспокойство.

Она смотрит на меня, сощурившись и скривив лицо:

— Ох, Райли, всё, что касается Колтона — моё дело. Я о нём забочусь.

Пару мгновений я смотрю на неё, ошеломлённая такой наглостью, задаваясь вопросом, стоит ли за её словами какая-то правда. Пытаюсь скрыть за цинизмом недоумение в голосе.

— Не знала, что ему нужен присмотр. Колтон кажется вполне способным принимать решения самостоятельно, — я скрещиваю руки на груди, отражая ее нападки.

— Ты ничего не знаешь, да? — Она язвительно смеётся, и её покровительственный тон режет по нервам. — Каждому мужчине нужна женщина, которая шептала бы ему на ушко, что для него будет лучше, — она саркастически ухмыляется. — И, Райли, девочка, я та женщина для Колтона. Была ею, — она выгибает бровь, — и всегда буду.

Отвлекаюсь, когда слышу, как, завершая круг, возвращается Колтон, и я благодарна ему за короткую передышку, которая позволяет словам Тони осесть и исчезнуть. Проследив взглядом за машиной Колтона, которая пронесится мимо нас, я поворачиваюсь к Тони:

— Я совершенно уверена, что Колтон никому не позволяет диктовать, что ему делать,

Тони. Но попытка была неплохая.

Если она ещё раз засмеётся этим смехом всезнайки, я её задушу.

— Просто продолжай так думать, куколка, — она постукивает акриловым ногтем по абсолютно белым зубам. — И, прежде чем до тебя дойдёт, ты будешь думать, что охомутала его. Невзирая на его краткие предупреждения, что ему не нужна постоянная девушка, ты будешь думать, что втайне он хочет быть с тобой. Что ты сможешь изменить его и его образ жизни. Будешь думать, что усмирила его буйства и можешь руководить им и его жизнью, — она поворачивается, чтобы проследить взглядом, как он проносится по дальней прямой трека, после чего возвращается к нашему разговору, подходя ко мне ближе на шаг. — Но когда он насытится тобой, ты вылетишь из его жизни быстрее, чем он обычно заканчивает последний круг на треке. У тебя нет того, что его удержит. Он быстро заскучает, — её брови ползут вверх, пока она изучает меня. — О, мой бог! — Ахает она, прижимая пальцы ко рту, чтобы скрыть вкрадчивую ухмылку. — Ты уже трахалась с ним, не так ли?

Я просто смотрю на нее, пытаюсь скрыть правду, и молчание — мой единственный ответ. Я не хочу, чтобы она знала, что зацепила меня. Что её маленькие стервозные замечания проникают мне под кожу, подпитывая сомнения в том, почему я вдруг могу нравиться Колтону.

— Ну, это ненадолго.

— Ненадолго что? — спрашиваю я, уже догадываясь, что она мне ответит. Я буквально вижу, как её язык движется во рту, готовя следующий выпад и собирая новую порцию яда.

— Я видела достаточно его шлюшек, которые приходили и уходили, чтобы утверждать: ты продержишься максимум два месяца, куколка. Ты покинешь его постель и его жизнь ещё до первой гонки сезона, — она искоса смотрит, впиваясь в меня взглядом, ожидая реакции, которую я ей не предоставлю. Тони делает ещё шаг ко мне. — Просто знай: я буду той, к кому Колтон повернётся после тебя. И это я ему буду говорить, что он слишком хорош для такой, как ты. Я предупреждаю. Я. Голос. В. Его. Ушах, — последние слова она произносит почти шёпотом.

— Дай угадаю: это ты, с кем он будет жить долго и счастливо, так? — интересуюсь я, и мой голос звучит слаще сладкого, в то время как внутри меня пузырится гнев.

— В конце концов, когда ему надоест растрачивать свое время на таких пустышек, как ты, — хихикает она, меряя меня взглядом. — Ты умная. Я это признаю. Но я знаю его дольше, чем кто-либо, и потратила на него кучу времени. Его родители любят меня. Только я одна ему нужна. Он может не осознавать этого, но он любит меня...

— Похоже, твоему времени нужно найти занятие получше, куколка! — прерываю я её, поднимаясь с места, и делаю шаг ближе, по горло сытая её эгоцентричными нападками. — Ходить вокруг в ожидании, чтобы быть почти лучшим — это, на самом деле, печально.

— О, мы немного всплыли? Не убивай гонца, за дурную весть, — покровительственным тоном заявляет она, выставляя перед собой руки. — Я просто хочу предостеречь тебя от неизбежности, что он разобьёт твоё сердце, — выражение её лица напрямую противоречит её словам.

Я издаю короткий смешок.

— Я вижу — искренность сочится из твоих пор, — я закатываю глаза. — Твоё сострадание непомерно.

Она поджимает губы:

— Мы, девочки, должны присматривать друг за другом.

Теперь я смеюсь по-настоящему. Вот сучка!

— Да, я уверена, ты прямо-таки прикрываешь мою спину! — Только желая воткнуть в неё нож, а не предупредить о нём. — Я ценю твоё внимание, но я уже большая девочка, Тони. И просто замечательно могу позаботиться о себе сама.

Она откидывает голову и громко смеётся, прежде чем снова смерить меня презрительным взглядом.

— О, он собирается съесть тебя живьём, а потом выставить, а я получу удовольствие, наблюдая за этим!

Я вижу, что Колтон заканчивает свой последний круг и ведёт машину в гараж справа от нас. Мальчики могут в любой момент пойти разыскивать меня, чтобы спуститься и поглядеть на машину, и, откровенно говоря, мне уже достаточно этой «позволь мне поставить тебя на место» ругани с Тони. Я пыталась быть выше. Старалась не быть такой же ехидной сукой, как она. Но с меня хватит. Я делаю к ней ещё шаг и шиплю злобно:

— Тебе лучше привыкнуть всё время наблюдать, Тони, потому что это всё, что тебе остаётся. И когда он в экстазе будет выкрикивать имя, это будет моё имя, дорогая, — уголки моих губ приподнимаются, а голос неумолим, — не твоё.

— Все они так думали! — насмешливо фыркает она.

Как бы я хотела задушить её прямо сейчас. Стереть эту саркастическую ухмылку и показать ей, что она понятия не имеет, о чем говорит. Но я не могу. В конечном итоге, она может оказаться права. И это убьёт меня. А она напоминает мне, что нужно быть настороже. Я так же медленно, как и она, оцениваю её взглядом, и незаинтересованно качаю головой:

— Эта беседа была весьма познавательной, Тони, но я собираюсь провести время с теми, кто достоин дышать со мной одним воздухом.

И я бегом спускаюсь по лестнице, желая сделать всё, чтобы последнее слово осталось за мной. Внизу лестницы, по которой я спускаюсь, слышен рокот машины Колтона. Как только я поворачиваю за угол, вижу моих мальчиков, которые следуют вниз за Дэвисом по направлению к гаражам стадиона. Я тороплюсь нагнать их, пытаюсь унять гнев и раздражение, навеянные словами Тони.

Я стараюсь не обращать на неё внимания и говорю себе, что она просто ехидная сучка, которая пытается удержать что-то, что ей не принадлежит. Потрясающе красивая ехидная сука, но ехидная сука, тем не менее. Думаю, это сочетание её типажа и характера, и моего страха, что в её словах есть доля правды, сдерживает гнев, бегущий по моим венам.

Я догоняю всю группу только когда мы уже близко к мастерским, где команда Колтона отлаживает и настраивает его машину.

Двигатель мурлычет, останавливаясь, и я вижу, как Колтон отдаёт уже отсоединённый руль кому-то из своего экипажа, прежде чем медленно вытолкнуть себя из кабины болида. Он вытаскивает сначала одну ногу, потом другую — и вот уже стоит на земле. Мгновение он стоит, чтобы привыкнуть к вертикальному положению, а затем снимает шлем и несгораемый вязаный подшлемник. Он берёт минералку, которую кто-то суёт ему в руки, и долго пьёт, прежде чем пробежаться рукой вперед-назад по влажной шевелюре. А потом посылает широченную улыбку мужчине, который идёт к нему, пока я пытаюсь сообразить, кто это. Тот самый отвязный парень, что был с ним на вечеринке, которую устраивала компания Хэдди.

Я стою с мальчиками с краю, и мы окунаемся в шквал активности в гараже. Несколько человек говорят с Колтоном, кто-то жестикулирует, чтобы нагляднее продемонстрировать,

что он объясняет. Он разговаривает со всеми в неофициальной дружеской манере. Никакого намёка, что он сын мегасуперрежиссёра, или что он один из завидных богатых голливудских холостяков. Кто-то из членов команды склоняется над машиной, орудуя в ней инструментами и измеряя что-то, чего я и близко не понимаю. Колтон полностью погружён в свою стихию. Это не трудно, учитывая его энтузиазм и почитание этого спорта.

Его улыбка широкая и настоящая, и я чувствую острую боль в глубине души, в моём сердце, когда вижу её. Если он такой страстный, и его глаза так загораются от спорта, который, очевидно, ему дорог, то как же он будет выглядеть, когда, наконец, найдёт и примет свою истинную любовь? Моё сердце сжимается от понимания, что это буду не я. Я пытаюсь выкинуть из головы эту заблудшую мысль, но она застревает на краю сознания, когда я смотрю, как пылкие чувства играют на его лице.

Всеобщее бурление несколько стихает, когда команда Колтона приступает к индивидуальным задачам. Нескольким Колтон командует отступить и заняться чем-то в двигателе, сзади машины. Остаются только Колтон и тот парень из клуба, и когда они разговаривают, я вижу между ними лёгкий дух товарищества.

Дэвис движением показывает мальчикам следовать за ним в гараж, и они тихонько идут вдоль линии, стараясь избегать проезжей части. Я остаюсь на прежнем месте, решив не ходить внутрь. Держаться на безопасном расстоянии от его необъяснимой власти надо мной. Колтон замечает мальчиков, входящих в гараж, отрывается от разговора и посылает им широкую искреннюю улыбку. Он ждёт, пока они подойдут, и произносит:

— Ну, что вы думаете, ребята?

Они все разом начинают выкрикивать слова типа: «Круто! Потрясающе! Невероятно!»

Он расстёгивает свой красный костюм и выдергивает руки из рукавов, позволяя им упасть и висеть ниже пояса. Его футболка потемнела от пота и липнет к выделяющимся мышцам груди. От его чертовски сексуального вида, всё моё нутро начинает тянуть.

— Я так рад, что вам понравилось! Теперь смотрите, — произносит он, положив руку на плечо парня из клуба, — это один из самых важных здесь людей. Важнее меня, — шутит он. — Ничего из этого, — он жестом обводит помещение гаража, — не работало бы так слаженно, если бы не он. Это Беккет Дэниелс, капитан моей команды.

Мальчики невпопад здороваются, и Дэниелс улыбается им в ответ. Рики выкрикивает какой-то вопрос, и Беккет широко улыбается, кивая ребятам идти к машине, чтобы посмотреть на что-то. Колтон остаётся на месте, наблюдая за уходящими мальчиками. Он поводит плечами и делает ещё один большой глоток минералки, прежде чем оглядеться вокруг. Я чувствую внезапное потрескивание электричества, когда его глаза встречаются с моими, и медленная ленивая усмешка приподнимает уголки его рта, а ямочка на подбородке углубляется. Он похож на секс: горячий, потный, взъерошенный и аппетитно неотразимый. Он снова смотрит на Беккета, убеждаясь, что всё в порядке, а потом направляется ко мне.

— Ну, привет, — я не могу сдержать улыбки, которая трогает мои губы, когда я произношу это.

— Всё ещё думаешь, что я притворяюсь?

— Нет, — я непринуждённо смеюсь, пока он встаёт напротив меня.

— Ну, если ты говоришь «нет», значит, пока я делаю свою работу правильно, — усмехается он с намёком, протягивая руку и дёргая меня за выбившийся локон.

Я просто, с мягкой улыбкой на лице, качаю головой, прежде чем глубоко вздохнуть. Нет никакой необходимости притворяться, когда дело доходит до Колтона в спальне. Мы

пристально всматриваемся друг в друга; вокруг нас в мастерской бурлит кипучая деятельность, а мы остаёмся неподвижными. Зачарованными, растворёнными друг в друге.

— А ты неплохо гонял, Ас, — мне, наконец-то, удаётся нарушить наше молчание.

Колтон делает ещё глоток минералки.

— Ты ничего не знаешь о гонках, так ведь? — смеётся он, когда я отрицательно мотаю головой и смеюсь вместе с ним. — Я не особо с тобой согласен, но спасибо за комплемент.

— Но я смотрела с братом пару заездов когда-то, а мои мальчики, очевидно, прогуглили всё об этом, чтобы убедиться, что узнали, как можно больше, — я пожимаю плечами, поглядывая через плечо, чтобы проверить, как там дети. — Значит, Вуд, да?

Он застенчиво мне улыбается.

— Это не то, что ты подумала. Это старое прозвище, — я заинтригованно поднимаю брови. — Когда я только начал гонять, кто-то назвал меня Голливудом. Прозвище прижилось. И постепенно сократилось до Вуда. Все, кто так меня называет, уже долго со мной, — он коротко оглядывается на Беккета. — Все, кому я доверяю.

— Не дай узнать об этом прессе — они с ума сойдут от счастья!

— Поверь мне, я об этом знаю, — смеётся он.

Мы оба поворачиваем головы, когда слышим, как смех Шейна заполняет гараж. Беккет стоит, обняв его за плечи, и смеётся вместе с ним, пока Дэвис поднимает Рики и усаживает в машину для фотографирования.

— Огромное тебе спасибо, Колтон. Потому что они целый день чувствовали себя особенными, — Колтон возвращает всё внимание ко мне. — За всё спасибо. Я даже не могу выразить, насколько это важно для них.

По его лицу пробегает тень.

— Ничего особенного, — пожимает он плечами, теребя этикетку на бутылке. — Я знаю об этой нужде больше, чем многие другие.

Он снова перемещает своё внимание к мальчикам, которые поочередно получают шанс посидеть в автомобиле и сфотографироваться. Мы ещё некоторое время наблюдаем за ними; Колтон снимает кепку и проводит рукой по волосам. Я краем глаза смотрю на него и вижу, как он смотрит на часы, а потом снова на моих воспитанников.

В моих ушах звучит голос Тони. Максимум два месяца. Что если она права? Даже если всё у нас продлится три или четыре месяца, я знаю, этого не будет достаточно. Я не думаю, что вообще есть какой-то промежуток времени, которого будет достаточно, чтобы любить такого, как Колтон. Он из тех парней, которые поглощают каждую твою часть. Делают тебя цельной, хотя ты и догадывалась, что неполноценна. Это придает сил и делает тебя слабой одновременно. Я знаю, что способна любить его так, как он заслуживает, но также осознаю, что у меня никогда не будет этого шанса. Тони, может, и ехидная сука, но она знает его лучше, чем я. Благодаря словам Тони, собственным признаниям Колтона, поиску в Google и моей интуиции я просто знаю: если я разрешу себе влюбиться в Колтона, это, в конце концов, разрушит меня. И я просто не могу позволить это, ради себя же самой. Взлёт может получиться больше, чем простое удовольствие, но опустошение после падения сломает меня. Так или иначе, позиция Тони весьма убедительна.

Голос Колтона прорывается сквозь мои мысли.

— У нас совещание через десять минут, — говорит он, поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня. — Ты можешь остаться, а когда все закончится, я отвезу тебя домой?

Я кручу кольцо, которое в это утро снова надела на палец — оно для меня осязаемый

источник комфорта — отчаянно желая сказать «да», но ответственность за мальчиков и самосохранение моего сердца диктуют другой ответ.

— Это плохая идея, Колтон, — я качаю головой, избегая его пристального взгляда.

— Для кого? — спрашивает он, поворачиваясь и делая ко мне шаг. Меня окутывает его запах — свежий аромат одеколона, смешанного с отголосками запаха мужчины, у которого был физически напряжённый рабочий день.

Я настороженно слежу за ним, пытаюсь эмоционально абстрагироваться от него.

— Для нас обоих, Колтон. Ты сам так сказал в ту ночь.

Он подходит ещё ближе, и я чувствую, как учащается мой пульс.

— Но, может быть, сегодня я думаю по-другому...

Я глубоко вздыхаю, напоминая себе, что с ночи субботы ничего не изменилось. Он тот, кто есть, и меняться не собирается. Просто мы несколько дней были друг от друга на расстоянии, сейчас это возбуждает его, и он желает освобождения. И больше ничего. Я выбрасываю из головы его последнюю фразу и продолжаю так, будто он ничего не говорил.

— Кроме того, я должна отвезти домой детей. Они — моя ответственность.

Он шагает ещё ближе, и я упираюсь руками в его грудь, чтобы помешать ему подойти вплотную. Не думаю, что вынесу его объятия. Вынести мои руки, прижатые к его твёрдой груди, уже достаточно трудно и серьёзно мешает моему сопротивлению.

Колтон тянется и приподнимает рукой мой подбородок.

— Что не так, Райли? — Его глаза ищут мои, пытаюсь понять причину моей неуверенности. Откуда ему понять, почему его идея отношений недопустима для меня, в то время как он признаёт, что это — единственная вещь, которую он знает или примет. Как мне объяснить ему, что, когда в одну минуту он меня отталкивает, а в следующую целует, эта бессмысленность разваливает мою связь с реальностью. Заставляет задаваться вопросом, чем я могу поступиться, чтобы иметь его в своей жизни?

— Ты, — шепчу я.

— Я? — одними губами спрашивает он.

— Ты постоянно путаешь меня, Колтон, — я мягко качаю головой, понимая, что если буду касаться его, будет намного тяжелее расставаться, но не могу удержаться и провожу пальцем по горловине его влажной футболки. — В одну минуту ты говоришь мне, что не можешь остаться в стороне, а в другую — что должен держать меня на расстоянии, потому что собираешься сделать больно. В субботу ты сказал, что между нами ничего не будет, если я не соглашусь на твои условия, а затем сегодня ты целуешь меня, — я делаю шаг назад, переводя глаза на мальчиков, обследующих всякие предметы в гараже, чтобы не встречаться взглядом с пристальным взором Колтона. — Я не могу дать тебе то, что ты хочешь, и ты не можешь дать мне то, что мне нужно. Это всё, что я знаю. Всё, что я понимаю, Колтон.

Он приближается на шаг, сгребая в горсть мои волосы, собранные в хвост, и тянет за него, заставляя посмотреть ему в глаза. И, несмотря на хаос вокруг нас — смех мальчиков, отзывающийся эхом от бетонных стен, лязг металла по металлу, пока с автомобилем работают механики, звук воздушного компрессора, раздающийся издалека — всё это исчезает, когда его глаза впиваются в мои. Только он и я. Парень, слишком не пробиваемый для своего же блага, и девушка, не владеющая своей головой и сердцем.

— Хотя я и продолжаю говорить себе, что это нужно — должно быть — прекращено, ради нас обоих, Райли... я всё ещё хочу тебя, — он обнимает ладонью мою щеку и проводит подушечкой большого пальца по моей нижней губе. — Отчаянно... — шепчет он. Его слова

отдаются в моём сердце. — Я вспоминаю, какая нежная у тебя кожа. Ощущение твоего тела, прижатого к моему. Лежащего подо мной. Как ты сжимаешься вокруг меня, когда я нахожусь глубоко в тебе... — его слова и напряжение во взгляде крадут моё дыхание. Моё тело вибрирует от глубоко укоренившейся потребности в нём, и, кажется, мне вряд ли когда-нибудь будет достаточно. — Иисус, Райли... это... ты... уничтожаешь меня, — он наклоняется и оставляет мимолётный поцелуй на моих губах. Искренность и уязвимость, которые стоят за этими словами, обольщают меня. — И я намерен заполучить тебя снова.

Я резко шумно втягиваю воздух, пытаюсь отстраниться от того, что Колтон творит со мной. Делаю шаг назад, удерживая его пристальный взгляд на секунду дольше нужного, перед тем как оглядеть помещение в поисках мальчиков. Замечаю, что пока мы общались, несколько человек обратили на нас внимание. Озадаченный взгляд, которым обменялись Беккет и Куинлан, являющийся, как я полагаю, реакцией на наше с Колтоном взаимодействие, не остаётся мною незамеченным. Я вижу, что Дэвис уже заканчивает с мальчиками, и понимаю, что время нашего здесь пребывания заканчивается.

— Я уверена, тебе будет этого хотеться до тех пор, пока ты не найдёшь кого-нибудь подходящего для твоего образа жизни, — я пытаюсь острить, опасаясь, что в моих словах слишком много правды. Снова поворачиваюсь к Колтону, всё ещё пытаюсь оправиться от последствий его признания, и в то же время желая показать ему, что у меня есть какое-то подобие сопротивления его персоне. Это абсолютная ложь, но я должна испробовать все способы. — Зачем же тратить впустую на меня своё время, если ты можешь заполучить любую другую, точно готовую предоставить тебе всё, что ты хочешь?

— Но. Я. Хочу. Тебя. Райли. Не. Кого-то. Ещё, — он усмехается. — К тому же, я говорил тебе: моя мама учила меня не сдаваться и добиваться того, чего я желаю, пока я не получу это.

Этот парень упрям, но я всё ещё думаю, что в моём случае он просто реагирует на вызов, на сопротивление. В ответ я качаю головой:

— У тебя есть привычка посвящать меня в то, чего хочешь ты, Ас, не спрашивая меня, чего хочу я.

С улыбкой Чеширского кота, растягивающей его губы, и греховным блеском в глазах он натягивает мне на голову свою бейсболку.

— Ох, сладкая, — он испускает низкое рокочущее хихиканье, отступая от меня на два шага, — я точно знаю, чего ты хочешь. — Колтона окликают, и он делает движение рукой в сторону Беккета, показывая, что идёт. Его улыбка становится самой порочной и чувственной из всех, какие я у него видела. Моё нутро скручивает от желания, и я прилагаю все усилия, чтобы его не задушить. — И у меня есть нужные средства, чтобы исполнить твои желания.

И с этими напутственными словами он разворачивается на пятках и идет к Беккету; его смех эхом разносится по гаражу. Беккет возмущённо оглядывает его с ног до головы, пока Колтон прощается с моими воспитанниками.

Заканчивая, он снова поворачивается ко мне и ухмыляется:

— Всё поглощающий опыт! (прим. перев. All consuming experience — ACE)

Колтон смеётся над растерянным выражением, промелькнувшим на моём лице:

— Что?

— Вот что это значит, — улыбается он, и до меня, наконец, доходит. Он по-прежнему пытается разгадать, что означает Ас.

— Неа, — отвечаю я, пытаюсь удержать улыбку, тронувшую уголки моего рта.

Он делает шаг назад, сосредоточенно кусая нижнюю губу. Я вижу, как он обдумывает следующую мысль, потом глаза его загораются, вокруг них собираются морщинки.

— Удивительный опыт с Колтоном! (прим. перев. amazing Colton experience — ACE) — кричит он мне, на что Беккет закатывает глаза.

— О, боже! — Я смеюсь из-за отсутствия у него хоть какой-то сдержанности и копирую Беккета, тоже закатывая глаза.

— Неа, — отзываюсь я своим стандартным на его догадки ответом, пытаюсь подавить смех.

Колтон отступает ещё на шаг, его выражение лица освещается улыбкой, и качает головой:

— Пока, Райлс.

— Пока, Ас, — бормочу я, неохотно принимая тот факт, что во многих отношениях Колтон прав. Независимо от того, какой интеллектуальной или рациональной я стараюсь быть, меня слишком сильно к нему тянет. И, как мотылёк, летящий на пламя, в конечном итоге, я сгорю.

Я стаскиваю с головы его бейсболку, поправляя потрёпанный теперь «конский» хвост, и наблюдаю, как он игриво закидывает руку на плечо Беккета, пока они идут по дороге.

Я качаю головой, пораженная событиями дня, и иду, чтобы забрать моих взволнованных, но очень усталых мальчиков для долгой поездки домой.

21 глава

— Посмотри сюда! — Дейн бросает на мой стол газету с «неопровержимым доказательством», заходя в мой офис «Всеобщей заботы». — Твоё декольте во всех газетах, и по этому поводу будет хороший отклик в прессе!

Я вскидываю голову, в замешательстве пытаюсь понять, о чём он говорит, прежде чем мельком взглянуть на газету. Вся нижнюю половину газетной полосы спортивной рубрики занимают фото нашего пребывания на треке и сопровождающая их статья. На фото слева — машина Колтона, мои воспитанники, расположившиеся вокруг неё на корточках и в середине композиции сам Колтон. На фото справа крупно я, Зандер и Рики. Я стою между ними двумя, и, к сожалению, положение моих рук открывает широкому обзору мою грудь, выпирающую из V-образного выреза моей облегающей футболки.

— Замечательно! Боже, как стыдно...

— Да брось, Рай, ты выглядишь горячо. А девочки выглядят великолепно.

Я смеюсь, запуская в него карандашом.

— Когда это будут печатать? Мы можем попросить редакцию, чтобы они заменили фото?

— Ага, конечно! Знаешь, эту фотографию выбрали для того, чтобы ребята, которые открывают газету, читали спортивную колонку, а не проходили мимо. — Я закатываю глаза, чувствуя, как по щекам ползёт румянец смущения. — Кроме того, думай об этом просто как о своём вкладе для команды...

— Что?

— Это действительно хорошая статья, которая даст нам приличный отклик. Твои девочки заставят людей её читать, — он громко хохочет. — Чёрт, если бы я болел за твою

команду, я бы сохранил эту фотку для ночного веселья!

— О, замолчи! — кричу я на него, сдерживая бурлящий во мне смех.

— Да ладно, Рай — прочти это. Тебе понравится.

— В самом деле? — Я поднимаю бровь, бегло просматривая статью, пока довольная тем, что вижу.

— Серьёзно. Вот это, — он присаживается на стул перед моим столом. — Много хорошего про «Дом», про «Всеобщую заботу» и наши новые объекты.

— Когда это напечатают?

— В это воскресенье. И на OS Register (прим. перев. новостной сайт) это тоже вскоре появится, но я ещё не получил от них подтверждения.

— Хм, неплохо, — я кладу статью на стол поближе к себе, собираясь изучить её основательнее, когда останусь без свидетелей.

— Как прошло собеседование? — спрашивает он, имея в виду одно приличное резюме, которое я получила на вакансию адвоката для «Дома». Я общалась с кандидаткой накануне и была впечатлена.

— С кем? С Эйвери или другой кандидаткой? Да, Эйвери действительно впечатляет. Настолько, что это даже слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но я проверю её рекомендации. Кажется, я собираюсь предложить ей место. Думаю, мальчики её примут. А ты будешь нужен, чтобы обучить её, но... — меня прерывает звонок моего сотового. Я мельком бросаю взгляд на экран, чтобы узнать, кто звонит. — Это Тедди, — говорю я Дейну.

Дейн встаёт со стула, говоря одними губами, что вернётся позже, пока я отвечаю на звонок:

— Привет, Тедди!

— Райли! Слышал, про нас вышла хорошая статья в «Лос-Анджелес Таймс». Отличная работа!

— Ты смущаешь меня, Тедди, — в трубке трещит, и его последние слова становятся неразборчивы.

— Мне нужно с тобой поговорить, — на этом звонок прерывается, и трубка умирает.

Я жду ещё пару мгновений, глядя на телефон и ожидая, что он зазвонит, и когда этого не происходит, возвращаюсь к работе над бюджетом, которым я занималась, пока меня не прервал Дейн.

Я только начинаю выяснять причину несоответствий, которые никак не могла обнаружить, как мой мобильник снова звонит.

— Алло?

— Райли Томас, пожалуйста, — звучит в телефоне монотонный мужской голос.

— Это я.

— Здравствуйте, мисс Томас. Это Абель Болдуин.

О, чёрт! Что этот мальчишка натворил на этот раз?

— Добрый день, директор Болдуин. Чем могу помочь?

— Дело в том, что, мне кажется, Эйден в последнее время не может держать руки при себе. Недавно он ещё раз подрался, мисс Томас, — от необходимости вспоминать это происшествие снова его голос наполняется презрением.

Это третья драка Эйдена за несколько месяцев, когда он был уличён школьными властями. И мне кажется, что драк, оставшихся незамеченными, было несколько больше. Ох, Эйден.

— Что случилось?

— Точно не знаю. Он не горит желанием рассказать мне подробности, — а я думаю, что директора это и не заботит.

— А что насчет другого мальчика? — вопрос, который я задаю в каждой подобной ситуации, но получаю менее чем удовлетворительный ответ.

— Они сказали, это было недоразумение.

— Они? — Их было больше чем один? — Я надеюсь, они сейчас в вашем кабинете, мистер Болдуин?

Он откашливается, прочищая горло.

— Не совсем так. Они сейчас в классе, и...

— Что? — восклицаю я в недоумении от его неприкрытой предвзятости.

— И я думаю, что лучше бы вам приехать и забрать Эйдена...

— Он отстранен от занятий? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

— Нет, не отстранен, — я слышу в голосе Болдуина раздражение оттого, что позволяю себе допрашивать его. — Если вы позволите мне закончить, мисс Томас...

— Он не отстранён, но вы хотите, чтобы я пришла и выдернула его с уроков, пока другие ребята будут заниматься? — я разочарована больше, чем это слышно по голосу. — Безусловно, вам понятна причина моего расстройств — мне кажется, здесь на лицо предвзятое отношение.

На мгновение он затихает, пока я одной рукой собираю вещи, которые мне могут пригодиться, чтобы поехать за Эйденом.

— Мисс Томас, ваше обвинение необоснованно и бессмысленно. Теперь я был бы признателен, если бы вы приехали и забрали Эйдена, чтобы у нас была возможность дать обеим сторонам остыть. И это никоим образом не свидетельствует, что в случившемся виновен Эйден, — когда директор понимает, что я собираюсь нарушить его затянувшуюся паузу, он продолжает. — Кроме того, у мальчика на одежде кровь, и, так как это против школьной политики — позволить ему разгуливать по территории в таком виде — в интересах администрации отправить его домой.

Я шумно вздыхаю, прикусывая язык, чтобы не высказать этому менее чем выдающемуся руководителю всё, что о нём думаю:

— Я скоро буду.

Всю дорогу из школы домой Эйден хранил молчание. До моей смены в «Доме» ещё три часа, но я думаю, нам с Эйденом нужно уединение, чтобы поговорить о том, что произошло. Я не хочу давить на него, заставлять рассказывать о случившемся, но мне нужно об этом знать. Над ним издеваются? Он ввязывается в драки, потому что ему не хватает внимания? Или он таким образом избавляется от отчаяния, вызванного воспоминаниями прошлого? Мне необходимо, чтобы он прояснил ситуацию, — чтобы решить, как ему помочь.

Прежде чем мы пойдём в «Дом», я предлагаю ему сесть рядом со мной на ступеньки крыльца. Он закатывает глаза, но подчиняется, хоть и неохотно. Эйден поглядывает на меня, пока я осматриваю его распухшие губы с засохшей в уголке рта кровью, темно-красную отметину на правой щеке и, начинающий расцветать, синяк под левым глазом. От моего пристального внимания его щёки густо краснеют.

— Я знаю, ты не хочешь говорить об этом, приятель, но ты должен рассказать мне, что случилось, — я тянусь и беру его за руку, в то время как он опускает голову, наблюдая за муравьём, который ползёт на ступеньке ниже нас. Некоторое время мы сидим молча, и я позволяю ему это, но потом всё-таки сжимаю его руку, давая знать, что пора заговорить.

— Они вели себя как придурки, — ворчит Эйден.

— Кто это начал, Эйден? — Когда он не реагирует, я снова спрашиваю. — Эйден? Кто ударил первым?

— Я ударил, — его голос так тих, так полон печали и стыда, что это разбивает моё сердце. Крупная слеза катится по его опухшей щеке, и я понимаю, что его оборона дала трещину.

— Расскажи мне, Эйден. Кто это был, и что они такого сделали, что ты захотел их побить?

Он поднимает руку и тыльной стороной руки вытирает падающую слезу, как может это сделать одиннадцатилетний ребёнок — оставляя на коже грязный след. — Они назвали меня лжецом, — бормочет он, его нижняя губа дрожит, — Эштон Смитти и Грант Монтгомери.

Маленькие засранцы! Зазнайки, богатенькие маменькины сыночки, находящиеся в их классе на привилегированном положении, чьи родители, кажется, никогда не были рядом. Я обнимаю его плечи рукой и притягиваю к себе, целуя в макушку:

— Из-за чего они решили, что ты им наврал?

Я чувствую, как напрягается его тело, и в моей голове рождается множество вариантов, пока я жду его ответа. Когда Эйден, наконец, заговаривает, его голос еле слышен:

— Они сказали, что я наврал, что был на гоночном треке в воскресенье. Что я не встречался с Колтоном и не знаю его...

Моё сердце сжимается от его слов. Он был так взволнован, когда собирался в школу, желая рассказать друзьям о своём приключении. Так радовался, что теперь крут, потому что в этот раз он участвовал в том, чего не делали другие дети. И его восторженное состояние закончилось дракой. Я как наяву вижу, как это произошло: как они дразнили и толкали Эйдена, пока он не набросился на них в ответ. Я тяжело вздыхаю, снова сжимая его плечи. Мне бы хотелось сказать ему, что эти маленькие засранцы заслужили свою участь, и он поступил правильно, но ведь ясно, что это значит отреагировать не самым ответственным образом.

— О, Эйден. Я сожалею, мальчик мой. Мне так жаль, что они тебе не поверили. Жаль, что они напали на тебя... но, Эйден, размахиванием кулаками дела не решить. В конце концов, от этого только хуже.

Он неохотно кивает головой:

— Я знаю, но...

— Эйден, — выговариваю я ему строгим голосом, — никаких «но». Тебе нельзя решать свои проблемы с помощью кулаков.

— Я знаю, я пытался пожаловаться миссис МакАдамс, когда они начали толкаться, но она не стала меня слушать, — я вижу, как ещё одна большая слеза повисает на его густых ресницах.

— Тогда я запишусь на приём к мистеру Болдуину, чтобы поговорить об этом с ним и с миссис МакАдамс, — Эйден вскидывает голову, его глаза широко распахнуты от страха. — Я не собираюсь всё усложнять, Эйден. Я хочу попросить их быть повнимательнее к детям. Чтобы убедиться, что в дальнейшем они не позволят повториться сегодняшним

обстоятельствам. Я прослежу за тем, чтобы другие дети не узнали, Эйден, но мне нужно твоё уверение, что это не повторится.

Он кивает головой, уклончиво хмыкая.

— У меня проблемы? — Он смотрит на меня из-под мокрых от слёз ресниц с трепетом в глазах.

Я обнимаю Эйдена обеими руками, сжимая его маленькое тело, которое испытало так много боли за такую короткую жизнь. Прижимаю мальчика к себе, успокаивая и давая понять, что всё хорошо. Что, даже если он что-то натворил, это не значит, что его жестоко избьют и лишат еды, как это было в его прошлом.

— Да, малыш, это так... Но, думаю, это горькое чувство — самое худшее, что с тобой будет, — я ощущаю, как его плечи облегченно опускаются, расслабляясь, пока в моей голове зреет план.

— Я знал, что долго без меня ты не протянешь, — на том конце линии отдаётся эхом переполненный самонадеянностью голос Колтона. Мой пульс учащается только от одного его сексуального звучания, но я должна абстрагироваться от его влияния, чтобы осуществить свой план и помочь Эйдену восстановить уверенность в себе и авторитет в школе.

— Я звоню не из-за себя, Ас, — я сохраняю свой тон деловым, зная, как легко Колтон может меня отвлечь, а я хочу, чтобы он воспринял меня серьёзно.

— Ооо, я люблю, когда ты вся такая официальная и сосредоточенная. Это так заводит, Райлс...

— Да мне все равно! — отвечаю я, но не могу сдержать медленно расплывающуюся по лицу улыбку.

— Нет, серьёзно, в чем дело, сладкая?

Почему мне так нравится, как он меня называет? Почему это заставляет меня думать, что для него я особенная?

— Это из-за Эйдена, — я подробно рассказываю ему о произошедшем, и он внимательно слушает, несмотря на гул разных голосов на заднем фоне. — Могу я получить от тебя фотографию с твоим автографом или что-нибудь подобное, чтобы Эйден отнес это завтра в школу в качестве доказательства, что он знаком с тобой и был на треке в воскресенье?

Колтон громко хохочет, а я в растерянности от его реакции.

— Это только всё усугубит, Райли. Так может сделать любой мало-мальски способный к «Фотошопу» компьютерщик... Те ребятки съедят его живьём.

— О... э... у меня нет других идей.

— И не мудрено, — хихикает он, а я слегка обижаюсь.

— Что это значит?

— И, пожалуйста, не вздумай идти разговаривать с учителем или директором, — стонет он. — Тебя обязательно кто-нибудь увидит, и для Эйдена всё станет гораздо печальнее.

— Я не собиралась...

— О да, собиралась, — подначивает он меня, и я в шоке от того, как хорошо он меня знает. — Я просто знаю, что ты была одной из тех правильных послушных девочек, которые делали свою домашнюю работу заранее, помогали учителю в классе и были частью

общества. Без обид, Райли, но ты понятия не имеешь, какво это — быть изгоем на пороге полового созревания, кого избивают и достают только за то, что он существует.

Я смущена тем, как хорошо он меня знает, но более всего — для представления о Колтоне-ребёнке — меня волнуют его слова о противостоянии толпе. То его душевное состояние. И когда я не отвечаю ему, он снова смеётся:

— Ты была именно такой, не так ли?

— Может быть, — тяну я медленно; по моим щекам расплзается жар, хоть он этого и не видит.

— Здесь нечего стыдиться, Райли... Просто есть и другие дети, такие как Эйден.

И каким был ты.

— Что ты, в таком случае, предлагаешь? Раз я ничего не понимаю? — я стараюсь скрыть боль в своем голосе от мысли, что я не знаю, как поступить, когда дело касается Эйдена.

— Ты завтра работаешь?

— Да... а какое это имеет отношение к делу? — Когда пауза затягивается, я зову его. — Колтон?

— Дай мне секунду подумать, — обрывает он меня, и я съёживаюсь от его тона. Я слышу, как на заднем фоне его кто-то зовёт. И, конечно, женщина.

— Во сколько вы с ним уезжаете в школу утром?

— В восемь. А что?

— Прямо сейчас я занят, — произносит он простодушно, но мои мысли уже дрейфуют в сторону плетёных бархатных верёвок и холодных столешниц. Я вытряхиваю себя из этих мыслей, ругая за их направленность. — Ладно. Я смогу передать Эйдену кое-что в «Доме», прежде чем вы уедете.

— Что ты...

— Расслабься, помешанная на контроле женщина, — вздыхает он. — У меня есть кое-какая задумка. Я просто должен подсуетиться, чтобы всё получилось.

— А, но... — пытаюсь я протестовать, желая знать, что он принесёт.

— Райли, — останавливает он меня, — это та ситуация, когда ты должна позволить кому-нибудь другому проработать все детали. Всё, что от тебя требуется — сказать: «Спасибо, Колтон. Я у тебя в долгу» — и повесить трубку.

Я замираю на мгновение, зная, что он прав, но умирая от желания знать подробности.

— Спасибо, Колтон, — наконец сдаюсь я.

— И? — настаивает он.

Пару мгновений я молчу. Я почти чувствую его широкую улыбку, которая, я знаю, появляется на той стороне линии.

— И я у тебя в долгу.

— И ты можешь быть на все сто уверена, что я этим воспользуюсь, — трубку заполняет его соблазнительный смех, и после я слышу гудки на другом конце провода.

22 глава

Проклятие! Я знала, что ничего не должна была говорить Эйдену. Не должна была сообщать, что у меня есть возможность исправить то, что произошло. Не следовало зависеть

от появления кого-то вроде Колтона, в то время как я привыкла полагаться только на себя. Он даже не отвечал на мои смс-сообщения и звонки этим утром.

Я бросаю взгляд на часы, прошла ещё минута. Сейчас семь пятьдесят две, и мне пора везти мальчиков, если мы хотим приехать в школу вовремя. Майк уже увёз Шейна и Коннора — в среднюю школу. Бейли приехал и забрал Зандера на приём к терапевту, а Кайла — к окулисту, прежде чем отвезти их на занятия. Мне нужно позаботиться об оставшихся троих ребятах из начальной школы, и я осознаю, что мы должны были сесть в машину ещё десять минут назад.

Я снова смотрю на часы, на них уже семь пятьдесят три. Дерьмо!

— Райли, ты уже скажешь мне, что должно случиться? — просит Эйден с надеждой в глазах.

— Пока нет, Эйден. Это сюрприз, — теперь мне придется выкручиваться, чтобы придумать что-нибудь, восполняющее пустое обещание.

Я готова задушить Колтона на месте. А чего я ждала от легкомысленного плейбоя? Полагаю, если сделка для него не заканчивается сексом, до конца он её не доводит.

Я бью кулаком по столу, отчего на нём дребезжит столовое серебро, и понимаю, что слишком остро реагирую после того, как Колтон расстарался для мальчиков, пригласив их на трек. И тут он подводит одного из моих воспитанников, а, значит, разочаровывает и меня тоже.

Я начинаю складывать в рюкзаки готовые завтраки, которые подаёт мне Эйден с очень сосредоточенным выражением лица, пока пытается выяснить, как я могу ему помочь.

— Давайте двигаться, парни! Пора идти, — кричу я. Эйден, мой маленький помощник, уходит на кухню, чтобы посмотреть, что они делают.

Когда по прошествии нескольких минут я не слышу привычной топотни детских ног, я вздыхаю в расстройстве и выхожу в прихожую.

— Рики, Скутер... Мы должны идти, ребята, время! — Я заворачиваю за угол и очень удивляюсь, когда вижу Колтона, который стоит среди прихожей и открытую за ним дверь. Солнце бьёт ему в спину, очерчивая его тело и затемнённые черты ореолом света. Перед ним, спиной ко мне, стоят трое моих маленьких воспитанников, и все их взгляды прикованы к Колтону. Он шагает вперёд, проходя внутрь, коротко улыбается мне, прежде чем обратить своё внимание к Эйдену.

— Ну что, Эйден, — произносит Колтон, и я вижу, как незаметно он оценивает синяки на милом личике мальчика, — ты готов сегодня к школе?

— А? — спрашивает ошеломлённый Эйден, оглядываясь на меня со смесью предвкушения и радости от открывающихся возможностей на лице. Я перевожу взгляд на Колтона, задаваясь вопросом, что он задумал, чтобы помочь Эйдену.

Колтон склоняет голову к плечу, поняв, что никто не догадывается, зачем он здесь.

— Я сам отвезу вас в школу, парни, — заявляет он, и тишина, которая на несколько мгновений повисает в доме, вдруг прерывается осознанием перспектив, отчего мои мальчики начинают вопить и прыгать по залу как дикие. Их восторг так заразителен, что я чувствую, как на моём лице расплзается широкая улыбка, вторя такой же ухмылке Колтона. Он делает шаг вперёд и садится на корточки перед Эйденем.

— Эй, приятель, как ты смотришь на то, что мы пойдём и покажем тем недоумкам, как они не правы и могут идти куда подальше? — Глаза мальчика округляются, в их уголках появляется влага, пока он взволнованно кивает головой. — Тогда иди бери свой ранец, —

командует Колтон, поднимаясь.

Мои глаза следят за движениями Колтона, и именно в этот момент, — когда его тёмная фигура освещена ярким солнечным ореолом, в то время как он пришёл, чтобы выступить в защиту ребят, до которых больше никому нет дела, чтобы сделать их жизнь лучше — я понимаю, что бесповоротно влюбилась в Колтона. Что он всё-таки проник сквозь защитную стену вокруг моего сердца и заставил меня полюбить его. Я поднимаю руку, прижимая к груди ладонь, пытаюсь притупить внезапно возникшую в ней боль. Желая вытеснить признание Колтона, принесшее мне разочарование и муку. Пытаюсь убедить себя, что я не могу позволить этому случиться.

Колтон вопросительно смотрит на меня:

— Райли?

В ответ я качаю головой, оставляя свои мысли не озвученными. Заталкивая их поглубже, как можно дальше, чтобы они подольше оставались скрытыми.

— Прости, — я снова качаю головой и улыбаюсь, глядя, как трое моих мальчишек несутся обратно по коридору к входной двери.

— Думаю, они готовы, — смеётся Колтон, сопровождая их выход из дома.

Колтон целенаправленно газует так, чтобы рычал двигатель его «Астон Мартин», пока я показываю ему дорогу к школьной автостоянке. Я сижу впереди, а сзади сидят, тесно прижатые друг к другу, три мальчика, с широкими улыбками на лицах и телами, напряжёнными от волнения. Я бросаю взгляд на Колтона, на его губах полуулыбка, как будто он вспоминает своё время, проведённое в начальной школе. Я собиралась было показать ему кратчайший путь до центрального входа в школу, но вовремя прикусываю язык. Потому что понимаю, что он намеренно не спешит, медленно пересекая автостоянку, усиливая сексуальное урчание двигателя при каждой возможности привлечь к себе внимание.

Наконец, мы подъезжаем к тому месту, где родители обычно высаживают своих детей и ждут, пока те дойдут до дверей школы, а затем уезжают. Колтон сворачивает мимо длинной вереницы автомобилей, неспешно продвигаясь по узкому проходу между машинами и тротуаром и не обращая внимания на неодобрительные взгляды водителей. Я догадываюсь, что он с удовольствием вдавил бы в пол педаль газа, эффектно подкатив ко входу, но он сдерживается. Он останавливается прямо перед входом в школу, разворачивая машину так, чтобы пассажирские двери оказались перед большой толпой школьников, слоняющихся в ожидании звонка на урок. Колтон ещё пару раз газует, разнося урчащий звук в тихом утреннем воздухе, после чего выскальзывает с водительского сиденья.

Он изящно распрямляет свои длинные конечности и мгновение задерживается в открытой двери машины. Я наблюдаю за тем, как он поднимает руки, потягиваясь с громким стоном, и при этом, удостоверяясь, что все глаза обращены к нему. Узнавая его и опознавая тех, кто приехал с ним в машине. Я смотрю по сторонам и замечаю, как несколько мамочек недалеко от нас открыли в изумлении рты, пялясь на Колтона. Хихикаю, когда вижу, как они пытаются привести в порядок неряшливые с утра волосы, собранные в неаккуратные «конские хвосты», и пытаются соорудить на голове более презентабельные прически.

Колтон захлопывает дверь и не спеша обходит машину спереди, направляясь к моему месту. Открывает мне дверь, и я выхожу, успевая уловить отблеск развлечения в его глазах и

удовлетворённую усмешку. Он садится на корточки, складывая спинку переднего пассажирского сиденья, чтобы мальчики могли выбраться по одному.

И пока мои воспитанники пробираются сквозь толпу, выражения их лиц бесценны. Краем глаза замечаю директора Болдуина, появившегося с дальней от нас стороны в толпе, и его суровое лицо дёргается при виде вызывающе припаркованного автомобиля в его зоне абсолютного порядка. Слышу, как в толпе шёпотом передаётся имя Колтона, и моя улыбка становится шире. Колтон закрывает заднюю дверь, с одной стороны от него встает Эйден, а Рики и Скутер — по другую. Колтон кладёт свои руки на их плечи, делая вид, что совершенно не замечает общего к себе внимания. Затем склоняется, и я слышу, как он говорит Эйдену:

— Ты видишь тех задир, парень? — Эйден оглядывает море лиц вокруг, и я вижу, как он напрягается, когда замечает вчерашних обидчиков. Вслед за Колтоном я прослеживаю его взгляд, натываясь на совершенно ошеломленные выражения лиц Эштона и Гранта. — Ну, чемпион, самое время доказать им, что ты не врал.

Мы все вместе двигаемся в сторону этих двух, и с каждым шагом их глаза становятся всё шире. Мне интересно, что сделает Колтон, когда мы подойдем к ним вплотную. Я мельком бросаю на него взгляд и вижу расслабленное выражение лица вместе с огромной дружелюбной ухмылкой, в то время как мы останавливаемся прямо перед Эштоном и Грантом. Боковым зрением замечаю директора Болдуина, который спешит к нам, пытаюсь предотвратить любую возможную конфронтацию.

— Привет, парни! — с энтузиазмом произносит Колтон, и у меня возникает ощущение, что ласковость в его тоне вполне способна их уничтожить. Оба мальчика просто стоят и тарачатся на Колтона. Он поворачивается к Эйдену. — Эй, Эйд, это те ребята, которые не поверили, что ты мой друг?

Жаль, что у меня не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть то благоговение, с которым Эйден смотрит на Колтона. Его глаза полны неверия в происходящее, и я вижу, как их начинает наполнять довольство.

— Да, — голос Эйдена звучит сипло. Толпа вокруг нас растет.

— О, надо же! — Колтон обращается к Эштому и Гранту. — Видели бы вы Эйдена в воскресенье! Я позвал его к себе на трек вместе с шестью друзьями, в их числе были Рики и Скутер, чтобы протестировать мой болид, — Колтон качает головой, — и, ребята, эти парни очень мне помогли! Мы получили море удовольствия! — Я вижу, как Рики и Скутер лучатся гордостью, и мне интересно, осознаёт ли Колтон, что он делает — не только для их самооценки, но и для их статуса в школе. — Жаль, что вы, парни, не его друзья, — продолжает Колтон, качая головой, — а то, возможно, вы бы тоже пошли!

Звенит школьный звонок, а цвет по-прежнему не вернулся на лица Эштона и Гранта. До нас, наконец, запыхавшись, добирается директор Болдуин и пытается разогнать толпу, направляя всех к школьным дверям. Он смотрит на этих двоих, которые до сих пор стоят неподвижно, уставившись на Колтона, прежде чем послать им строгий взгляд и откашляться, принуждая их очнуться и двигаться. Колтон в ответ ослепляет мальчиков своей неизменной мегаваттной улыбкой и подмигивает:

— Пока, парни! Убедитесь, что всё время говорите: «Привет!» моему другу Эйдену, когда встречаете его в школе!

Они просто кивают, обращая, наконец, внимание на директора Болдуина, и заставляют себя отвести от Колтона глаза, чтобы не врезаться в стену.

Спровадив детей внутрь, в безопасность школьных стен, мамочки под любыми глупыми предложениями стараются задержаться в школьном дворе. Например, чтобы перешнуровать тенниски, которые и так были неплохо завязаны, держа при этом глаза совсем не на своей обуви. Выискивая что-то в своих безразмерных сумках без возможности это найти, потому что взгляды их сфокусированы на Колтоне.

— Вы тоже, мальчики, — обращается директор к моей троице.

Колтон вопросительно смотрит на меня, и я незаметно киваю, давая понять, что это именно тот тип, про которого я рассказывала, и который всегда принимает сторону обидчиков Эйдена. Колтон обращает свою убийственную улыбку Болдуину и произносит:

— Минуточку, пожалуйста, сэр. Я только попрощаюсь со своими мальчиками, — не думала, что улыбки на их лицах могут стать шире, но именно это и происходит. Колтон поворачивается, чтобы поговорить с мальчиками, а потом снова обращается к директору Болдуину:

— В следующий раз, сэр, вам неплохо бы помнить, что Эйден говорит правду. Домой нужно отправлять хулиганов, а не таких хороших парней, как он. Он не идеален, но то, что он приезжает к вам не из родительского дома, не делает его априори виноватым.

Колтон ещё некоторое время пристально смотрит на Болдуина, а затем отворачивается от его широко распахнутых изумлённых глаз, фактически игнорируя его. Потрясённый взгляд директора школы бесценен.

Колтон опускается на корточки, ставя Рики, Эйдена и Скутера перед собой.

Затем поднимает брови и с улыбкой смотрит на мальчиков:

— Я не думаю, что они будут доставать тебя, Эйден, — Колтон протягивает руку и треплет его волосы. — На самом деле, я думаю, больше вообще никто не будет доставать кого-либо из вас. Если же такое случится, то дай мне знать, ладно?

Все трое энергично кивают, пока Колтон поднимается.

— Время идти в класс, — говорю я им, не в силах скрыть благодарность, звучащую в голосе за всё, только что сделанное Колтоном. И вопреки обычному при этих словах ворчанию, все трое подчиняются, и, кажется, в самом деле хотят пойти на занятия.

Мы с Колтоном стоим бок о бок, наблюдая, как мальчики проходят в школьную дверь, которую придерживает для них директор Болдуин. Вокруг снуют любопытные прохожие, делая вид, что им совсем не интересно. Остановившись в дверях, с прежним благоговением на лице, Эйден оборачивается и говорит: «Спасибо, Колтон!», после чего исчезает внутри здания.

Когда мы с Колтоном поворачиваемся, чтобы вернуться к машине, я замечаю его взгляд — полный чувства гордости и выполненного долга. И понимаю, что у меня сейчас то же самое выражение лица.

— Почему ты согласилась сюда поехать, если не любишь кофе?

Вопреки своим лучшим побуждениям после поездки в школу я согласилась поехать с Колтоном выпить кофе. Я до сих пор в потрясении от всего, что сделал Колтон, и чувствую, что обязана, по крайней мере, уделить ему своё время в ответ на его ошеломляющее поведение. У меня перед глазами до сих пор благоговейный взгляд Эйдена. Думаю, я никогда его не забуду.

— Пусть мне и не нравится кофе, но в «Старбакс» есть чертовски вкусная еда, которая для тебя «ох, как вредна», — смеюсь я, и он в ответ качает головой. *Прямо как ты, Колтон.*

Мы делаем заказ под исподволь бросаемые взгляды посетителей, так как Колтон сейчас без своей бейсболки и легко узнаваем. К счастью, мы находим в углу свободный столик с двумя глубокими, удобными на вид креслами по обе стороны от него. Мы усаживаемся, и Колтон достаёт из пакета наши кексы, протягивая мне мою долю.

— Ты знаешь, после всего, что сделал сегодня, ты вырос до статуса Бога в их глазах?

Колтон закатывает глаза, потом берёт кусочек кекса и кладёт в рот. Я не могу оторвать взгляда от того, как высовывается кончик его языка, слизывая крошки с губ. Меня прошибает вспышка желания. Замечаю, как изгибается уголок его рта, и вынуждаю себя поднять взгляд к его глазам, которые заметили, к чему приковано моё внимание. Мы пристально вглядываемся друг в друга, разжигая тепло невысказанных между нами слов.

Девушка-бариста за стойкой выкрикивает: «Ас!», и Колтон ухмыляется, поднимаясь из-за стола и кивая, что он заберёт заказ. Я смотрю за тем, как он идёт, на его длинные, поджарые, одетые в джинсу, ноги, и на тёмно-зелёную рубашку «Хенли», обтягивающую широкие плечи и узкую талию, с закатанными по локоть рукавами, обнажающими крепкие предплечья. Смотрю на зардевшиеся щёки девушки, пока она протягивает ему наши напитки, и продолжает открыто рассматривать Колтона, когда он поворачивается и делает глоток своего кофе.

Я разглядываю его, и в моих мыслях сумятица. Нам так комфортно вместе. Мы как одно целое. И всё же не можем дать друг другу то, что каждому из нас необходимо. Может быть, я эгоистка, но я знаю — я не буду довольствоваться крохами с его стола. На моём пути будут брошенные им объёдки, когда он снизойдёт до этого. Однако больше меня смущает тот факт, что он никогда так не вёл себя со мной и до сих пор не ведёт. О своих соглашениях он рассказывает одно, а в отношении меня ведёт себя по-другому. И в довершении всего постоянно предостерегает меня связываться с ним, предупреждая, что обязательно причинит боль.

Он того стоит? Колтон опускается в кресло напротив меня, с появляющейся мягкой улыбкой после того, как встречается со мной глазами. Да. Определённо. Но что я думаю по этому поводу?

— Теперь я в состоянии ясно мыслить, — довольно вздыхает он, сделав первый глоток. Ну, хоть кто-то может, потому что я уверена: я — нет.

— Мне кажется, у тебя всё было в порядке и до кофе, — подначиваю я его, отщипывая кусочек кекса. Колтон только ухмыляется. — Должна тебе ещё раз сказать огромное спасибо за то, что вступился за Эйдена и помог ему. Это было... Ты был... То, что ты сделал для Эйдена — выше и вне всяких похвал, и я очень это ценю.

— Пустяки, Райли, — и, видя, что я собираюсь возражать, добавляет, — но — всегда пожалуйста!

Я киваю и застенчиво улыбаюсь, довольная, что он принял мою благодарность.

— Вид на лица этих хулиганов, когда ты появился, был бесподобен!

Колтон громко хохочет.

— Нет, по-моему, выражение лица директора было ценнее всех, — убеждает он меня, качая головой от воспоминаний. — Может быть, в следующий раз он дважды подумает, прежде чем принимать чью-то сторону.

— Надеюсь, — бормочу я, пытаюсь сделать пробный глоток горячего шоколада и не

обжечь язык. «Ты обожгла меня». Эти слова Колтона выбрали очень нужный момент, чтобы вспыхнуть у меня в голове. Я задвигаю их подальше, делая первый глоток шоколада. Этот чёртов парень занимает все мои мысли, сокрушает все чувства и омрачает моё сердце одним махом.

Мы сидим в ненавязчивом молчании, наблюдая за завсегдатаями заведения и попивая наши напитки. Я ставлю чашку с шоколадом и начинаю рассеяно складывать уголки своей салфетки, решая, следует ли мне произнести вслух то, что крутится в голове, или уже не рисковать?

— Колтон? — Его брови приподнимаются от серьёзности моего тона. — Ты так хорошо общаешься с мальчиками, я имею в виду — лучше, чем большинство взрослых, и в то же время говоришь мне, что у тебя никогда не будет своих детей. Это меня очень озадачивает.

Я вижу тень, омрачившую его тёмно-зелёные радужки в ответ на мой вопрос.

— Нет, все не так, — отрезает Колтон, отводя глаза и мгновение глядя в окно за мою спину, прежде чем продолжить. — Иметь своего ребёнка и неплохо общаться с несколькими чужими — совершенно разные вещи, — на его челюсти пульсирует жилка, пока он высматривает что-то на автостоянке снаружи. — Полагаю, взаимоисключающие.

— Как думаешь, что ты сделал сегодня? — говорю я, потянувшись и помещая свою ладонь поверх его руки. От моего прикосновения он переводит глаза на меня. — Ты показал маленькому человеку, что он чего-то стоит. Что он достоин, чтобы за него заступились, — мой голос полон эмоций. Глаза пытаются сказать ему, что я всё понимаю. Что сегодня он сделал для Эйдена то, что должны были сделать для него, когда он был маленьким. Хотя я и не знаю всех деталей, на своей работе я видела достаточно, и понимаю, что никто не защищал Колтона в детстве и не давал понять, что он значим, пока он не встретил Энди Вестин.

— Разве ты не делаешь так каждый день, Райли? Не встаёшь на их сторону?

Я обдумываю его слова, пока дожёвываю кекс.

— В общем да, но мне не тягаться с твоим драматическим талантом, — улыбаюсь я. — Я всё больше за сценой. Даже не близко к столь публичному и самоуверенному выступлению, каким было твоё шоу.

— Что я могу сказать? — Он берёт свою чашку кофе с картонной подставки. — Я знаю, каково это — быть в шкуре Эйдена. Быть нетипичным ребёнком, не вписывающимся в окружающий мир из-за обстоятельств, над которыми не властен. Быть запуганным и высмеянным за просто так, — он сжимает мою руку. — Вот тебе вся картина.

Меня охватывает сочувствие, когда я представляю себе мальчика с волосами цвета воронова крыла и затравленным взглядом зелёных глаз. Представляю ту боль, которую он пережил, и те воспоминания, которые навсегда запечатлелись в его сознании. Ласку, которая ему не досталась: утешительное прикосновение губ, выражающее безусловную любовь, тёплые руки, способные крепко обнять, щекочущие животик пальцы, доводящие до приступов хохота.

— Не смотри на меня так, Райли, — предупреждает Колтон, выдёргивая свою руку из-под моей и откидываясь в кресле. — Мне не надо твоей жалости или сочувствия.

— Я просто пытаюсь тебя лучше понять, Колтон, — эти слова — единственное извинение, которое я могу ему дать.

— Погружение в моё тёмное и грязное прошлое не поможет тебе лучше понять меня. Всё это дерьмо, — он машет рукой в воздухе, — не то, чем я бы хотел запомниться тебе.

— Колтон...

— Я уже говорил тебе, Райли, — его безапелляционный тон заставляет меня умолкнуть. — Я — не один из твоих воспитанников. Моё дерьмо невозможно исправить. Я был сломлен слишком долго, чтобы такое чудо могло произойти, — выражение его глаз — смесь гнева, стыда и раздражения — говорит мне, что эта тема теперь под запретом.

Между нами повисает неловкое молчание, и я не могу не задаться вопросом: что же случилось с Колтоном, когда он был ребёнком? Чему он так боится противостоять? Почему думает, что настолько невменяем?

Его голос вытягивает меня из моих мыслей, и Колтон переводит обсуждение с себя на меня.

— А что насчёт тебя, Райли? Ты общаешься с этими мальчиками, как будто они твои собственные. Что произойдёт, когда однажды ты встретишь своего мистера Правильного и заведёшь своих детей? Как ты будешь соблюдать равновесие?

Даже по прошествии двух лет острая боль, пронзившая всё тело, фигурально ставит меня на колени. Я усиленно сплываю, пытаюсь смыть с языка едкий вкус заданного вопроса. Теряю уголок салфетки, следя за тем, как пальцы рвут её на кусочки, а затем отвечаю.

— Я не могу... после аварии мне сказали, что забеременеть, что шанс иметь ребёнка... это... — с сожалением трясущей головой, — практически невозможно. Как если бы я была всю жизнь на таблетках. Скорее всего, это никогда не произойдёт. — Снова. Я поднимаю взгляд на Колтона, едва заметно качая головой. — Поэтому я не слишком много задумываюсь на эту тему.

Я слышу, как Колтон со свистом втягивает воздух, и из него прямо-таки сочится жалость. Нет ничего хуже, когда кто-то дарит вам этот взгляд. Полный жалости.

— Прости, — шепчет он, и его глаза горят насыщенным изумрудным цветом, пока он изучает меня.

— Что есть, то есть, — я пожимаю плечами, не желая заикливаться на том, чего может никогда не случиться. — Я смирилась с большей частью своей судьбы, — лгу я, и в истинном стиле Колтона Донована меняю тему на нечто другое, чем обсуждение меня.

— Итак, Ас! — я картинно изгибаю брови. — А ты довольно горячо выглядел в своём гоночном костюме!

Он заразительно смеётся в ответ:

— Хорошая смена темы!

— У тебя научилась, — парирую я, слизывая крошки с подушечки большого пальца. Когда же поднимаю взгляд на Колтона, вижу, как пристально он наблюдает за тем, как выскальзывает мой палец изо рта. Интенсивность и желание смешиваются в глубинах его глаз, пока он изучает меня. Сексуальное напряжение между нами растёт. Наше влечение друг к другу неоспоримо.

— Горячо, значит? — напоминает он, нарушая наш молчаливый обмен желаниями.

Я склоняю голову и кривлю губы, изучая его в ответ.

— Я хотела... — когда я начинаю говорить, мой голос тих и не уверен. Лёгкая улыбка, чуть тронувшая уголки губ Колтона, вызывает во мне прилив уверенности, побуждая продолжать. Давая знать, что он хочет меня. Жаждет, независимо от того, что я хочу сказать, и это ободряет меня. Даёт силы закончить свою мысль.

— Я даже захотела, чтобы ты взял меня прямо там, на капоте своей машины, — я

ощущаю, как мои щёки вспыхивают, пока я смотрю на Колтона сквозь ресницы.

Он делает резкий вдох, размыкая губы, его глаза заволакивает вожделением.

— Почему бы, мисс Томас, — язык Колтона быстрым движением облизывает нижнюю губу, — нам просто не исправить эту ситуацию?

— Исправить? — От этой мысли в моём нутре расцветает похоть.

Колтон наклоняется ко мне через стол, его лицо оказывается в сантиметрах от моего:

— Это всегда было моей фантазией.

Мне кажется, он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Мой подбородок дрожит в предвкушении, нервы от напряжения дают осечку, пока я пытаюсь призвать на помощь голос разума. Чтобы избавить меня от этого помешательства на Колтоне. И в этот момент сигналом тревоги между нами звонит мой мобильный, прогоняя наваждение прочь. Это поражает нас обоих, и мы отскакиваем друг от друга.

— Чёрт! У меня встреча, на которой я обязательно должна быть, — говорю я, торопливо собирая мусор и складывая в пустой пакет из-под кексов.

Колтон тянется, хватая меня за руку, останавливая эти суетливые движения. Потом ждёт, пока мои глаза встречаются с его, чтобы заявить:

— Этот разговор не закончен, Райли. Ты продолжаешь посылать мне столько чертовых смешанных сигналов, что...

— Что? — я ошарашенно взвизгиваю, пытаюсь вырвать свою руку из ладони Колтона, но он держит меня крепко. — О чём ты говоришь? Ты единственный, кто подаёт смешанные сигналы. Шепча милые глупости в одну минуту, и отталкивая меня в следующую! — Мы испытываем одни и те же чувства? Я совсем запуталась...

— Клянусь Богом, — он тихо бормочет себе под нос, выпуская мою руку и откидываясь в кресле, качая при этом головой, и на лице его развлечение. Когда он продолжает, я едва могу разобрать его слова. — Мы ещё даже толком не начали, а ты уже подмяла меня под себя, — я ощущаю его раздражение, когда он проводит рукой по волосам.

Я смотрю на него во все глаза, не вполне понимая, что он хотел этим сказать, но дефицит времени не даёт мне возможности выяснить у Колтона все подробности. Я встаю, а Колтон снова хватая меня за руку и притягивает к себе так, что я вынуждена склониться к нему, чтобы видеть его лицо. На мгновение он прикрывает глаза, как будто сдаётся перед чем-то, прежде чем открыть их и целиком сфокусироваться на мне.

— Я хочу тебя, Райли. Всеми возможными способами, — его слова создают вокруг меня вакуум, и я чувствую, что не могу вздохнуть. Мы находимся в битком набитом людьми «Старбаксе», где делают заказы, говорят по телефону, где шумят кофемашины, в которых готовится молоко для кофе, но я ничего из всего этого не слышу. Ничто из окружающего мира не доходит до меня. Только я, Колтон и его оглушающие слова.

Я громко сглатываю, пытаюсь переварить его слова. Его намерения. Я не в состоянии произнести ни слова, и проходит какое-то время, прежде чем ко мне возвращается голос:

— Всеми... всеми возможными способами? — заикаюсь я и задерживаю дыхание, широко распахнув полные надежды глаза. — Значит ли это, что ты готов... пойти дальше своей договоренности? Попробовать пойти на компромисс со мной?

Я чувствую, как от моих слов его тело напрягается, и, встречаясь с ним взглядом, понимаю, что неправильно истолковала его слова. Те возможности, которыми наполнилась моя голова, стали гибнуть, как лемминги, которые бросаются со скал в море. Моя грудь сжимается, надежды рассыпаются в прах, когда он начинает говорить, стараясь не глядеть

мне в глаза.

— Я не это имел в виду, Райли. Я живу только так, как умею. По моим собственным правилам. Которые позволяют реализовывать это глубоко укоренившееся желание всё контролировать, в чём я отчаянно нуждаюсь, и без чего не могу действовать. Всё должно происходить на моих условиях, — я ощущаю, как его тело чуть сдвигается, и тогда его взгляд возвращается ко мне. Неожиданно я улавливаю уязвимость в его глазах. — Райли, это всё, что я могу тебе предложить. И на данном этапе... ты попробуешь по-моему? Ради меня?

На данном этапе? Постараться ради него? Какого хрена это должно значить? Что из этого получится в будущем? Я пытаюсь помешать своему сознанию воспринять реплику Колтона через розовые очки моего безнадёжно романтического сердца, но у меня не получается отделить одно от другого. Его близость и слова, сброшенные на мою рациональность подобно бомбе, вызывают у меня заикание, хоть я и стараюсь говорить связно.

— Мне казалось, ты говорил, что это не сработает. Что у нас совершенно разные потребности. Что ты... кажется, ты говорил, что собираешься разорвать меня на части? — мои слова звучат убедительно и решительно, но сама я себя такой не чувствую.

Лицо Колтона искажает гримаса, когда я возвращаю ему его слова, он склоняет голову, тихо произнося:

— Да, я помню. Я не могу предотвратить неизбежное. Но я всё ещё хочу, чтобы ты попробовала...

Ослеплённая своими чувствами к нему, я игнорирую обещание причинить мне боль, потому что в сознании моём по замкнутому кругу вертится слово «попробовать». Он просит меня попытаться. Я готова на это? Для него? Чтобы дать нам шанс? В надежде на возможность показать ему, что хотеть большего — нормально. Что он заслуживает лучшего. Оптимистичный ход моих мыслей нарушают, всплывая в памяти, слова Тони. «Будешь думать, что усмирила его буйства и можешь руководить им и его жизнью. Но когда он насытится тобой, ты вылетишь из его жизни быстрее, чем он обычно заканчивает последний круг на треке». Я мотаю головой, пытаюсь выбросить из головы её пророчества.

— Не отвечай сейчас, Райли, — голос Колтона похож на крик души, потому что он ошибочно принял моё движение головой за отказ. — Поужинай со мной, прежде чем сказать «нет».

Я делаю шаг назад, потому что мне нужно пространство, несмотря на то, что я уже собираюсь сказать ему «да».

— Я хочу провести, по крайней мере, ещё одну ночь с тобой. Мне это необходимо, — его глаза ищут мои, чтобы прочитать ответ. — Я заеду за тобой завтра в три часа.

Теперь я — лемминг, бегущий в сторону обрыва.

Я пристально смотрю на него. С каких это пор я позволяю кому-то принимать за меня решения?

— Я могу сама быть за рулём, Колтон, — раздражённо заявляю я, потому что он опять всё за меня решил. Если я собираюсь постараться для него, не должен ли он в ответ постараться для меня?

— Неа, — улыбается он, придерживая для меня дверь, пока мы выходим из «Старбакса». — Я за рулём. Так ты не сможешь убежать.

«Мы не должны исправлять друг друга

Вернись!

Нам не обязательно говорить «навсегда»

Вернись!»

Я мурлычу себе под нос, подпевая песне Кенни Чесни, которая, по иронии судьбы, тихо звучит из динамиков именно сейчас, когда мы едем на север, вдоль побережья Тихого океана. Я улыбаюсь от совпадения — ведь именно эту песню прислал мне Колтон сегодня, а теперь она играет по радио, пока один из его охранников, Сэмми, везёт меня туда, где сейчас Колтон.

Я тянусь к своей сумке, лежащей рядом со мной, и копаюсь в сменной одежде и прочих вещах, которые самонадеянно взяла с собой. Достая маленькое зеркальце, чтобы оценить свой внешний вид. Мои волосы собраны на макушке в лёгкий стильный «беспорядок», с локонами, свободно спадающими на спину и вокруг лица. Я кладу зеркальце и поднимаю руки, проверяя завязки на шее, лямки которых держат моё синее платье макси, открывающее спину чуть ниже лопаток. Я мысленно благодарю Хэдди за отличную идею надеть платье. *Милое, простое, но достаточно провоцирующее, чтобы его желание заглянуть тебе под юбку не ослабевало* — так она выразилась, пока мы допивали по второму бокалу вина.

По мере нашего продвижения на север пышные холмы справа от меня уступают океану слева. Я прижимаю руку к животу, пытаюсь утихомирить не весть откуда взявшихся там трепещущих бабочек. Я не должна волноваться оттого, что увижу Колтона, но я волнуюсь. Необъяснимым образом чувствую, что сегодняшняя вечер — переломный момент в истории под названием «мы». Я откидываюсь назад и смотрю на бескрайнюю водную гладь, надеюсь, что смогу справиться с последствиями этого переломного момента. На мгновение я прикрываю глаза и задаюсь вопросом: как может такая разумная женщина, как я, сознательно идти на предопределённое крушение надежд.

Когда мы въезжаем в Малибу, по радио звучит Red, Тейлор Свифт. Я слушаю строчки, говорящие про него: «Любить его — всё равно, что ехать за рулём «Мазератти» по улице, в конце которой — тупик». Я качаю головой, чувствуя, что достигну своего тупика гораздо раньше, чем хотелось бы, потому что дело касается Колтона. Потому что, вопреки всем разумным доводам, до упора жму на педаль газа, желая знать, к чему это нас приведёт, вместо того чтобы давить на тормоз.

Сэмми поворачивает налево, на улицу под названием Брудбич-роуд, и я выныриваю из своих мыслей, обозревая окрестности. Слева выстраиваются дорогие особняки, закрывая от меня желанную береговую линию пляжей Малибу. Дома оформлены в самых разных стилях: от модерна до Кейп-код в стиле Старого света, с идеальными газонными лужайками, и большинство — за крепкими стенами.

Через несколько минут мы поднимаемся вверх по дороге, и перед нами распахиваются большие деревянные ворота. Мы проезжаем сквозь них, по вымощенной булыжником и поросшей травой подъездной дорожке, и останавливаемся. Сэмми помогает мне выйти из машины, и я оглядываю стоящее перед нами двухэтажное строение. У него неприступный на вид каменный фасад, вверху оформленный как вытянутая буква U, где открытая площадка располагается между двух закрытых частей дома. Отсутствие окон на фронте, обращённом ко мне, создаёт эффект крепости, и у меня возникает уверенность, что противоположная

сторона дома целиком из стекла, чтобы открывать вид на Тихий океан. На уровне моих глаз, ровно под площадкой, располагаются массивные арочные деревянные двери, и мой взгляд сосредотачивается на них, поскольку они медленно открываются.

В дверном проёме стоит Колтон, останавливая моё визуальное путешествие ленивой медленной улыбкой, приподымающей уголок рта. Его взгляд — как удар под дых. Я борюсь за каждый вздох, впитывая каждый его сантиметр. Колтон — воплощённая сексуальность, в синих поношенных джинсах, чёрной футболке и босиком. Не знаю, почему вид его босых ступней, выглядывающих из-под штанин, так привлекает меня, но он стоит ещё одного остановившегося взгляда. Я заставляю себя опомниться и, несмотря на нервное напряжение, иду к нему, пока его глаза неспешно оценивают мой внешний вид. Дохожу до двери и останавливаюсь перед Колтоном, с улыбкой, не уступающей его усмешке.

— Я предупреждал, что могу причинить тебе боль, и всё же вот она ты, здесь, — бормочет он, очарованный, а в его изумрудных глазах мерцает удивление.

Его слова пронзают моё тело, уходя вглубь, и, прежде чем у меня появляется возможность их оценить, Колтон хватает мою руку и притягивает к себе. Мои ладони прижимаются к его груди, ощущая каждую выпуклость его твердого тела под невероятно мягким хлопком футболки.

— Привет, — выдыхает он с застенчивой улыбкой, его взгляд прикован к моему.

— Привет, — всё, что я успеваю сказать перед тем, как Колтон наклоняется и прижимается к моим губам медленным дразнящим поцелуем, красноречиво говорящим о перспективах этого вечера. Когда он отстраняется, каждый нерв в моём теле гудит и вибрирует.

— Прекрасна, как всегда, Райли, — признаётся он, беря меня за руку и сопровождая к двери. — Добро пожаловать в мой дом.

Значимость его слов не ускользает от меня. Это его дом. Не место, куда он приводит случайных цыпочек. Не удивлюсь, если он пригласил меня сюда, желая продемонстрировать серьёзность своих намерений. Показать, что он пытается пойти мне навстречу.

Когда мы входим в холл, все мысли покидают мою голову. Мне открывается беспрепятственный вид на прекрасную террасу и океан. Стелянные двери раздвинуты, делая дом доступным лёгкому бризу, дующему от водной глади океана. Мой восхищённый вздох получается громким, в то время как я без приглашения прохожу мимо Колтона на террасу, чтобы несколько мгновений полюбоваться этим зрелищем.

— Как красиво. Я... — бормочу я, поворачивая голову к Колтону и, не зная, стоит ли продолжать свою фразу, неуверенно смотрю на него.

Колтон прислоняется к спинке кожаного дивана цвета шоколада, его руки небрежно засунуты в карманы, а взгляд, встретившись с моим, настолько интенсивен, что я начинаю стесняться. Ощущение, как будто он видит то, что спрятано глубоко внутри меня: мои надежды, мои страхи, и тот факт, что я влюбилась в него. Неловкое чувство, как будто все мои мысли проецируются на экран и всем видны, и я делаю попытку разрядить накалившуюся атмосферу.

— Спасибо, что пригласил меня сюда, Колтон.

Он отталкивается от дивана и медленно направляется в мою сторону, каждая частичка моего тела ноет от жажды его прикосновений.

— Я рад, что ты здесь. Хочешь экскурсию по дому или выпить чего-нибудь на террасе?

— На террасе, — немедленно отвечаю я, желая насладиться солнцем и прекрасным

видом на океан.

Я брожу по просторной террасе, где есть живописный бассейн, зона для приготовления барбекю и самая удобная мебель для террас, которую я когда-либо видела.

— Присаживайся, — говорит мне Колтон. — Хочу предложить тебе на выбор несколько напитков. Как насчёт вина?

— Звучит неплохо, — я игнорирую его предложение присесть и дохожу до края перил, чтобы посмотреть на пляж, простирающийся справа и слева от нас. На ум невольно приходит мысль: каково бы это было — просыпаться с этим видом за окном каждый день? А точнее, рядом с Колтоном, который видит это вместе со мной.

— Я могу сидеть и наслаждаться этим видом целый день, — я пугаюсь его голоса позади меня, потому что не слышала, как он подошёл.

— Это очень успокаивает, — Колтон как бы между прочим присаживается рядом со мной, ставя свой бокал на перила.

— Спасибо. Полагаю, это может сильно отвлекать от насущных дел.

Колтон нежно целует меня в голое плечо и, не отрывая губ, мурлычет:

— Ничего не может быть более отвлекающим, чем ты, когда стоишь здесь сейчас, пока твои волосы развеваются на ветру, а платье вздымается вокруг тебя, намекая своим полётом на твои сексуальные ножки.

Его слова — как электрический импульс для запуска системы — разжигают по всему моему телу огонь желания. Несмотря на тепло его тела, находящегося прямо за мной, по моей коже бегут мурашки.

— Ты пытаешься польстить мне, Ас, чтобы сегодняшней ночью у тебя был секс?

— Если это сработает, то да.

Буду ли я когда-нибудь в состоянии сказать ему «нет»?

— Я уже говорила тебе, — я изображаю незаинтересованность, — что не увлекаюсь автогонщиками.

— Ах... да, — смеётся он, придвигаясь ко мне, упирается бедром в перила, не выпуская моей поясницы. — Я и забыл, что тебя волнуют только бейсболисты, — он делает большой глоток пива, не отрывая от меня глаз. — Хотя я уверен, что тебя можно переубедить.

Я выгибаю бровь и склоняю голову, стараясь скрыть улыбку:

— Боюсь, на это понадобится значительное время...

В мгновение ока Колтон перемещается ко мне так, что моя спина оказывается прижата к перилам, а его руки по обе стороны от меня заключают меня в ловушку. Его крепкое горячее тело прижимается к моему, а губы кривит лукавая улыбка:

— Ты знаешь, что я могу быть очень убедительным, Райли.

Через мгновение его губы атакуют мой рот, а язык проталкивается между приоткрытых губ, сливаясь с моим языком. Я обнимаю его, руками обхватывая плечи. Он углубляет поцелуй, требуя ещё больше и зажигая язычки желания в глубине моего живота. Одна его ладонь обхватывает мою попку и прижимает к нему, пока другая лёгкими порхающими движениями гладит обнажённую спину. От множества ощущений, рождающихся от одного прикосновения, из меня вырывается негромкий стон.

И тут я слышу глухой звук и от неожиданности взвизгиваю, разрывая наш поцелуй, потому что чувствую, как что-то настойчиво вторгается между нашими прижатыми друг к другу и к перилам бёдрами. Потом громко смеюсь, рассматривая большущий шар чёрно-бело-коричневого меха, нос которого пытается втиснуться между нами. Красивая и довольно

крупная собака извивается напротив нас, её хвост бьётся о перила, а мокрый нос тычется в нас и толкается.

Я издаю лёгкий вскрик восторга от этого приятного сюрприза, когда беру в руки собачью голову.

— Бакстер! — стонет Колтон. — Я прошу прощения, он слегка неконтролируем.

Я воркую с этим нежным гигантом, начиная чесать его за ушами, и он довольно шлёпается на пол, стучит хвостом и урчит от удовольствия.

— Святое дерьмо! Как ты это сделала?

— Что? — спрашиваю я, глядя на Колтона через плечо, в то время как сижу на корточках и продолжаю ласкать собаку.

— Он никого к себе не подпускает, кроме меня.

— Я люблю собак, — небрежно пожимаю плечами в ответ, как будто это всё объясняет, одновременно почёсывая и теребя собачью грудь, и задняя нога пса вытягивается от удовольствия.

— Очевидно, — изумляется Колтон, наклоняясь, чтобы поцеловать собачью голову и почесать его за ухом. Эта картина вызывает у меня улыбку. — Эй, большой парень, ты, как предполагается, должен помогать мне завоёвывать девушек, а не влезать между нами, когда мы целуемся.

Я громко смеюсь, когда в ответ Бакстер неосознанно стонет.

— Он красавец, Колтон.

— Да. Он сторожевой, — говорит мне Колтон, хватая за руку, и тянет за собой. — Я ещё не гулял с ним сегодня, поэтому он на меня сердится.

— Так давай устроим ему прогулку, — я предлагаю пойти на пляж, что кажется мне прекрасной идеей. Колтон поднимает голову, пристально смотрит на меня, морща лоб. — Я что-то не то сказала? Что именно?

— Ты постоянно устраиваешь мне сюрпризы, — говорит он, качая головой.

— Хорошие или плохие? — интересуюсь я, поглядывая на него поверх своего бокала.

— Хорошие, — произносит он нежно, протягивая руку и касаясь свободно висящего у моей шеи завитка волос. — Ты настолько отличаешься от всего, к чему я привык...

О! Да. Я забыла перед приездом перекраситься в блондинку. Под пристальным взглядом Колтона я начинаю волноваться.

— Ну что, идём? — Он кивает на ступеньки, которые ведут с террасы и к пляжу. В ответ я улыбаюсь, и Колтон кладёт руку мне на поясницу, сопровождая вниз по лестнице, при этом проворно отодвигая меня в сторону, когда мимо нас взволнованно проносится Бакстер.

Босиком, бок о бок, мы идём по границе, где сухой песок становится влажным. Колтон периодически бросает Бакстеру мяч, давая тому выпустить свою неугасимую энергию, а мы с Колтоном празднично болтаем обо всём на свете.

— Знаешь, моя сестра очень удивилась, увидев тебя на треке.

— Правда? Я бы так не сказала. При нашей встрече она была такой белой и пушистой.

От моего язвительного тона Колтон грустно улыбается.

— Прошу прощения. Она обычно не такая.

— Хм-хм... — бормочу я, и на моём лице неверие его словам. — Хотя это нормально, потому что, я думаю, она отличается от ТКПБ.

— ТКПБ?

— Твоего Клуба Прекрасных Блондинок.

— О, да ладно! — смеётся он. — Я не настолько плох!

— Ну, Ас! Ты гуглил себя в интернете в последнее время? Видел свои фото с этим полчищем женщин рядом? — Колтон притихает, и мне кажется, я впервые вижу его смущение, проступающее на щеках. И мои мысли тоже не слишком счастливые, учитывая тот факт, что я теперь тоже часть этой орды. И я не уверена, что чувствую по этому поводу.

— Нет, я не гуглил себя, — наконец, произносит Колтон. — Но то, что ты интересуешься мной, когда я не рядом, очень заводит.

Я отворачиваюсь от него и смотрю на дома справа от нас, пряча от Колтона румянец.

Мы ещё идём какое-то время вперёд, погружённые каждый в свои мысли, пока я не останавливаюсь, чтобы рассеянно ковырять песок ногой, зарываясь в него большим пальцем.

Тишину нарушает Колтон:

— Я недавно соврал тебе.

Моя нога замирает, мне интересно, что будет дальше.

— Продолжай, — побуждаю я его.

— Когда ты спросила, не боюсь ли я разбиться на треке, — ох. Ладно. Ничего страшного. — Я думал об этом, лежа следующей ночью в постели. Я хочу сказать, мы все боимся аварии, но стараемся вытеснить этот страх из своего сознания, чтобы он не повлиял на процесс вождения. Полагаю, сказать, что я не боюсь аварии — рефлекторная реакция.

— Ты когда-нибудь попадал в серьёзную аварию? — Я представляю его в искорёженной машине, и мне не нравится чувство, которое эта картина у меня вызывает.

— Пару раз было, и меня это потрясло, — признаётся он, останавливаясь и глядя на Бакстера, пытающегося кусать мелкие волны. — Да, это пугает до чертиков. Хотя это и произошло давно, каждый раз, когда я трогаюсь с места, во мне поднимается этот страх... и в ту минуту, когда я позволю страху взять над собой верх... в этот день я должен буду уйти из гонок.

— В этом есть смысл, — соглашаюсь я, хоть и не могу представить себе себя, гонящую по треку. Испытывая эти ужасно дезориентирующие и головокружительные ощущения больше одного раза.

— Кроме того, в своей жизни я опасался гораздо худших вещей, — он пожимает плечами, всё ещё глядя в сторону береговой линии. — На треке, по крайней мере, только я сам подвергаю себя опасности... никто больше. Моя спина прикрывает всю мою команду.

И ты не привык к этому. Не привык зависеть от других или нуждаться в чём-то, что необходимо любому организму.

Справа от нас слышен далёкий голос, слабо восклицаящий:

— Привет, дорогой!

Колтон смотрит в ту сторону, и лицо его озаряется широчайшей улыбкой, когда он видит фигуру, стоящую у окна второго этажа дощатого дома, с которым мы равняемся.

— Привет, Бетт! — отвечает он и машет в ответ рукой, когда мы проходим мимо, после чего берёт меня за руку. — Это Бетт Штайнер. Ее муж был какой-то магнат программного обеспечения. Он умер в прошлом году, и она мне звонит иногда, если нуждается в какой-нибудь помощи, — он наклоняется, чтобы потрепать юлящего Бакстера, потом подбирает мяч и снова бросает в воду.

Значит, плохой непослушный мальчик заботится о своих пожилых соседях. Разве он не полон неожиданных сюрпризов?

Дальше некоторое время мы идём в уютной тишине, наши пальцы переплетены, руки

игриво покачиваются. Дома очень красивые, а сочетание солнца на моём лице, песка под ногами и Колтона рядом согревает моё сердце. Мы следуем за изгибом пляжа, берег которого начинает повышаться, отчего некоторые здания оказываются поднятыми над землёй, и Колтон тянет меня в небольшой грот. Довольно большой камень с плоской вершиной, лежит у основания холма, окружённый слоями зелени, и с него открывается прекрасный вид на океан.

— Я открою тебе маленький секрет, — говорит мне Колтон, помогая мне залезть на камень, а после прыжком подтягивается вверх, чтобы усесться рядом со мной.

— Ну?

— В этом месте, прямо здесь, мой маленький кусочек неба. Мой укромный уголок, чтобы прийти и посидеть, когда мне нужно отдохнуть от всего.

Я склоняю голову ему на плечо, наблюдая за тем, как Бакстер атакует волны, и мне приятно, что Колтон поделился со мной чем-то таким сокровенным.

— Твоё счастливое место, — бормочу я, поднимая на него глаза. Боже, он выглядит великолепно, с взъерошенными ветром волосами и по-прежнему отстранённым взглядом, скрытым за тёмными стёклами очков. Он улыбается мне и оставляет на моём лбу нежный поцелуй.

Потом затихает на мгновение, прежде чем начать говорить.

— Когда я был маленький, я всегда представлял себе это — моё счастливое место, выражаясь твоим языком, куда я поеду, когда...

Он замолкает, и я чувствую, как его тело напрягается от воспоминаний, которые, я уверена, мне никогда не разделить с ним. Я тянусь и кладу ему на колено руку, лениво рисуя ногтями узоры. Знаю, что не должна, но стремление «исцелить» сильнее меня.

— Когда что, Колтон? — чувствую, как он отрицательно мотает головой. — Хочешь, поговорим об этом?

— Детка, это заезженный приём, — говорит он, пожимая плечами, сбрасывает мою руку и спрыгивает с камня. — Я не единственный ребёнок, у которого было тяжёлое детство, — его голос полон эмоций, пока он ходит в паре метров от меня. Я начинаю говорить, но он перебивает меня. — Можешь не беспокоиться, Райли, — он самоуничижительно смеётся. — Я был разбит на части, но ошмётки подобрали и из лучших из них меня собрали заново. Пустая трата денег моих родителей, если ты спросишь меня, видя, что никто из них ничего не смог исправить и подчистить, — его слова еле слышны за шумом прибоя, и я не знаю, хотел бы он, чтобы я их услышала, но когда он их произносит, по моей коже проносится холодок. — Я — порченный товар.

Я хочу дотянуться до него. Сказать ему, что «порченный» человек не помогает пожилым женщинам по хозяйству и не заставляет забытых родителями мальчиков чувствовать себя особенными, заступаясь за них. Я хочу сказать ему, что он достоин любви и реальных отношений, потому что вижу это в его глазах и чувствую за его невысказанными словами, когда он со мной. Убедить, что те страшные, невообразимые вещи, которые случились с ним, когда он был ребёнком, не определяют его суть и его путь сегодня. Но я молчу. Только изучаю взглядом его черты и линии его фигуры, мечтая дотронуться до него, но, не зная, как он это воспримет.

Я настолько сосредоточена на Колтоне, что не замечаю появившегося рядом Бакстера, до тех пор, пока он не решает отряхнуть мокрую шерсть, обрызгивая меня с ног до головы. Я громко визжу от холодных капель, жалящих мою кожу. Колтон резко оборачивается, чтобы

посмотреть, что случилось, а потом запрокидывает голову и весело хохочет надо мной. Глубоким, искренним смехом, который освещает его лицо, и его напряжённые плечи расслабляются.

— Бакстер! — возмущённо кричу я, пока Колтон идёт обратно ко мне, снимая очки и цепляя их на горловину футболки. Я смотрю на него, притворно надув губы. — Теперь я вся мокрая!

Колтон встаёт вплотную передо мной, всё ещё сидящей, располагаясь между моих ног. Благодаря камню, наши глаза оказываются практически на одном уровне. Медленная непристойная ухмылка растягивает его губы, и он выгибает бровь:

— Вся мокрая, да? — спрашивает он, хватая меня за бёдра и притягивая к себе, его пах прижимается к моему. — Мне нравится, когда ты вся мокрая, Райлс.

От его потемневшего взгляда, намекающего на страсть, вожделение и многое другое, я громко сглатываю. Колтон склоняется ко мне, скользя руками по плечам, его большие пальцы потирают мою кожу, спускаясь к впадинке между ключиц, а его губы прижимаются к моим. Я поднимаю руки, едва касаясь ногтями его груди, и затем веду ладони к его затылку, зарываясь пальцами в волосы, тяну его на себя, углубляя поцелуй. Низкий стон, родившийся в глубине его горла, возбуждает и воспаляет меня, посылая раскалённое добела пламя вожделения к каждой клеточке моего тела. Несмотря на шквал ощущений, которые вызывают его губы, поцелуй его медленный и нежный, как ленивый воскресный день. Легкими касаниями, с медленным облизыванием языком, слегка смещаясь к уголкам губ, воздушными шёпоточками, он проникает мне в душу и овекает бурей моё сердце. С дрожащим вздохом, целуя под конец кончик моего носа, Колтон отстраняется.

Боже мой, парень точно знает, как зацеловать женщину до беспамятства. Если бы я сейчас стояла, то мне явно понадобилась бы помощь, потому что колени мои ослабли.

Колтон отклоняет мою голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Под пристальной напряжённостью его взгляда я смущаюсь. Он просто нежно улыбается мне и качает головой, словно не веря во что-то, о чём я не имею представления. Бакстер тычется в него, явно недовольный недостатком внимания к себе, и Колтон смеётся, опуская руку и глядя собачью голову.

— Ладно, Бакс, я не забыл про тебя! — Он берёт из собачьей пасти мяч и поворачивается, чтобы запустить его в сторону пляжа. Я спрыгиваю с камня, наблюдая, как Бакстер несётся по пляжу, поднимая тучи песка.

— Он быстрый! — Я ощущаю, как руки Колтона оборачиваются вокруг моей талии, притягивая к себе. Он крепко обнимает меня, моя спина прижата к его груди, а его подбородок опускается на моё плечо. Моё тело расслабляется и в то же время оживает от ощущения тепла его тела, прижатого к моему. На мгновение я прикрываю глаза, впитывая эту вышедшую из-под контроля привязанность, которую Колтон так редко показывает.

— Ммм, ты всегда так хорошо пахнешь, — он прижимается лицом к моей шее, и я чувствую вибрацию воздуха от его слов против чувствительного местечка возле моего уха, к которому приближены его губы. — Меня пугает то, как легко я могу потеряться в тебе.

Я затихаю от его слов. Поскольку я хочу и нуждаюсь в том, чтобы слышать эти слова, моё сознание выбирает это время для сомнения и неверия, заявляя о своём существовании. В моей голове вспыхивают картинки. Страница за страницей — фотографии из интернета с Колтоном и его клубом блондинок. Он такой сладкоголосый. Такой умелый. Скольким женщинам он произносил эти слова? Скольким ещё он шептал милые глупости, рука об руку

гуляя с ними вдоль пляжа и заставляя чувствовать себя единственными в мире?

— Что с тобой, Райли? — Со мной? Как он узнал? — Я просто ощутил, как всё твоё тело напряглось. Что происходит в твоей красивой и загадочно размышляющей головке?

Я трясусь головой, от своих мыслей, чувствуя себя глупо и всё же боясь услышать ответы. Когда я пытаюсь отстраниться, руки Колтона удерживают меня.

— Ничего особенного, Колтон, — вздыхаю я.

— Расскажи мне.

Я делаю глубокий вдох и набираюсь смелости, чтобы вслух произнести два слова, крутящихся в моей голове:

— Почему я?

— Почему ты что? — спрашивает он со смятением в голосе, разжимая объятия. Он уже отпустил меня, но я ещё отстраняюсь на шаг и стою к нему спиной, так и не набравшись храбрости спросить его в лицо

— Почему я, Колтон? Почему Я здесь? — Я слышу его глубокий вдох позади меня. — Почему не одна из десятков женщин, которые были до меня? Есть ведь множество других, которые намного красивее, сексуальнее, стройнее... Почему здесь я, а не одна из них?

— Для человека так уверенного в себе странный вопрос, и он меня удивляет, — его голос раздаётся гораздо ближе, чем я ожидала. Мы стоим какое-то время в молчании, и, когда я по-прежнему не поворачиваюсь, он берёт меня за плечи и разворачивает к себе сам.

— Посмотри на меня, — командует он, удерживая мои плечи до тех пор, пока я не подчиняюсь. Он качает головой, в его глазах неверие, и, мне кажется, он слегка удивлён. — Прежде всего, Райли, ты очень красивая и невероятно чувственная женщина. А твоя попа, — Колтон делает паузу, и гортанный звук, который вырывается из его горла — полный высочайшего одобрения, — то, о чём грезят мужчины, — он фыркает. — Я мог бы сидеть и любоваться тобой весь день.

Его глаза удерживают мой взгляд, и я убеждаюсь в том, что они абсолютно честны. Часть меня очень хочет ему верить. Хочет согласиться с тем, что меня ему достаточно. Он медленно проводит ладонями по моим рукам, перемещаясь с них на бока, медленно двигаясь вниз к бёдрам и потом обратно.

— Что же касается тех женщин: должен признать, сладкая, что все сознательные годы я встречался в основном, с худышками, но, чёрт побери, Райли, твои изгибы так невероятно сексуальны. Они настолько меня заводят, что ты не поверишь. Мне тяжело просто смотреть на тебя и сдерживаться, когда ты идёшь впереди, — он склоняется ко мне, толкаясь в меня доказательством своего возбуждения, и нежно целует в полуоткрытые губы. Потом прижимается своим лбом к моему, пальцами неторопливо поигрывая с завязками от платья на моей шее. — Что же касается того, что они больше не здесь, — шепчет он, и его слова обдувают моё лицо перед тем, как он отстраняется, а его изумрудные глаза горят напротив моих, — всё просто. Наше соглашение закончилось.

Я отступаю, пытаюсь осмыслить его последние слова.

— Они просто встали и ушли? — я пытаюсь завуалировать отчаяние в голосе, когда мне вдруг становится очень важно знать, что меня ждёт в конце. — Я имею в виду: почему соглашения заканчивались?

Мгновение перед ответом он просто смотрит на меня:

— Некоторые из них находили тех мужчин, которые могли дать им нечто большее, чем я, в отношениях с другими, на мой вкус, было слишком много драмы, а кто-то уже воображал

себе дом, окружённый заборчиком, и целый выводок детей, — равнодушно комментирует он.

— И... и, я полагаю, тогда ты сразу с ними расставался, — он осторожно кивает, шестерёнки в его голове усиленно вращаются, пока он пытается понять, для чего мне эта информация. — Любил ли ты хоть одну из них?

— Боже, Райли! — рывкает он, нервно проводя рукой по волосам. — Что это, к чёрту, за пятьдесят вопросов? — он отходит от меня на несколько футов, и ожесточение, исходящее от него, явно демонстрирует, как далеко я зашла и как много захотела узнать.

Я сажусь на песок, видя, как Бакстер несётся по пляжу, подтягиваю колени к груди, и кручу, и кручу на пальце кольцо.

— Я просто хочу знать, что меня ожидает, — неприметно взглянув в его сторону, я вижу, как он вскидывает на меня глаза. — Чтобы я была готова, — произношу я со вздохом, больше для себя, но знаю, что он слышит, потому что замечаю, как напряглись желваки на его челюсти. — Ты говорил, что разрушаешь всё хорошее. Мне нужно знать, любил ли ты кого-нибудь из них?

Он ходит мимо меня, проводя руками по волосам. Мне приходится вытягивать шею, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Я не способен любить, Райли, — бесстрастно произносит Колтон, и его голос полон шепчущих призраков, в то время как он потерянно смотрит на море, засунув руки в карманы. — Я давно усвоил, что, чем больше ты хочешь кого-то, чем сильнее жаждешь быть с ним, нуждаешься, любишь его... Не важно. Рано или поздно, в любом случае он оставит тебя, — Колтон подбирает ракушку и бросает её. — Кроме того, кто-то может сказать, что любит тебя, но слова оказываются лживыми, а действия специально придуманными, чтобы показать то, чего на самом деле нет.

От его слов по моему телу пробегает дрожь. Какой ужасный, печальный выбор жизненного пути. Всегда хотеть, но никогда не позволять себе иметь, потому что думаешь, что это будет отнято без предупреждения. Быть настолько раненым, что думать, будто боль приносят слова и действия, а не люди, стоящие за ними. Моё сердце обливается кровью о маленьком мальчике, который жил в пустоте, лишённый безусловной любви. Оно болит за этого мужчину передо мной. Он полон жизни и страсти, и возможностей, но сам отвергает ту свою часть, которая сделала бы его цельным.

Не обращая внимания на мою задумчивость и охватившую меня жалость к одинокому мальчику в нём, Колтон продолжает:

— Думаю ли я, что мог бы полюбить какую-нибудь из них? Не уверен, Райли. Я знаю, каких чувств от меня они хотели. Что хотели, чтобы я демонстрировал им в ответ, и какой взаимностью отвечал, но я уже говорил тебе — я на это просто не способен, — он пожимает плечами, будто приводя незначительный факт из своей жизни. Потом Колтон поворачивается ко мне с тенью улыбки на губах и, в свою очередь, спрашивает: — А что насчёт тебя, Райли? Ты когда-нибудь любила?

Мгновение я смотрю на него, а затем перевожу взгляд на волны, в поисках воспоминаний, которые от времени подёрнулись дымкой забвения. Когда они приходят ко мне, на моих губах появляется задумчивая улыбка:

— Да, было такое дело.

— Бакстер, сюда! — кричит Колтон, протягивая руку, чтобы помочь мне подняться с песка. — Давай вернёмся, — говорит он, держа меня за руку, и от меня не ускользает тот

факт, что он никак не отреагировал на мой ответ. Мы идём в молчании, и я чувствую, что он хотел бы знать больше, но не решается спросить.

Колтон вздыхает.

— Я не имею права даже чувствовать себя таким образом, — произносит он, проводя рукой по волосам, — учитывая моё прошлое... — он замолкает на полуслове, встречаясь со мной взглядом. — Почему это так задевает меня? Почему мысль о тебе с кем-нибудь сводит меня с ума?

Части меня нравится тот факт, что Колтона зацепило. Я упиваюсь мыслью, что значу достаточно, чтобы быть для него важной.

— Ты же, конечно, не думаешь, Ас, что я прождала всю свою жизнь, чтобы стать твоей игрушкой, а? — смеюсь я, пожимая плечами и чувствуя себя неловко, потому что догадываюсь, какой следующий вопрос он собирается задать. Я редко рассказываю о том, что произошло. Никогда не рассказываю о последствиях. Из-за невыносимой потери, о которой никогда не смогу забыть. Из-за отвратительных, бездушных слов, сказанных мне его семьёй. Их обвинения преследуют меня и по сей день.

Несмотря на прошедшие годы, я всё ещё испытываю адскую муку, когда рассказываю об этом. Время немного размыло события за те два года, что прошли с момента аварии. Но картины той катастрофы, запечатленные в моей памяти, никогда не померкнут. Вина по-прежнему давит на меня, порой так сильно, что мне трудно дышать и двигаться. Прошлое мешает мне жить дальше. Рисковать и оставить прошлое в прошлом. Использовать свой шанс на отношения с Колтоном. Я пытаюсь скрыть возникшую от воспоминаний пронизывающую меня дрожь, и пытаюсь взять себя в руки, чтобы выглядеть достойно.

Колтон смотрит на меня с тенью улыбки на губах:

— Выкладывай, сладкая. Что случилось?

Я делаю глубокий вдох.

— Особо рассказывать и не о чем, — начинаю я, утыкаясь взглядом в песок, по которому мы неспешно идём. — Мы дружили ещё со школы, вместе пошли в один колледж, обручились, планировали свадьбу... — я чувствую, как Колтон весь напрягся от моих последних слов, сжимая пальцами мою руку. — И он погиб немногим больше двух лет назад. Конец истории, — я бросаю взгляд на Колтона, обнаруживая, что он в упор смотрит на меня. Я рада, что слёзы, которые обычно наполняют мои глаза в этом случае, не появляются. Как неловко любить одного человека и плакать о другом.

Колтон резко останавливается, так, что моя рука дёргается, пока я по инерции двигаюсь вперед, и я пошатываюсь. Его глаза ищут мои, и их заполняет сочувствие.

— Соболезную, — произносит он мягко, притягивает меня к своей твёрдой груди, оборачивая вокруг меня руки. Я зарываюсь лицом в его шею, находя утешение в ровном биении пульса под моими губами. Я обнимаю Колтона в ответ, вдыхая его восхитительный запах, такой чистый и такой утешительный. Он оставляет на моей макушке нежный поцелуй, и его нежность настолько неожиданна, что в глубине моего горла встаёт ком и жгут слёзы.

— Спасибо, — шепчу я, откидываясь назад, чтобы посмотреть ему в лицо, и мягко улыбаюсь.

— Может, хочешь поговорить со мной об этом? — предлагает он, проводя ладонью по моей руке, берёт за кисть и подносит её ко рту, целуя.

Хочу ли я поговорить об этом? На самом деле — нет, но он заслуживает узнать мою историю. По крайней мере, большую ее часть. Колтон снова притягивает меня к себе,

обнимает, и мы продолжаем свой путь.

— В моей истории действительно нет ничего особенного. Мы с Максом словно были предназначены друг другу. Он был старшеклассником, я училась в младшей школе. Типичный школьный роман. Походы на футбольные матчи, выпускной, первая для обоих близость, — я с безразличным видом пожимаю плечами, скрывая потрясение, вызванное этими воспоминаниями. — Я переехала за ним, когда он поступил в Калифорнийский Университет в Лос-Анжелесе, жила с ним, а когда перешла на последний курс, мы обручились, — я смотрю, как Бакстер снова кусает волну, и это немного отвлекает меня от того, что я собираюсь рассказать.

— Однажды в выходные Макс решил удивить меня поездкой. Он сказал, что это то, что доктор прописал, прежде чем... — я колеблюсь, задаваясь вопросом, как мне продолжить дальше. Поддерживая меня, Колтон пожимает мне руку. — У нашего путешествия не было какого-либо определённого пункта назначения, поэтому мы просто ехали по дороге, разглядывая пейзажи. Никто не знал, что мы куда-то поехали, поэтому никто не ждал нашего возвращения домой. Мы держали путь на север и доехали до Маммота, проехали его и свернули на двухполоску недалеко от городка Джун-Лейк. К счастью, зима была малоснежная, поэтому сугробов вокруг не было. Так, немного снежного пуха здесь и там. Был ранний день, я была голодна, поэтому мы решили поискать подходящее место для пикника. Так глупо... — я трясую головой. — У нас с собой были сотовые, но бесполезные — мы отключили их, чтобы попусту не тратить зарядку батареи, — я останавливаюсь, нуждаясь в паре минут, чтобы вспомнить те последние беззаботные мгновения, прежде чем наша жизнь безвозвратно изменилась. Я высвобождаюсь из-под руки Колтона, обнимаю себя руками, стремясь сдержать бьющую меня дрожь. Чувствуя мои мучения, Колтон снова обнимает меня, его тело окружает моё.

— Вы были очень молоды, Райли. Вы не сделали ничего плохого. Не приписывай всё, что случилось, себе, — говорит он так, будто знает, что чувство вины ежедневно разъедает меня, как болезнь.

Я внимаю его словам, благодарная за то, что он их произнёс, но всё ещё не верю им.

— Мы как раз повернули за очередной поворот на той извилистой дороге, по которой ехали. Там стоял лось, и Макс свернул в сторону, чтобы не столкнуться с ним, — я слышу, как Колтон втягивает в себя воздух, уже догадываясь, чем всё закончится. — Мы вылетели на встречную полосу, и шины захватили край обочины, потому что Макс слишком сильно вывернул руль, уворачиваясь. Не знаю. Всё произошло так быстро, — я вновь содрогаюсь, и Колтон крепче сжимает вокруг меня руки, как будто их сила может предотвратить неизбежное. — Я помню, как увидела первые деревья, когда мы перелетели через край дороги и стали падать в овраг. Помню, как Макс матерился, и это было странно, потому что он редко ругался, — мой желудок подымается к горлу, в то время как я вспоминаю чувство невесомости, когда автомобиль оторвался от земли и, увлекаемый центробежной силой, крутанул меня как тряпичную куклу, падая вниз. Я вытираю рукой одинокую слезинку, что скатывается из уголка моего глаза. Качаю головой. — Я уверена, ты не хочешь всего этого слышать. А я не хочу разводить сырость в наш вечер, — чувствую, как он отрицательно мотает головой, которая покоится на моём плече. Его руки крест на крест обёрнуты вокруг моих плеч, и я поднимаю ладони, цепляясь за них пальцами.

— Нет, пожалуйста, продолжай, Райли. Я очень ценю, что ты делишься этим со мной. Позволяешь мне узнать и лучше понять тебя.

Может, если я откроюсь ему, он будет чувствовать себя достаточно комфортно, чтобы, в свою очередь, рассказать мне о своём прошлом. Это моё подсознание подсказало мне всё рассказать ему?

Я надеюсь, что он ответит на подобное подобным? Пару секунд я размышляю над этим и понимаю, что, так же, как я надеюсь на это, реально другое — в первый раз за долгое время рассказывать об этом мне легче.

Прежде чем продолжить, я делаю судорожный вздох.

— Следующее что я помню — как пришла в себя. Уже темнело. Солнце перевалило за гребень горы, и мы оказались в тени глубокого оврага, куда свалились. Запахи — о, мой Бог — они были чем-то, что я никогда не забуду и всегда буду связывать с тем днем. Смесь вытекшего бензина, крови и разрушения. Мы были на самом дне оврага. Машина лежала боком, я оказалась выше, а Макс ниже. Автомобиль был искорёжен. Мы столько раз перевернулись, что внутренне пространство смялось и уменьшилось в два раза. И я слышала Макса. Звуки, которые он издавал, пытаясь дышать, чтобы жить, были ужасны, — я содрогаюсь, вспоминая их, они до сих пор слышны в моих снах. — Но звуки говорили о том, что он жив. И какое-то время, в первые моменты, когда он очнулся, он держал меня за руку, пытаясь сдержать страх от того, что приходишь в сознание в том аду, в котором мы оказались.

— Тебе нужна минутка передохнуть? — спрашивает Колтон, нежно целуя меня в голое плечо.

Я отрицательно качаю головой:

— Нет, я бы хотела поскорее закончить.

— Хорошо. Не торопись, — мурлычет он, и мы продолжаем свой путь.

— Я запаниковала. Мне нужно было позвать на помощь. И только когда попыталась пошевелиться, чтобы отстегнуть ремень безопасности, почувствовала боль. Правая рука не двигалась. Явно была сломана в нескольких местах. Я вынула левую руку из руки Макса и попыталась ею отстегнуть ремень, но его заклинило — как потом показало расследование, по странной причуде производителя металлический разъём в механизме заблокировался от столкновения. Помню, как посмотрела вниз и почувствовала себя как во сне, когда поняла, что вся в крови. Голова, рука и вся нижняя часть туловища просто кричали от боли, такой сильной, что я предпочла бы умереть, только не испытывать её вновь. Было больно дышать. Двигать головой. Я помню голос Макса, бормочущий моё имя, и я взяла его за руку в темноте. Я сказала ему, что собираюсь позвать на помощь, и что он должен держаться. Что я люблю его. Потом взяла осколок стекла. Попыталась использовать его, чтобы разрезать ремень, но всё кончилось тем, что я поранила ладонь и ткнула себя в живот. Это было ужасно. От боли я периодически теряла сознание. А когда приходила в себя, ослепляющая паника пробивала меня снова и снова.

Мы доходим до дома Колтона, я смотрю на Бакстера, энергия которого кажется неиссякаемой. Колтон садится на нижнюю ступеньку крыльца и тянет меня вниз, чтобы я села рядом с ним. Кончиками пальцев я вырисовываю на песке бессмысленные фигуры.

— Ночью было холодно, темно и страшно. Когда же от рассветного солнца небо стало светлеть, дыхание Макса стало тяжелым, поверхностным и редким. У него было очень мало времени. Всё, что я могла — держать его руку, молиться за него, разговаривать с ним и повторять, что всё будет хорошо. Говорить ему, как я его люблю. Через несколько часов он умер, — я провожу ладонью по щеке, убирая наворачнувшиеся слёзы, которые пытаются

стереть из моей памяти образ Макса, когда я видела его в последний раз. — Я была на краю. Теряла силы от потери крови, чувствовала, что с каждым часом слабею, и мне становится всё хуже. И всё это в комплекте с паникой. Я была в ловушке, и чем дольше оставалась в машине, тем больше ощущала, как она смыкается вокруг меня.

— К вечеру второго дня клаустрофобия почти задушила меня, и я совершенно потерялась. Я не могла больше вынести боль и чувство поражения, и металась в страхе и гневе, и с вызовом, что всё же не хочу умирать! Эти мои движения каким-то образом выбили из приборной панели мой сотовый, застрявший в ней, когда машина кувыркалась по склону. Телефон упал передо мною на пол, — я глубоко вдыхаю, вспоминая, как эта ситуация заставила меня собрать все мои силы, каждую крупину решимости, чтобы я сосредоточилась и смогла заполучить телефон. Мой спасательный круг. — Мне казалось, на то, чтобы поднять его, ушли часы, и когда я всё-таки включила его, связи не было. Я была опустошена. Начала орать что-то бессмысленное в пустоту, и тут в голове моей что-то щёлкнуло — я вспомнила историю, которую слышала в новостях. О том, как пропавших туристов нашли по ping-сигналу (прим. перев. сокращение от Packet Internet Groper — отправитель пакетов интернета — программа, используемая для проверки доступности адресата путем передачи ему специального сигнала и ожидания ответа) мобильного телефона, несмотря на то, что сеть не ловилась. Я знала, что из-за моего отсутствия сегодня утром на работе кто-нибудь позвонит Хэдди, и механизм поисков запустится. Она человек, который сразу забеспокоится, тем более она знала, что утром у меня была назначена важная встреча, которую я бы ни за что не пропустила. И я посчитала, что, возможно, нас ищут и смогут отследить мой телефон и определить наше местоположение. Шансы такого исхода были очень малы, но это была моя единственная надежда, — кончиком большого пальца я прикасаюсь к своему кольцу. — И я уцепилась за эту надежду, и одной моей мыслью было — только бы это сработало.

— Даже не знаю, что сказать, — прокашлявшись, произносит Колтон. Я уверена — он никогда бы не подумал, что у меня такая история. Тем не менее, мне импонирует его сострадание, при том, что он объявил себя человеком анти-драмы. Потому что моя история — определённо драма.

— Тут ничего и не скажешь, — пожимаю я плечами, тянусь к нему и нежно прикасаюсь ладонью к его щеке. Молча благодаря его за предоставленную возможность выговориться и за то, что слушал, не делая никаких замечаний. Не советуя мне, что нужно было делать, как это говорили мне другие. — Чтобы найти меня, у них ушло ещё почти полтора дня. К тому времени у меня начались галлюцинации. От холода и попытки мысленно выбраться за пределы машины. Увидев спасателя, я решила, что это ангел. Он заглянул в окно машины, стоя против света, и солнце сотворило вокруг него ореол. Позже он рассказал мне, что я кричала на него, — я тихо смеюсь, вспоминая. — Назвала его сукиным сыном, и что он ещё не может меня забрать. Что я ещё не готова умереть.

Колтон тянет меня, усаживая к себе на колени, чтобы баюкать между ними, как в колыбели, и нежно целует следы от слёз на моих щеках.

— Почему меня не удивляет, что ты хотела прогнать ангела? — смеётся он, прижимаясь губами к моему виску. — Ты отлично умеешь отчитывать людей, — дразнится он, напоминая нам обоим, сколько раз я проделывала это с ним.

Я прижимаюсь к Колтону, погружаясь в него, благодарная за подаренный мне комфорт. Закрываю глаза и позволяю солнечным лучам и теплу его тела растворять холод в глубине моей души.

— Я говорила тебе, Ас. Багаж.

— Нет, — произносит он. Его подбородок покоится на моей макушке. — Это просто ситуация, которая абсолютно вышла из-под вашего контроля.

Хотелось бы мне, чтобы все так считали. Пожимаю плечами, прогоняя прочь эту заблудшую мысль.

— Слишком много грусти в такой чудесный вечер, — вздыхаю я, откинувшись назад и глядя на Колтона.

Он задумчиво мне улыбается.

— Спасибо, что рассказала мне свою историю. Уверен, говорить об этом было нелегко.

— Что ты собираешься теперь делать?

Колтон ухмыляется и хватается меня за талию, поднимая со своих колен, пока встаёт сам. Он не отпускает меня, поднимая всё выше, игнорируя мои усиливающиеся вопли — потому как я понимаю, что он задумал — и кладёт себе на плечо.

— Я тяжёлая! Отпусти меня! — визжу я, пока он начинает трусить вверх по лестнице. Я бью его по заднице, но он просто продолжает идти.

— Прекрати дёргаться, — смеётся он, шлёпая меня в ответ. К тому моменту, когда мы оказываемся наверху лестницы, мои бока болят от смеха, и Бакстер громко лает рядом с нами. Колтон продолжает меня нести, хоть мы и достигли террасы, и я снова бью его.

— Опустить меня вниз!

— Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не бросить тебя прямо сейчас в бассейн, — предупреждает он.

— Нет! — я визжу и дико пинаюсь, когда он разворачивается, чтобы показать мне, насколько близко мы к краю. Он топчется там пару мгновений, пока я кричу, но потом делает большой шаг назад, и я облегчённо оседаю. Он останавливается, тянет мои ноги вниз, и я медленно скольжу по его телу. Моё лицо ещё не приблизилось к его, когда он сжимает объятия, заставляя меня повиснуть в воздухе, в результате моя грудь оказывается прижатой к его.

— Вот эта улыбка мне нравится, — мурлычет он, овеивая моё лицо своим дыханием.

— Очень смешно, Ас! — выговариваю я ему. — Ты... — мои следующие слова заглушаются его ртом, захватывающим мой. Мягким, нежным и упорным, и я уступаю ему. Нуждаясь в этом настоящем мужчине, который может заставить меня забыть моё прошлое и напомнить мне, почему это нормально — двигаться дальше. Мы тонем в поцелуе, Колтон позволяет мне сползти по нему оставшуюся часть пути, я держу в ладонях его лицо. Мозоли на его пальцах царапают обнажённую кожу моей спины, когда он скользит ими вниз, чтобы схватить меня за бёдра.

Я хнычу в знак протеста, потому что он отпускает меня. В его глазах — неузнаваемые эмоции, которые я не могу прочесть.

— Ты хочешь кушать? — спрашивает он.

Да, тебя. Я закусываю нижнюю губу, не давая этим словам вырваться, и киваю.

— Конечно, — отвечаю я, отступая от него, поворачиваюсь, и вижу слева от нас накрытый стол. — Что? Как?

Колтон улыбается:

— У меня особенные возможности, — смеётся он, подводя меня к столу и отодвигая стул. — Спасибо, Грейс, — кричит он в сторону открытой входной двери, и я слышу оттуда слабый ответ.

— Твоё секретное оружие?

— На все времена! — Он наливает нам вина. — Грейс лучшая. Она заботится обо мне.

Счастливая женщина.

— Пахнет вкусно, — говорю я, пригубив вино, пока Колтон открывает блюдо, на котором разложена курица с артишоками и паста «Капеллини».

— Одно из моих любимых, — заявляет Колтон, откусывая немного. Потом наблюдает за тем, как я пробую еду, и я вижу, как он заметно расслабляется, после того как я издаю одобрителное мычание.

Трапеза получается лёгкой и располагающей. Еда превосходная, и я скептически воспринимаю слова Колтона о том, что Грейс ни с кем не делится своими рецептами. Я убеждаю его, что найду способ разговорить её.

Мы говорим о работе, и Колтон интересуется, как себя чувствует Зандер. Я отвечаю, что он не произнёс больше ни слова, но, кажется, сейчас активнее реагирует на людей, и это хорошее продвижение вперёд. Я сообщаю Колтону, что за ним окончательно закрепился статус героя, и что мои воспитанники до сих пор не могут перестать вспоминать, как он привёз их в школу. Объясняю про следующие этапы получения разрешения для некоторых новых проектов, по которым «Всеобщая забота» получила зелёный свет.

Он рассказывает мне, что, наряду с обычными делами в «КД Энтерпрайзес», был занят общением со СМИ по поводу предстоящего сезона. На прошлой неделе снимался в рекламе Merit Rum — участвовал в фотосессии для их новой маркетинговой компании — а также принял участие в подготовке к IRL (прим. перев. IRL IndyCar — серия американского чемпионата по автогонкам, созданная в 1994 г.).

Мы тонем в расслабляющем ритме, делясь друг с другом, и то, что в других отношениях было бы для меня сюрреалистической постановкой, сейчас ощущается нормальным.

Когда мы заканчиваем ужинать, Колтон предлагает мне быструю экскурсию по остальной части дома — то, чего я втайне желала. Он ставит на стол наши бокалы и берёт меня за руку. Сначала показывает кухню, в современном стиле, с гранитными поверхностями теплого цвета и противопоставленным им первоклассным современным оборудованием из нержавеющей стали.

— Ты готовишь, Ас? — спрашиваю я, пробегая пальцами по гигантской столешнице, пока обхожу её, а мысли мои убегают в прошлое, вспоминая другую столешницу. И когда он молчит в ответ, я поднимаю глаза, встречаясь с ним взглядом, и вспыхиваю, понимая, что он вспоминает о том же самом.

Он только качает головой и ухмыляется мне:

— Я могу слепить себе пару бутербродов, если очень нужно.

— Здорово, — бормочу я, пока он увлекает меня в следующее помещение — гостиную с видом на кухню. Глубокие, шоколадного цвета кожаные диваны, созданные для того, чтобы погрузиться в них, как в забвение, полукругом выстроены напротив большого телеэкрана. Он приводит меня в кабинет с богатой мебелью из кожи и тёмного дерева, который буквально дышит мужественностью. Большую часть пространства занимает широкий стол, вдоль стен выстроены книжные стеллажи, а у дальней стены стоит одиноко прислонённая к стене акустическая гитара.

— Ты играешь? — спрашиваю я, кивая на гитару.

— Только для себя, — неожиданно мягким голосом произносит он, и я оборачиваюсь, чтобы взглянуть ему в лицо. Он пожимает плечами. — Это помогает мне размышлять о

разных вещах. — пока он говорит это, я прохожу по кабинету, ведя рукой по книжным полкам и рассматривая стоящие тут и там семейные фотографии. — Я не играю для других.

Я киваю головой в ответ, понимая потребность занять себя чем-то, когда в голове крутятся беспокойные мысли. По-прежнему двигаясь вдоль книжных полок, я останавливаюсь, потому что моё внимание привлекает одна фотография. На ней совсем молодой Колтон, уставший, но ликующий, в гоночном комбинезоне, стоит перед своим болидом, руки подняты в победном жесте, на взволнованном лице широкая улыбка, и сверху льётся дождь из конфетти. Единственная помеха на этой картинке — женщина, которая обнимает его за талию. Она буквально поедает Колтона взглядом полным любви, обожания и почтения. Я узнала бы это лицо где угодно.

— Что за фотка? — спрашиваю я небрежно, разворачиваясь к нему, расслабленно опирающемуся о дверной косяк, пока я рассматриваю его вещи.

— Какая? — Он склоняет голову, двигаясь в мою сторону. Я отхожу назад, вопросительно указывая на фото.

На его губах появляется рефлекторная улыбка, а глаза вспыхивают.

— Это моя первая победа на трассе Indy Lights (прим. перев. автогоночный чемпионат, проводящийся с 1986 года, как гонка поддержки и младший дивизион одного из главных первенств «чампкаров»), — Колтон качает головой, вспоминая. — Боже, что это был за год!

— Расскажи мне об этом, — он удивлённо выгибает брови, будто сомневаясь, что мне действительно может быть интересен его рассказ. — Я хочу знать, — уверяю его я.

— Это был мой второй год в качестве гонщика, и я думал прекратить участвовать в гонках, если не смогу одержать тогда победу. Я много раз был близок к ней, но всегда что-то мешало, — он протягивает руку и берёт фотографию, чтобы взглянуть на неё. — Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что по неопытности делал много ошибок, отчего и возникали проблемы. Но тогда я был расстроен и испугался, что потеряю то единственное, что действительно любил — из-за слишком большого эго, нежелания слышать других. Некоторые вещи никогда не меняются, да? — Он смотрит на меня, а я улыбаюсь в ответ. — В общем, в той гонке, казалось, всё шло плохо. Отрегулировать автомобиль как надо не получалось, потому что погода была неустойчивой. Слишком много переменных, чтобы всё учесть. Однако мы справились, несмотря на отставание в пять кругов. Сдал лидерство, глупо рискуя, чего не должен был делать, но в итоге это «окупилось», и мы выиграли.

— Первая победа из многих? — Я забираю снимок из его рук и снова его изучаю.

— Верно, — улыбается он. — И в этом сезоне я надеюсь на большее.

— Кто это? — спрашиваю, показывая на Тони, истинную причину моего интереса.

— Вы не встречались с Тони на треке в тот день, когда ты привозила мальчиков?

— А, — изображаю я тупенькую, — это та, с которой ты разговаривал перед тестами?

— Да. Я извиняюсь. Думал, вас представили друг другу.

— Хм-хм, — я ставлю рамку с фото обратно на стеллаж и следую за ним, выходящим из кабинета. — Она уже тогда у тебя работала?

— Нет, — усмехается он, проводя меня в небольшое помещение, где стоят несколько гоночных сувениров, огромный телевизор с плоским экраном и бильярдный стол. — Она друг семьи, и мы вроде как росли вместе. В колледже мы некоторое время встречались, и в наших семьях уже давно ходит шутка, что однажды мы поженимся.

Ух ты! Я в самом деле это услышала? Только парень может без всякой задней мысли ляпнуть такое женщине, с которой в данный момент делает то, что делают вместе мужчина

и женщина. Их семьи надеются на их брак? Твою мать! Я громко сглатываю, когда он заводит меня в гостевую комнату.

— Почему вы расстались?

— Хороший вопрос, — вздыхает он, посылая мне странный взгляд, и я задумываюсь, а не слишком ли очевиден мой исследовательский интерес к нему? — Не знаю. Мы были слишком хорошо знакомы. Я воспринимал её как младшую сестру. И другие отношения у меня с ней просто не получились. — Он пожимает плечами. — В то время, когда было сделано это фото, мы ещё встречались. После мы остались хорошими друзьями, кроме того, она — одна из немногих, кому я действительно могу доверять и от кого завишу. Когда она закончила колледж со степенью по специальности «маркетинг», а я решил организовать свою корпорацию, она помогла мне. Она была хорошим специалистом, и когда «КДЭ» стала реальностью, я предложил Тони работу.

Что ж, хотя бы с его стороны отношение к ней платоническое, потому что сама Тони точно рассчитывает на большее. Я отрываюсь от наблюдения за океаном сквозь стеклянную стену и бросаю взгляд на Колтона. Он протягивает мне руку:

— Пойдём, я покажу тебе второй этаж.

Мы поднимаемся по более широкой, чем в обычных домах, отдельно расположенной лестнице с каменными ступенями, и у меня снова возникает ощущение, что Колтон живёт в средневековой крепости. Я говорю ему, что ожидала холодной и неприветливой обстановки, но обнаружила прямо противоположное. Колтон поясняет, что выбрал каменную облицовку потому, что она не требует особого обслуживания в условиях постоянного изнашивания из-за натиска песка и ветра с пляжа.

Когда мы достигаем верха лестницы, перед нами открывается помещение, являющееся частью террасы, которую я разглядела, когда стояла перед фасадом дома.

— Думаю, я достигла небес, — бормочу я, двигаясь по внутренней, а потом и внешней части террасы.

Свет фонарей обволакивает верх решётки, увитой виноградной лозой, мерцая в темнеющем небе. Четыре шезлонга, в которых я могла бы погрузиться и потеряться, умело «встроены» в пространство террасы.

Колтон хихикает над моей зачарованностью, утаскивая меня за руку обратно.

— Мы успеем насладиться этим местом позже, — произносит он, картинно поигрывая бровями.

— У мужчин всегда одно на уме, — поддразниваю я его, но мои слова замирают на губах, когда он вводит меня на порог своей спальни. — Ничего себе! — я шумно вздыхаю.

— А вот и мое любимое место в доме, — говорит он, и я понимаю почему. Посреди комнаты с видом на океан устроена огромная кровать. Интерьер выдержан в мягких коричневых, синих и зелёных тонах. У наклонной стены расположен двухместный диванчик, напротив него журнальный столик, на котором вперемешку валяются книги и журналы. В противоположном углу рядом с камином — большая собачья лежанка, с пожёванными игрушками и скомканным синим одеялом. Центральной точкой комнаты, как и в зале внизу, является стена из стекла — с открытым окном и бризом, дующим с океана.

— Я понимаю, почему, — говорю я, потому как меня тянет к стеклянной стене — стоять и смотреть на далёкие огни судов и судёнышек, которые держат свой путь домой. Я вижу силуэты сёрферов, которые ждут свою волну, чтобы оседлать её. — Это в самом деле волшебное место.

Колтон застаёт меня врасплох, когда подходит вплотную, и я чувствую его руки, которые скользят по моей талии и притягивают меня, прижимая к его груди, а сам он утыкается носом в мою шею.

— Спасибо, — бормочет он, а я склоняю голову, подставляя шею под череду лёгких как пёрышко поцелуев, спускающихся к моему плечу и обратно. В ответ на его прикосновение моё тело содрогается и с губ срывается мягкий вздох. Его рука по диагонали спускается на мой живот, прижимая меня к нему, вжимая мои округлости в его твёрдые формы. Его рот снова оказывается рядом с моим ухом, целуя чувствительное местечко прямо под ним, у роста волос.

— Могу я сказать тебе, насколько я рад тому, что ты здесь? — шепчет он, и его дыхание щекочет моё ухо.

Я делаю вдох в ответ, откидывая голову ему на плечо:

— Спасибо за этот вечер, Колтон.

Он усмехается:

— Я надеюсь, ты не намекаешь, что всё закончилось, потому что я только начал, — его ладони движутся вверх и вниз по моим бокам, а кончики пальцев задевают внешнюю сторону груди. Как крошечные намёки на то, что будет впереди. Я прогибаюсь к Колтону от этих прикосновений, моё тело гудит от желания, а сердце упивается его нежностью. Я запрокидываю голову, а он склоняет свою, изгибая шею так, что даже в нашем неудобном положении его рот захватывает мой. Его язык проникает в него, раздвигая губы, облизывая их. Дразня. Охватывая. Переплетаясь с моим языком. Пробуя. Поклоняясь. Я разворачиваюсь к нему лицом, желая большего, чтобы утолить своё ненасытное влечение. Он прижимает меня к стеклянной стене, обрамляя руками мою голову, в то время как его тело вжимается в моё. Когда я кусаю его за нижнюю губу, пробегая затем по его небритой нижней челюсти языком, Колтон издаёт придушенный вздох. Я дотягиваюсь до его уха и тяну за мочку зубами.

— Нет, — дышу ему в ухо, — определённо, вечер только начинается, Ас.

— Райли, — стонет он мое имя, полный абсолютного одобрения.

От этой его непровольной реакции я ощущаю прилив сил. Хочу показать ему, какие чувства он во мне вызывает. Показать действиями, поскольку не способна выразить это словами.

Я погружаю язык в ямку между его ключицами, жёсткие волосы щекочут мои губы, запах Колтона обволакивает меня, и я провожу дорожку из поцелуев к другому его уху:

— Я хочу распробовать тебя, Колтон.

Слышу, как от моих слов он резко втягивает воздух, и его руки внезапно оказываются у моего лица, заключая его в колыбель ладоней. Колтон отстраняет моё лицо от себя, поглаживая большими пальцами мои губы, опухшие от его поцелуев. Его глаза всматриваются в мои, выискивая там что-то, ему одному известное, но те эмоции, что я вижу в его глазах — это всё, что мне нужно знать. Мы, казалось, целую вечность пристально смотрим друг на друга, затянутые в омут обоюдного желания. Наша молчаливая интерлюдия длится ещё некоторое время, пока Колтон не говорит со стоном: «Боже, да, Райли!», после чего обрушивает свой рот на мой. Его поцелуй похож на взрывной выплеск всего того, что я увидела в его глазах: жадность, страсть, пылающая потребность и неожиданная безотлагательность. У меня даже нет шанса предложить что-либо в ответ, потому что Колтон просто берёт то, что ему нужно, и я охотно подчиняюсь его невысказанным

приказам. Вручая в его руки свой разум, тело, сердце и душу.

После поцелуя я подаюсь назад, и похотливое выражение в моих глазах останавливает Колтона от того, чтобы притянуть меня обратно. Наши грудные клетки вздымаются в нетерпении. Я закусываю нижнюю губу, и мой рот растягивается в дьявольской усмешке. А мысли поворачивают на то, насколько я хочу спуститься языком по его телу, чувствуя дрожь в ответ на моё прикосновение.

Я тянусь к нему рукой, удивлённая этой распутной женщиной, которую Колтон из меня выпустил. Пассивная, застенчивая девушка Макса, для которой предложить секс при свете было верхом отваги и предприимчивости — пропала. Колтон заставил меня захотеть такое, чего я и помыслить не могла. Благодаря ему я почувствовала себя сексуальной. Желанной. Необходимой.

Я комкаю низ его футболки, задирая её, пока мои ладони не касаются его живота. Провожу ногтем поперёк пресса, чуть выше пояса джинсов, и ухмыляюсь от того, что его губы размыкаются, а глаза темнеют от абсолютной потребности только от одного моего прикосновения.

Я тяну его футболку вверх, пытаюсь снять.

— Позволь мне, — сипит Колтон, поднимая руки и хватаясь за ворот, и одним рывком, как человек, который не боится испортить причёску, стягивает с себя одежду.

— Прямо как я люблю, — бормочу я, оглядывая его скульптурные плечи и поджарый торс вместе с дорожкой волос посреди сексуальных V-образных мышц, скрывающейся за поясом штанов.

— Я весь твой, делай что хочешь, — выдыхает он с сексуальной ухмылочкой, намекая на всякие грязные штуки, которые он хочет, чтобы я с ним сделала. Вытягивает руки по швам, предлагая мне себя.

Я протягиваю руки, хватаюсь за его шею и притягиваю его лицо к своему. Прижимаюсь губами к его губам, атакуя его рот языком и пряча его каждый раз, когда Колтон пытается контролировать поцелуи.

— Я. Хочу. Тебя, — шепчу я.

Мои пальцы движутся вниз по его груди, едва задевая её, ногти мягко царапают кожу, отчего его тело дёргается в ответ. Рот следует тем же путём, но гораздо неторопливее. Колтон откидывает голову и издаёт тихий стон, полный чистого удовлетворения, когда приостанавливаясь, я облизываю плоские кружки его сосков. Колтон опускает мои руки вниз, скользит ладонями по моим плечам, начинает возиться с завязками платья на моей шее.

— Нет-нет-нет, — останавливаю я его, желая соблазнить его по собственному сценарию. Смотрю на него из-под ресниц, пока приоткрытыми губами осыпаю поцелуями его торс, спускаясь всё ниже. — Моя очередь, Колтон.

Делаю шаг назад, и, не прерывая зрительного контакта, поднимаю руки к шее, медленно развязывая тесёмки платья.

— Здесь немного жарковато, тебе не кажется, Ас? — заигрываю я, поглубже вдыхая для храбрости, и позволяю материалу неспешно соскользнуть с моего тела. Я вижу вспышку пламени в глазах Колтона, когда он видит, что оказалось под платьем. На мне роскошный комплект нижнего белья — лифчик без бретелек и трусики от Agent Provocateur — из тёмно-фиолетового кружева, мало что скрывающий и выгодно подчёркивающий мои формы, создающий для такой скромницы, как я, откровенно сексуальный образ.

— Господи Иисусе, женщина! Одного твоего вида достаточно, чтобы свести с ума самого здравомыслящего человека, — растягивая слова, произносит Колтон, пока блуждает взглядом вверх-вниз по моему телу. Он потирает пальцы, как будто его руки чешутся прикоснуться ко мне. Я делаю к нему шаг, моё тело гиперчувствительное оттого, что ощущает всё, между нами происходящее. Я тянусь и кладу ладони на грудь Колтону, его тело дрожит в ожидании.

Спускаюсь руками вниз и расстёгиваю две верхние пуговицы его джинсов, снимая часть напряжённости с явной выпуклости на его штанах. Мои ладони скользят под подкладкой его джинсов и «боксёров», хватая за твёрдые мышцы его великолепной задницы. Едва касаясь, веду пальцами обратно по его пояснице, пока мой язык прослеживает дорожку волос, спускающуюся вниз от его пупка. Не отрывая взгляда от его глаз, опускаюсь на колени и очень медленно расстёгиваю оставшиеся три пуговицы.

Он завороченно смотрит на меня из-под отяжелевших от желания век, разомкнув губы и с ощутимой жаждой. Я спускаю с него штаны и «боксёры», выпуская его напряженный член на свободу. Провожу пальцами по тёмной поверхности волос и обхватываю ладонью основание. Наклоняюсь вперёд и слышу, как Колтон втягивает в себя воздух, когда я обвожу языком вокруг колоколообразного наконечника, а затем трепетно провожу им к основанию и обратно к головке. Одна моя рука неторопливо движется вверх-вниз по всей его, увитой венами, длине, в то время как другая берёт в ладонь его яички, мягко царапая округлости ногтями.

Поднимаю глаза на Колтона и оказываюсь поглощённой его взглядом, наблюдающим за мной. Его челюсть сжимается в предвкушении, пока мои пальцы дразнят его, и когда я очень медленно беру его член в рот, Колтон вздрагивает от удовольствия, запрокидывая голову, и шипит: «Чёёёррт, Райлиии!»

Пока я нежно дразнюсь, поглощая только «шляпку», потирая языком чувствительную ложбинку ниже края головки, моя рука вращается вокруг его оси, так что я стимулирую его сразу и трением, и влажным теплом.

Вдоволь потормив Колтона, так, что я чувствую, как напряглись его бёдра от предвкушения развязки, я плотно смыкаю губы и зубы и поглощаю его член на всю длину, до тех пор, пока не ощущаю, как он ткнулся мне в заднюю стенку горла. Из губ Колтона вырывается и наполняет комнату гортанный стон, а мускусный вкус его возбуждения, как доказательство его вожделения ко мне, рождает изысканную боль, пронзающую всё моё нутро.

Я снова насаживаю голову на его ствол, горло сжимается, когда я достигаю максимальной глубины, а потом медленно вынимаю его, держа язык прижатым к его внешней стороне. Чувствую, как пальцы Колтона запутываются в моих волосах, когда внутри него растёт блаженная необходимость освобождения.

Он резко выдыхает слова, умоляюще произнося моё имя, требуя, чтобы я двигалась быстрее. Ещё быстрее. Я заглатываю его ещё глубже и захватываю ещё жёстче. Чувствую, как плоть у меня во рту набухает и ощущаю каплю его пикантного вкуса — признак того, что его оргазм близко.

— Райли, — скрежещет Колтон сквозь стиснутые зубы, — я так кончу, детка. Я хочу быть глубоко в тебе, когда это сделаю.

С этими словами его ладони охватывают мои плечи, останавливая меня. Его тяжелый член всё ещё остаётся у меня во рту, я смотрю на Колтона и вижу удовольствие, разлитое по

его лицу. Мужчина на грани потери контроля. Он вздрагивает, когда я втягиваю щёки и плотно насаживаюсь на него ещё один, последний, раз.

Я не успеваю и глазом моргнуть, как Колтон ставит меня на ноги и с неистовым желанием сминает мой рот своим. Ощущения закручиваются внутри спиралью, пока он прижимает мою спину к стеклянной «оконной» стене. Ожидание последующих событий усиливает напряжение у меня в промежности.

Иглы необузданного желания прошивают моё тело до самой сердцевины, когда его шершавые пальцы прокладывают себе путь под мои намокшие трусики. Он нежно раздвигает мои складочки, находя пульсирующий, жаждущий его внимания клитор. Во мне растёт головокружительное желание большего, пока его пальцы творят чудеса, стимулируя средоточие моих нервных окончаний. Его рот опустошает мой, наполняя меня его захватывающим вкусом и требуя ответов, которых вкрадчиво добиваются его пальцы.

— Я хочу тебя в себе, Колтон! — выпаливаю я, разрывая наш поцелуй. Эти слова служат ему сигналом к действию, и Колтон подхватывает меня, оборачивая мои ноги вокруг своих бёдер. Тонкие тесёмочки, соединяющие кружевные треугольнички моих трусиков, лопаются, потому что Колтон срывает их с меня.

Я больше не контролирую ситуацию. Это понимание посылает сквозь меня неожиданно острые ощущения, но мысль недолгая, потому как Колтон поднимает меня за бока, прижимая плечами к стене, и одновременно погружается в меня до упора. От ментального чувства наполненности я издаю нечленораздельный выкрик, и Колтон замирает, позволяя мне привыкнуть к нему.

— Боже, Райли, — судорожно выдыхает он, утыкаясь лицом в мою шею. От нежности его рта, вырисовывающего узоры на моей коже, я вцепляюсь пальцами в его сильные плечи и медленно обхватываю его ногами.

— О, сладкая, — задыхается он, качая бёдрами, выходя из меня и снова погружаясь в мою трепетную мягкость. Его тело скользит против моего, руки зажаты между стеклом и моими бёдрами, прижимая меня к нему и помогая протолкнуться как можно глубже. Я прерывисто дышу сквозь полуоткрытые губы, моё тело расслабляется и нагревается одновременно.

— Колтон! — хнычу я, принимая его ненасытный темп, который толкает меня к пропасти. Заполняя до предела, когда я не смогу сдержаться. Соединяя нас всеми мыслимыми способами. В ушах стучит кровь, ощущения фейерверками пронзают тело, когда мы находим единый ритм.

— Держись, Рай! Ещё не время! — приказывает Колтон, ускоряя темп и приближая меня к грани. Из наших лёгких вырываются короткие резкие вдохи, руки сжимают покрытую потом плоть, а рты жадно набрасываются на те части тела друг друга, до которых могут дотянуться.

Я чувствую, как моё тело оживает в предвкушении, в то время как Колтон ужесточает трение внутри меня.

— Колтон! — предупреждаю я, моя плоть сжимается вокруг него.

— Да, детка, да, — выкрикивает он, и я не могу больше сдерживаться ни секунды. Мои бёдра сводит спазмом, я падаю через край, теряясь в забвении от взрыва внутри меня. Интенсивное сокращение моих мышц доводит Колтона до освобождения, и он следует за мной. С его губ слетает рождённая удовольствием мольба, а сам он утыкается в изгиб моего плеча, пока его тело содрогается от разрядки.

Мы остаёмся некоторое время в таком положении, слитые в единое целое и замкнутые друг на друге в этот момент, а потом медленно сползаем на пол. Сидим, сплетясь, моё лицо прижато носом к его горлу, а его руки обвивают меня.

И в этот момент я целиком и полностью его. Поглощённая им. Потерянная в нём и этом моменте настолько, что меня пугает сила моих чувств.

Мы продолжаем всё так же сидеть, запутанные друг в друге, зачарованные, молчаливые. Лишь ленивое поглаживание пальцами охлаждающейся кожи и отзвук наших сердец, стучащих в унисон — вся коммуникация, которая нам сейчас нужна. К тому моменту, когда наше затруднённое дыхание успокаивается, наступает ночь, вокруг опускается темнота, оставляя нас залитыми лунным светом.

Я боюсь говорить. Боюсь испортить глубину момента между нами, помня о двух других эпизодах, когда мы были близки, а потом всё закончилось менее позитивно.

— Ты в порядке, Ас? — спрашиваю я, наконец, моя нога затекла и мне нужно подвигаться. Колтон невнятно что-то произносит, и я смеюсь над ним, довольная, что довела его до такого состояния. Я пытаюсь отстраниться от него и опереться спиной о стекло позади меня, но он просто перемещается вместе со мной так, что теперь его лицо покоится в сгибе моей шеи. Колтон издаёт вздох, полный удовлетворения, пронзая меня этим в самое сердце.

Мне на глаза попадают мои разорванные трусики, валяющиеся на полу, и я хихикаю.

— Что это на тебя нашло, что ты порвал мои трусики, а? Я бы с удовольствием сняла их для тебя сама, — я маняще провожу по его спине ногтями.

— Это слишком долго, — фыркает он в ответ, при движении щекоча небритой челюстью мою ещё очень чувствительную кожу.

— Это был мой любимый комплект. Теперь у меня нет пары к этому лифчику, — я в притворной обиде надуваю губки.

Колтон отстраняется от меня с порочной улыбкой на губах и смехом в глазах.

— Скажи мне, где они продаются, и я куплю тебе сто таких комплектов, если ты будешь каждый вечер демонстрировать себя в них, как это сделала сегодня, — Колтон склоняется ко мне, оставляя на моих губах томный поцелуй. — А ещё лучше, — произносит он, отстраняясь и проводя пальцем вдоль линии кружев моего бюстгалтера, — если это такой чудесный лифчик, тебе стоит носить только его и ничего другого под одеждой. Это так сексуально, — бормочет он. — Никто и не будет знать.

— Ты будешь знать, — возражаю я, выгибая бровь.

— Да, я буду, — он дьявольски усмехается. — И это будет тяжело — знать и целый грёбаный день думать об этом.

Я смеюсь. Глубоким открывающим душу смехом, потому что меня переполняют эмоции, от которых я буквально захлёбываюсь.

— Мы собираемся встать с пола? — спрашивает он меня, сдвигаясь и распрямляясь. Затем поднимается, протягивая мне руку и помогая встать на ноги. — Ванная вон там, — указывает он на проход слева от кровати, — если захочешь привести себя в порядок.

— Спасибо, — бормочу я, внезапно осознавая свою наготу и стесняясь, несмотря на то, что только что произошло между нами. Я поднимаю с пола платье, прикрываясь им спереди, и ищу то, что осталось от трусиков.

— Какого...? — вопрошаю я, когда не нахожу их. Поднимаю взгляд и вижу, как Колтон смотрит на меня, натягивая джинсы на голое тело, а остатки моего нижнего белья торчат из

его переднего кармана. Он останавливается, когда встречается со мной взглядом.

Оставляя ширинку не застёгнутой, Колтон идёт ко мне, протягивая руку и забирая у меня платье. Я пытаюсь удержать его, но поздно понимаю его намерения.

— Ради Бога, Райли, нет повода стесняться. После того, как только что стояла передо мной в таком виде? — Он качает головой. — Ты чертовски горяча, и уверенность в себе — даже сексуальнее, сладкая — он чувствует беспокойство, которое у меня ещё осталось, наклоняется, оставляя поцелуй на моих губах. — И не то чтобы я не видел тебя обнажённой раньше, — ухмыляется он, держа платье подальше от меня.

Я пристально смотрю на него, голая, за исключением лифчика, стараясь не ёрзать. Его комплимент омывает меня, слегка ослабляя мою неуверенность. Я обычная простушка, а передо мной Колтон чёртов Донован. И он говорит мне, что я сексуальная. Что ему нравятся мои изгибы. У меня возникает желание ущипнуть себя. Но вместо этого я загоняю свою неуверенность подальше и говорю себе, что я могу это сделать. Медленная улыбка приподнимает уголок моего рта, когда я смотрю на платье в руке Колтона, прежде чем весьма осознанно пройти мимо, не делая попытки забрать свою одежду, а уверенно иду в ванную.

Я чувствую его улыбку, хотя не вижу его лица, когда поворачиваю за угол и вхожу в огромную ванную комнату, облицованную гранитом и обработанным камнем. Выдыхаю, позволяя себе больше не задерживать дыхание, и горжусь собой и своей храбростью. Бросаю взгляд на своё отражение в зеркале и приятно удивляюсь своей сумке, лежащей на тумбе. Должно быть, её принесла Грейс.

— Ты можешь воспользоваться одной из моих футболок из стопки в шкафу, — кричит мне Колтон из спальни.

— А... Ладно, спасибо.

— Я пойду принесу нам выпить. Выпущу погулять Бакстера. Я скоро вернусь. Плещись в своё удовольствие.

— Да-да, — отвечаю я, пока брожу по нелепо огромному пространству.

Я иду к открытому дверному проёму, чтобы обнаружить за ним гардеробную, в которой одна сушилка для белья заставила бы Хэдди плакать. Внимательно оглядываю внушительное количество футболок и останавливаюсь на серой. Прижимаю ткань к носу и чувствую запах моющего средства, который составляет, по крайней мере, одну часть аромата Колтона, который я так люблю.

Я принимаю душ, освежаю макияж, надеваю трусики-шортики, которые взяла с собой — да, даже я предполагала такой исход — и влезая в футболку Колтона.

24 глава

Колтона всё ещё нет в спальне, и пока он отсутствует, я прогуливаюсь по коридору и через открытую дверь выхожу на террасу второго этажа. Подхожу к перилам, от которых открывается прекрасный вид на нижний дворик и океан, прислоняюсь к ним и наслаждаюсь ночным ветром, шепчущим у моего лица, наблюдая за лунным светом на танцующих волнах. Я так поражена цепью событий, которые привели меня туда, где я сейчас, что даже не в состоянии начать их анализировать. Вроде бы минуту назад я была одинока, испытывала страх и чувствовала себя слишком виноватой, чтобы начать жить снова, а спустя всего

несколько недель я здесь, со сложным, прекрасным и невероятно живым мужчиной. Я ушла от пустоты, боли и серости к счастью и наполненности и чувствую себя так, будто пережила немного неземной опыт.

— В тот момент, когда я думал, что ты не можешь выглядеть ещё сексуальнее, я вижу, что ты надела одну из моих любимых футболок, — его голос пугает меня, вырвав из моих мыслей, и я поворачиваюсь, обнаруживая его позади себя с бокалом вина для меня.

— Спасибо, — бормочу я, делая глоток, и тянусь рукой, чтобы потрепать голову Бакстера, который снова пытается протиснуться между нами. Колтон опирается бедром о перила, поворачиваясь ко мне лицом, в то время как я смотрю на воду.

— Мне нравится видеть тебя здесь, — признается он, его голос мягкий и задумчивый, когда он склоняет голову и смотрит на меня. — Мне нравится видеть тебя в этом окружении, в моей футболке, с моей собакой... больше, чем бы я мог себе когда-либо вообразить, — я перевожу свой пристальный взгляд от воды, встречаясь со взглядом Колтона и пытаюсь прочесть эмоции, которые скрыты в глубине его глаз. — Со мной такое в первый раз, Райли, — его признание — это мягкий шёпот, который я еле могу разобрать за шумом прибора.

Я всё ещё в ступоре оттого, что на самом деле услышала это — тихое признание, которое красноречивее всяких других слов. Святое дерьмо! Это означает, что Колтон подразумевает возможность развития наших отношений? Независимо от того, кто мы — мы больше, чем его дурацкие договорённости? Я ощущаю его беспокойство, уязвимость, которую вызвали его слова, и поэтому пытаюсь добавить в наш разговор немного юмора, чтобы ослабить напряжение.

— Что? Ты не тянешь каждую из своих девок в своё отвратительное логово?

Он тянет ко мне руку с молчаливой улыбкой на губах, которая отражается в его глазах, обхватывает ладонью шею, большим пальцем проводя по скуле.

— Только одну, — отвечает он.

Я улыбаюсь Колтону, восхищаясь этой его нежной стороной так же сильно, как люблю его упрямство и дерзость. Он подносит к губам банку с пивом, делает глоток.

— Я принёс десерт, — кивает он.

— В самом деле? А я думала, он у нас уже был.

От моих слов по его лицу расплзается улыбка, глаза расширяются, и с губ слетает беззаботный смех.

— Идём, — он тянет меня за руку, принуждая опуститься на один из шезлонгов. После идёт к скрытой в стене панели, и через пару секунд пространство заполняет тихий голос Не-Уо, льющийся из динамиков. Я слышу удовлетворённый вздох Бакстера, когда он плюхается всем своим большим телом в дверном проёме в коридоре.

— Итак, — Колтон мгновенно оказывается по другую сторону столика, — у меня для тебя два варианта: мятное шоколадное мороженое со стружкой или шоколадные поцелуи (прим. ред. отсыл к конфетам).

— Ты запомнил! — ахаю я, поражённая тем, что такая мелочь, как помнить мои признания о вкусовых пристрастиях в ответ на его вопросы в парке развлечений, будет так много для меня значить.

— Рад стараться, сладкая, — ухмыляется он, положив руку мне на спину и вынуждая сесть, а сам усаживается позади меня. Я откидываюсь на его обнажённую грудь, устраиваясь поудобнее, и тянусь к подносу, чтобы утащить Hershey's kiss. Разворачиваю конфету и кладу

в рот, откидываясь головой на плечо Колтона и постанывая от божественного вкуса шоколада.

— Если это всё, что нужно для получения ТАКОГО звука, я куплю тебе грузовик этих конфет, — он дышит мне в ухо, пока двигается позади меня, подстраиваясь.

— Хочешь попробовать? — я дразню его, приближая другую конфету к его губам, а затем отвожу руку и кладу конфету себе в рот, снова постанывая, но теперь уже целенаправленно. Он смеётся, и я даю ему Hershey's kiss по-настоящему. — К такому можно привыкнуть, — бормочу я, с удовольствием ощущая его тепло позади себя.

Мы некоторое время сидим так, болтая обо всём на свете: о семье, путешествиях, разных событиях и работе. Я избегаю одной темы, которая очень меня интересует, но я знаю — его прошлое под запретом. Он забавный, остроумный и внимательный, и я чувствую, что падаю всё глубже и всё более запутываюсь в его дразнящих сетях.

— Удивительный, обаятельный и волнующий, — произносит Колтон, нарушая воцарившуюся между нами тишину. Я не могу не захохотать от ещё одной его попытки выяснить значение прозвища Ас.

— Не-а, — всё так же отвечаю я, растягиваясь в тепле и комфорте на его груди. Чувствую за спиной его мягкий смешок.

— Ты никогда не откроешь мне эту тайну, да? — спрашивает он, убирая рукой волосы с моей шеи и обнажая кожу, чтобы оставлять на ней затейливые дорожки из поцелуев.

— Не-а, — повторяю я, борясь с дрожью, которая пробивает меня, лишь только он утыкается носом мне в ухо.

— А если перевести как «захватывающее сексуальное переживание»? (прим. перев. ACE — addictive sock experience) — бормочет Колтон, его дыхание щекочет мою кожу, очерчивая вибрацией голоса траекторию, которую он выводит. Смех, который пузырился в моём горле, сменяется вздохом, когда Колтон кусает меня за мочку уха, а потом спускается чуть ниже и посасывает чувствительное местечко чуть ниже.

— Ммм, это может сработать, — удаётся произнести мне, когда он оборачивает руки вокруг моей груди, а я начинаю водить пальцами вверх и вниз по его предплечьям, куда достаю. Потом ещё больше отворачиваю в сторону голову, предоставляя доступ к моим чувствительным местам, и тут мои ногти натываются на зазубренную линию шрама на его правом предплечье.

— Какой отвратительный шрам, — бормочу я. — В какое супермужское дело ты влез, чтобы заработать такое? — меня передёргивает при мысли о том, как это должно быть больно.

На мгновение он замолкает, целуя меня в висок и прижимаясь к нему щекой, так, что я чувствую, как он сглатывает.

— Ничего особенного, — произносит он, снова затихая. — Ты катаешься на доске, Райли? — спрашивает он, и я не могу не заметить этого «тонкого» перевода на другую тему.

— Не-а. А ты, Ас? — Я делаю глоток вина, пока он утвердительно мычит в ответ.

— И никогда не пробовала? — его голос хрипит прямо мне в ухо.

— Угу.

— Могу как-нибудь научить, — предлагает он.

— Не самая лучшая идея для такого человека, как я, потому что я очень боюсь акул.

— Ты шутишь, да? — И когда я не отвечаю, продолжает: — Да ладно, это будет весело. И нет никаких акул там, где ты будешь бултыхаться.

— Скажи это тем, кого уже пожевали, — протестую я, и, несмотря на то, что Колтон позади меня, в смущении закрываю лицо руками, когда произношу свои следующие слова. — Когда я была маленькой, я так боялась акул, что никогда не плавала даже в нашем бассейне, потому что думала, что они приплывут через дренажную трубу и съедят меня.

Колтон смеётся, и его глубокий грудной смех отдаётся мне в спину.

— Ох, Райли, тебе разве никто не говорил, что на суше есть вещи гораздо опаснее?

Да. Ты.

Пока я пытаюсь придумать остроумный ответ, ухом улавливаю мелодию, которая сейчас доносится из динамиков, и рефлексивно бормочу:

— Замечательная песня.

Колтон замирает, прислушиваясь, и я ощущаю, как он склоняет голову к моему уху, определяя исполнителя:

— Pink, да?

— Ага, Glitter in the Air, — отвлечённо отвечаю я, пока вслушиваюсь в одну из наших самых любимых с Хэдди песен.

Колтон затихает позади меня, проходит ладонями по моим рукам и начинает массировать мои плечи. У него очень сильные руки, так что требуется только добавить правильно дозированное надавливание.

— Божественно... — выдыхаю я, потому как моё расслабленное тело растекается как желе под его умелыми пальцами.

— Прекрасно, — шепчет он. — Просто расслабься.

Я закрываю глаза и вверяю себя ему, негромко подпевая музыке. Колтон водит пальцами по моему позвоночнику, спускаясь всё ниже, затем потирает поясницу, поднимается к голове, откинувшись в сторону в возвышенном порыве.

— Сейчас будет самое лучшее место в песне, — говорю я и понимаю, что произнесла вслух слова, которыми обычно дразню Хэдди, когда она провозглашает их в этом пиковом моменте песни. Лирическая составляющая нарастает, я подпеваю, слова омывают меня, как и всегда, вызывая мурашки на коже. — «Там, сидя в саду, сжимая свой кофе, называл меня сахаром. Ты называл меня сладкой».

— Я не понял, — говорит Колтон. — Почему это самое лучшее место?

— Потому что в этот момент она понимает, что он её любит, — задумчиво произношу я с ласковой улыбкой на лице.

— С чего, Райли, ты так безнадёжно романтична, а? — поддразнивает меня Колтон.

— Ой, закрой свой рот, — я поворачиваюсь, чтобы шлёпнуть его, стыдясь своей откровенности. Колтон перехватывает моё запястье, не давая моей руке опуститься, и затем тянет меня к себе. Его губы по наклонной приближаются к моим, и он томно пробегается по ним, чтобы потом облизать. У его губ вкус шоколада, пива и всего, что зовется Колтоном. Одной рукой он прижимает к себе мою голову, покачивая, а другая его рука отвлечённо движется по моим обнажённым бёдрам. Его пальцы легонько гладят меня везде, ненавязчиво и не уделяя особого внимания какому-либо одному месту. Я могла бы сидеть так вечно, купаясь в неожиданном благоговении, которое сквозит в его действиях в ответ на мою открытость.

Колтон легко целует меня в кончик носа, после чего упирается лбом в мой лоб, одна рука всё ещё держит мой затылок, пальцами запутавшись в волосах, мои губы овевают его дыхание:

— Райли?

— Ммм, Ас?

Он сжимает руку с моими волосами.

— Останься со мной на ночь, — тихо выдыхает он.

Я замираю, задержав дыхание. О. боже. За его просьбой я чувствую эмоции, и этим она отличается от таких же слов, которые он говорил мне в предыдущую встречу. Сейчас он произнёс их не потому, что так принято, или он обязан их сказать, а потому что хочет этого сам. Значит ли это, что он догадывается о том, какие чувства меня пронизывают? Моё молчание вводит Колтона в заблуждение, противореча моим истинным чувствам, и он принимает его за неуверенность.

— Я никогда и никому не предлагал и не хотел этого прежде, — его приглушённый голос дотягивается до самого моего сердца, подтверждая мои предположения. Он обнимает меня, притягивая к себе на колени, прижимает к себе, откидываясь на шезлонг и играя моими волосами. Я ещё какое-то время молчу, чтобы справиться с эмоциями в голосе, а потом говорю:

— Хмм, не думаю, что я в состоянии куда-либо ехать, даже если и попробую, — мурлычу я.

— Ты останешься? — Меня удивляет нетерпение в его голосе.

— Да.

— В таком случае, — размышляет он, — я бы мог воспользоваться тобой снова.

— Снова? — смеюсь я. В качестве ответа он хватает меня за бёдра, приподнимает и затаскивает верхом на себя и свою весьма очевидную готовность. Он располагает меня так, что наши тела идеально совпадают друг с другом, каждое движение проходит по моим тонким трусикам и ударяет в самое чувствительное место. Колтон садится и яростно целует меня, глубоко погружая язык в мой полураскрытый рот и собственнически прижимая к себе руками. Во мне поднимается головокружительное желание получить от него как можно больше.

— Я. Хочу. Тебя. Так. Сильно. Райли, — он тяжело дышит, поцелуями спускаясь по моей шее. Я обхватываю ладонями его лицо, проводя пальцами по намечающейся щетине, и держу его голову так, чтобы смотреть в его глаза. — Ты сделала меня зависимым от тебя.

— Я знаю, — шепчу я, говоря ему глазами, что я понимаю глубину его желания. И чувствую то же самое. Его челюсти на мгновение напрягаются, после чего он обрушивает свой рот на мой, и связь между нами равносильна необходимости дышать.

— Подвигайся на мне, — выдыхает он. Такая простая команда, но то, как он произносит эти слова — как будто рассвет не наступит, если я этого не сделаю — заставляет меня немного отстраниться. Я пристально смотрю в его глаза, такие гипнотизирующие, полные желания, и излучающие такое напряжение, что я бы не отказала ему, даже если бы и могла.

И я начинаю двигаться, подчиняясь ему. Снова.

25 глава

Прохладный воздух, покалывающий мою кожу, разительно отличается от жара прижатого ко мне тела. Вызванный сном туман в моей голове медленно рассеивается, пока, моргая, я открываю глаза, внимательно осматриваясь и косясь на утренний свет солнца,

проникающий в комнату сквозь открытые окна. Осознание того, где я и с кем, наступает тогда, когда я слышу шум прибоя, перемежающийся с криками чаек. Я начинаю шевелиться в этой греховно удобной постели, чтобы размять мышцы, а они болят, что странно, пока я не понимаю почему. Секс, секс и ещё больше секса. На моих губах расцветает самодовольная улыбка при мысли, что моя разбитость — от переизбытка секса. И я не жалею.

Другим препятствием для моих телодвижений является источник интенсивного тепла, согревающий меня, несмотря на холодный утренний бриз с моря. Я лежу на спине, и Колтон обернут вокруг меня как виноградная лоза. Он лежит на боку, одна нога согнута и перекинута через обе мои, а рука собственнически расположилась по диагонали на моей голой груди, ладонью держа одну из них. Поворачиваюсь и вижу его голову, которая наполовину на его подушке, а наполовину на моей.

Я изучаю его лицо: черты, веер густых тёмных ресниц на контрастно золотистой коже, изгиб, придающий характерности спинке носа. Я тянусь и осторожно, чтобы не потревожить Колтона, убираю с его лба непослушный локон волос. Во сне его тёмная и опасная аура смягчена растрёпанными волосами, отсутствуют агрессивная мощь, которую он использует как защиту, и напряжение челюсти. Мне нравится наблюдать этот редкий момент его незащищённости и расслабленности, и как полуоткрыты в безмятежном сне его манящие губы.

Во время разглядывания я уношусь мыслями в прошедшую ночь. Я вспоминаю его абсолютное и неуклонное внимание ко мне и к каждой моей потребности. Думаю о новых ощущениях, с которыми он меня познакомил, и об удовольствии, которое он вызвал во мне. Мои мысли обращаются к кожаным ремням и кубикам льда, вставленным, чтобы растаять, туда, где мы соединялись в одно целое, ведя по тонкой грани наслаждения, обрамлённого болью. Вспоминаю, как он показал мне неспешность и мягкость, прежде чем жёстко и быстро довести до края и обрушить в забвенье. Как при свете Луны, в этой бескрайней кровати, он навис надо мной, глядя напряжённым взглядом, и умоляющим голосом просил подчиниться ему. Спрашивал, доверяю ли я ему познать, с чем моё тело может справиться, и каков предел, до которого можно пойти. В тот момент я была настолько пленена им, что вручила себя ему без вопросов и раздумий. Согласилась, зная, что он уже довлел над моим умом, сердцем и телом.

Потом, уже готовясь заснуть, когда его тело прижалось к моей спине, а рот мягко прижался к волосам, я стала сомневаться в своём решении. И последними мыслями, перед тем как окончательно провалиться в сон, были: интересно, во что, чёрт возьми, я втянула себя, последовав его, казалось бы, невинной просьбе, потому что то, что делается под одеялом при лунном свете, с рассветом кажется совсем другим.

Колтон шевелится рядом со мной, переворачиваясь так, что теперь ко мне обращена его спина, и тянет одеяло на себя, стягивая его с меня. Теперь я дрожу от холода, потому что моя человеческая «грелка» меня отпустила, зато появилась возможность растянуть затёкшие конечности. Я морщусь, сгибая и распрямляя ноги. Меня точно не берегли как стекло прошлой ночью, и если бессознательное забвение, в которое я выпала после — это признак, то, думаю, моему телу тоже это понравилось.

Я начинаю мёрзнуть. Смотрю на скульптурно вылепленные линии спины Колтона, прижимаюсь к нему, обвивая собою так, чтобы максимально насладиться ощущением своей кожи рядом с его. Мой подбородок покоится на его плече, а груди прижаты к спине, в то время как руками я обвиваю его, наслаждаясь его мужественностью. Я рассеянно провожу

пальцами по его груди и снова погружаюсь в сон.

Я ещё нахожусь в пограничном состоянии дремоты, когда разом случается несколько вещей одновременно и все как будто в замедленной съёмке. Колтон издаёт самый дикий, выворачивающий нутро, крик, какой я когда-либо слышала. Я бы так и осталась в замороженном от шока состоянии, если бы он яростно не дёрнулся, отталкивая меня и ударив локтем в плечо.

— Нет! — из его горла вырывается задушенный вопль.

Он спрыгивает с кровати и оборачивается, расставив ноги, колени полусогнуты, руки тоже, кулаки выставлены перед собой. Его лицо — это маска ужаса: дикий затравленный взгляд, часто моргающие глаза, сжатые зубы и вздувшиеся желваки на шее. Он тяжело и поверхностно дышит, его тело напряжено и трясётся, пока к нему приходит осознание, а на лбу бисером выступил пот.

Я рефлекторно держусь за ноющее плечо. Шок от произошедшего затопляет меня, адреналин несётся по венам, и тело дрожит от его действия. Если бы я прежде не наблюдала подобную реакцию на кошмар у своих воспитанников, думаю, я была бы более поражена и выбита из колеи, чем сейчас. Если бы у Колтона не было этого панического ужаса в глазах, отражённого в лице, я бы посмеялась над ним голым, глядя на его готовность напасть. Но это не шутка. Я понимаю, что он увидел сон, разворошивший прошлое, которое безмолвно преследует его и травмирует каждый божий день.

Я шевелю плечом, оно ещё болит.

— Колтон, — зову его ровным голосом, не желая напугать.

При звуке моего голоса его глаза медленно фокусируются на комнату перед ним, и его тело постепенно расслабляется. Он поворачивает голову и смотрит на меня; в его глазах избыток чувств: смущение, стыд, облегчение, страх и опасение.

— О, бл*дь! — он вздрагивает, вздыхая, и трёт руками лицо, стирая выражение ужаса с лица. Единственные звуки, которые сейчас есть в комнате — его бурное дыхание, звук потираемой щетины и шелест океана за окном.

— Бл****... — повторяет он снова, когда его взгляд фокусируется на моей руке, потирающей ноющее плечо. Я вижу, как он начинает сжимать и разжимать кулаки, когда понимает, что как-то причастен к этому. Я всё ещё не шевелюсь, и Колтон опускает глаза, а его плечи сутулятся. — Райли... я... — он резко отворачивается, хватаясь за затылок и дёргая руку вниз. — Дай мне одну грёбаную минуту... — бормочет он, срываясь в ванную.

Я притягиваю одеяло к груди, наблюдая за тем, как он уходит, и хочу дотянуться до него и рассказать ему, что на самом деле ничего страшного не произошло, во что он может не поверить. Я сижу в нерешительности, не зная, как поступить, когда слышу безошибочный звук, говорящий о том, что Колтона тошнит. В моё нутро как будто вонзается нож, и я сижу, крепко зажмурившись и отчаянно желая его утешить.

Затем начинается шуметь сливной бачок унитаза, сопровождаемый ругательствами, затем включается кран и слышится, как Колтон чистит зубы. Я поднимаюсь с постели, поправляя на себе его футболку, и слышу, как он снова вздыхает, сыпля своими излюбленными утренними проклятиями. Я захожу в туалет, чтобы убедиться, что с Колтоном всё хорошо. Понимаю, что он замечает моё присутствие, поскольку, вытирая лицо, останавливается на полдороге. Мгновение мы стоим, замерев, а после его глаза фокусируются на бегущей из крана воде. Его тоска ощутима и душит воздух между нами. Колтон вытирает полотенцем лицо и поворачивается ко мне.

Когда он отнимает полотенце от лица, на меня смотрят совсем другие глаза. Не те, которые я любила. Мертвые. Холодные. Лишённые эмоций. На челюсти пульсирует жилка, мышцы шеи напряжены и движутся, когда он сглатывает.

— Колтон... — его ярко-зелёные глаза застывают, пристально вперившихся в мои глаза, заставляет замереть на моих губах множеству заготовленных слов.

— Не надо, Райли, — предупреждает он меня. — Ты должна уйти, — командует он ровным голосом. Столь же безжизненным, что и его глаза.

Моё сердце сжимается в груди. Что с ним случилось? Какое воспоминание низвело этого яркого и страстного мужчину до состояния пустоты?

— Колтон, — умоляюще произношу я.

— Уходи, Райли. Я не хочу тебя здесь видеть.

Моя нижняя губа дрожит от слов, в озвучивание которых я не могу поверить, после всего, что мы вместе испытали. Я видела чувства в его глазах прошлой ночью. Ощущала, как он ко мне относится, от каждого его действия. Но теперь... всё, что я могу — смотреть на него и не узнавать стоящего передо мной мужчину.

Боль и страх, которые он испытывал перед тем, как проснуться, были настолько очевидны, что всё, чего я хотела — это утешить его. Теперь же я не совсем уверена, как поступить. Делаю шаг ему навстречу и слышу, как он скрипит зубами. Я постоянно имею дело с травмированными детьми, но сейчас мне не по себе. Я смотрю вниз, на свои руки, и шепчу прерывающимся голосом:

— Я просто хочу помочь...

— Убирайся! — ревет он, заставляя меня вскинуть голову, как раз чтобы увидеть вспыхнувшие живым несдерживаемым гневом прежде мёртвые глаза Колтона. — Убирайся на хер, Райли! Я не хочу, чтобы ты была здесь! Я не нуждаюсь в тебе!

Я стою, окаменевшая от его немотивированной агрессии, останавливающей меня.

— Ты не думаешь так на самом деле, — заикаясь, выдавливаю я из себя.

— Чёрта лысого я так не думаю! — кричит он, и звук отражается раскатистым эхом от облицованных стен ванной. Мы стоим, вперившись глазами друг в друга, пока я перевариваю обиду, которую он только что мне нанёс. В глубине души я знаю, что этому есть причина — его выступлению, — но в голове такой хаос пополам с болью и шок от его яда, что я не могу мыслить сколько-нибудь рационально. Колтон угрожающе наступает на меня, а я просто плясую на него, качая головой. Он с проклятием швыряет полотенце, в тишине ванной раздаётся грохот бутылёчков, рикошетом сбитых на пол. Его глаза снова возвращаются к моим, челюсти сжимаются и разжимаются. Когда он снова подаёт голос, его голос звучит крайне жестоко:

— Я трахал тебя, Райли, и теперь выгоняю из своей жизни. Я предупреждал тебя, что это всё, на что я гожусь, сладкая...

Его лоб на мгновение морщится, вторя слезам, которые горят в моём горле, норovia пролиться. Боль от его слов выворачивает нутро и разбивает моё сердце. Голова говорит мне, что нужно уже двигаться, чтобы уйти, но тело не слушается. И когда я продолжаю стоять столбом, ошарашенная и шокированная, не в силах двинуться с места, он хватает мою сумку с тумбы, делает шаг ко мне, впихивая её мне в руки, и выталкивает из ванной через дверь, в которую я недавно вошла.

— Вон! — скрежещет он зубами, вдобавок рыча на меня. Его голая грудь бурно вздымается. На виске бьётся жилка. Кулаки сжаты.

— Ты мне наскучила. Разве ты не видишь этого? Ты выполнила свою миссию. Мимолётное развлечение при удобном случае. Я это сделал. А теперь убирайся!

Ослеплённая слезами, я шарюсь в своей сумке, пока несусь, не глядя, вниз по лестнице. И, пока спускаюсь, чувствую спиной тяжесть его пристального взгляда. Я мчусь через дом, сердце стучит где-то в горле, а в голове полный бардак. В груди так больно, что отголоски боли отдаются во всём теле, пока я борюсь за каждый вдох. Мысли ускользают от меня. Обида поглощает целиком. Сожаление наполняет каждую клеточку, потому что я думала, что между мной и Колтоном было нечто большее.

Я выбегаю наружу через главный выход, прямо под лучи утреннего солнца, но на сердце у меня тьма. Пошатнувшись, роняю сумку и падаю на колени, чтобы её поднять. И так сижу, глядя на прекрасное утро, но, не замечая его.

Позволяя слезам хлынуть наружу.

Разрешая унижению поглотить меня.

Чувствуя, как сердце расколосось надвое.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Wii — игровая приставка 7-го поколения.

[2] Гамельнский крысолов — персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

[3] Matchbox Twenty — американская рок-группа из Орландо, Флорида.

[4] «Том Коллинз» — классический коктейль из джина, сока лимона, сахара и содовой воды.

[5] Трент Резнор — американский музыкант-мультиинструменталист и продюсер. Является бессменным руководителем и единственным официальным участником индастриал-группы Nine Inch Nails, созданной им же в 1988 году.

[6] Associated Press — одно из крупнейших международных информационно-новостных агентств